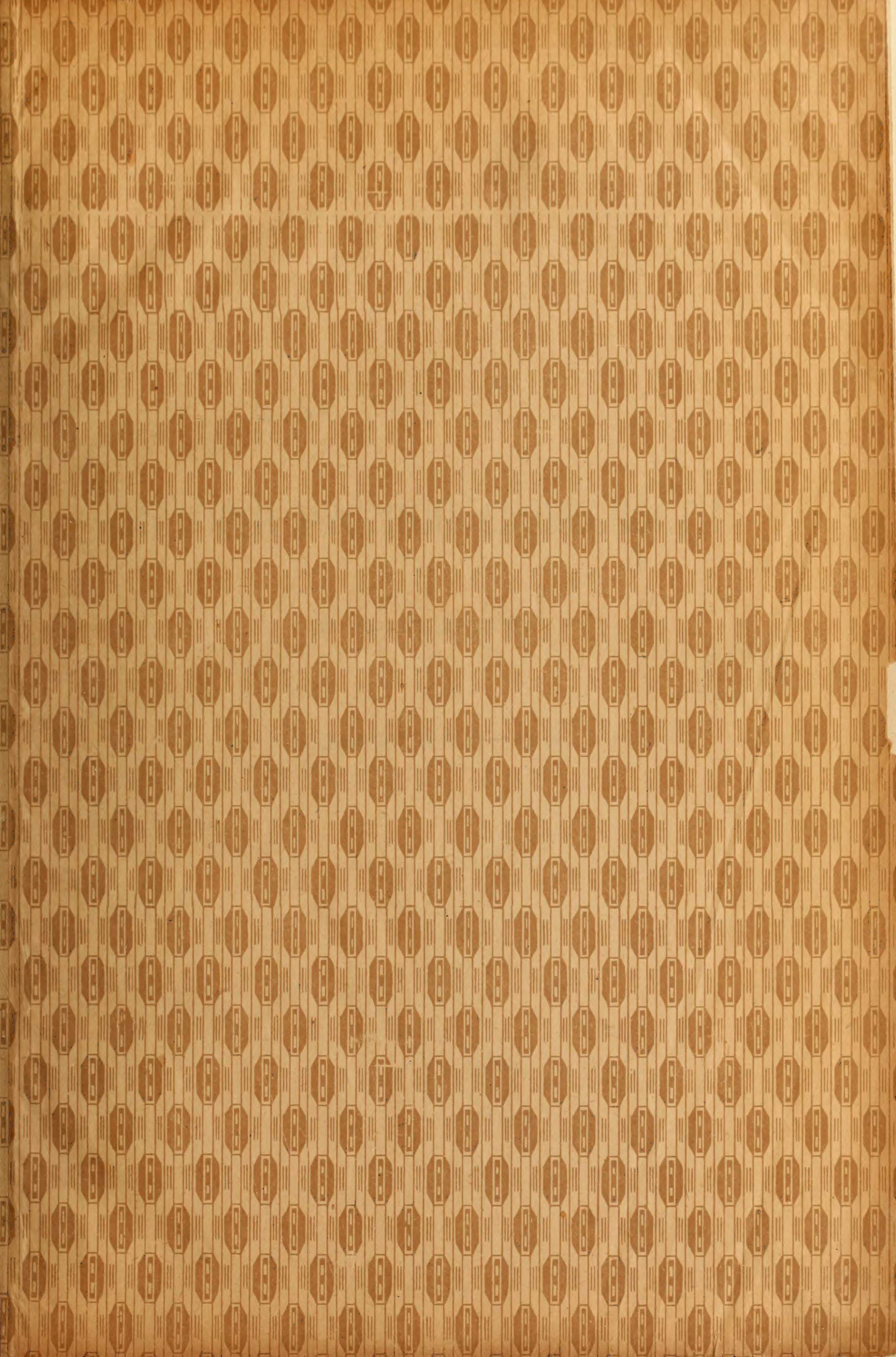

П. ПОЛЕВОЙ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

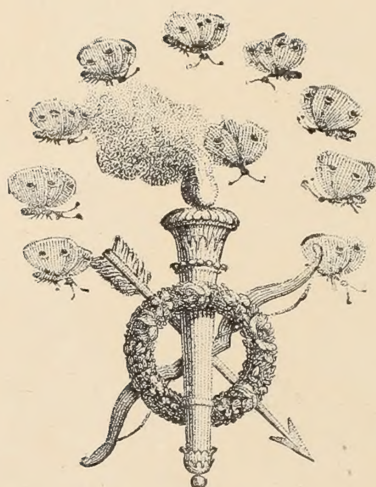

№3

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

Томъ второй.

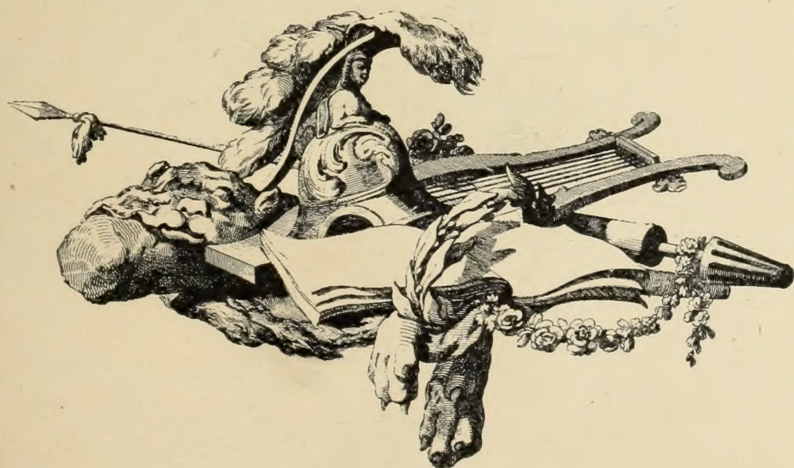
Дозволено цензурою. СПБ. 26 апрѣля 1900 г.

Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Подьяч., № 1.

Вѣкъ Екатерины,

П. Н. Полевой.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1900.

ВОСПИТАНІЕМЪ УКРОЩАЮТСЯ НРАВЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Екатерина Великая и ея вѣкъ.—Ея преклоненіе предъ господствующими философскими идеями XVIII вѣка. — Увлеченіе теоріей и разочарованіе на практикѣ. — „Наказъ". – Планы воспитанія и народнаго образованія. — Значеніе литературной дѣятельности Екатерины и ея вліяніе на подъемъ литературы. —Литераторы, поэты и журналисты Екатерининскаго времени. —Наука и научное движеніе.

Есть имена въ исторіи, передъ которыми мы останавливаемся съ невольнымъ изумленіемъ... Мы можемъ гордиться тѣмъ, что въ нашей отечественной исторіи есть два такихъ имени, какъ бы взаимно дополняющія другъ друга, — какъ бы неразлучныя въ народной памяти: Петръ Великій и Екатерина Великая. Петръ — неутомимый и мощный работникъ на практикѣ и всеобъемлющій геній въ нагромозженіи самыхъ обширныхъ и разнообразныхъ теорій и плановъ, безпощадный къ себѣ и суровый въ своихъ требованіяхъ къ сотрудникамъ... Онъ прорубилъ „окно въ Европу", онъ выводитъ Россію окончательно на тотъ путь единенія съ Европой, на который она и сама застѣнчиво и робко пыталась выступить... Екатерина, не менѣе Петра упорная въ достиженіи своихъ цѣлей, не менѣе Петра широкая въ своихъ замыслахъ, не менѣе его неутомимая въ трудѣ и неистощимая въ его примѣненіи—геніально воспользовалась плодами трудовъ Петра и доставила Россіи то положеніе въ Европѣ, о которомъ Петръ могъ только мечтать... И держась своего чуднаго правила: *„живи, и жить давай другимъ"*, —она достигла такихъ изумительныхъ результатовъ своею женственною мягкостью, какихъ невозможно было бы добиться самыми суровыми карами и самыми жестокими взысканіями. Многіе изъ писателей, посвящавшихъ свои труды разра-

боткѣ русской литературы и общественной жизни въ Екатерининское время, какъ намъ кажется, относились черезчуръ сурово къ той реакціи, которая наступила въ послѣдніе годы царствованія великой Императрицы и привела къ печальнымъ результатамъ и къ незаслуженнымъ гоненіямъ. Въ отвѣтъ этимъ строгимъ порицателямъ Екатерины, мы можемъ привести только одно оправданіе: рѣдкое царствованіе, хотя бы даже и самое блестящее, но продолжавшееся болѣе тридцати лѣтъ, не имѣло своей реакціи, и, въ послѣдніе годы, по направленію своему, не уклонялось отъ первыхъ, начальныхъ годовъ; при этомъ напомнимъ еще, что рѣдкій вѣкъ въ исторіи вырабатывалъ такіе привлекательные нравственные идеалы, создавалъ такія соблазнительныя теоріи, приманивалъ такими увлекательными утопіями, какъ восемнадцатый вѣкъ, — и послѣ всѣхъ этихъ утопій закончился страшною, неслыханно-кровавою трагедіею. Увлеченная идеями XVIII в. въ ранней молодости, Екатерина, по вступленіи на престолъ, въ лучшемъ возрастѣ женщины, предалась осуществленію своихъ идеаловъ со всею свойственной ея характеру энергіей — предалась искренно и горячо... Но можно ли было ожидать, что и тридцать лѣтъ спустя,—послѣ всѣхъ пережитыхъ ею испытаній и разочарованій, послѣ того паническаго ужаса, который навелъ на всѣхъ революціонный терроръ,—она останется и въ старости вѣрна своимъ молодымъ идеаламъ?

Идеалы Екатерины.

А идеалы были чудные, воспринятые въ лучшіе годы юности, вычитанные изъ любимыхъ книгъ въ ту пору жизни, когда онѣ составляли лучшую, если не единственную утѣху безотрадно протекавшей юности. Изъ тѣхъ книгъ, которыя въ ту пору кружили головы всѣмъ образованнѣйшимъ людямъ Европы и, послѣ долгаго періода религіозной борьбы, пережитой Европою въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, находили свободный доступъ ко всѣмъ сердцамъ. То были идеалы свободы, понимаемой въ самомъ обширномъ и самомъ возвышенномъ смыслѣ слова, идеалы равенства и братства, возвращавшіе людей къ золотому вѣку, уносившіе ихъ въ далекое будущее, когда остатки средневѣковыхъ стѣсненій, общественныхъ и сословныхъ, падутъ сами собою, а вмѣстѣ съ ними уничтожатся и всѣ препоны къ полному общественному благополучію.

Идеи XVII—XVIII вѣковъ.

Начало этихъ идеальныхъ стремленій лежитъ далеко за предѣлами XVIII вѣка и за предѣлами той страны, въ которой они окончательно развились и сложились въ форму соблазнительныхъ идеаловъ. Корни этихъ стремленій слѣдуетъ искать въ томъ сильномъ умственномъ движеніи, которое вызвано было во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ эпохою реформаціи съ одной стороны, а затѣмъ, съ другой — быстрыми успѣхами наукъ физико-

ЕКАТЕРИНА АЛЕѮѢЕВНА
Великая Княгиня Всероссійская.
CATHARINA ALEXEWNA
Magna Dux Russorum.

Екатерина въ молодости, до вступленія на престолъ.

математическихъ и естественныхъ, которые нашли себѣ истолкованіе въ опытной философіи Локка, и, расширивъ горизонтъ человѣческой мысли, раздвинувъ границы для наблюдательности человѣка, породили массу новыхъ идей, новыхъ воззрѣній, новыхъ понятій. Первоначальнымъ центромъ развитія новыхъ идей явилась Англія—отчизна Бэкона, Ньютона и Локка, за которыми слѣдомъ пошелъ цѣлый рядъ ученыхъ, философовъ и публицистовъ, писавшихъ въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII вѣка. Движеніе это представлялось, до нѣкоторой степени, противорѣчіемъ исторической дѣйствительности. Границы разума, повидимому, расширились. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . Критику разума хотѣлось примѣнить ко всему — къ религіи, къ воспитанію, къ вопросамъ общественной жизни и нравственности, къ государственному строю;—а примѣнять оказывалось трудно, вслѣдствіе множества стѣснительныхъ условій. Въ этихъ стѣснительныхъ условіяхъ, кажется, и нужно искать объясненія тому, что новыя идеи, прежде всего, перешли въ тѣ страны, гдѣ болѣе свободныя условія жизни давали имъ возможность развиться и пріобрѣсти болѣе широкое распространеніе, а именно въ Швейцарію и Нидерланды. Распространенію ихъ по Европѣ, здѣсь, много способствовалъ и французскій языкъ, который былъ тогда еще гораздо болѣе общимъ во всей Европѣ, нежели нынѣ. И вотъ, въ Нидерландахъ поселяется одинъ изъ талантливыхъ представителей новаго направленія, Бэйль (Bayle), и здѣсь, въ концѣ XVII вѣка, печатаетъ свой знаменитый „*Историко-критическій Словарь*“, въ которомъ впервые начинаетъ свободно и независимо высказывать свои воззрѣнія на различные вопросы религіозные и нравственные, научные и государственные. Такой способъ изложенія своихъ взглядовъ на важнѣйшіе вопросы жизни и даже самый способъ изложенія ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, въ формѣ словаря, въ которомъ легко было подыскать необходимыя объясненія и отвѣты на то, что тревожило все общество—все это было новостью, и новостью заманчивою.

Энциклопедисты.

Ученія ближайшихъ послѣдователей „опытной“ философіи Локка пріобрѣли совсѣмъ иную окраску, когда проникли во Францію и нашли себѣ тамъ такого талантливаго истолкователя, какъ *Вольтеръ* (р. 1694 г., ум. 1778 г.), который былъ одинаково пріятенъ, силенъ и убѣдителенъ въ стихахъ и въ прозѣ, въ сатирѣ и въ драмѣ, въ памфлетѣ и въ романѣ. Не отрицая Бога, Вольтеръ вездѣ старался выказать торжество разума надъ откровеніемъ, религіозными традиціями и церковными обычаями, и все—

даже самое дорогое сердцу своихъ соотечественниковъ (напр., народную легенду объ Орлеанской дѣвѣ) — подвергалъ безпощадному глумленію. Одновременно съ нимъ, другой, болѣе глубокій и болѣе сильный умъ, *Монтескье* (род. 1689 г., ум. 1755 г.) обращалъ все свое вниманіе на изученіе общественныхъ порядковъ и государственнаго строя человѣческихъ обществъ. Въ своей классической книгѣ „*Духъ Законовъ*“, Монтескьё разобралъ критически всѣ многоразличныя формы правленія и впервые указалъ на государственный строй Англіи, какъ на образцовый. Вслѣдъ за этими двумя передовыми дѣятелями, выступили на то же поприще два талантливыхъ ученыхъ и литератора—*Дидро* (р. 1713 г., ум. 1784 года) и *Даламберъ* (р. 1717 г., ум. 1783 г.), — которые, далѣе и далѣе развивая идею англійскихъ философовъ о „религіи разума“, низвели ее до полнаго отрицанія божественнаго начала въ природѣ, а упрощая сущность нравственной философіи, дошли до самаго ограниченнаго и узкаго матерьялизма. При такомъ взглядѣ на человѣка и его назначеніе, на природу и дѣйствительность, все представлялось каждому чрезвычайно яснымъ и понятнымъ: все — доступнымъ уму и достижимымъ волѣ человѣка, которому вовсе не приходилось заботиться о своемъ нравственномъ совершенствованіи и о своей душѣ, а только о пріобрѣтеніи возможно большаго количества свѣдѣній для развитія ума и о матеріальномъ благосостояніи въ этой, земной жизни, которою будто-бы все для человѣка оканчивалось. Дидро изложилъ свои воззрѣнія въ цѣломъ рядѣ сочиненій, надѣлавшихъ много шуму; а затѣмъ затѣялъ издавать, вмѣстѣ съ Даламберомъ, „*Энциклопедію или объяснительный лексиконъ Наукъ, Искусствъ и Ремеслъ*“ (первые томы вышли въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка), черезъ которую, главнымъ образомъ, они и думали, упрощая и выясняя свои идеи, распространить ихъ въ массѣ и способствовать проведенію ихъ въ жизнь. Давая всему новыя истолкованія и все стараясь примѣнить къ своимъ воззрѣніямъ, авторы „Энциклопедіи“, конечно, относились съ самою строгою критикою къ тому, что съ ихъ воззрѣніями не согласовалось, и не признавали никакихъ авторитетовъ, всюду выискивая поводы къ сомнѣнію и порицанію. Отъ заглавія своего изданія Дидро и Даламберъ, точно такъ же, какъ и ихъ сотрудники по „Энциклопедіи“, и ихъ многочисленные послѣдователи, получили названіе *энциклопедистовъ*. Многіе изъ нихъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, додумывались до возможности проповѣдывать величайшія крайности; одни (Ляметри) утверждали, что настоящее счастье человѣка можетъ быть основано только на удовлетвореніи чувственныхъ ощущеній; другіе (Морелли, въ своей книгѣ „Code de la Nature“—*Уставъ природы*) мечтали въ будущемъ объ установленіи строя новой жизни, въ которой не было бы соб-

ственности, такъ какъ всѣ имущества должны были принадлежать всѣмъ, всѣ должны въ равной степени трудиться на общую пользу, получать общественное воспитаніе и пользоваться всѣми правами самаго широкаго равенства.

Ж. Ж. Руссо. Эти соблазнительныя идеи такъ бы, вѣроятно, и остались не болѣе какъ увлекательною проповѣдью, если бы, къ сожалѣнію, на крайнемъ Западѣ Европы не нашлась (именно во Франціи) такая почва, на которой подобныя идеи должны были упасть роковыми сѣменами и возрасти впослѣдствіи страшною, бѣдственною жатвою. Франція, въ теченіе двухъ вѣковъ являвшаяся во главѣ европейской политики и просвѣщенія, законодательница роскоши и моды, школа изящества и общественности — въ сущности, переживала въ XVIII вѣкѣ весьма бѣдственный періодъ своего историческаго существованія. Безумная роскошь и страшная распущенность нравовъ преобладали въ высшихъ классахъ и въ духовенствѣ, которое нисколько не заботилось о просвѣщеніи народа, и, напротивъ, развивало въ немъ предразсудки и суевѣріе; народъ находился въ положеніи бѣдственномъ, подавленный непосильными налогами, казенными монополіями и всевозможными привилегіями дворянства; финансы были жестоко потрясены, а значительно ослабленная королевская власть была близка къ такому кризису, котораго никто не предвидѣлъ и не ожидалъ... Всѣмъ жилось тяжело и дурно; всякій жаждалъ перемѣны, исхода, поворота къ лучшему будущему, потому что настоящее было невыносимо-тягостно. Понятно, что при такихъ условіяхъ, проповѣдь энциклопедистовъ и язвительная сатира Вольтера, разбивавшая, одинъ за другимъ, всѣ старые кумиры — должны были дѣйствовать на умы потрясающимъ образомъ. А тутъ явился еще одинъ новый и сильный мыслитель, который сумѣлъ иначе приступить къ той же разрушительной работѣ. То былъ знаменитый *Жанъ-Жакъ-Руссо*, который, не увлекаясь идеями энциклопедистовъ, сумѣлъ найти болѣе короткій, болѣе простой, болѣе прямой путь къ намѣченной имъ цѣли. Тѣ видѣли спасеніе человѣчества въ усиленіи средствъ къ образованію, въ распространеніи просвѣщенія въ массѣ народа, въ возможномъ расширеніи границъ человѣческаго разума и просвѣтленіи его знаніями:—Руссо отвергъ это воззрѣніе, какъ заблужденіе. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій, написанномъ въ отвѣтъ на тему, заданную Дижонской Академіей („Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ исправленію нравовъ?"), отвѣчалъ своимъ знаменитымъ панегирикомъ дикому состоянію человѣчества, когда оно было грубо, невѣжественно, но не испорчено; при этомъ онъ съ увлекательною убѣдительностью доказывалъ вредъ цивилизаціи и указывалъ на необходимость возвра-

Екатерина въ первой половинѣ царствованія.

гиться къ простотѣ и естественности первоначальныхъ человѣческихъ обществъ. Отвѣтъ молодого мыслителя на академическую тэму былъ блестящимъ парадоксомъ, который обратилъ на себя общее вниманіе своею оригинальностью, и, вѣроятно, былъ бы вскорѣ забытъ всѣми, если бы Руссо не выступилъ съ новыми трудами въ томъ же направленіи, и на этотъ разъ произведенія его были настолько серьезны по тѣмъ вопросамъ, которые въ нихъ были подняты, что имя Руссо пріобрѣло популярность и стало знаменемъ цѣлой школы его сторонниковъ. Этими послѣдующими произведеніями Руссо были его трактаты *„О причинахъ неравенства между людьми“* и *„Общественный договоръ“* (Contrat social). Въ первомъ изъ этихъ двухъ сочиненій онъ именно указываетъ, что главная причина неравенства между людьми есть неравенство развитія, которое дается образованіемъ; а такъ какъ неравенство есть зло и приводитъ къ множеству всякаго рода злоупотребленій, то и причина всего этого —образованіе—есть уже величайшее зло и излишняя роскошь. Чтобы избѣгнуть этого зла, Руссо предлагалъ пересоздать всю систему воспитанія юношества, и основать его на началахъ свободы, простоты и естественности отношеній. На началахъ этого новаго воспитанія, Руссо мечталъ о возможности создать новую породу людей, совершенно свободную отъ всякихъ вкоренившихся между нами пороковъ, предразсудковъ и суевѣрій. Въ другомъ своемъ сочиненіи (Contrat social), Руссо, на основаніи тѣхъ же идей, приходитъ къ новому воззрѣнію на государственный строй и предлагаетъ его видоизмѣнить на основаніи естественнаго права массы къ преобладанію надъ меньшинствомъ; всѣ междулюдскія отношенія онъ предполагалъ устроить зановo, на основаніи высокихъ принциповъ полнаго равенства, и первый произнесъ страшное, по условіямъ того времени и общественному строю, слово о *верховенствѣ народа*... Въ заключеніе своей пропаганды, Руссо изложилъ всѣ свои идеи въ популярной и всѣмъ доступной формѣ двухъ романовъ: *„Новая Элоиза“* и *„Эмиль“*. Мы знаемъ, какъ воздѣйствовала эта пропаганда на умы современниковъ во Франціи, знаемъ, какъ она была принята и истолкована, и къ какимъ результатамъ привела въ концѣ XVIII вѣка; но объ этомъ намъ еще придется говорить въ послѣдующихъ главахъ настоящаго періода. Здѣсь же, послѣ этого бѣглаго обзора идей, широко распространенныхъ въ современномъ обществѣ и неизбѣжно занесенныхъ также и къ намъ въ Россію, мы должны указать на отношеніе къ нимъ Екатерины и важнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей ея времени.

Екатерина II. Екатерина II принадлежала, въ свое время, не только къ образованнѣйшимъ женщинамъ въ Россіи, но и въ Европѣ. Этимъ образованіемъ она была сама себѣ обязана, тѣмъ болѣе, что не

вынесла изъ своего домашняго воспитанія ничего, кромѣ того знанія французскаго языка, которое въ XVIII вѣкѣ было обязательнымъ при всѣхъ, даже и самыхъ мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ... Но, пріѣхавъ въ Россію въ 1744 г., пятнадцатилѣтней дѣвочкой, Екатерина, почти въ теченіе восемнадцати лѣтъ оставаясь въ положеніи великой княгини при блестящемъ Дворѣ Елисаветы, имѣла полную возможность заняться собою въ смыслѣ самообразованія—и эти долгіе годы протекли для нея не даромъ. Жадно и непрерывно читая и по многу разъ перечитывая любимыхъ своихъ авторовъ, Екатерина—въ эти годы своей первой молодости — поглотила все то, что было существеннаго, выдающагося по уму и таланту въ западно-европейской литературѣ; все, что можно было прочесть на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, тогда еще не богатомъ литературою оригинальною, но уже обладавшемъ значительною литературою переводною. Само собой разумѣется, что все, написанное „энциклопедистами" и ихъ главнымъ популяризаторомъ Вольтеромъ, было и прочтено, и вполнѣ усвоено тонкимъ и прекраснымъ умомъ Екатерины, и глубоко залегло въ ея сердцѣ, какъ прочная основа ея будущихъ дѣйствій. Особенно восторгалась она Вольтеровыми сочиненіями, которыя знала чуть не наизусть, и до страсти любила повторять, съ полнымъ убѣжденіемъ: „*Вольтеръ—это мой учитель*".

Но геніальный умъ Екатерины выразился именно въ томъ, что она не удовлетворилась выводами, почерпнутыми изъ западно-европейской образованности, что она не отнеслась къ своей второй родинѣ съ тѣмъ пренебреженіемъ, которое могло бы быть ей свойственно, какъ нѣмецкой принцессѣ того времени, воспитанной въ тѣсной рамкѣ небольшого нѣмецкаго княжества... Въ этомъ отношеніи, она составляла счастливую противоположность со своимъ супругомъ, для котораго интересы маленькаго Герцогства Голштинскаго постоянно оставались болѣе близкими сердцу, нежели интересы громадной Россіи; она, напротивъ того, съ любовью и усерднымъ вниманіемъ принялась за изученіе русскаго языка, за ближайшее ознакомленіе съ исторіею Россіи, съ бытомъ и нравами русскаго народа, которымъ ей, со временемъ, предстояло править. Ея успѣхи въ русскомъ языкѣ, который поручено было преподавать уже извѣстному намъ Адодурову, были такъ быстры и свидѣтельствовали о такомъ рвеніи ученицы, что императрица Елисавета нашла даже нужнымъ осадить это рвеніе... Екатеринѣ не удалось вполнѣ овладѣть русскимъ разговорнымъ и письменнымъ языкомъ настолько, чтобы тѣмъ и другимъ владѣть отлично и безъ ошибки; однакоже, она настолько узнала русскій языкъ, что прекрасно понимала всѣ его особенности, всѣ тонкости, и хотя въ разговорѣ и на письмѣ выражалась не совсѣмъ плавно

Самостоятельность Екатерины

и нерѣдко допускала ошибки и неправильные обороты, но духъ языка былъ ей настолько близокъ и понятенъ, что она любила употреблять (вполнѣ сознательно) самыя характерныя русскія выраженія и постоянно пересыпала свою разговорную и письменную рѣчь русскими пословицами, поговорками и присловьями, которыхъ знала множество. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что Екатерина перечитала, до восшествія своего на престолъ, все, что было въ предшествующемъ двадцатилѣтіи напечатано по-русски—все, что заключала въ себѣ „русскаго" Академическая библіотека и Академическая книжная лавка: прямымъ доказательствомъ того служатъ постоянныя и оживленныя сношенія Екатерины съ библіотекаремъ Академіи, отъ котораго она требуетъ, въ своихъ записочкахъ, то ту, то другую книгу... И книгами она была окружена, книгами нѣкоторое время жила, и среди нихъ находила единственное утѣшеніе и наслажденіе въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ своей первой и весьма грустной молодости.

Идеи и дѣйствительность.

То, что она видѣла вокругъ себя, зорко наблюдая и чутко ко всему прислушиваясь, то, что она успѣвала подмѣтить изъ своихъ мимолетныхъ наблюденій и извлечь изъ сношеній съ людьми, близко поставленными къ ней при ея великокняжескомъ Дворѣ— все это доставляло ей о Россіи свѣдѣнія отрывочныя, неполныя, какъ о странѣ могущественной, необъятной, но еще темной, не просвѣщенной никакимъ свѣтомъ европейской цивилизаціи. Тѣмъ горячѣе, тѣмъ искреннѣе должна была она мечтать о возможности, со временемъ, примѣнить здѣсь—на этомъ необъятномъ просторѣ—тѣ новыя и гуманныя начала, которыя были выработаны для общечеловѣческаго совершенствованія ея друзьями—энциклопедистами... Само собою разумѣется, что молодому и неопытному уму впечатлительной женщины ученіе энциклопедистовъ было доступно только съ его казовыхъ, внѣшнихъ, привлекательныхъ сторонъ. Вѣротерпимость, свобода совѣсти, разумное пониманіе истинъ вѣры—вотъ что̀ хотѣлось бы ей видѣть въ области религіи при своемъ будущемъ царствованіи; разумныя и гуманныя начала власти, мягкія и справедливыя отношенія къ управляемому народу,— вотъ что̀ хотѣлось бы ей, тогда же, провести въ область жизни государственной; уничтоженіе всякихъ злоупотребленій власти, всякихъ несправедливостей суда, путемъ изданія въ свѣтъ новыхъ и болѣе совершенныхъ законовъ—вотъ что̀ она намѣревалась внести въ жизнь народную... Она мечтала даже о возможности избавить низшіе слои народа отъ тяжкаго ярма, которое на нихъ тяготѣло, и уравнять отношеніе сословій на болѣе справедливыхъ основаніяхъ нравственныхъ. Вотъ, что она вычитала изъ проповѣди энциклопедистовъ, увлекаясь ихъ теоріями и не помышляя о томъ, во что обратятся эти золотые сны при столкновеніи съ грубой

уголовное преступленiе противу народнаго здравiя

1) будеже кто заражен язвою или быв ведом или ...

2) будеже кто был ведом язвою зараженной или иной заразительной болезни

1 будеже кто заражен язвою утаив что заражен войдет в чей дом или фамилию и заразит оной дом или фамилию язвою или иной заразительной болезни

2) будеже кто в противность законного запрещения выйдет из дома язвою зараженной и заразит ...

3.) будеже кто приходя или приезжая водою или сухим путем из язвою зараженных мест и с умыслу объедет или обойдет карантинную заставу или место

4.) будеже кто привезет из места язвою зараженного товары или ... и с умыслу объедет или обойдет карантин заставу или место зараженного дома или

5.) будеже кто из карантинного дома или заставу или места выйдет прежде законом предписаннаго срока или иначе вынесет ... законом предписано.

Автографъ Екатерины.

Изъ бумагъ ея, находящихся—въ собраніи П. Я. Дашкова.

Екатерина во второй половинѣ царствованія.

дѣйствительностью и съ темной массой народа, коснѣвшей въ глубокомъ невѣжествѣ.

Екатерина и Бецкій.

Съ такими идеями, въ началѣ своего царствованія, Екатерина приступила къ обширному плану преобразованія нашихъ учебныхъ заведеній въ учебно-воспитательныя и къ учрежденію новыхъ воспитательныхъ заведеній. Уже въ 1763 г. она назначила *Ивана Ивановича Бецкаго*—лично ей извѣстнаго и пользовавшагося ея большимъ уваженіемъ—президентомъ ново-учрежденной Академіи Художествъ и директоромъ Кадетскаго Корпуса. При этомъ она поручила ему устроить и тутъ, и тамъ воспитательныя заведенія, строго сообразованныя съ новыми просвѣтительными началами [1]). Затѣмъ Екатерина съ увлеченіемъ занялась выполненіемъ задуманнаго ею плана, при помощи котораго она хотѣла поднять уровень женскаго образованія въ Россіи и черезъ женщинъ-матерей воздѣйствовать на будущее поколѣніе русскихъ людей. Въ этихъ видахъ, въ 1764 г. въ С.-Петербургѣ, было основано, при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, первое въ Россіи воспитательное заведеніе для дѣвицъ высшихъ сословій; а въ слѣдующемъ году, тамъ же—подобное же заведеніе для дѣвицъ мѣщанскаго сословія. Такое же заведеніе, Екатерининское, было открыто и въ Москвѣ, въ 1764 г. Всѣ эти училища были закрытыя, и главная, основная идея воспитанія въ нихъ заключалась именно въ томъ, чтобы воспитать „новое поколѣніе“, уединивъ его отъ условій, въ которыя оно было поставлено рожденіемъ и бытомъ, и оградивъ отъ вредныхъ вліяній. Тѣ же идеи „воздѣйствія чрезъ воспитаніе“ положены были и въ основу тѣхъ „воспитательныхъ домовъ для приносныхъ младенцевъ“, которые были не только благотворительными заведеніями, но и разсадниками будущихъ „честныхъ и полезныхъ гражданъ“, такъ какъ „монархиня (такъ значилось въ офиціальномъ докладѣ) предпріяла самые пороки премѣнить въ источникъ добродѣтели“.

Дальнѣйшее развитіе плана высшихъ учебныхъ зеведеній [2]), по разнымъ причинамъ, Екатеринѣ не удалось осуществить, и только уже значительно позднѣе, въ 1773—1775 г., она внесла еще одинъ, весьма существенный вкладъ въ русское просвѣщеніе, утвердивъ планъ „Комиссіи для народныхъ училищъ“, которая выработала ихъ устройство, озаботилась даже изготовленіемъ необходимыхъ учебниковъ и способствовала тому, что въ 80-хъ годахъ, въ важнѣйшихъ губернскихъ городахъ, явились „высшія народныя школы“ и „нижнія народныя школы“. Послѣднія болѣе всего подходили по типу къ нынѣшнимъ школамъ грамоты, а

[1]) Первое открыто въ 1764 г.; а второе—въ 1766 г.

[2]) Изъ высшихъ учебныхъ заведеній открыты при Екатеринѣ только Академія Художествъ—1744, Коммерческое училище—1772, Горное училище—въ 1773 г.

И. И. Бецкій, по рисунку Ходовецкаго.

первыя—къ бывшимъ уѣзднымъ училищамъ: хотя и тѣ, и другія были училищами „городскими“, но они назывались „народными“, потому что были учреждены для всего народа, безъ различія званій или происхожденія. Отголосокъ тѣхъ же убѣжденій и тѣхъ же ученій, съ которыми Екатерина вступала на престолъ, звучитъ и въ заявленіи училищной Комиссіи, по поводу открытія этихъ училищъ: „Государство обязано доставить каждому, безъ изъятія, гражданину воспитаніе; ибо отечество обязываетъ къ себѣ благодарностью своихъ сыновъ черезъ воспитаніе... Отъ добраго воспитанія и руководства еще съ молодыхъ лѣтъ жизнь каждаго гражданина, всѣ его склонности и дѣла, все вѣчное и временное благополучіе зависитъ“.

Въ данномъ случаѣ, мы встрѣчаемся уже съ явленіемъ совершенно новымъ и не имѣющимъ ничего общаго съ предшествующею эпохою. Въ особенности, по сравненію съ первыми учебными заведеніями, которыя вводились въ Россіи Петромъ, новыя учебныя заведенія, введенныя Екатериною, являются рѣзкою противуположностью. Петръ спѣшилъ подготовить только работниковъ для настоящаго и, не заглядывая въ далекое будущее, руководился только потребностями дѣйствительности. Цѣль всѣхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Петромъ, заключалась въ томъ, чтобы *научить*, доставить возможность пріобрѣсти извѣстное умѣнье, дѣловую или техническую подготовку... Екатерина уже не довольствовалась этимъ, и задавалась иною, высшею цѣлью: она стремилась *не только научить, но и воспитать*. Петру нужны были отъ школы *работники*, которыхъ онъ тотчасъ же могъ бы поставить на опре- Значеніе воспитанія.

Камероновская галлерея при Царскосельскомъ дворцѣ. По современной гравюрѣ.

дѣленное дѣло; Екатерина ожидала отъ школы „*добрыхъ и прямыхъ гражданъ*...“ Она самымъ яснымъ и подробнымъ образомъ высказываетъ полную программу того воспитанія, которое желаетъ

Императрица Екатерина (на Камероновской галлереѣ) въ послѣдніе годы царствованія.

внести въ Россію, и такъ излагаетъ ее въ своемъ „Наказѣ“: „Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердца ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ, воз-

буждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству... отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ."

Наказъ. Вообще говоря, этотъ „Наказъ" Комиссіи, учрежденной въ 1766 г. для сочиненія проекта Новаго Уложенія, есть самое полное и самое искреннее изложеніе тѣхъ внутреннихъ, излюбленныхъ убѣжденій и воззрѣній Екатерины, съ которыми она приступала къ трудному дѣлу царствованія надъ многомилліоннымъ государствомъ. Это ея — profession de foi. Она сама вѣритъ, несомнѣнно, въ то, что̀ заявляетъ въ своемъ манифестѣ, по созывѣ депутатовъ въ коммиссію (11 декабря 1766 г.): „Наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться..." Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это „счастіе и довольствіе", несомнѣнно, казались ей, въ моментъ написанія этого манифеста, гораздо болѣе „возможными и близкими", нежели они были на самомъ дѣлѣ. И едва ли когда-нибудь прекраснѣйшія теоріи отдѣлялись отъ практической дѣйствительности такою широкою и глубокою пропастью, какъ въ данномъ случаѣ. И дѣйствительно, умнѣйшая и образованнѣйшая женщина своего времени работала два или три года надъ составленіемъ этого „Наказа", руководствуясь сочиненіями такихъ авторитетовъ въ наукѣ права и воспитанія, какъ Локкъ, Монтескьё и Беккарія, создала гуманнѣйшій и прекраснѣйшій планъ, по которому собранные со всего государства депутаты должны были создать новое Уложеніе и осчастливить имъ народъ, страдавшій подъ гнетомъ непомѣрно-суровыхъ законовъ. Планъ, въ которомъ, сообразно съ убѣжденіями просвѣщеннѣйшихъ людей Европы, внушалось гражданамъ, что „равенство состоитъ въ подчиненіи тѣмъ же законамъ" и „общественная вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ"; планъ, въ которомъ пытка отвергалась, какъ противная здравому человѣческому разсужденію, и будущимъ законодателямъ предлагалось „послѣдовать природѣ, давшей человѣку стыдъ, вмѣсто бича" и помнить, что высшимъ наказаніемъ должно считать „безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся".

И такой чудный планъ, такая золотая греза молодого и горячаго ума разбилась въ прахъ отъ столкновенія съ грубою дѣйствительностью.

Работая надъ изготовленіемъ „Наказа“, Екатерина долгое время скрывала свою работу; потомъ, чтобы провѣрить себя, рѣшилась ее показывать, подъ покровомъ великой тайны, нѣкоторымъ изъ приближенныхъ лицъ, и, между прочимъ, удостоила этой чести А. П. Сумарокова, который былъ такъ горячо и глубоко ей преданъ—такъ безпредѣльно проникнутъ уваженіемъ къ ней и ея дѣяніямъ. Его, какъ и всѣхъ другихъ, удостоенныхъ довѣренности государыни, болѣе всего возмутила мысль о возможности освобожденія крестьянъ или даже о какомъ бы то ни было приравненіи ихъ въ правахъ съ остальными сословіями. По его мнѣнію—„сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными—нельзя“, дабы не оставить дворянъ „безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ“ [1]). Отъ освобожденія крестьянъ Сумароковъ ожидалъ только страшнаго бунта, на усмиреніе котораго потребовались бы „многіе полки“; притомъ еще онъ указывалъ (какъ на главное препятствіе къ улучшенію участи крестьянъ) на то, что „нашъ низшій народъ никакихъ благородныхъ чувствъ не имѣетъ“. И напрасно пыталась съ нимъ спорить Екатерина, напрасно доказывала, что народъ „въ нынѣшнемъ состояніи ихъ и имѣть не можетъ“, что нужно облегчить его долю, что нужно просвѣтить его... Сумароковъ стоялъ на своемъ; а за нимъ и многіе, многіе другіе — а за ними большинство членовъ созванной Комиссіи... И Екатерина, скрѣпя сердце, „зачеркнула, сожгла и разорвала“ болѣе половины написаннаго ею „Наказа“, и только остальная часть его вышла въ свѣтъ, да и то для того, чтобы остаться мертвою буквой, потому что Комиссія, созванная для составленія Проекта Новаго Уложенія, черезъ нѣсколько времени была распущена и проектъ будущаго кодекса остался не дописаннымъ.

Крестьянскій вопросъ.

Но неужели же, дѣйствительно, „всуе труждался зиждущій“? Неужели долгій, излюбленный, широко-задуманный трудъ пропалъ напрасно? Нѣтъ. Онъ остался прочной основой всей умственной и нравственной дѣятельности Екатерины, и духъ „Наказа“ проявился подъ разными видами и формами во всѣхъ ея разно-

---

[1]) Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ тѣми, которые ставятъ Сумарокову въ укоръ эти его мнѣнія и обвиняютъ его въ противорѣчіи, сравнивая эти мнѣнія съ его журнальными статьями, въ которыхъ онъ ратовалъ противъ дурныхъ помѣщиковъ... Мы тутъ не видимъ противорѣчія: онъ порицалъ дурныхъ помѣщиковъ, но предполагалъ, что хорошіе помѣщики крестьянамъ необходимы, и не могъ себѣ представить иной формы отношеній между дворянскимъ и крестьянскимъ сословіями... Многіе, еще въ очень недавнее время, держались того же заблужденія.

Титульный листъ весьма рѣдкаго изданія Екатерининскаго времени, подъ заглавіемъ: «Россійскій Апофегматъ». По экземпляру, принадлежащему Императорской Публичной Библіотекѣ.

Безчестие законами налагаемое должно быть тоже самое, которое происходитъ изъ всесвѣтнаго нравоученія.

Безчестіе и посмѣяніе суть одни наказанія кои употреблять должно противу притворно вдохновенныхъ и лжесвятошь, ибо сіе гордость ихъ притупити могутъ

Поелику наказанія станутъ кротчае умѣреннѣе, милосердие и прощение тѣмъ меньше будетъ нужно, ибо сами законы тогда духомъ милосердія наполнены.

Во всемъ, сколь ни пространно государствѣ не надлежитъ быть никакому мѣсту, которое бы отъ законовъ не зависѣло

Хотите ли предупредить преступленія. Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину.

Страничка текста «Россійскаго Апофегмата».

Примѣчаніе. Текстъ состоитъ изъ нравственныхъ правилъ и нравоучительныхъ сентенцій. Любопытно сравнить его съ приведенной выше страничкой изъ «Юности честное зерцало», чтобы наглядно убѣдиться, какъ быстро двинулось русское общество впередъ со временъ Петра.

образныхъ сочиненіяхъ: комедіяхъ, сатирическихъ статьяхъ, нравоучительныхъ повѣстяхъ и сказкахъ, педагогическихъ планахъ и „историческихъ представленіяхъ". „Наказъ" не привелъ къ предназначенной цѣли, но онъ, помимо воли самой Екатерины, сдѣлался кодексомъ для всѣхъ лучшихъ дѣятелей ея времени, явился основою ихъ морали, явился источникомъ, изъ котораго они почерпали свои лучшія вдохновенія, свои назиданія, свои нравственные выводы. И всѣ эти дѣятели, въ равной степени, явились, въ своихъ произведеніяхъ, горячими сторонниками того просвѣщенія, на которое „Наказъ" указывалъ какъ на спасеніе отъ всѣхъ бѣдствій [1]), какъ на основу возможнаго на землѣ благополучія. И между тѣмъ, какъ первѣйшіе ученые предшествующей эпохи считаютъ долгомъ своимъ защищать науки отъ всякаго рода навѣтовъ и отъ нападковъ невѣжества,—литераторы и ученые Екатерининскаго времени свободно и спокойно предаются своимъ занятіямъ, съ гордостью указывая на государыню, которая сама не выпускаетъ пера изъ рукъ, сама постоянно роется въ книгахъ и умѣетъ пользоваться литературой и журналистикой, какъ мощнымъ орудіемъ для проведенія новыхъ и здравыхъ идей въ общество.

Новое значеніе литературы.

Сообразно съ этими условіями, въ значительной степени мѣняется и самый типъ поэта — писателя и журналиста въ Екатерининскую эпоху. И журналистика, и литература уже не нуждаются въ казенной поддержкѣ для своего существованія, а являются удовлетвореніемъ ясно высказываемыхъ обществомъ потребностей умственной жизни. Взглядъ на литературу и на поэзію, какъ на занятія, пригодныя только для досуга — совершенно отживаетъ свой вѣкъ; и въ поэтѣ, и въ писателѣ проявляется сознательное отношеніе къ своей дѣятельности, къ своему назначенію. Ни тотъ, ни другой не являются уже простыми ремесленниками, простыми „мастерами пера", которымъ можно приказать, чтобы они къ сроку сочинили трагедію или выполнили иной литературный заказъ. Поэтъ, писатель и журналистъ уже знаютъ себѣ цѣну и имѣютъ полную возможность оградить свое достоинство. Наконецъ, и смѣшанный типъ поэта-ученаго—профессора и академика, пишущаго торжественныя оды и похвальныя слова—исчезаетъ также безслѣдно. Писатель, поэтъ, журналистъ—окончательно обособляются отъ ученаго, и каждый изъ нихъ свободно и спокойно пролагаетъ свой путь, не вступая въ безплодные споры о преимуществѣ науки передъ „бѣднымъ риѳмичествомъ", ни о достоинствѣ „піитическаго паренія" передъ трудами ученаго.

---

[1]) «Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялось между людьми»—такъ гласитъ § 244 «Наказа».

Наконецъ, и подавляющее преобладаніе ложно-классической школы въ вѣкъ Екатерины начинаетъ замѣтно слабѣть въ произведеніяхъ нѣкоторой части нашихъ писателей, среди которой болѣе и болѣе проявляется направленіе національно-русское, начинаетъ преобладать стремленіе къ изученію Россіи съ разныхъ сторонъ, и впервые являются типы, характеры и черты быта, заимствованные авторами изъ живой дѣйствительности, а не списанные съ иностранныхъ образцовъ. Подъ покровительствомъ и обаяніемъ „Сѣверной Семирамиды" возникаетъ литература въ томъ именно видѣ, въ какомъ она можетъ и должна служить отраженіемъ умственной жизни общества и выразительницею его лучшихъ стремленій.

«Ex libris» собственной библіотеки императрицы Екатерины.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Представители ложно-классическаго направленія въ Екатерининскую эпоху.—М. М. Херасковъ и Я. Б. Княжнинъ.—Эпическія поэмы Херсакова и ихъ отличительныя черты.—Слѣпое преклоненіе передъ теоріей.—Трагедіи и другія драматическія произведенія Княжнина.

Новыя идеи Запада, уже задолго до воцаренія Екатерины проникавшія въ Россію и окончательно усвоенныя Россіею ея „Наказомъ", еще не скоро укоренились на нашей литературной почвѣ, не скоро проявились въ видѣ новаго направленія, и литература еще долго должна была держаться прочно-усвоеннаго ею ложно-классическаго направленія. Вообще говоря, развитіе литературы въ каждомъ молодомъ обществѣ совершается очень медленно и постепенно; тихо и незамѣтно подрастаютъ въ немъ новыя поколѣнія писателей, среди общаго, непрерывнаго жизненнаго движенія и обмѣна; и въ то время, когда эти новые дѣятели-литераторы выступаютъ на литературное поприще съ новыми взглядами, новыми идеями и вкусами — рядомъ съ ними, на томъ же самомъ поприщѣ, еще долго держатся и дѣйствуютъ давно устарѣвшіе и отжившіе маститые и почетные представители предшествующей эпохи, и долго еще остаются вѣрны давно отжившимъ литературнымъ традиціямъ.

Такъ было во всѣ времена—такъ было и въ вѣкъ Екатерины. Въ то самое время, когда вдохновенный пѣвецъ Екатерины, восторженный и талантливый Державинъ, создавалъ свою богатую и яркую лирику; въ то время, когда Фонвизинъ и цѣлая плеяда молодыхъ драматурговъ выводили на сцену новые типы, почерпнутые прямо изъ наблюденія надъ русскою дѣйствительностью; въ то время, когда, по примѣру и съ легкой руки самой Екатерины, цѣлый рой сатирическихъ журналовъ дерзалъ впервые высказывать порицанія современному общественному строю — Сумароковъ доживалъ свой вѣкъ и заканчивалъ свое литературное поприще, а Херасковъ и Княжнинъ, въ цвѣтѣ силъ и возраста, продолжали идти тою же избитой тропой псевдо-классицизма, создавая свои громадныя, объемистыя и тяжелыя произведенія эпическія и драматическія по всѣмъ правиламъ теоріи Буало и Баттё.

Хераскова мы уже видѣли выше издателемъ литературнаго журнала въ Москвѣ, гдѣ его домъ былъ излюбленнымъ и виднымъ литературнымъ центромъ; въ настоящей главѣ намъ придется ближе ознакомиться съ нимъ и съ его литературною дѣятельностью. Біографія его не блистаетъ разнообразіемъ и обиліемъ фактовъ; но онъ самъ, по всему складу своего характера, представляетъ собою типъ оригинальный и заслуживающій почтитель-

наго вниманія. Это былъ типъ одного изъ тѣхъ меценатовъ-руководителей, которые, въ прошломъ вѣкѣ, въ значительной степени способствовали развитію въ обществѣ пристрастія къ лите-

Апоѳеозъ Екатерины Великой, по современной гравюрѣ.

ратурѣ и успѣху первыхъ журнальныхъ предпріятій. Около такихъ-то меценатовъ-руководителей собирались наши первые литературные кружки; подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ возрастали и выступали на литературное поприще молодые писатели.

Біографія Хераскова.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (род. 1733 г., ум. 1807 г.) происходилъ изъ рода волошскихъ бояръ Хереско. Отецъ его М. А. Херасковъ переселился въ Россію при Петрѣ Великомъ, быть-можетъ, также послѣ Прутскаго похода, какъ и отецъ Кантемира. Ему удалось жениться на княжнѣ Аннѣ Друцкой, которая, послѣ смерти этого перваго мужа, вышла замужъ за князя Н. Ю. Трубецкого, и черезъ него-то Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ породнился съ цѣлымъ рядомъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій: съ Салтыковыми, Румянцевыми-Задунайскими, Нарышкиными, Вяземскими и Черкасскими [1]). Воспитаніе и первоначальное образованіе Херасковъ получилъ въ Сухопутномъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, и здѣсь, повидимому, развился уже въ немъ вкусъ къ занятіямъ литературнымъ. Послѣ весьма краткаго пребыванія на военной службѣ (въ Ингерманландскомъ полку), Херасковъ перешелъ въ гражданскую, и тотчасъ по учрежденіи Московскаго университета былъ зачисленъ въ штатъ служащихъ при этомъ новомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Здѣсь прослужилъ онъ до 1770 г., а затѣмъ, послѣ небольшого перерыва, проведеннаго отчасти на службѣ въ Петербургѣ, Херасковъ, въ 1778 году, былъ назначенъ однимъ изъ кураторовъ Московскаго университета и въ этой весьма почетной должности оставался до 1802 г., т. е. до преобразованія Московскаго университета, вызваннаго учрежденіемъ особаго Министерства народнаго просвѣщенія.

Журнальная дѣятельность.

Еще въ началѣ своей службы при университетѣ Херасковъ (какъ мы видѣли выше) уже издавалъ журналъ „*Полезное Увеселеніе*“ (1760—1762 гг.), а затѣмъ „*Свободные Часы*“ (1763 года). Оба эти журнала главнымъ образомъ наполнялись стихотвореніями и иными произведеніями самого Хераскова и его супруги „того времени стихотворицы“; сверхъ того, въ нихъ принимали участіе и студенты, члены того небольшого кружка молодежи, который собирался въ домѣ Херасковыхъ: братья Фонвизины, Домашневъ, Булгаковъ, И. С. Потемкинъ и Санковскій. Есть основаніе думать, что Херасковъ принималъ главнѣйшее участіе (можетъ-быть, даже руководилъ изданіемъ) въ двухъ другихъ около того же времени издававшихся журналахъ: „*Невинное Упражненіе*“ Богдановича и „*Доброе Намѣреніе*“ Санковскаго. Впослѣдствіи, въ особенности во время кураторства Хераскова, богатый и степенный домъ его въ Москвѣ сдѣлался центромъ, около котораго вращалось все московское литературное общество. Въ домѣ Хе-

[1]) Упоминаемъ объ этомъ потому, что родственныя связи среди знати сильно повліяли на служебную карьеру Хераскова и рано уже дали ему прекрасное общественное положеніе. Тѣ же связи, въ самый разгаръ гоненія на масоновъ, спасли Хераскова отъ гнѣва Екатерины.

раскова, кромѣ образованнѣйшихъ представителей современной знати, можно было встрѣтить и В. И. Майкова, и И. П. Елагина, и Д. И. Фонвизина, И. П. Тургенева, И. Ф. Богдановича, Г. Р. Державина (съ которымъ М. М. Херасковъ до конца жизни поддерживалъ дружескую переписку), и начинающихъ литераторовъ: Мерзлякова, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитріева. Благодаря своему серьезному, спокойному и крайне благодушному характеру, Херасковъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ партій и къ нему весьма охотно шли на судъ всѣ молодые и старые писатели и несли ему все, что выходило изъ-подъ ихъ пера. Онъ никого никогда не хулилъ и не хвалилъ, но всѣхъ поощрялъ къ занятіямъ литературнымъ, и всѣ очень высоко цѣнили его мнѣніемъ и отзывомъ.

Въ бытность свою кураторомъ Московскаго университета, Херасковъ много способствовалъ воспитанію въ немъ юношества своею нѣжною заботливостью о немъ. Въ первый же годъ его кураторства (15 декабря 1778 г.) объявлено было объ учрежденіи при университетѣ *Вольнаго Благороднаго Пансіона*, а въ слѣдующемъ году, это лучшее изъ воспитательныхъ заведеній въ Россіи конца XVIII в. было открыто. Въ томъ же году, при помощи І. Г. Шварца, одного изъ талантливѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета, Херасковъ учредилъ при университетѣ учительскую семинарію (1779 г.), произвелъ различныя важныя перемѣны и улучшенія въ университетской гимназіи (1780 г.), а въ слѣдующемъ году открылъ „Собраніе университетскихъ питомцевъ", и все подготовилъ къ открытію въ ближайшемъ будущемъ такъ-называемаго „*Дружескаго Ученаго Общества*" [1]). Херасковъ кураторъ.

Херасковъ, около полувѣка трудившійся весьма усердно на литературномъ поприщѣ, не былъ поэтомъ въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ теперь, а скорѣе только плодовитымъ и усерднымъ стихотворцемъ. Огромная масса оставленныхъ имъ произведеній свидѣтельствуетъ именно, что у него было болѣе любви и усердія къ литературному творчеству, нежели таланта. Дѣйствительно, въ теченіе почти полувѣковой дѣятельности, Херасковъ успѣлъ испробовать свое перо во всѣхъ литературныхъ родахъ: писалъ трагедіи, драмы слезныя, драмы съ пѣснями, оды анакреонтическія и оды торжественныя, повѣсти поучительныя и повѣсти сентиментальныя, поэмы описательныя и героическія—и не произвелъ ничего, хотя сколько-нибудь выдающагося,

[1]) Оно было открыто 6 ноября 1782 г., вмѣстѣ съ «Переводческою Семинаріею» при немъ. Изъ этого общества возникла впослѣдствіи (1784 г.) знаменитая «Типографическая компанія», о которой намъ придется говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

ничего такого, что могло бы сохранить хотя относительное значеніе и достоинство и для послѣдующихъ поколѣній. Но за то, едва ли не болѣе всѣхъ русскихъ писателей прошлаго вѣка, Херасковъ можетъ служить самымъ полнымъ и самымъ вѣрнымъ представителемъ ложно-классическаго направленія, насколько оно могло проявиться въ нашей поэзіи лирической, драматической и эпической. Главнымъ образомъ прославился Херасковъ, въ глазахъ современниковъ, именно эпическими своими произведеніями—поэмами „*Россіяда*“ и „*Владиміръ*“—упрочившими за авторомъ прозваніе „*Россійскаго Гомера*“, одинъ изъ тѣхъ Парнасскихъ титуловъ, на которые невзыскательная русская критика XVIII вѣка была такъ щедра [1]).

«Россіяда» Хераскова.

Ни „Россіяда“, ни „Владиміръ“ не были первыми произведеніями Хераскова [2]). Но они затмили собою всѣ остальныя, потому что представляли собою первые сносные образцы эпическаго рода на нашей литературной почвѣ. „Россіяда“, вышедшая въ свѣтъ въ 1779 г., была начата авторомъ еще въ 1771 г. и писалась, слѣдовательно, цѣлыхъ восемь лѣтъ. Эта огромная эпопея, въ 12-ти объемистыхъ пѣсняхъ, воспѣваетъ взятіе Казани Іоанномъ Грознымъ. Въ предисловіи къ своему творенію, авторъ старается оправдать выборъ своего сюжета, такъ какъ эпическая поэма (по правиламъ современной ложно-классической теоріи) должна была заключать въ себѣ какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе, въ бытіяхъ міра случившееся и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну, относящуюся до всего человѣческаго рода. На основаніи такого воззрѣнія и Херасковъ старается, по возможности, возвысить значеніе историческаго факта, избраннаго имъ въ основу поэмы: „Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства“ — говоритъ Херасковъ,—„я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего Россійскаго воинства, и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но цѣлому отечеству: почему сіе твореніе и *Россіядой* названо... Важно ли сіе приключеніе въ Россійской Исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее состояніе Россіи, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи... а моя поэма сіе оправдать обязана“. Ближайшее знакомство съ поэмою убѣждаетъ насъ въ томъ, что историческія свѣ-

---

[1]) Впрочемъ, обѣ эти поэмы, даже и въ глазахъ Державина, и И. И. Дмитріева представлялись «твореніями безсмертными», неподлежащими забвенію въ потомствѣ.

[2]) Занятіе литературою Херасковъ началъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» Мюллера. Первымъ крупнымъ произведеніемъ его была небольшая дидактическая поэма «Плоды наукъ», написанная въ 1757 г.; а черезъ годъ послѣ того «Венеціанская монахиня»—драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

М. М. Херасковъ по современному портрету.

дѣнія Хераскова крайне сбивчивы и что онъ, въ своемъ понятіи о личности Іоанна Грознаго и объ его эпохѣ, недалеко ушелъ отъ „Синопсиса“ Гизеля. Вѣроятно, отчасти и самъ это сознавая, а отчасти и желая оправдать свободу творчества, допущенную имъ при разработкѣ эпопеи (опять-таки на основаніи точныхъ правилъ ложно-классической теоріи), Херасковъ даетъ намъ отъ себя весьма любопытныя указанія относительно способа разработки историческаго сюжета въ „Россіядѣ“:

„Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я по исторической петинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани... Но да памятуютъ мои читатели, что, какъ въ эпической поэмѣ вѣрности историческія, такъ въ дѣеписаніи — поэмы искать не должно. Многое отмѣнилъ я, переложилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что эпическія поэмы обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются“.

Послѣ этихъ весьма любопытныхъ и важныхъ указаній, данныхъ намъ самимъ авторомъ, намъ остается только кратко изложить содержаніе „Россіяды“, для того, чтобы получить, болѣе или менѣе, ясное и полное представленіе объ этой поэмѣ, писанной „по правиламъ“.

Первая пѣснь, послѣ обычнаго вступленія, начинается съ описанія бѣдственнаго положенія Москвы послѣ большого московскаго пожара. Царю Іоанну, въ сновидѣніи, по волѣ Всевышняго, является св. мученикъ князь Александръ Тверской и возвѣщаетъ о томъ, что онъ свыше избранъ спасти Россію отъ татарскаго владычества. Іоаннъ передаетъ объ этомъ видѣніи Адашеву, а потомъ, принявъ рѣшеніе, исполняетъ предназначенное ему, отправляется, по примѣру Дмитрія Донского, за благословеніемъ въ обитель Св. Сергія. Во второй пѣснѣ,—засѣданіе Царской думы. И царь, и важнѣйшіе вельможи говорятъ рѣчи, рѣшая вопросъ о походѣ въ Казань. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, является царица-супруга съ младенцемъ на рукахъ и проситъ царя—или отказаться отъ его намѣренія, или взять и ее въ походъ съ собою. Въ слѣдующихъ трехъ пѣсняхъ дѣйствіе переносится въ Казань; изображается бѣдственное положеніе Казанскаго царства, раздираемаго смутами. Вводится и сверхъестественный элементъ: царица Казанская, во второмъ бракѣ вышедшая за царевича Алея, оказывается злою волшебницею. Желая заглянуть въ будущее, она находитъ нужнымъ побывать на могилѣ своего перваго мужа Сафа-Гирея, заклинаніями вызвать

тѣнь его и вопросить о судьбѣ, ожидающей Казанское царство. Могилы бывшихъ татарскихъ царей Казани оказываются скрыты въ очарованномъ лѣсу, въ который не держалъ вступать никто, незнакомый съ чарами. Лѣсъ описанъ подробно и обставленъ всѣми атрибутами ложно-классическаго ужаса. Сафа-Гирей поднимается изъ могилы и вѣщаетъ сокрушенной царицѣ:

«Увы!.. Ордынску власть Россія истребитъ,
«Меча ея никто отъ насъ не отвратитъ...»

Затѣмъ (въ 6-й пѣснѣ) начинается описаніе похода Іоаннова противъ Казани. Царь отдѣляетъ Курбскаго, съ третью всего своего войска, противъ Крымцевъ, чтобы отразить ихъ набѣгъ, а Богъ посылаетъ русскому воеводѣ въ помощь св. мучениковъ князей Бориса и Глѣба. Въ то время, когда святые помогаютъ Русскому Царю и его воеводамъ, „Безбожіе“ призываетъ на помощь Казанцамъ всѣ силы ада и чародѣя Киремета, который поднимаетъ бурю на Волгѣ, чтобы потопить русскія суда и воздвигнуть всякія препятствія на пути русскаго войска. Но все напрасно—русскія войска подступаютъ подъ стѣны Казани. Чтобы ободрить Іоанна на совершеніе его тяжкаго подвига, является къ нему пустынникъ, старецъ Вассіанъ, и, возведя его на „Гору Пророчествъ“, въ весьма пространномъ видѣніи, показываетъ ему и славное прошлое (его предковъ) и лучезарное будущее — славу Россіи въ грядущемъ; а среди этой славы яркими звѣздами блистающія имена Петра Великаго и Екатерины II, о которыхъ Вассіанъ говоритъ:

... «Се твой потомокъ Петръ.
Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть великимъ»...
... Екатерина вѣкъ Астреинъ возвратитъ,
Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ».

Въ трехъ послѣднихъ пѣсняхъ описывается осада и взятіе Казани. Наканунѣ того, какъ нѣмецъ-инженеръ закладываетъ свой подкопъ подъ стѣны Казани, является новое препятствіе Русскому Царю и русскому войску въ видѣ волхва Нигрина, который вѣчно пребываетъ въ заколдованномъ царствѣ зимы и оттуда нагоняетъ на осаждающихъ страшную, неслыханную стужу [1]). Но ничто не можетъ побороть мужества русскихъ войскъ—и Казань падаетъ подъ ихъ ударами.

Внимательная критика открываетъ въ различныхъ частностяхъ и подробностяхъ эпопеи Хераскова и заимствованія изъ классическихъ образцовъ, и подражанія прославленнымъ поэмамъ

[1]) По этому случаю, поэтъ вставляетъ въ свою поэму описаніе «царства зимы», которое, въ свое время, считалось верхомъ поэтическаго совершенства и всегда приводилось въ хрестоматіяхъ, какъ образецъ описанія.

Тасса и Вольтера. Такими подражаніями особенно богата „Россіяда" въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ проявляется элементъ чудеснаго, сверхъестественнаго—неизбѣжная прикраса всѣхъ ложноклассическихъ эпопей. Это „чудесное" выходитъ особенно неумѣстнымъ въ „Россіядѣ", гдѣ оно не почерпается изъ обильнаго запаса народныхъ вѣрованій и преданій, а либо заимствуется изъ западныхъ эпопей, либо, въ подражаніе ихъ „чудесному" элементу, изобрѣтается самими авторами и, конечно, составляетъ самую слабую сторону въ произведеніи Хераскова. Несомнѣнно, однакожe, что въ этомъ произведеніи была одна сторона, которая очень должна была нравиться современникамъ и составляла, въ ихъ глазахъ, главную украсу „Россіяды": это — историческая часть поэмы и аллегорическія указанія на русскую современность, изображаемую въ идеальномъ, украшенномъ видѣ. Пробудившееся сознаніе народной гордости, еще болѣе питаемое и возбуждаемое славными подвигами русскихъ войскъ и побѣдами Екатерины, побуждало всѣхъ чутко и отзывчиво относиться ко всему, что̀ могло льстить народному самолюбію, и Херасковъ, понимая это, не жалѣетъ красокъ на прославленіе Россіи и ея торжества надъ внѣшними врагами.

Современный рисунокъ, изображающій Екатерину въ видѣ Минервы, покровительницей наукъ и Академіи.

Владиміръ Хераскова.

Другая эпопея Хераскова, „*Владиміръ*", изданная въ свѣтъ въ 1736 г., заключаетъ въ себѣ восемнадцать пѣсенъ и воспѣваетъ другое, еще болѣе важное событіе Русской исторіи — просвѣщеніе Россіи христіанствомъ „черезъ князя, который сначала

былъ столь же ревностнымъ язычникомъ, насколько впослѣдствіи ревностнымъ христіаниномъ". Предисловіе къ этой эпопеѣ проникнуто особымъ духомъ и ясно указываетъ на то, что авторъ писалъ ее подъ особымъ настроеніемъ [1]) и придавалъ ей весьма важное нравственное значеніе. „Ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего „Владиміра", — говоритъ Херасковъ — я тому совѣтую, наипаче юношеству, читать оную не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ, по большей части, битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать, какъ странствованье внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ сражается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ въ мракъ сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды, и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается. Не учительскимъ скучнымъ голосомъ преподаю наставленія, какъ достигать свѣта истины; ни съ важностью проповѣдника, мнѣ не приличною, возвѣщаю, какъ возродиться человѣкъ можетъ; но въ духѣ, свойственномъ пѣснопѣвцу, робкому пѣснопѣвцу, единственно о христіанскомъ просвѣщеніи Владиміра повѣдаю, — Вла-

Символическое изображеніе торжества Екатерины на поприщѣ наукъ и художествъ.

[1]) Кажется, даже и выборъ самаго сюжета совпадалъ съ тѣмъ религіозно-мистическимъ направленіемъ, которое проявляется во всѣхъ произведеніяхъ Хераскова съ конца 70-хъ годовъ, когда онъ поддался вліянію масонства.

диміра, Россіи просвѣтителя и нареченнаго Равноапостольнымъ. Повѣсть важна, велика и восторговъ достойна... Многіе духовные отцы въ томъ сочиненіи мнѣ руководствовали, многое отъ бесѣдованья съ цѣломудренными людьми я заимствовалъ, многое собственнымъ позналъ опытомъ; и ежели кто, прочитавъ сію поэму, скажетъ, что онъ не напрасно потерялъ свое время, то и я сказать осмѣлюсь, что мое время, сочиняя Владиміра, употребилъ не втунѣ". Несмотря на высокое настроеніе этого предисловія, несмотря на желаніе автора придать своему произведенію какое-то особенно важное значеніе, его поэма „Владиміръ", въ сущности, является гораздо болѣе слабою, нежели „Россіяда". Ея фабула чрезвычайно запутана, а внесенный въ нее элементъ „чудеснаго", сверхъестественнаго, еще болѣе представляется искусственнымъ и искусноприлаженнымъ къ содержанію произведенія, нежели въ „Россіядѣ... Въ этомъ сверхъестественномъ элементѣ, принимаетъ участіе, съ одной стороны, весь русскій языческій міръ, въ видѣ боговъ: Перуна, Чернобога, Хорса, Купала, Лада, Услада, Знича, Посвиста, Волоса и Дажбога [1]). Но этого кажется поэту недостаточно: онъ вселяетъ въ Перуна особое существо—*духъ Безбожія*, дѣйствующій непосредственно по внушенію дьявола, точно такъ же, какъ и *Духъ Сомнѣнія*, на время овладѣвающій душою Владиміра, и еще какое-то существо „*Раздоръ*" (крайне неопредѣленное), являющееся только для того, чтобы возбудить Печенѣговъ къ нападенію на русское войско, идущее къ стѣнамъ Херсона. Всѣ эти враждебныя христіанству силы дѣйствуютъ заодно съ волхвомъ *Зломиромъ* и жрецомъ *Пламидомъ*, полагая всевозможныя препятствія на пути къ спасенію Владиміра и къ переходу его отъ язычества въ христіанство. Зато, съ другой стороны, дѣйствуютъ благія силы, въ видѣ херувимовъ, св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ видѣ старца Кира, „пастыря вѣрныхъ душъ и древняго философа", и, наконецъ, въ видѣ олицетворенія „Благочестивой вѣры", которая убѣждаетъ Владиміра перейти въ христіанство. Къ простой исторіи этого перехода изъ одной вѣры въ другую, Богъ вѣсть для чего, приплетена исторія любви Законеста къ красавицѣ Версанѣ, которою плѣняется также и Владиміръ, но великодушно уступаетъ ее Законесту, узнавъ, что и онъ, и Версана—христіане, и любятъ другъ друга. Точно также, въ видѣ совершенно излишняго эпизода, только растягивающаго и безъ того уже длинную эпопею, является въ 11-й пѣснѣ: увлеченіе Зломиромъ Рогдая—главнаго Владимірова воеводы—вдаль отъ русскаго стана, вмѣстѣ съ четырьмя русскими витязями, какъ разъ въ то время, когда „Раздоръ" наводитъ Печенѣговъ на русское

[1]) Въ числѣ русскихъ языческихъ боговъ, почему-то упоминается даже и Кій—Богъ вѣсть какими судьбами очутившійся между боговъ.

войско... Между тѣмъ, какъ Рогдай со своими витязями бродитъ невѣдомо гдѣ, отуманенный чарами Зломира, Владиміръ подступаетъ къ Херсону и требуетъ выдачи русскихъ плѣнниковъ и сдачи города. Старецъ Киръ уговариваетъ правителя Ферекида послать ко Владиміру царевну Анну, тѣмъ болѣе, что въ „Совѣтѣ Божіемъ“ предопредѣлено черезъ нее просвѣтить Россію православной вѣрой и навѣки соединить съ Греціей нерушимымъ союзомъ. Въ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ описываются битвы подъ стѣнами Херсона, взятіе города, прибытіе царевны изъ Греціи и крещеніе Владиміра.

Остальныя произведенія Хераскова.

Мы уже говорили выше, что̀ именно нравилось русской читающей публикѣ (въ половинѣ XVIII вѣка) въ эпопеяхъ Хераскова. Не менѣе нравились и другія его произведенія, и, въ особенности, тѣ его повѣсти, въ которыхъ ясно слышались намеки и указанія на русскую современность, конечно, идеализированную, превознесенную и украшенную. Такъ, напр., значительнымъ успѣхомъ пользовалась его повѣсть „*Нума Помпилій или процвѣтающій Римъ*“ (1765 г.), въ которой, подъ видомъ „мудраго Нумы“, изображена была Екатерина и всѣ блага ея правленія. Самъ авторъ весьма наивно высказываетъ это въ своемъ предисловіи къ поэмѣ:

Автографъ Хераскова.

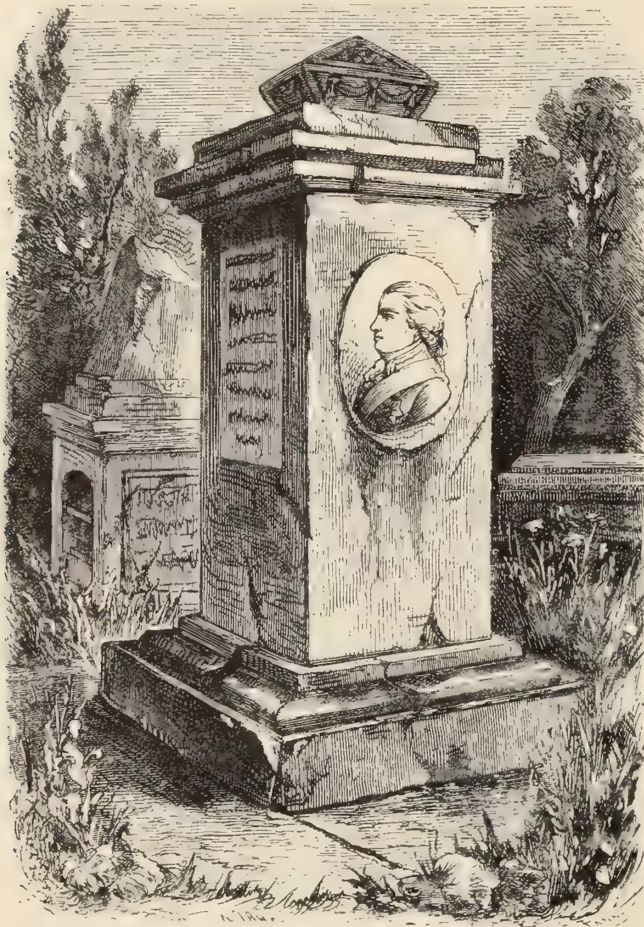
„Ежели бы всѣ такія расположенія души имѣли, какія имѣлъ сочинитель сей книги, тогда бы человѣческій родъ не несчастенъ былъ: ибо истина, добродѣтель и правосудіе торжествовали бы на землѣ. Онѣ торжествуютъ въ Россіи. Небо продли сіе благо!“

На томъ же основаніи и такимъ-же успѣхомъ пользовалась другая повѣсть Хераскова—„*Кадмъ и Гармонія*“ (1789) и ея продолженіе—„*Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи*“, въ которыхъ осуждается современное революціонное движеніе во Франціи и тамошнимъ смутамъ противополагается общество, уважающее преданіе, тишину и порядокъ [1]). Со стороны теоретическихъ воззрѣній Хераскова весьма любопытнымъ является слѣдующее мѣсто изъ предисловія автора къ повѣсти „Кадмъ и Гармонія“. „Мнѣ совѣтовали переложить сіе сочиненіе стихами, дабы видъ эпической поэмы оно приняло. Надѣюсь, могутъ читатели повѣрить мнѣ,

[1]) По общему направленію, къ этой повѣсти изъ позднѣйшихъ произведеній Хераскова подходитъ только поэма: «*Царь или спасенный Новгородъ*» (1800 г.), которая, въ свое время, была очень популярною.

что я въ состояніи былъ издать сіе твореніе стихами: но я не поэму писать, а хотѣлъ сочинить простую токмо повѣсть, которая для стихословія не очень удобна. Кому извѣстны піитическія правила, тотъ, при чтеніи сей книги, почувствуетъ для чего не стихами она писана".

Нужно ли упоминать здѣсь, что всѣ эти повѣсти не были у Хераскова произведеніями вполнѣ оригинальными и являлись не болѣе, какъ подражаніемъ тѣмъ назидательнымъ повѣстямъ Фенелона, Террасона, Мармонтеля и Флоріана, которыя, въ началѣ второй половины XVIII вѣка, уже были давно извѣстны въ русскихъ переводахъ.

Надгробный памятникъ М. М. Хераскова, на кладбищѣ Симонова монастыря.

Въ заключеніе того, что мы сказали о Херасковѣ, замѣтимъ, что онъ, по образованію и литературной подготовкѣ своей, принадлежитъ эпохѣ, которая произвела и подготовила къ дѣятельности такихъ усердныхъ послѣдователей ложно-классической теоріи, какъ Тредіаковскій и Ломоносовъ. Съ Херасковымъ и отжилъ свой вѣкъ въ Россіи типъ литераторовъ, болѣе придававшихъ значенія внѣшней формѣ произведенія, нежели его содержанію, типъ литераторовъ, вѣрившихъ въ возможность „творить, на основаніи правилъ", хотя бы даже и безъ вдохновенія, и безъ поэтическаго таланта [1]).

[1]) Онъ самъ говоритъ, въ предисловіи къ «Кадму и Гармоніи»: «Не одни стихи, но наипаче изобрѣтеніе, естественность, украшенія, привлекательность слога, убѣдительное нравоученіе и остроуміе стихотворца составляютъ».

По характеру и направленію своей дѣятельности, хотя и въ иномъ литературномъ родѣ, очень близко подходитъ къ Хераскову *Яковъ Борисовичъ Княжнинъ* (род. 1742 г., ум. 1791 г.). Онъ родился во Псковѣ, гдѣ отецъ его владѣлъ помѣстьями и состоялъ на службѣ. Въ противоположность многимъ другимъ современникамъ, отецъ Княжнина прилагалъ много заботъ и старанія къ тому, чтобы дать сыну хорошее воспитаніе, и тщательно слѣдилъ за его нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ; для этой цѣли онъ и держалъ сына дома до 18-ти лѣтняго возраста. Затѣмъ отецъ отдалъ Якова Борисовича въ домъ академика Мо- Я. Б. Княжнинъ.

Заглавная виньетка на титульномъ листѣ полнаго собранія сочиненій Я. Б. Княжнина 1787 г.

дераха, человѣка образованнаго и отлично знавшаго языки; въ средѣ нѣмцевъ-академиковъ онъ даже настолько былъ извѣстенъ своимъ знаніемъ русскаго языка, что и самъ Мюллеръ отдавалъ ему на исправленіе русскій текстъ своихъ сочиненій. У Модераха Княжнинъ получилъ недурное среднее образованіе и пріобрѣлъ весьма основательное знакомство съ языками итальянскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, благодаря чему и могъ начать свою службу съ мѣста переводчика въ Иностранной Коллегіи... Дальнѣйшая біографія его не представляетъ собою ничего существенно-важнаго, въ смыслѣ отношенія къ его литературной дѣятельности, и если мы добавимъ къ сказанному, что Княжнинъ служилъ послѣ Иностранной Коллегіи сначала въ военной службѣ, а потомъ занималъ мѣсто секретаря у И. И. Бецкаго [1]), которому помогалъ при устройствѣ Воспи-

[1]) Одно время, по желанію Бецкаго, Княжнинъ былъ даже преподавателемъ Русской Словесности въ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ.

тательныхъ домовъ—то мы этимъ вполнѣ исчерпаемъ весь матерьялъ, важный для біографіи Княжнина.

Трагедіи Княжнина.

Увлекаясь театромъ, Княжнинъ сталъ рано писать для сцены и, будучи еще очень молодымъ, поставилъ на сцену (сначала въ Москвѣ) свою трагедію „*Дидона*“, въ которой онъ старался подражать пьесѣ того же имени, написанной итальянскимъ поэтомъ Метастазіо. Въ Москвѣ эта пьеса заслужила одобреніе самого Сумарокова, а въ Петербургѣ, когда она была представлена на придворномъ театрѣ, императрица Екатерина отнеслась къ ней чрезвычайно благосклонно. Публикѣ понравилось то, что въ основу трагедіи положена была борьба страстной любви съ чувствомъ долга, которое побуждаетъ Энея покинуть Дидону, горячо его любящую и горячо имъ любимую — чтобы исполнить завѣтъ боговъ и основаніемъ Рима увѣковѣчить славу Трои.

Успѣхъ первой трагедіи ободрилъ Княжнина и къ дальнѣйшимъ шагамъ на томъ же самомъ поприщѣ. Вскорѣ послѣ „Дидоны“ написана была его другая трагедія—„*Росславъ*“, и авторъ, въ посвященіи княгинѣ Дашковой, обращаетъ ея вниманіе на то, что главною тэмою въ ней является „не обыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна и была представляема, но страсть великихъ душъ — любовь къ отечеству“. Героемъ этой трагедіи выведенъ на сцену какой-то „россійскій полководецъ Росславъ“, попавшійся въ плѣнъ къ Датскому и Шведскому королю, Христіерну. Подвигъ его заключается въ томъ, что онъ отвергаетъ всѣ соблазны—и любовь Зафиры, княжны Шведской, и тронъ, который она ему предлагаетъ — и остается вѣренъ любви къ своей отчизнѣ. Но всѣ эти высокія чувства, какъ и самый характеръ „Росслава“, ходульны и напыщенны, и скорѣе напоминаютъ намъ сценическихъ героевъ и сценическія положенія французской ложно-классической трагедіи, нежели какую бы то ни было живую дѣйствительность. Но такіе герои и такія преувеличенныя чувства, внесенныя на сцену и утвердившіяся на ней съ легкой руки Сумарокова—еще нравились публикѣ, и „Росславъ“, точно такъ же, какъ и „Дидона“, удержался на русской сценѣ почти до конца XVIII вѣка. Современники почитали ихъ лучшими произведеніями Княжнина, и на ряду съ ними ставили только еще третью его трагедію — „*Титово Милосердіе*“ — которая была почти дословно передѣлана изъ извѣстной уже намъ оперы Метастазіо [1]).

Кромѣ этихъ трехъ трагедій, Княжнинъ написалъ еще три: „*Владиміръ и Ярополкъ*“ (1772 г.), „*Софонизба*“ (1786 г.) и „*Владисанъ*“

[1]) Эту трагедію Княжнинъ написалъ по желанію Екатерины, и всѣ современники видѣли въ характерѣ «Тита» олицетвореніе ея царственныхъ заслугъ и доблестей.

(того же года) — въ которыхъ подражалъ Расину и Вольтеру, заимствуя у нихъ и характеры, и положенія, и сцены. Но эти

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ

ТРАГЕДІЯ

въ

стихахъ,

въ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинена.

ЯК. КНЯЖНИНЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ,

1793 года.

Заглавный листъ трагедіи «Вадимъ Новгородскій», сочиненной Я. Б. Княжнинымъ и подвергнувшейся гоненію послѣ смерти автора.
По весьма рѣдкому экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

трагедіи не имѣли успѣха, точно такъ же, какъ и переведенныя Княжнинымъ (бѣлыми стихами) трагедіи Расина: „*Сидъ*“, „*Смерть*

Помпей" и „*Цинна*". Гораздо болѣе всѣхъ этихъ произведеній Княжнина—не столько содержаніемъ своимъ и литературными достоинствами, сколько своею странною судьбою — возбудила къ себѣ вниманіе его трагедія „*Вадимъ Новгородскій*", написанная въ 1783 г., но напечатанная въ 1793 г., т. е. черезъ два года послѣ смерти автора. Проникнутая тѣми же самыми патріотическими чувствами, какими переполнено содержаніе другихъ драматическихъ произведеній Княжнина, эта трагедія за самый сюжетъ свой и за нѣсколько громкихъ тирадъ о вольности, неожиданно подверглась гоненію со стороны Екатерины и вызвала цѣлую бурю въ высшихъ сферахъ только потому, что была напечатана во время самаго разгара республиканскаго террора во Франціи. Но къ этой трагедіи мы еще вернемся въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Комедіи и оперы.

Еще болѣе слабыми, чѣмъ трагедіи, и еще менѣе оригинальными должны быть названы комедіи Княжнина, въ которыхъ онъ опять-таки подражалъ второстепеннымъ французскимъ образцамъ и, подставляя русскія имена на мѣсто французскихъ, пытался передѣлывать французскіе сюжеты на русскіе нравы. Изъ числа такихъ передѣлокъ и переработокъ болѣе удачными считались комедіи: „*Хвастунъ*" и „*Чудаки*", хотя онѣ очень тяжелы и натянуты, а многое въ нихъ до такой степени неестественно и непослѣдовательно, что мы, въ настоящее время, не можемъ даже уловить того, что̀ въ этихъ комедіяхъ могло нравиться публикѣ. Болѣе комедій были популярны и приходились по вкусу столичной публикѣ „*комическія оперы*" Княжнина, по своей простой и незамысловатой подкладкѣ, по веселымъ и легкимъ пѣсенкамъ и аріямъ, которыя были въ нихъ внесены. Особенною извѣстностью, въ числѣ ихъ, пользовались оперы: „*Несчастье отъ кареты*" и „*Сбитеньщикъ*", изъ котораго и до сихъ поръ въ памяти многихъ держатся нѣкоторыя пѣсенки, повторяемыя безотчетно: напр.:

«Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать,
Только должно
Осторожно
Поступать.»

Или еще:

«Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него—куда съ умомъ!
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ—идешь пѣшкомъ».

Мы и теперь еще напѣваемъ иногда эти пѣсенки, совсѣмъ

забывая о томъ, что имъ уже стукнуло чуть не сто тридцать лѣтъ, и что онѣ написаны Княжнинымъ...

Подводя итоги всей литературной дѣятельности Княжнина, мы должны прійти къ тому заключенію, что онъ во всѣхъ своихъ сценическихъ произведеніяхъ былъ не болѣе, какъ подражателемъ Сумарокова [1]) и продолжателемъ его дѣятеьлности, т. е. преданнѣйшимъ поклонникомъ образцовъ ложно-классической драмы, со всѣми ихъ недостатками, несообразностями и уродливымъ примѣненіемъ стѣснительныхъ „трехъ единствъ". Но онъ былъ несомнѣнно менѣе талантливъ и менѣе плодовитъ, нежели Сумароковъ; а языкъ его былъ едва ли не хуже языка Сумарокова, по своему тяжелому, неправильному складу и неудачному подбору словъ и выраженій. Несомнѣнное и неотъемлемое достоинство Княжнина, по сравненію съ Сумароковымъ, составляетъ его чрезвычайная скромность и отсутствіе всякаго самомнѣнія. Съ этой именно стороны его прекрасно характеризуетъ извѣстный анекдотъ о томъ, что послѣ перваго представленія „Дидоны", какой-то восторженный поклонникъ его пьесы рѣшился воскликнуть при немъ: — „Вы нашъ Расинъ! Русскій Расинъ!" — „Ради Бога", — остановилъ его Княжнинъ: — „говорите потише; а то, пожалуй, кто-нибудь еще услышитъ ваши слова, и тогда уже впредь вамъ ни въ чемъ вѣрить не будетъ".

Медаль въ память Екатерины II.

[1]) Съ Сумароковымъ Княжнинъ очень подружился и даже подчинялся его вліянію; впослѣдствіи онъ женился на дочери Сумарокова, которая и сама занималась литературой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дальнѣйшая разработка эпопеи ближайшими преемниками Хераскова.—И. Ѳ. Богдановичъ. Его поэтическое настроеніе и направленіе его таланта.—«Душенька»—вѣнецъ его славы.—Новыя черты русской поэзіи въ этой эпопеѣ.—Басня въ русской литературѣ. — Хемницеръ и его басни. В. И. Майковъ.—Его лирическія и эпическія произведенія.—Сатирическое направленіе его поэзіи и ея народные элементы.

Героическая, серьезная и тяжелая эпопея, съ ея напыщеннымъ паѳосомъ, съ ея мрачными картинами битвъ и борьбы, съ преувеличенными изображеніями восторговъ и ужаса, съ изложеніемъ событій въ однообразно-повышенномъ, натянутомъ тонѣ—должна была нѣсколько прискучать, и не каждому читателю оказывалась по плечу. Вмѣстѣ съ развитіемъ у насъ журналистики и легкой переводной литературы, а также и съ проявленіемъ въ обществѣ весьма замѣтной потребности вообще въ легкомъ и занимательномъ чтеніи, должны были неизбѣжно явиться попытки упростить эпопею, понизить ея торжественный тонъ—сблизить ее съ простою обстановкой русской обыденный жизни. Такое видоизмѣненіе эпической поэмы было, вначалѣ, не малою заслугою, и честь этой заслуги всецѣло принадлежитъ одному изъ скромныхъ послѣдователей и учениковъ Хераскова, И. Ѳ. Богдановичу.

Богдановичъ.

Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ (род. 1753 г., ум. 1803 г.), родился въ историческомъ мѣстечкѣ, Переволочномъ, гдѣ его отецъ занималъ какую-то должность. На одиннадцатомъ году онъ отвезенъ былъ въ Москву и опредѣленъ юнкеромъ въ Юстицъ-Коллегію. Въ то же время ему дозволено было учиться въ математической школѣ, при тогдашней сенатской конторѣ. Но у юноши не то было въ головѣ: онъ бредилъ стихами Ломоносова и Сумарокова, самъ пописывалъ стишки и страстно увлекался театромъ. Когда ему минуло лѣтъ пятнадцать, онъ даже и самъ рѣшился идти на сцену; но Херасковъ (въ то время былъ директоромъ Московскаго театра) отговорилъ его и, взявъ къ себѣ въ домъ на житье, записалъ въ Московскій университетъ. Занимаясь въ университетѣ и живя въ домѣ Хераскова, Богдановичъ участвовалъ въ журналахъ, которые Херасковъ издавалъ въ началѣ 60-хъ годовъ; потомъ, получивъ мѣсто при университетѣ, онъ и самъ сталъ издавать журналъ „*Невинное Упражненіе*“, въ которомъ принимали участіе многія лица изъ кружка Хераскова и даже княгиня Е. Р. Дашкова. Она-то и способствовала переселенію Богдановича въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто переводчика въ Иностранной Коллегіи и потомъ, прославившись

СОЧИНЕНІЯ
Ипполита Ѳедоровича
БОГДАНОВИЧА.

Часть Первая
МОСКВА.
1809.

СОЧИНЕНІЯ
БОГДАНОВИЧА.
ЧАСТЬ. I.
Изданіе второе

Москва.
1818

Титульные листы къ двумъ изданіямъ сочиненій И. Ѳ. Богдановича.

своими поэтическими произведеніями, сталъ лично извѣстенъ самой императрицѣ Екатеринѣ.

Въ Петербургѣ, Богдановичъ, уже знакомый публикѣ по мелкимъ поэтическимъ произведеніямъ и по своему журналу, еще болѣе обратилъ на себя вниманіе переводомъ Вольтеровской поэмы „*На разрушеніе Лиссабона*“; вскорѣ послѣ того онъ издалъ въ свѣтъ свою назидательную поэму „*Сугубое Блаженство*“ [1]) (въ 1765 г.). Въ слѣдующемъ году онъ по службѣ своей долженъ былъ отправиться за границу и прожилъ два года въ Дрезденѣ; а по возвращеніи, съ новымъ рвеніемъ принялся за поэзію и литературу — писалъ стихи, переводилъ и даже издавалъ журналъ „*Петербургскій Вѣстникъ*“ (въ теченіе полутора года), и, наконецъ, напалъ на счастливую мысль воспользоваться игривою и граціозною тэмою „Любви Психеи и Купидона“, но не въ томъ видѣ, какъ изложилъ ее Лафонтенъ [2]) въ своей повѣсти, а приспособивъ тотъ же сюжетъ къ русскимъ понятіямъ и поставивъ его въ бытовыя условія, близкія и знакомыя русской публикѣ, сообразуясь съ моднымъ въ Екатерининское время направленіемъ нашей литературы.

И. Ө. Богдановичъ.

„Душенька“ Богдановича.

Въ началѣ поэмы, противополагая ея легкое содержаніе серьезному содержанію большихъ классическихъ эпопей, Богдановичъ говоритъ въ обычномъ вступленіи:

«Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ, въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ, кончали дни герои —
Но Душеньку пою.
Тебя, о, Душенька! на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору *въ простотѣ и вольности* слагаю».

Вотъ именно эта-то „*простота и вольность*“, которыя Богдановичъ допустилъ (не всегда кстати) въ изложеніе своей поэмы,

---

[1]) Современный біографъ Богдановича такъ отзывается объ этой поэмѣ: «онъ разбилъ ее на три пѣсни; въ первой изображаетъ картину золотого вѣка; во второй — успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленія страстей; въ третьемъ — спасительное дѣйствіе законовъ и церковной власти». Но «поэма не сдѣлала впечатлѣнія на публику».

[2]) Лафонтенъ, въ свою очередь, заимствовалъ содержаніе своей повѣсти у Апулея, латинскаго писателя, жившаго во II вѣкѣ по Р. Хр.; Апулей вставилъ разсказъ о любви Амура и Психеи, въ видѣ эпизода, въ одну изъ главъ своего обширнаго философскаго романа «*Превращеніе или золотой оселъ*».

и составили въ ней черты совсѣмъ новыя, не виданныя дотолѣ въ русской поэзіи. „Простота“ эта выразилась отчасти и въ самомъ названіи поэмы „Душенькой“, т.-е. такимъ ласкательнымъ словомъ, которое не можетъ, собственно говоря, служить ни замѣною, ни переводомъ греческаго наименованія героини въ романѣ Апулея. Придавъ своей героинѣ имя „Душеньки“, Богдановичъ способствовалъ ея перерожденію изъ отвлеченной, таинственной, греческой „Психеи“ въ весьма положительную, хорошенькую русскую дѣвушку, отчасти напоминающую намъ всѣхъ героинь нашей простой народной русской сказки. Хотя родителями „Душеньки“, у Богдановича, являются греческіе царь и царица, живущіе „въ старинной Греціи, въ Юпитерово время“; хотя она любитъ Амура и вступаетъ въ сношенія со всѣмъ классическимъ Олимпомъ и Тартаромъ — мы все-жъ видимъ около нея знакомую намъ обстановку русскихъ сказокъ: и Чудо-Юдо, и Змѣя-Горынича, и Кощея, у котораго хранится „мечъ-самосѣкъ“. Такими же знакомыми русскими бытовыми героями изобилуетъ, напримѣръ, описаніе поѣзда Венеры, которая мчится по волнамъ моря, какъ знатная барыня въ каретѣ по улицамъ одной изъ русскихъ столицъ:

Психея возлагаетъ вѣнокъ на бюстъ Богдановича. Заглавный листъ въ изданіи его сочиненій 1809 г.

«Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ

Выходитъ къ ней изъ бездны водъ.
Иной вокругъ нея ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой крутясь, во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ...
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Вожжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди, верхомъ
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то видѣть могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальнихъ
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ обломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.»

Основная фабула всей поэмы, какъ расказывается она у Апулея, пользуется весьма широкою извѣстностью, и потому мы ограничимся лишь самымъ краткимъ ея изложеніемъ. У одного царя было три дочери, и младшая изъ нихъ, Психея, отличалась такою поразительною красотою, что всѣ преклонялись предъ ней, какъ предъ богиней красоты. Такія почести, воздаваемыя простой смертной, прогнѣвили богиню Венеру, и она повелѣла сыну своему, Купидону, покарать Психею; но сынъ не могъ исполнить приказаніе матери, потому что и самъ увлекся Психеей. Въ то время, когда родители Психеи, повинуясь оракулу, отвезли ее на одну изъ горныхъ вершинъ, гдѣ Психея должна была встрѣтить свыше назначеннаго ей супруга, Купидонъ явился туда и приказалъ Зефиру перенести красавицу въ далекій и богатый чертогъ, гдѣ и сталъ посѣщать ее каждую ночь, и, пользуясь мракомъ, оставался ей неизвѣстенъ. Счастливая и всѣмъ довольная Психея, желая подѣлиться своимъ счастьемъ съ сестрами, передала имъ чрезъ Зефира вѣсть о себѣ. Сестры къ ней явились и, изъ зависти, стали ей наговаривать, будто ея таинственный супругъ никто иной, какъ чудовищный драконъ. Онѣ совѣтовали Психеѣ, во что бы то ни стало, убѣдиться въ истинѣ ихъ словъ—и избавиться изъ-подъ власти чудовища. Напуганная Психея запаслась свѣтильникомъ и кинжаломъ, воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы взглянуть въ лицо своего таинственнаго супруга, и такъ была поражена его божественною красотою, что рука у

нея дрогнула, горячее масло пролилось изъ свѣтильника на тѣло Купидона, и тотъ проснулся... Глубоко возмущенный ея преступнымъ любопытствомъ и предположивъ, что у ней въ душѣ таился противъ него злой умыселъ, Купидонъ ее покинулъ. Опечаленная Психея пошла искать своего милаго по бѣлу свѣту, и дошла, наконецъ, до самой Венеры. Гнѣвная богиня подвергаетъ Психею различнымъ испытаніямъ, и, наконецъ, посылаетъ ее въ подземное царство, къ богинѣ Прозерпинѣ, чтобы добыть отъ той сосудъ съ благовоніями, дарующими красоту. Но Венера повелѣваетъ Психеѣ—не открывать сосуда на пути и тѣмъ возбуждаетъ ея женское любопытство. Психея не исполняетъ этого завѣта богини: вскрываетъ сосудъ и смертоносное испареніе, вылетѣвшее изъ-подъ крышки его—умерщвляетъ Психею. Однакоже Купидонъ оживляетъ ее однимъ прикосновеніемъ стрѣлы, и она, по волѣ Зевса возведенная на Олимпъ, удостоена безсмертія и вступаетъ въ вѣчный союзъ съ Купидономъ.

Союзъ Психеи (души) съ Купидономъ (богомъ любви и желаній), въ классической древности, имѣлъ глубокое символическое значеніе. Само собою разумѣется, что въ обработкѣ Лафонтена эта фабула обратилась въ простую исторію любви Купидона къ Психеѣ, и прежнее, отчасти философское, отчасти символическое значеніе должно было, естественно, утратиться безслѣдно. Еще болѣе упростилась и утратила своей граціи и прелести та же исторія въ передачѣ Богдановича, который не обладалъ ни талантомъ, ни литературнымъ умѣньемъ, ни тактомъ Лафонтена. Но этого не видѣлъ и не замѣчалъ никто изъ современниковъ Богдановича: легкая поэма его, представлявшая пеструю смѣсь ложно-классическаго элемента съ русскимъ, народнымъ, чрезвычайно понравилась современному русскому читателю, утомленному скукою и однообразіемъ тяжелыхъ героическихъ эпопей, написанныхъ по всѣмъ правиламъ строгой теоріи. „Ипполитъ Богдановичъ — первый на русскомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ могли быть для него образцами только въ иныхъ родахъ!“ — такъ восклицаетъ современный критикъ, и отзывъ его справедливъ во многихъ отношеніяхъ потому, что, дѣйствительно, „Душенька“ Богдановича была первымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ, одинаково доступнымъ и пріятнымъ для всѣхъ, тѣмъ болѣе, что языкъ автора „Душеньки“ невольно поражаетъ насъ даже и въ настоящее время своею замѣчательною легкостью, свѣжестью и игривостью, по сравненію съ языкомъ современной ему поэзіи и повѣствовательной прозы. И не только современники, но и ближайшее, послѣдующее поколѣніе до такой степени увлекалось и восхищалось поэмой Богдановича, что ставило ее выше Лафон-

тенова оригинала. „Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ“... „Душенька“ во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и *вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами* [1]), ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы: что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ искусствѣ“ [2]). Если такъ могъ говорить Карамзинъ, почти тридцать лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Душеньки“, то что же должны были о ней думать и какъ должны были на нее смотрѣть современники...

Уваженіе современниковъ къ игривому и граціозному творенію Богдановича выражалось отчасти въ томъ, что „Душенька“ разошлась въ нѣсколькихъ изданіяхъ съ прекрасными гравюрами. Мало того:—эта поэма пользовалась въ такой степени прочнымъ успѣхомъ не только въ концѣ прошлаго, но даже и въ началѣ нынѣшняго вѣка, что одинъ изъ весьма талантливыхъ русскихъ художниковъ, графъ Ѳ. П. Толстой, избралъ „Душеньку“ тэмою для цѣлой серіи превосходныхъ рисунковъ, которые и вышли въ свѣтъ въ видѣ роскошнаго альбома гравюръ въ 40-хъ годахъ XIX вѣка.

„Душенька“ вызвала общій восторгъ и окончательно упрочила служебную карьеру автора, такъ какъ Екатерина, читавшая все, что выходило новаго въ русской литературѣ, обратила на поэму Богдановича особенное, милостивое вниманіе. Она приблизила къ себѣ автора, осыпала его милостями и подарками и, сама увлекаясь театромъ, стала и его побуждать, чтобы онъ работалъ для сцены. Объ этихъ побужденіяхъ сохранились любопытныя свѣдѣнія въ автобіографической запискѣ, оставленной самимъ Богдановичемъ:

...„1786 года въ апрѣлѣ, по именному Монаршему повелѣнію, сочинилъ лирическую комедію *„Радость Душенька“*, которая удостоена была *Высочайшей* апробаціи, и въ знакъ Монаршаго благоволенія при семъ случаѣ пожалована автору отъ Государыни табакерка; вскорѣ же потомъ пожалованы на уплату долговъ деньги. По представленіи же комедіи на придворномъ театрѣ пожалована еще табакерка“...

Остальныя произведенія Богдановича.

Изъ той же записки узнаемъ, что до 1789 года Богдановичемъ была написана еще драма „Славяне“ (она была поставлена на сцену въ день празднованія 28-ми-лѣтняго юбилея царствованія Екатерины II) и еще какія-то „два театральныя представленія изъ русскихъ пословицъ“, сложенныя въ

---

[1]) «Лафонтеново твореніе» писано и стихами и прозой.

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1803 г., № 10 (статья Карамзина). Любопытно и продолженіе ея, указывающее намъ, какъ могли образованные русскіе люди смотрѣть на поэзію, даже въ началѣ XIX в. «Нѣкоторыя изобрѣтенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ *для большаго удовольствія читателей*... никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно-несбыточное принадлежитъ къ сему,—слѣдственно и басня «Душенька»...

1787 году изъ русскихъ пословицъ „по имянному Монаршему повелѣнію“. Эти послѣднія два произведенія, очевидно, были результатомъ довольно оригинальнаго литературнаго труда, также

Торжество «Душеньки». По гравюрѣ конца XVIII вѣка.

исполненнаго Богдановичемъ по желанію Екатерины, а именно— „Русскихъ пословицъ, собранныхъ и переложенныхъ авторомъ „Душеньки“ въ стихи“ (изд. въ трехъ частяхъ, въ 1785 году) [1].

[1]) Пословицы въ сборникѣ Богдановича отобраны, тщательно обдѣланы и расположены по значенію въ отдѣлы; напр.: I) нужная умѣренность въ жизни; II) нужное терпѣніе въ жизни; IV) стыдъ хвастовства; VIII) глупость спѣси и т. д.

Екатерина, любившая наши народныя пословицы, видимо, захотѣла придать имъ литературную форму, чтобы ввести ихъ въ область литературы и дать имъ возможно-большее обращеніе въ обществѣ. Нѣсколько преувеличивая объемъ и значеніе таланта своего любимаго поэта, Екатерина, вѣроятно, поручила ему написать также „Историческое изображеніе Россіи"... Но всѣ эти произведенія, написанныя Богдановичемъ послѣ „Душеньки", ничего не прибавили ни къ его заслугамъ, ни къ его славѣ въ потомствѣ. Впрочемъ, ни самъ Богдановичъ, ни современники его на этотъ счетъ нимало и не заблуждались, оцѣнивая по достоинству все, что было написано авторомъ „Душеньки" послѣ 1775 года [1]).

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (съ 1788 г.), Богдановичъ занималъ весьма видное мѣсто предсѣдателя новоучрежденнаго Государственнаго Архива и затѣмъ вышелъ въ отставку, обезпеченный полнымъ окладомъ жалованья, обращеннымъ въ пенсію. Удалившись на родину въ Малороссію, онъ дожилъ до вступленія на престолъ Александра I, котораго еще привѣтствовалъ торжественною одой, и скончался въ Курскѣ 6-го января 1803 года.

Первые образцы басни.

Почти одновременно съ легкимъ и шутливымъ эпосомъ, который, какъ мы увидимъ далѣе, привился у насъ довольно скоро— въ русской литературѣ явились и первые образцы басенъ, въ весьма талантливой и довольно самостоятельной обработкѣ, хотя и не безъ вліянія со стороны западно-европейской литературы. Мы говоримъ — первые образцы, хотя „басню" пытались ввести въ нашу литературу многіе писатели и до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія: Кантемиръ, Тредіаковскій, Ломоносовъ—писали „басни", а Сумароковъ оставилъ даже нѣсколько книгъ, наполненныхъ „баснями и притчами"; но ни онъ, ни его предшественники не дали, собственно говоря, ни одной настоящей басни, въ томъ видѣ, какъ она была разработана классическими баснописцами, и окончательно усвоена въ западно-европейской литературѣ Лафонтеномъ и Геллертомъ. Первый писатель, которому удалось перенести на русскую почву этотъ весьма трудный и прихотливый литературный родъ и притомъ передать его въ изящной и пріятной формѣ, нимало не похожей на то, что̀ разумѣли подъ именемъ басни вышеупомянутые писатели — былъ иноземецъ, одинъ изъ тѣхъ дорогихъ для Россіи, обрусѣвшихъ иноземцевъ, которымъ наше русское просвѣщеніе, литература и наука обязаны многими незабвенными услугами. Этотъ иноземецъ, впрочемъ, родившійся въ Россіи, былъ И. И. Хемницеръ.

Хемницеръ.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ (род. 1745 г., ум. 1784 г.) про-

[1]) Сюда же слѣдуетъ отнести всѣ поэтическія произведенія Вольтера, Мармонтеля и др., написанныя въ честь и хвалу Екатерины и переведенныя Богдановичемъ.

исходилъ изъ нѣмецкой семьи, и отецъ, его, Іоганъ Адамъ Хемницеръ [1]), выѣхалъ въ Россію изъ Германіи, вѣроятно въ началѣ 40-хъ или въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Онъ былъ по профессіи докторъ и, въ качествѣ военнаго врача, занималъ скромный служебный постъ въ Енотаевской крѣпости (нынѣ городъ Енотаевскъ, Астраханской губ.), гдѣ и родился у него сынъ—будущій русскій баснописецъ. Достовѣрно извѣстно, что и воспитаніе, и первое образованіе И. И. Хемницеръ въ дѣтствѣ и отрочествѣ получилъ нѣмецкое, и только съ 1755 года, когда отецъ его переселился изъ Астрахани въ Петербургъ, молодой Хемницеръ очутился въ иныхъ условіяхъ: въ школѣ учителя, преподававшаго латинскій языкъ при врачебномъ училищѣ (впослѣдствіи, въ 1783 г., переименованномъ въ медико-хирургическій институтъ), онъ получилъ первые начатки средняго образованія. Тутъ же почувствовалъ онъ охоту и къ медицинѣ; но кто-то сбилъ юношу съ толку и сманилъ его, на 13-мъ году, въ военную службу. Противъ воли отца, онъ поступилъ въ солдаты пѣхотнаго Нотебургскаго полка, причемъ ему показанъ былъ 16-й годъ. Двѣнадцать лѣтъ оставался онъ на службѣ, принималъ участіе въ походахъ (во время Семилѣтней войны), но не былъ въ сраженіяхъ, и всю службу проходилъ тѣмъ бѣдственнымъ и медлительнымъ путемъ, какимъ проходили ее въ ту пору всѣ маленькіе люди, не обладавшіе обезпеченными средствами и не имѣвшіе протекціи. Ничего не выслуживъ, кромѣ весьма скромнаго чина армейскаго поручика, Хемницеръ вышелъ въ отставку въ 1769 г., и вскорѣ поступилъ на службу по горному вѣдомству [2]).

Надгробный памятникъ И. Ѳ. Богдановича на кладбищѣ въ Курскѣ.

[1]) Многіе и до сихъ поръ повторяютъ басню о томъ, что фамилія Хемницеровъ происходитъ изъ города Хемница въ Саксоніи; а между тѣмъ мы теперь уже достовѣрно знаемъ, что отецъ Хемницера былъ родомъ изъ Фрейберга.

[2]) Какъ совершился этотъ переходъ—это остается до сихъ поръ темнымъ для біографовъ Хемницера. Въ одномъ учебникѣ по Русск. Слов. находимъ даже такую фразу:

Занятія литературой.

Служа въ Петербургѣ и посвящая всѣ свои досуги литературѣ и самообразованію, Хемницеръ вскорѣ сблизился съ А. Н. Львовымъ, а черезъ него проникъ и въ кружокъ, собиравшійся постоянно около Державина, домъ котораго былъ излюбленнымъ центромъ лучшихъ молодыхъ силъ литературныхъ и художественныхъ. Въ это время, онъ уже, вѣроятно, попалъ на тотъ литературный родъ, который болѣе всего подходилъ къ его характеру и таланту: — началъ, если не сочинять, то переводить басни, увлекаясь Лафонтеновскими образцами ея. Однакоже, первые его стихотворные опыты относились къ тѣмъ же избитымъ ложно-классическимъ образцамъ, съ которыхъ начинали и другіе юные поэты; первымъ извѣстнымъ произведеніемъ Хемницера была, напечатанная имъ въ 1770 г., очень плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи. За одою послѣдовала героида Дора „Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы“; это произведеніе, напечатанное въ 1774 году, посвятилъ Хемницеръ „своему любезному другу Львову“.

И. И. Хемницеръ.

Служба, трудная и отвѣтственная, требовавшая постоянныхъ и напряженныхъ работъ по ученому собранію при Горномъ Училищѣ [1]), много отнимала времени у Хемницера и, доставляя ему лишь весьма скромное обезпеченіе, оставляла ему для занятій литературою очень небольшіе досуги. Есть возможность предполо-

«Любя заниматься минералогіей, Х. изъ военнаго вѣдомства перешелъ въ горное»... Академикъ Гротъ дѣлаетъ такое предположеніе: Хемницеръ попалъ въ горное вѣдомство черезъ Львова, который состоялъ въ родствѣ съ М. О. Соймоновымъ, начальникомъ горнаго вѣдомства; но знакомство Хемницера со Львовымъ (по Гроту же) началось «вскорѣ послѣ 1770 года»... Какъ же могъ Львовъ рекомендовать Соймонову Хемницера въ 1769 году?

[1]) Состоя членомъ этого собранія, онъ переводилъ ученые труды нашихъ академиковъ по минералогіи и работалъ надъ составленіемъ горнаго словаря, причемъ отстаивалъ необходимость переложенія иностранныхъ терминовъ на русскій языкъ.

жить, что Н. А. Львовъ, человѣкъ весьма талантливый, прекрасно образованный и одаренный большимъ художественнымъ чутьемъ, оказалъ нѣкоторое вліяніе на развитіе и направленіе таланта Хемницера; но несомнѣнно то, что именно Львовъ, во главѣ другихъ друзей Хемницера, понудилъ его выдать въ свѣтъ то, что̀ у него было уже давно написано. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ (въ концѣ 1776 года) побывалъ за границей, имъ были изданы его „басни и сказки", безъ обозначенія года и безъ имени автора. Говорятъ даже, будто онъ взялъ съ друзей своихъ слово, что они не выдадутъ его тайны. „Басни и сказки" понравились публикѣ, и въ 1779 г. вышли въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, опять-таки безъ имени автора [1]).

Иллюстрація къ баснѣ «Метафизикъ» Хемницера, въ изд. 1811 года.

Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1781 году, Хемницеръ оставилъ службу по горному вѣдомству, потому что Соймоновъ вышелъ въ отставку, и нашъ баснописецъ не надѣялся ужиться съ новымъ начальникомъ. Оставшись безъ мѣста, скромный и добро-

[1]) Всего написано Хемницеромъ 91 басня. Въ числѣ ихъ, заимствованныхъ или переводныхъ до 30 (5 изъ Лафонтена, 18 изъ басенъ нѣмецкаго баснописца Геллерта); остальныя оригинальныя.

Виньетка къ сочиненіямъ Хемницера (изд. 1811 г.), по рисункамъ А. Н. Оленина.

совѣстный труженикъ сталъ терпѣть нужду, которая, впрочемъ, никогда не выпускала его изъ своихъ тисковъ. Поступить вновь на службу было необходимо, и, при помощи друзей, это ему наконецъ, удалось: въ 1782 г. Хемницеръ получилъ весьма почетное мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Ему пришлось разстаться съ дорогими и милыми ему людьми, съ любимыми занятіями и привычными условіями жизни... Онъ не могъ съ этимъ свыкнуться, да притомъ и здоровье его не выдержало тяжелыхъ климатическихъ условій его новаго мѣстопребыванія: онъ сталъ хирѣть и 20-го марта 1784 года его не стало. Говорятъ, что останки его были перевезены въ Россію и преданы землѣ въ Николаевѣ; могила его, однакоже, осталась неизвѣстна.

Виньетка къ сочиненіямъ Хемницера, по рисункамъ А. Н. Оленина.

Басни Хемницера.

Безпристрастно судя о басняхъ Хемницера и принимая въ соображеніе тѣ литературныя условія, въ которыхъ онѣ были созданы Хемницеромъ, мы должны прійти къ тому убѣжденію, что Хемницеръ, въ кругу нашихъ писателей прошлаго вѣка, занимаетъ, хотя и не видное, однакоже свое, самостоятельное положеніе. Басни его, и по внутреннему содержанію своему, и по достоинствамъ своей внѣшней обработки, до сихъ поръ еще не

утратили своего значенія, а въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онѣ, въ качествѣ образцовъ этого рода, должны были значительно облегчить обработку русской басни не только Дмитріеву, но даже и Крылову. Вѣскимъ доказательствомъ въ пользу несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ Хемницера служитъ и самая живучесть нѣкоторыхъ его произведеній: его басня „Метафизикъ“ и до сихъ поръ не утратила своего значенія и всѣмъ становится извѣстна со школьной скамьи.

В. И. Майковъ.

Василій Ивановичъ Майковъ (род. 1728, ум. 1778 г.), въ ряду второстепенныхъ поэтовъ середины XVIII вѣка занимаетъ выдающееся мѣсто, по оригинальности нѣкоторыхъ своихъ произведеній и по чрезвычайно смѣлому реализму одного изъ нихъ, главнымъ образомъ, составившаго его славу. О его дѣтствѣ и юности, о воспитаніи и вступленіи въ свѣтъ мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Происходилъ онъ отъ стараго дворянскаго рода и былъ сынъ Ивана Степановича Майкова, богатаго ярославскаго помѣщика, который былъ, повидимому, человѣкомъ передовымъ и образованнымъ, судя потому, что его имя встрѣчаемъ рядомъ съ именемъ ярославскаго воеводы, Мусина-Пушкина, въ числѣ меценатовъ, поощрявшихъ первые шаги Волкова и его компаніи въ ихъ театральныхъ затѣяхъ. Достовѣрно знаемъ одно: В. И. Майковъ не воспитывался ни въ какомъ изъ современныхъ учебныхъ заведеній и, отпущенный изъ военной службы домой „для наукъ“ [1]), вынесъ изъ этого домашняго обученія лишь очень не многое.

Виньетка къ сочиненіямъ Хемницера, по рис. А. Н. Оленина.

Въ 1761 г. Василій Ивановичъ покинулъ военную службу, перешелъ въ гражданскую и поселился въ Москвѣ, гдѣ вступилъ въ литературный кружокъ, собиравшійся около М. М. Хераскова, и первыя свои произведенія напечаталъ въ его журналѣ „*Полезное Увеселеніе*“ и въ журналѣ „*Свободные часы*“ (1762—1763). Здѣсь же онъ познакомился съ И. П. Елагинымъ, И. П. Мелис-

[1]) По современному обычаю, тѣмъ родителямъ-дворянамъ, которые заявляли желаніе обучать дѣтей своихъ, принятыхъ на службу, обыкновенно этихъ дѣтей отпускали домой, но съ обязательствомъ обучить ихъ дома: «ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, фортификаціи, артиллеріи, инженерному искусству, иностраннымъ языкамъ и, сколько возможно, и военной экзерциціи». Въ какой степени была выполнена, по отношенію къ В. И. Майкову, эта обширная программа, можемъ судить потому, что онъ *не зналъ ни одного иностраннаго языка.*

сино, братьями А. И. и В. И. Бибиковыми и княземъ Ѳ. А. Козловскимъ, однимъ изъ раннихъ русскихъ вольнодумцевъ XVIII вѣка. Вѣроятно, около того же времени встрѣтился онъ впервые съ А. П. Сумароковымъ, передъ которымъ совершенно искренно преклонялся и благоговѣлъ до конца жизни. Недаромъ онъ говоритъ о началѣ своей литературной дѣятельности, что „спознался съ Аполлономъ, подражая полночному Расину"... Подражаніе, дѣйствительно, выразилось въ томъ, что В. И. Майковъ, принявшись за перо, написалъ цѣлый рядъ торжественныхъ одъ и нѣсколько басенъ, основою нѣкоторыхъ послужили, отчасти, произведенія народной литературы. Во время этого же пребыванія въ Москвѣ, В. И. Майковъ издалъ въ свѣтъ первое крупное произведеніе свое: поэму „*Игрокъ Ломбера*", которая такъ понравилась публика, что въ короткое время выдержала три изданія.

В. И. Майковъ. По современному портрету.

Но цвѣтущимъ временемъ В. И. Майкова, какъ писателя, были тѣ 5—6 лѣтъ, которыя онъ провелъ въ Петербургѣ, начиная отъ 1768 г. Онъ явился сюда уже съ извѣстностью крупнаго писателя, пользовавшагося вниманіемъ и расположеніемъ публики. Поэтому неудивительно, что, кромѣ связей литературныхъ, остроумный писатель пріобрѣлъ здѣсь и новыя связи въ высшемъ кругу общества: сблизился съ Г. Г. и А. Г. Орловыми и З. Г. Чернышевымъ. Онъ писалъ одновременно и для сцены [1]), принималъ участіе въ современныхъ журналахъ

[1]) Трагедіи «Агріопа» и «Ѳемистъ и Іеронима» были имъ написаны въ 1769 и 1773 гг.—въ началѣ и въ концѣ его литературной карьеры.

(напр., въ „Трутнѣ“ Новикова) и создать свою сатирическую эпопею „*Елисей или раздраженный Вакхъ*“, которая, несмотря на нѣкоторую нескромность своей фабулы и грубый реализмъ нѣкоторыхъ картинъ и описаній, все же принадлежитъ къ наиболѣе оригинальнымъ и наиболѣе замѣчательнымъ эпическимъ произведеніямъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Хотя въ содержаніи поэмы и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ ея и чувствуется подражаніе классическимъ образцамъ; но, въ общемъ, вся поэма развивается на чисто-народной, бытовой основѣ, и главный герой поэмы, пьяный ямщикъ Елисей, особенно ярко выступаетъ характерными сторонами своего типа на фонѣ ложно-классическаго Олимпа и его боговъ, руководящихъ дѣйствіями „Елисея“. Многія сцены, описываемыя авторомъ живо и образно, ясно указываютъ на то, что онъ превосходно знакомъ съ бытомъ нашего простонародья и притомъ обладаетъ несомнѣннымъ сатирическимъ талантомъ и тонкою наблюдательностью. Многія картины (напр., картина кулачнаго боя Валдайцевъ съ Зимогорами) полны жизненной правды и, видимо, прямо выхвачены изъ живой дѣйствительности; изъ той же дѣйствительности почерпнуты и многія описанія, которыя еще и до сихъ поръ не утратили правдивости и яркости красокъ. Припомнимъ, напр., описаніе современной полицейской тюрьмы, помѣщенное во второй пѣснѣ поэмы, когда Ермій (Гермесъ) нисходитъ въ тѣ

«Елисей» В. И. Майкова.

«... темничныя юдоли,
Гдѣ скука, распростря свою ужасну власть.
Предвозвѣщала всѣмъ колодникамъ напасть.
Тамъ зрѣлися вездѣ томленія и слезы
И были тамъ на всѣхъ колодки и желѣзы.
Тамъ нужныхъ не было для жителей потребъ:
Вода ихъ питіе, а пища только хлѣбъ.
Не черновидныя стояли тамо ложи,
Висѣли по стѣнамъ цыновки и рогожи,
Раздранны рубища всегдашній ихъ нарядъ,
И обоняніе единый только смрадъ;
Среди ужаснаго и скучнаго толь дома...
Покойно тамъ не спятъ и сладко не ѣдятъ:
Всѣ жители оттоль какъ будто вонъ глядятъ,
Лишенны вольности, напрасно стонъ теряютъ,
И своды страшные ихъ стонъ лишь повторяютъ:
Ихъ слезы, ихъ слова не внятны никому».

И въ противоположность этой мрачной картинѣ темницы и заключеннымъ въ ней колодникамъ, такъ и просится другая, чрезвычайно привлекательная картина сельской природы, полной красокъ и звуковъ...

«Тамъ воды ясныя, какъ чистое стекло,
Между зелеными кустами извиваясь,
То индѣ межъ собой въ единъ ручей сливаясь,
Какъ сонныя въ брегахъ излучистыхъ текли,
И образъ надъ собой стоящихъ древъ влекли—
И роза, и нарцисъ себя въ нихъ также зрѣли.
Тамъ слышатся вездѣ пастушески свирѣли,
Которыя стрегли овечекъ отъ звѣрей,
Тамъ также слышался пріятный соловей,
Который, плѣнникъ ставъ прекрасныя Венеры,
Высвистывалъ любовь чрезъ разные манеры...
Тутъ стука не было отъ дятловыхъ носовъ
И также не было тамъ филиновъ и совъ—
Казалось, что тутъ вся природа отдыхала,
Одна лишь горлица о миломъ воздыхала,
Котораго въ тотъ день лишилася она...»

А вотъ, рядомъ съ этими двумя отрывками, изъ той же самой поэмы, насмѣшливый отзывъ автора о тѣхъ „щеголяхъ", которые ѣздятъ въ Парижъ „людей посмотрѣть и себя показать". В. И. Майковъ замѣчаетъ, что

... «ѣздятъ щеголи туда не ради скуки.
А если весело тамъ время проводить,
Такъ должно по домамъ кофейнымъ походить:
Узнать, въ какіе дни тамъ зрѣлища бываютъ,
Какіе и когда кафтаны надѣваютъ,
Какіе носятъ тамъ тупеи и виски,
Какія тросточки, какіе башмаки,
Какія стеклышки, чулки, манжеты, пряжки,
Чтобъ, выѣхавъ оттоль, одѣться безъ промашки,
И тѣмъ подъ судъ себѣ подобнымъ не подпасть.
Умѣти изъяснить свою безстыдну страсть,
Вертѣться, вздоръ болтать, по самой новой модѣ,
Какая только есть во вѣтренномъ народѣ.»

Какъ на чрезвычайно любопытную и еще весьма рѣдкую въ то время черту поэтическаго творчества, укажемъ, въ поэмѣ В. И. Майкова, его ссылки на довольно распространенную въ XVIII вѣкѣ печатную и лубочную литературу, и даже на народныя пѣсни [1]), изъ которыхъ онъ заимствуетъ краски и образы. Такъ, опи-

[1]) «Изъ *пѣсни* взять уборъ, *котору у приволья бурлаки волскіе*, напившися, поютъ, а пѣсенку сію *Камышенкой* зовутъ:

Рѣка, что устьецомъ въ мать-Волгу протекаетъ,
Искусство, красоту отвсюду извлекаетъ.

сывая богатырскій, непробудный сонъ своего героя, „пьянаго Елеськи“, Майковъ восклицаетъ, пародируя напыщенныя псевдоклассическія „обращенія“ и примѣняя ихъ очень ловко къ данному случаю:

«О вы, преславные творцы *Венеціана*,
Петра златыхъ ключей, Бовы и Еруслана!
У васъ-то витязи всегда сыпали такъ,
Что ихъ прервати сна не могъ ни чей кулакъ...
Теперь повѣрю я, что вы не врали въ вѣкъ,
Когда сыскался здѣсь такой же человѣкъ,
Котораго Ермій возстати какъ ни нудитъ,—
Толкаетъ, щиплетъ, бьетъ—однако, не разбудитъ.»

В. И. Майковъ и его критика.

Оригинальная и любопытная во многихъ отношеніяхъ поэма В. И. Майкова является довольно одинокою въ кругу поэтическихъ произведеній въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка. Своимъ шутливымъ содержаніемъ и явнымъ осмѣяніемъ формъ ложно-классической эпической поэмы она изобличаетъ въ авторѣ большую самостоятельность творчества и вѣрное пониманіе тѣхъ началъ народности, которыхъ не доставало еще нашей молодой литературѣ, переполненной подражаніями иностраннымъ образцамъ и передѣлками чуждыхъ намъ поэмъ и сюжетовъ. Какъ на любопытную черту современныхъ литературныхъ нравовъ можно именно указать на то, что эта самостоятельность не нравилась многимъ изъ современниковъ В. И. Майкова и одинъ изъ нихъ [1]), постоянно враждовавшій съ нимъ, на страницахъ современныхъ журналовъ даже прямо осмѣиваетъ эту самостоятельность, какъ важный недостатокъ. Намекая на незнакомство Майкова съ иностранными языками, придирчивый критикъ его говоритъ:

«Латинскій мнѣ языкъ и русскій неизвѣстенъ,
Другихъ не знаю я, а прочихъ не училъ;
Однако, лишь перо въ чернила омочилъ,
То вздумалъ о себѣ, что есть во мнѣ примѣта
Такая, что мнѣ быть учителемъ полсвѣта».

Невполнѣ понятнымъ и справедливымъ въ этомъ порицаніи представляется намъ только укоръ въ „незнаніи русскаго языка“, такъ какъ В. И. Майковъ владѣетъ имъ ничуть не хуже всѣхъ современныхъ ему писателей, и даже могъ бы служить образцомъ для многихъ изъ числа своихъ современниковъ. Поясненіе этого укора слѣдуетъ, быть-можетъ, искать въ той чрезвычайной про-

[1]) М. Д. Чулковъ, въ своихъ журналахъ «*И то, и се*», и «Парнасскомъ Щепетильникѣ».

стотѣ языка и оригинальности его народнаго склада, которыми отличаются басни и поэмы В. И. Майкова... Въ противоположность общепринятой надутости и важной высокопарности современной поэтической рѣчи, эта простота языка могла представляться критикамъ и неумѣньемъ, и недостаткомъ. Недаромъ же самъ В. И. Майковъ такъ простодушно смѣялся надъ „пухлымъ слогомъ" поэта В. П. Петрова...

Какъ бы то ни было, за В. И. Майковымъ, какъ за поэтомъ, остается заслуга признанія реальныхъ потребностей жизни и внесенія живыхъ чертъ народнаго быта въ область манерной и скучной эпической поэзіи въ такое время, когда она была еще вполнѣ подчинена стѣснительнымъ условіямъ ложно-классической теоріи.

Виньетка, заимствованная изъ собранія сочиненій Капниста.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Державинъ—пѣвецъ Екатерины.—Біографическія свѣдѣнія о немъ. Его «Записки», какъ цѣнный матерьялъ для изученія его личности и его времени.—Поэзія Державина, какъ переходъ отъ ложно-классической эпохи къ эпохѣ романтической. — Народный элементъ въ произведеніяхъ Державина.

Исторія литературы тѣсно бываетъ связана съ общимъ ходомъ исторіи страны и народа:—недаромъ литературу называютъ отраженіемъ духовной жизни народа. Она, дѣйствительно, и живетъ,

Г. Р. Державинъ, въ молодости. Съ оригинала Боровиковскаго.

и умираетъ вмѣстѣ съ народомъ. Мало того: она служитъ постоянно живымъ отголоскомъ его радостей и печалей, его подвиговъ и самопожертвованій, его торжествъ и страданій... Наиболѣе громкія славою, наиболѣе блестящія историческія эпохи всегда бывали богаты и проявленіемъ усиленной литературной дѣятельности, и мы видимъ, что очень часто имена великихъ историческихъ дѣятелей нераз-

лучно связаны съ именами тѣхъ дѣятелей литературныхъ, которые служили наиболѣе полнымъ и яркимъ выраженіемъ ихъ эпохи. Такъ, съ вѣкомъ Августа неразрывно связаны имена Виргилія и Горація... Такъ и съ вѣкомъ Екатерины связано имя Державина, „пѣвца Фелицы“; и эта связь такъ жива, такъ тѣсна, такъ естественна, что вѣкъ Екатерины, богатый подвигами и славой, былъ бы какъ будто менѣе блестящимъ и менѣе громкимъ, если бы ему недоставало мощной лирики Державина, которая служитъ какъ бы гармоническимъ эхомъ событій, какъ бы отраженіемъ ореола, осѣняющаго „Сѣверную Семирамиду“. И нельзя не отмѣтить того отраднаго факта, что эта лирика не была вызвана ни корыстнымъ желаньемъ наградъ, ни жаждою чиновъ и почестей, ни странною обязанностью придворнаго поэта, который, волей-неволей, долженъ воспѣвать и отмѣчать своими пѣснопѣніями всѣ офиціально-важныя событія придворной жизни... Державинъ не былъ придворнымъ поэтомъ, и его лучшія произведенія, посвященныя Екатеринѣ, были плодомъ свободнаго генія, плодомъ настоящаго восторга, данью горячаго сердца. Онъ не могъ писать по заказу, и даже тогда, когда ему хотѣлось бы удовлетворить желанію Екатерины, — при отсутствіи личнаго вдохновенія, „все выходило у него слабо, холодно и натянуто, какъ у цеховыхъ стихотворцевъ... и онъ не былъ въ состояніи ничего произвести, чѣмъ бы и самъ могъ быть доволенъ“. Такъ говоритъ онъ о себѣ самъ, въ откровенной бесѣдѣ съ собою — въ своихъ драгоцѣнныхъ „Запискахъ“. И мы смѣло можемъ выразить отношеніе Державина къ Екатерининской эпохѣ такимъ выводомъ: если слава и величіе Екатерины были достойны такого пѣвца, какъ Державинъ, то, въ свою очередь, и Державинъ былъ вполнѣ достоинъ высокаго назначенія—быть пѣвцомъ Екатерины. Біографія Державина, полная жизни и дѣйствія, заслуживаетъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько подробнѣе, потому что служебная карьера поэта была одною изъ рѣдкихъ по яркости и силѣ вынесенныхъ имъ впечатлѣній, по огромному обилію и разнообразію встрѣчъ и столкновеній съ людьми самыхъ противоположныхъ слоевъ общества, — наконецъ, по той непосредственной близости, въ которую онъ былъ поставленъ своимъ служебнымъ положеніемъ къ тремъ монархамъ: Екатеринѣ, Павлу I и Александру I. Притомъ же, біографіи Державина посчастливилось болѣе, чѣмъ біографіямъ другихъ нашихъ поэтовъ. Отъ него самого дошли до насъ „Записки“—памятникъ въ высшей степени важный во многихъ отношеніяхъ; масса документовъ, уже разобранныхъ и разработанныхъ, знакомитъ насъ съ его служебною и офиціальною дѣятельностью; обширная переписка вводитъ насъ въ кругъ его отношеній къ друзьямъ и современникамъ;

наконецъ, и самыя „Сочиненія“ его дошли до насъ съ весьма цѣнными примѣчаніями одного изъ ближайшихъ друзей поэта, который сообщилъ любопытнѣйшій литературный комментарій и объяснилъ намъ всѣ побужденія, руководившія авторомъ при написаніи того или другого стихотворенія, всѣ намеки, внесенные имъ въ его поэтическія произведенія. И все это сличено, разработано и изучено академикомъ Я. К. Гротомъ — талантливымъ и усидчивымъ ученымъ, который поставилъ себѣ изученіе жизни и твореній Державина задачею многихъ лѣтъ своей жизни, — изучено и разработано въ такой степени, что пониманіе поэзіи Державина и его значенія въ исторіи нашей словесности немыслимо безъ знакомства съ трудомъ Грота.

Біографія Державина

Гавріилъ Романовичъ Державинъ (род. 3 іюля 1743 г., ум. 9 іюня 1816 г.), ведетъ свое родоначаліе отъ Багрима-Мурзы, выѣхавшаго въ Россію изъ Орды, въ княженіе Темнаго, въ XV вѣкѣ [1]). Родители поэта были бѣдные дворяне Казанской губерніи, и самъ онъ родился близъ Казани (въ селѣ Кармачахъ или Сокурахъ) Отецъ Гавріила Романовича служилъ въ арміи, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, а потомъ переведенъ былъ въ оренбургскіе полки, и почти все дѣтство поэта протекло на этой далекой восточной окраинѣ Россіи. Послѣ кончины отца, мать поэта, Ѳекла Андреевна, очутилась въ большой нуждѣ, и при этомъ должна была вести тяжбу съ сосѣдями и хлопотать о правахъ дѣтей на службу. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ объ ученіи дѣтей нечего было и думать, и оно было до такой степени пренебрежено, что по 14-му году Державинъ зналъ только русскую грамоту и былъ нѣсколько знакомъ, и то только практически, съ нѣмецкимъ языкомъ [2]). Не болѣе удачны были и другія мѣропріятія къ домашнему обученію Гавріила Романовича, когда его мать поселилась въ Казани; но, на его счастіе, здѣсь, въ 1787 году, открылась первая губернская гимназія „подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго университета“, отъ котораго она являлась какъ бы отпрыскомъ, — и братья Державины были немедленно записаны въ это училище. Программа новой гимназіи была, впрочемъ, такая же курьезная, какъ и программа Шляхетнаго Кадетскаго корпуса; обучали въ ней — „языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому; ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію“ подъ дирекціею извѣстнаго въ то время писателя для сцены — *Михаила Ивановича Верев-*

---

[1]) Внукъ этого мурзы, по прозванію Держава, далъ прозваніе всему потомству своему, — всѣмъ Державинымъ.

[2]) Въ Оренбургѣ, Державинъ былъ нѣкоторое время помѣщенъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ ссыльнаго нѣмца Розе, о которомъ онъ самъ говоритъ, что онъ былъ «невѣжда и не зналъ даже грамматическихъ правилъ».

кина. Результаты воспитанія и обученія по такой странной программѣ были, конечно, довольно плачевные. Самъ Державинъ пишетъ въ своихъ „Запискахъ“: „болѣе всего старались, чтобы научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представляли на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовали и фехтовали въ торжественныхъ собраніяхъ при случаѣ экзаменовъ, что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило имъ нѣкоторую людскость и розвязь въ обращеніи“. Единственнымъ результатомъ трехлѣтняго пребыванія въ гимназіи было то, что здѣсь Державинъ ознакомился съ произведеніями Сумарокова, Ломоносова, съ „Телемакомъ“ и „Аргенидою“ Тредіаковскаго, и сталъ пытаться подражать имъ, складывая слова въ размѣренныя строчки. Но всѣ эти слабые зачатки обученія и воспитанія чуть не погибли, когда Державинъ въ 1762 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, на службу въ томъ Преображенскомъ полку, въ который онъ былъ записанъ уже много лѣтъ тому назадъ. У юноши не было ни средствъ, ни знакомствъ, ни знатныхъ покровителей, и онъ, поэтому, былъ вынужденъ жить въ казармахъ съ остальными солдатами, въ тѣсныхъ каморкахъ, въ которыхъ, кромѣ его, помѣщалось еще нѣсколько человѣкъ, и изъ нихъ многіе съ женами. Въ первый же годъ службы, юному Державину пришлось быть свидѣтелемъ знаменитыхъ „Петербургскихъ дѣйствъ“, т. е. переворота, вслѣдствіе котораго Екатерина вступила на престолъ—и онъ оставилъ намъ въ своихъ „Запискахъ“ нѣсколько любопытныхъ страницъ объ этихъ историческихъ дняхъ. Но житье его, среди солдатчины, было самое бѣдственное; заниматься чтеніемъ онъ могъ только по ночамъ: „когда всѣ улягутся, читалъ книги нѣмецкія и русскія, какія гдѣ достать случалось, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ“. Два года спустя, онъ уже начинаетъ заниматься правильнѣе, „стараясь научиться стихотворству изъ книги о поэзіи, сочиненной Тредіаковскимъ, и изъ прочихъ авторовъ, какъ гг. Ломоносовъ и Сумароковъ“... Но при этомъ сознается, что болѣе этихъ классиковъ ему нравились легкія произведенія князя Ѳ. А. Козловскаго, изъ которыхъ онъ „научился цезурѣ или раздѣленію александрійскаго ямбическаго стиха на двѣ половины“. Такъ, цѣлыя десять лѣтъ, до 1772 г., Державину пришлось тянуть тяжелую солдатскую лямку, послѣдовательно переходя черезъ всѣ ступени солдатства: быть и капраломъ, и каптенармусомъ, и сержантомъ. Наконецъ, онъ былъ произведенъ въ прапорщики... Это время солдатской службы и первое время офицерства было для Державина тяжелымъ иску-

Гаврилъ Державинъ

Г. Р. Державинъ. Съ картины Тончи, сохранившейся въ семействѣ Львовыхъ.

сомъ:— онъ самъ сознается, что за это время видѣлъ себя много разъ на краю гибели, благодаря безумному увлеченію картами и тѣмъ крайне распущеннымъ нравамъ молодежи, которые Державинъ описываетъ самыми мрачными красками. Однакоже, его физически и нравственно-здоровая натура выдержала все, и будущій поэтъ могъ выйти чистымъ изъ омута; а съ 1773 г. для него началась уже та подвижная и дѣятельная жизнь, которая отвлекла его навсегда отъ всякихъ суетныхъ забавъ.

Державинъ и Пугачевщина.

Когда разразилась Пугачевщина, Бибиковъ, отправленный государыней на усмиреніе мятежа, искалъ себѣ для исполненія порученій молодого, расторопнаго офицера, который былъ бы знакомъ съ Казанскимъ и Оренбургскимъ краемъ. Кто-то указалъ ему на Державина... И вотъ, Державину пришлось прослужить на Востокѣ Россіи почти три года, исполняя порученія Бибикова и принимая дѣятельное участіе въ выполненіи возложеннаго на него труднаго дѣла. Здѣсь, между прочимъ, онъ обратилъ на себя вниманіе начальства тѣмъ, что, отъ имени Казанскаго дворянства, написалъ отвѣтную рѣчь императрицѣ Екатеринѣ, на ея рескриптъ, обращенный къ дворянству [1]). За этотъ же періодъ времени были написаны Державинымъ такъ-называемыя „Читалагайскія оды“ [2]) и нѣсколько уже вполнѣ самостоятельныхъ стихотвореній, выказывающихъ несомнѣнный поэтическій талантъ („Ода на знатность“, „На смерть Бибикова“ и т. д.).

Но результаты дѣятельной и безкорыстной службы Державина (которою онъ всегда очень гордился) были незавидны: Державину самому пришлось напоминать о своихъ заслугахъ и хлопотать о ихъ вознагражденіи. И только уже въ 1777 г., послѣ долгихъ и непріятныхъ хлопотъ, и то при заступничествѣ Потемкина, Державину удалось получить въ награду чинъ бомбардиръ-поручика и 300 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Но онъ уже не захотѣлъ продолжать военную службу, и рѣшилъ перейти въ гражданскую, причемъ его новый чинъ былъ приравненъ къ чину коллежскаго совѣтника.

Державинъ въ Сенатѣ.

Вскорѣ послѣ того, Державинъ поступилъ на службу въ Сенатъ, подъ начальство князя А. А. Вяземскаго (одного изъ вліятельнѣйшихъ вельможъ въ царствованіе Екатерины) и, ревностно занимаясь службой, могъ, наконецъ, усердно заняться и литературой. Этому много способствовали тѣ знакомства, которыя завязалъ онъ въ домѣ князя, съ талантливыми, умными и образованными людьми: Н. А. Львовымъ, В. В. Капнистомъ и И. И.

---

[1]) Рѣчь эта была тогда же напечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и составляетъ едва ли не первый печатный трудъ Державина.

[2]) Названы такъ отъ горы Читалагая, противъ колоніи Шафгаузенъ (въ Саратовской губ.).

Хемницеромъ впослѣдствіи друзьями Державина. Къ тому же и Державинъ около этого времени остепенился, женился по любви на молодой и прекрасной дѣвушкѣ и обзавелся своимъ домкомъ. Но, усердно трудясь надъ обработкою своего поэтическаго дара, онъ все еще никакъ не могъ напасть на свой настоящій путь и выбиться на самостоятельную дорогу. Все, что онъ писалъ, было не болѣе, какъ подражаніемъ Ломоносову, и онъ чувствовалъ, что у него не хватаетъ силъ на то, чтобы поддержать постоянно въ своихъ стихахъ тотъ высокій строй „и великолѣпіе, и пышность, единственно россійскому Пиндару свойственныя". И вотъ, по собственнымъ словамъ, съ 1778—1779 гг., изобрѣлъ онъ „совсѣмъ особый путь, будучи предводимъ наставленіями г. Баттё и совѣтами друзей своихъ—подражая болѣе Горацію". При этомъ, не вполнѣ довѣряя и друзьямъ своимъ, которые очень хвалили его новыя произведенія, Державинъ придумалъ оригинальную уловку, для того, чтобы убѣдиться въ ихъ дѣйствительномъ достоинствѣ: онъ сталъ печатать свои стихотворенія въ журналѣ „*Петербургскій Вѣстникъ*", безъ имени автора, и отъ редактора Брайко узнавалъ о томъ, какъ къ нимъ относится публика. Такъ выпущены были въ свѣтъ такія прекрасныя произведенія, какъ „На смерть князя Мещерскаго"; „Ключъ"; „На рожденіе порфиророднаго отрока"; „Кружка"; „Къ первому сосѣду" и т. д.

И вотъ, наконецъ, въ 1782 г., вѣнцомъ всѣхъ такихъ произведеній въ новомъ родѣ, явилась знаменитая ода „*Киргизъ-Кайсацкой царевнѣ Фелицѣ*", вызванная сказкою Екатерины „*О царевичѣ Хлорѣ*", изданною въ 1781 г. Зная, что Екатерина любитъ веселое и шутливое отношеніе къ своимъ приближеннымъ, поэтъ „во вкусѣ ея и писалъ насчетъ ея ближнихъ, хотя безъ всякаго злорѣчія, но съ довольною издѣвкою и съ шалостью". Однакоже, эту оду Державинъ и не думалъ предназначать для печати: ему это казалось слишкомъ рискованнымъ, и онъ не скрывалъ ее только отъ ближайшихъ своихъ друзей. Но друзья пришли отъ нея въ восторгъ, стали переписывать и распространять въ спискахъ, и, наконецъ, даже способствовали ея напечатанію (черезъ княгиню Дашкову). И когда въ печатномъ видѣ ода попала въ руки Екатерины, она чрезвычайно осталась одою довольна: отъ нея, дѣйствительно, вѣяло новою жизнью, молодымъ, свѣжимъ и сильнымъ талантомъ. Екатерина выразила свое удовольствіе автору, пославъ ему богатый подарокъ [1]), въ шутливой формѣ. Этотъ блестящій успѣхъ поэта не полюбился его начальнику, въ то время всемогущему князю Вяземскому, которому было непріятно, что милости государыни, помимо его, изливаются на его

Ода Фелицѣ

[1]) 500 червонныхъ въ золотой табакеркѣ, съ надписью: „Отъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Фелицы—мурзѣ Державину".

подчиненнаго — и онъ сталъ искать каждаго удобнаго случая, чтобы высказать Державину свое неудовольствіе. Державинъ не уступалъ ему; но, зная, что борьба ему не по силамъ—рѣшился выйти въ отставку... Унывать ему не приходилось: онъ былъ въ самой лучшей порѣ развитія своей поэтической дѣятельности и изъ-подъ пера его выливались въ это время его лучшія произведенія: ода „*Богъ*“, которую онъ въ это время закончилъ, и одно изъ самыхъ гармоническихъ его стихотвореній: „*Видѣніе Мурзы*“, написанныя въ благодарность Екатеринѣ за ея милостивое вниманіе къ поэту. Эти произведенія разомъ подняли Державина на такую высоту въ глазахъ всего русскаго общества, что имя его съ восторгомъ стали поминать рядомъ и даже выше тѣхъ именъ, которыя еще недавно казались ему облеченными недосягаемою славою. Къ тому же и время было такое, что одно удачное стихотвореніе способно было вывести въ люди и создать карьеру автору...

Державинъ губернаторъ.

Такъ точно случилось и съ Державинымъ: Екатерина въ эту пору настолько благоволила къ нему, что даже не послушалась никакихъ наговоровъ князя Вяземскаго, и, тотчасъ по выходѣ его изъ Сената, опредѣлила его олонецкимъ губернаторомъ (1784 г.). Но съ горячимъ и несдержаннымъ характеромъ Державина мудрено было удержаться на службѣ въ провинціи, въ особенности при крайней неопредѣленности въ границахъ власти между намѣстникомъ и губернаторомъ. Вслѣдствіе постоянной вражды и борьбы съ намѣстникомъ Туталминымъ, Державинъ и года не просидѣлъ на данномъ ему мѣстѣ. Въ 1785 г. онъ уже былъ переведенъ губернаторомъ въ Тамбовъ, и здѣсь, такъ же ревностно, какъ и всегда, принялся за службу, за управленіе губерніей и за всякія нововведенія въ общественной жизни. Стараясь оживить провинціальное общество и просвѣтить далекую окраину, онъ открылъ у себя въ домѣ школу для приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, устраивалъ у себя вечерніе пріемы и домашніе спектакли—и другихъ увлекъ къ тому же своимъ примѣромъ. Потомъ, съ разрѣшенія намѣстника, онъ даже построилъ въ Тамбовѣ особый театръ (въ 1787 г.), а въ слѣдующемъ году открылъ съ великимъ торжествомъ первое народное училище. Позднѣе, онъ задумалъ, для сокращенія канцелярской переписки, завести типографію — *первую типографію въ этой мѣстности Россіи*. Но при этомъ онъ безпощадно и горячо преслѣдовалъ „неправду“ во всѣхъ видахъ, и дѣйствовалъ такъ круто и поспѣшно, что нажилъ себѣ въ короткое время массу враговъ, и эти враги нашли себѣ сильнаго защитника, въ лицѣ намѣстника, графа Гудовича, который не ладилъ съ Державинымъ и, пользуясь своими огромными связями въ столицѣ, постоянно обносилъ его и чер-

№ 71. С. П.бургъ Генваря 14го дня 1801

Милостивый Государь мой Графъ Павелъ Ивановичь!

Генералъ-Прокуроръ отношеніемъ ко мнѣ отъ сего числа уведомилъ о высочайшемъ Его Императорскаго Величества повеленіи, вашему Сіятельству объявленномъ, о скорѣйшемъ дѣла турчаниновыхъ окончаніи, вызывающее вторичное ко мнѣ отношеніе; долгомъ себѣ поставляю симъ васъ Милостиваго Государя моего извѣстить, что должной по сему дѣлу отъ меня отзывъ, и къ его высокопревосходительству отъ сего числа препровожденъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя моего
Покорнѣйшій слуга
Гаврила Державинъ

Генваря 12 дня
1801 года
Его сіят. Г. Кутайсову.

Автографъ Гавріила Романовича Державина.
Изъ коллекціи С. Н. Шубинскаго.

шилъ всѣ его дѣйствія въ глазахъ Екатерины. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1788 г. Державинъ былъ неожиданно отрѣшенъ отъ должности и даже преданъ суду, по обвиненію въ различныхъ, будто бы допущенныхъ имъ, упущеніяхъ по службѣ.

Дѣло тянулось долго и разбиралось въ Сенатѣ въ Москвѣ. Державинъ не у дѣлъ. Державинъ горячился, хлопоталъ, оправдывался, давалъ объ-

Г. Р. Державинъ, въ положеніи юстицъ-министра, при Александрѣ I.

ясненія — и дѣло кончилось ничѣмъ. Говорятъ даже, будто Екатерина, когда ей было представлено дѣло Державина, сказала, что она „не можетъ обвинить пѣвца Фелицы“... Но онъ все же остался безъ службы, въ тѣни — не у дѣлъ. А между тѣмъ онъ, по собственному его выраженію, горѣлъ желаніемъ „доказать Государынѣ, что онъ способенъ къ дѣламъ, неповиненъ руками, чистъ сердцемъ и вѣренъ въ возложенныхъ на него должностяхъ“.

И вотъ, съ этою цѣлью, онъ и отправился изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ и сталъ добиваться аудіенціи у государыни, воображая, что она его выслушаетъ, что она пожелаетъ узнать истину...

Державинъ и фавориты.

Аудіенціи онъ добился, путемъ всякихъ хлопотъ, поклоновъ и ходатайствъ, но аудіенція эта ни къ чему не привела. Державину было возвращено недоданное жалованье; даже приказано было производить ему это жалованье „до опредѣленія къ мѣсту"...[1]) Но между тѣмъ —мѣста ему не давали и держали его въ положеніи совершенно неопредѣленномъ, несмотря на то, что онъ имѣлъ пріѣздъ ко Двору по воскресеньямъ. „Не было у него никакого предстателя, который бы напомянулъ о немъ императрицѣ, то онъ и сталъ какъ бы забвеннымъ"... А между тѣмъ, самолюбіе, жажда дѣятельности, увѣренность въ томъ, что онъ можетъ и долженъ принести пользу въ дѣлахъ государственныхъ— все это терзало и мучило Державина. Однакоже, время было не такое, чтобы можно было выбиться въ люди и обратить на себя вниманіе какими бы то ни было заслугами: нужно было „имѣть руку" и опираться на чье-нибудь сильное покровительство, чтобы

Могила „Плѣниры", первой жены Державина — на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

[1]) Въ эти тревожные годы Державинымъ было написано очень немногое; но все же, ко времени тамбовскаго губернаторства относятся нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній: ода «на смерть Румянцева», «Осень во время осады Очакова» и «Властителямъ и судьямъ»; послѣдняя изъ нихъ имѣла позднѣе очень странную судьбу.

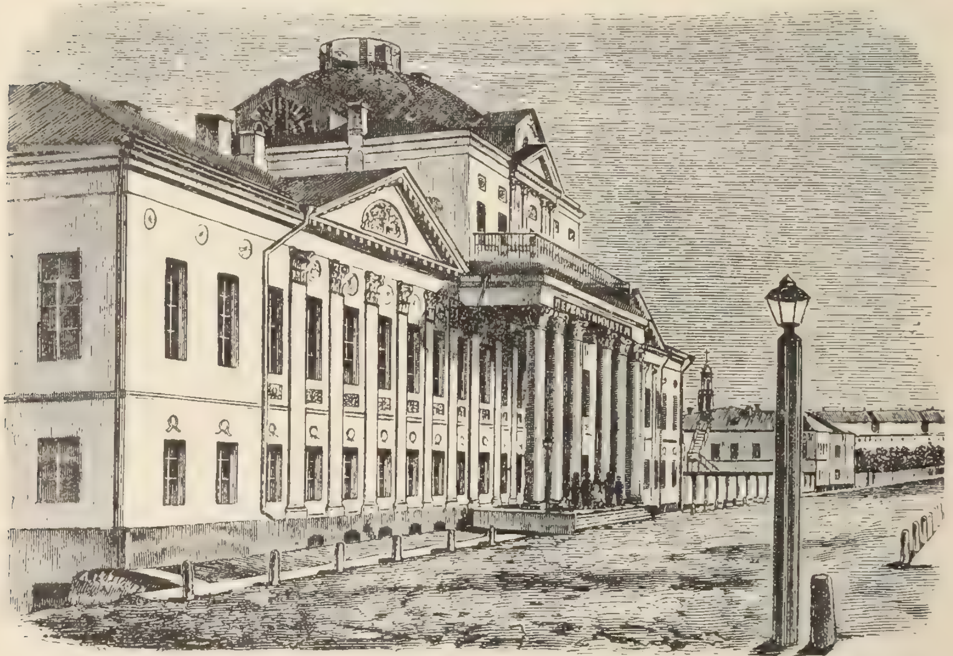
Водопадъ «Кивачъ», воспѣтый Державинымъ въ его «Водопадѣ».

выдвинуться впередъ изъ толпы всякихъ „чающихъ" и „уповающихъ". Державинъ говоритъ по этому поводу въ своихъ „Запискахъ" совершенно откровенно: „не оставалось ничего другого дѣлать, какъ искать входа къ любимцу Государыни (П. А. Зубову) и черезъ него имѣть себѣ покровительство". Державинъ не былъ съ нимъ знакомъ, и рѣшился во что̀ бы то ни стало искать протекціи заносчиваго и гордаго временщика [1]), къ которому доступъ былъ очень труденъ... „Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у Императрицы. Такимъ образомъ, ходя нѣсколько разъ, не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другого средства, *какъ прибѣгнуть къ своему таланту*; вслѣдствіе чего и написалъ оду „Изображеніе Фелицы" и къ 22-му числу сентября, т. е. ко дню коронованія Императрицы, передалъ черезъ Эмина, который въ Олонецкой губерніи былъ при мнѣ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду" [2]). Это было въ 1789 году. „Съ тѣхъ поръ я сему царедворцу сталъ знакомъ, но, кромѣ ласковаго обращенія, никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако, и одинъ входъ

[1]) П. А. Зубову было въ то время не болѣе 22-хъ лѣтъ отъ роду.

[2]) Къ этому Державинъ добавляетъ въ «Запискахъ» еще и слѣдующую подробность: «а сверхъ того, Императрица приказала приглашать меня и въ Эрмитажъ, и на прочія домашнія игры, какъ-то: на святки, когда онѣ наступали, и на прочія собранія».

къ фавориту дѣлать уже въ публикѣ мнѣ много уваженія“. Эта страница „Записокъ“ до такой степени характерна и такъ ярко обрисовываетъ намъ придворные нравы и общественныя понятія нашей сѣверной столицы во второй половинѣ XVIII вѣка, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Остается только добавить къ ней, что и путемъ униженій Державинъ также ничего не могъ добиться, несмотря на то, что вскорѣ послѣ того его ода „на взятіе Измаила“ была очень благосклонно принята императрицей и удостоена богатаго подарка. Положеніе его при Дворѣ оказалось даже и очень затруднительнымъ, когда въ концѣ 1790 г. Потемкинъ вернулся изъ арміи и сталъ готовиться къ знаменитому празднеству

Казанская гимназія—мѣсто воспитанія Державина—старѣйшая изъ губернскихъ гимназій.

въ Таврическомъ дворцѣ. При Дворѣ завязалась страшная борьба партій—Потемкинской и Зубовской. Потемкинъ сталъ за Державинымъ ухаживать, потому что поручилъ ему сочиненіе торжественныхъ гимновъ и хоровъ къ празднеству; тогда и Зубовъ сталъ въ немъ заискивать со своей стороны, стараясь отвлечь его отъ Потемкина и переманить на свою сторону... И безхарактерный, слабодушный Державинъ, описывая такое свое затруднительное положеніе, наивно признается въ своихъ „Запискахъ“: „въ таковыхъ мудреныхъ обстоятельствахъ не зналъ, что̀ дѣлать и на которую сторону искренно предаться, ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ“...

„Не сумѣвши воспользоваться этими „мудреными обстоятельствами“ съ ловкостью опытнаго царедворца, Державинъ—много

потрудившійся для знаменитаго и блестящаго празднества (28 апрѣля 1791 года), на которомъ пѣли и хоры его сочиненія — не получилъ ничего и нисколько не улучшилъ своего положе-

Домъ въ Петрозаводскѣ, въ которомъ жилъ Державинъ, будучи олонецкимъ губернаторомъ.

Домъ Державина въ С.-Петербургѣ, на Фонтанкѣ, нынѣ Римско-Католическая Духовная Коллегія.

нія. Онъ, попрежнему, оставался безъ мѣста, и, вынужденный жить широко, проживалъ послѣднія средства...

Державинъ и Екатерина

О немъ вспомнили уже только въ концѣ 1791 г., и возвели его въ статсъ-секретари какъ разъ въ то время, когда открыты были разныя злоупотребленія въ Сенатѣ и началось разслѣдованіе громад-

Изъ виньетокъ къ сочиненіямъ Державина, рисованныхъ Н. А. Львовымъ.

наго дѣла, въ которое замѣшаны были многіе изъ окружавшихъ императрицу вельможъ. Никто не брался за разборъ этого дѣла и за доклады о немъ императрицѣ, и всю тягость ихъ взвалили на новаго секретаря, зная его безразсудную горячность и избытокъ служебнаго рвенія... Державинъ, дѣйствительно принялся за дѣло, порученное ему, съ такимъ усердіемъ, что вскорѣ успѣлъ имъ надоѣсть императрицѣ, и неоднократно навлекалъ на себя ея гнѣвъ своею излишнею прямотою и поспѣшною горячностью. Часто случалось, что Екатерина жаловалась окружающимъ на грубость и вспыльчивость Державина при докладахъ. „Случалось, что разсердится и выгонитъ его отъ себя"—такъ пишетъ онъ въ своихъ „Запискахъ" — „а онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ: зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить и тому подобное, ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ свою досаду, и сдѣлается, попрежнему, чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ:

— Боже мой! Кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня положилъ на себя клятву, чтобы, послѣ вчерашняго, ничего съ вами не говорить; но вы, противъ моей воли, дѣлаете изъ меня все, что хотите.

Она засмѣялась и сказала: „Неужели это правда?"

Державинъ сенаторъ.

Но несмотря на то, что близость къ императрицѣ льстила самолюбію Державина, что и Екатерина цѣнила многими его качествами, они стали мало-по-малу тяготиться другъ другомъ, и, два года спустя (въ 1793 г.), Державинъ, изъ статсъ-секретарей былъ назначенъ сенаторомъ. За этотъ періодъ времени онъ написалъ слѣдующія стихотворенія: „*Моя ласточка*" (въ память первой супруги), „*Мой истуканъ*", „*Вельможа*", „*На взятіе Варшавы*", „*Приглашеніе къ обѣду*", „*На рожденіе царицы Гремиславы*", „*На кон-*

Изъ виньетокъ къ сочиненіямъ Державина, рисованныхъ Н. А. Львовымъ.

чину графа Орлова", „*Афинскому вождю*" и „*Памятникъ*". Къ чести Державина надо замѣтить, что именно въ этотъ періодъ, когда Екатерина сильно измѣнила свой взглядъ на литературу и на свободу слова, Державинъ постоянно являлся передъ нею усерднымъ ходатаемъ и горячимъ заступникомъ за тѣхъ авторовъ и поэтовъ, которые подвергались опалѣ и гнѣву императрицы.

Дальнѣйшая служебная карьера Державина, при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, не имѣетъ значенія для его поэтической дѣятельности. Въ эти оба царствованья, онъ достигъ высокаго положенія служебнаго, занималъ чрезвычайно важныя государственныя должности и закончилъ свою карьеру министромъ юстиціи, при Александрѣ I. Но онъ уже былъ не на мѣстѣ, среди молодыхъ министровъ государя, не сочувствовалъ тѣмъ новымъ идеямъ, которыя Александра одушевляли, и продолжалъ попрежнему усердствовать и горячиться, не замѣчая, что онъ является „отсталымъ" среди окружающаго его поколѣнія. Наконецъ, въ 1803 г., онъ, по настоянію императора Александра, подалъ въ отставку изъ „юстицъ-министровъ". **Державинъ министръ.**

Въ отставкѣ Державинъ прожилъ еще тринадцать лѣтъ, проводя зимы въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ на Фонтанкѣ (гдѣ теперь католическая духовная коллегія), а весну и лѣто въ Новгородской губерніи, въ своемъ имѣніи: „Званкѣ", на лѣвомъ берегу Волхова. Эти послѣдніе годы жизни онъ прожилъ спокойно, безъ всякихъ треволненій, по привычкѣ посвящая большую часть своего времени занятіямъ литературнымъ. Писалъ лирическія сти- **Державинъ въ отставкѣ.**

Бесѣдка Фелицы, въ паркѣ, принадлежавшемъ къ дачѣ Александрово, владѣнію великаго князя Александра Павловича, близъ Павловска.

хотворенія; сочинилъ трагедіи: „Ирода и Маріамну“, „Евпраксію“, „Темнаго“ и перевелъ „Федру“ и „Зельмиру“. Написалъ двѣ комическія оперы: „Дурочка умнѣе умныхъ“ и „Женская дружба“. Лучшимъ изъ стихотвореній Державина за этотъ періодъ было: „Жизнь Званская“—въ которомъ онъ подробно и картинно набрасываетъ идиллію своей сельской жизни и обстановки [1]). Постоянно интересуясь различными вопросами литературными, Державинъ, вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ (впослѣдствіи президентомъ Академіи Наукъ), основалъ въ С.-Петербургѣ литературное общество, подъ названіемъ „*Бесѣды любителей русскаго слова*“; въ изданіяхъ этого общества было помѣщено Державинымъ и его „*Разсужденіе о лирической поэзіи*“. Гораздо важнѣе всего этого были два обширныхъ труда, которыми занимался Державинъ въ отставкѣ, среди спокойнаго досуга. Онъ написалъ полное и подробное „*Объясненіе къ своимъ стихотвореніямъ*“—авторскій комментарій къ поэтической его дѣятельности; и затѣмъ, въ 1812 году, по настоянію своего друга, Капниста, принялся за „*Записки*“, въ которыхъ, также подробно и съ удивительною искренностью, изложилъ всѣ событія своей жизни и служебной дѣятельности. Странная судьба свела Державина, весною 1815 года (на экзаменахъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ), съ поэтомъ-юношей, въ которомъ онъ предугадалъ своего геніальнаго преемника: — Пушкинъ, въ присутствіи

[1]) Стихотвореніе это посвящено митрополиту Евгенію (Болховитинову), извѣстному своими учеными трудами. Онъ жилъ въ то время въ Хутынскомъ монастырѣ, по сосѣдству съ Державинымъ, и часто бывалъ у старца-поэта.

Изъ виньетокъ Н. А. Львова къ произведеніямъ Державина.

Державина, прочелъ свое стихотвореніе „*Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ*"; въ немъ двѣ строфы посвящены Державину и его поэтическому творчеству. Сначала, въ строфѣ седьмой, вспоминая о воинскихъ подвигахъ, Пушкинъ восклицаетъ:

Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ,
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

Послѣдняя строфа стихотворенія—

«О, Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй.
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца».

—эта строфа привела Державина въ восторгъ, и онъ съ полнымъ убѣжденіемъ говорилъ потомъ С. Т. Аксакову:

„— Мое время прошло... Скоро явится свѣту второй Державинъ — это Пушкинъ, который и въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей.

Кончина Державина.

8-го іюня 1816 года Державинъ тихо и спокойно скончался въ своемъ помѣстьѣ „Званкѣ". О его душевномъ настроеніи, въ послѣдніе дни жизни, прекрасно свидѣтельствуетъ то стихотвореніе, первую строфу котораго онъ успѣлъ написать на аспидной доскѣ (за три дня до смерти):

Изъ виньетокъ Н. А. Львова къ произведеніямъ Державина.

«Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы»... [1])

Тѣло Державина, по желанію, выраженному имъ при жизни, было предано землѣ въ церкви Хутынскаго монастыря (на правомъ берегу Волхова, въ 7 верстахъ отъ Новгорода), куда перевезено было по Волхову. Въ одномъ изъ современныхъ журналовъ находимъ слѣдующее описаніе скромныхъ похоронъ знаменитаго „пѣвца Екатерины“:

„На погребеніи поэта были почти одни только родственники его. Гробъ несли на рукахъ офицеры стоящаго неподалеку оттуда полка; они не были знакомы лично ни ему, ни семейству его, но почли обязанностію отдать послѣдній долгъ великому россіянину“[2]).

[1]) Аспидная доска, съ этими послѣдними стихами Державина, была подарена его вдовою Императорской Публичной Библіотекѣ. Тамъ хранится она и понынѣ; но отъ начертанныхъ на ней строкъ почти ничего уже не осталось.

[2]) По завѣщанію вдовы поэта, Званка передана была потомъ въ вѣдѣніе Духовнаго Вѣдомства; на мѣстѣ дома Державина теперь находится женское воспитательное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія.

Державинъ писалъ всю жизнь: писалъ много и въ разныхъ родахъ. Очень многія изъ его произведеній были при его жизни напечатаны въ различныхъ журналахъ петербургскихъ и московскихъ. Но мысль о собраніи своихъ сочиненій и изданіи ихъ въ видѣ „полнаго собранія" пришла въ голову поэту не ранѣе, какъ въ 1798 году. Къ этому склонилъ поэта И. И. Шуваловъ, въ рукахъ котораго находился полный списокъ сочиненій поэта. Печатать рѣшено было въ Москвѣ. При этомъ встрѣтились цензурныя затрудненія: цензура не допускала напечатанія нѣкоторыхъ произведеній поэта цѣликомъ (напр. „Властителямъ и судьямъ"), а изъ другихъ выкидывала строки и строфы, „предлагая поэту

Званка, усадьба Державина, на лѣвомъ берегу Волхова. По современной гравюрѣ.

замѣнить ихъ другими". Поэтъ на это не согласился и изданіе вышло съ пробѣлами. Несмотря на то, что за этимъ изданіемъ слѣдилъ, по просьбѣ Державина, Карамзинъ—изданіе оказалось довольно плохимъ, и со стороны исправности текста, и со стороны внѣшности. Державинъ былъ имъ такъ недоволенъ, что хотѣлъ все уничтожить тотчасъ послѣ выпуска его въ свѣтъ, и друзья едва могли его уговорить, чтобы онъ отмѣнилъ это рѣшеніе. Въ 1804 г. были напечатаны „Анакреонтическія пѣсни" Державина, а въ 1808 г., наконецъ, появилось исправное и красиво отпечатанное изданіе сочиненій Державина въ 4-хъ томахъ. Онъ говоритъ, въ предисловіи къ этому изданію: „со временемъ все касающееся до моихъ письменъ, объяснено будетъ, если не мною са-

нимъ, то, по оставленнымъ мною запискамъ, другимъ кѣмъ-либо". Эти объясненія къ своимъ сочиненіямъ Державинъ и предполагалъ напечатать при одномъ изъ послѣдующихъ изданій: но при жизни своей не успѣлъ этого сдѣлать. Эти объясненія, гораздо позднѣе, были напечатаны отдѣльной книгой, а потомъ вошли цѣликомъ, какъ весьма существенная часть, въ прекрасное академическое изданіе подъ редакціею Грота.

Титульный листъ къ «Анакреонтическимъ пѣснямъ» Державина.

Поэзія Державина.

Переходя отъ бѣглаго очерка біографіи Державина къ обзору его поэтической дѣятельности, мы должны, прежде всего, указать на тѣ, довольно рѣзко обозначающіяся грани, которыя замѣтны въ развитіи его сильнаго и самостоятельнаго поэтическаго дара. Прежде всего замѣтимъ, что, по самому свойству своей природы, своего горячаго темперамента и своего живого характера, Державинъ неспособенъ былъ подчиняться никакому вліянію вполнѣ, съ рабскою покорностью, и благоговѣть передъ тѣмъ или другимъ образцомъ; не могъ подражать успѣшно, хотя и начиналъ, какъ всякій поэтъ, съ подражаній. Такъ, напр., восторгаясь одами Ломоносова, желая идти по слѣдамъ его, онъ ясно видѣлъ свое безсиліе, и самъ сознается, что „не могъ выдержать изящнымъ подборомъ словъ, свойственныхъ одному Ломоносову, великолѣпія и пышности рѣчи..." Роль „Россійскаго Пиндара" была ему не по плечу; онъ это сознавалъ и чувствовалъ, и смутно представлялъ себѣ, что въ его поэтическомъ дарѣ есть болѣе

Титульный листъ къ позднѣйшему изданію сочиненій Державина, съ рисункомъ А. Брюллова.

общаго съ Гораціанскою поэзіею (конечно, насколько онъ могъ съ нею ознакомиться по переводамъ и по истолкованіямъ друзей, знакомыхъ съ этимъ классикомъ въ подлинникѣ). Но у него совсѣмъ не было той выдержанности и уравновѣшеннаго спокойствія въ тонѣ, какимъ отличается поэзія Горація. Поэтому, въ лучшую пору развитія своего таланта, когда, по его мнѣнію, онъ набрелъ на „свой путь", онъ создалъ изъ готовыхъ и условныхъ формъ теоріи нѣчто такое, что съ теоріей совсѣмъ не согласовалось, ни подъ какія условныя рамки не подходило; но зато, несомнѣнно, носило на себѣ своеобразный отпечатокъ новизны и большой оригинальности. Эта новизна и оригинальность болѣе всего сказывались въ томъ, что почти ни одно произведеніе не выходило изъ-подъ пера Державина написаннымъ съ начала и до конца въ одномъ и томъ же тонѣ или подъ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ. Очень часто, начиная свое произведеніе съ высокихъ и торжественныхъ нотъ, онъ сводилъ его потомъ къ насмѣшкѣ и шутливой сатирѣ; и, напротивъ того, начиная съ веселыхъ и игривыхъ строфъ, приходилъ, въ концѣ произведенія, къ серьезному и глубокому выводу. Теоретикъ, въ большинствѣ произведеній Державина, найдетъ массу промаховъ, ошибокъ и несообразностей; но безпристрастный критикъ не откажетъ поэту въ искренности его поэтическаго порыва, въ силѣ вдохновенія и въ большой силѣ и образности языка и самыхъ оборотовъ рѣчи.

Проектъ памятника Державину, составленный Гальбергомъ и Тономъ.

Особенность такихъ поэтическихъ формъ, которыя, если Державинъ и не самъ пріобрѣлъ, то самъ приладилъ къ потребностямъ своего поэтическаго вдохновенія, заключается именно въ томъ, что онѣ всѣ составляютъ какой-то особый, смѣшанный поэтическій родъ, въ которомъ и ода является не одой, и посланіе не посланіемъ, и даже торжественно и высоко-настроенная элегія переходитъ то въ рядъ картинъ и описаній, то въ дидактику, то

Памягникъ Державину въ Казани, на театральчой площади.

въ остроумную и ѣдкую сатиру. Онъ не стѣсняется ничѣмъ въ своемъ вдохновеніи: онъ даетъ ему полную волю, и „поэтическую свободу“ понимаетъ такъ широко и своеобразно, что она, въ его произведеніяхъ, очень часто переходитъ въ „поэтическое своеволіе“ и нарушаетъ общій строй произведенія рѣзкостью выраженій и произвольностью образовъ. Въ результатѣ выходитъ, что форма, въ строгомъ смыслѣ слова, нарушена, не соблюдена, не выдержана до конца, и въ частностяхъ многое не можетъ удовлетворить придирчивую критику; но, въ общемъ, произведеніе оставляетъ въ насъ впечатлѣніе чего-то живого, яркаго, реальнаго, и въ самой непослѣдовательности Державинскаго творчества чувствуется что-то родное, близкое всѣмъ намъ, свойственное нашей славянской натурѣ. Мѣстами ощущаются кое-какіе диссонансы, въ видѣ неряшливой и неумѣлой обработки языка и стиха, кое-какіе недомолвки и недочеты, въ видѣ неудачныхъ сравненій, неизящныхъ образовъ и излишнихъ преувеличеній, указывающіе на неразвитость вкуса, на недостатокъ образованности въ авторѣ. Но зато, рядомъ съ этими недостатками, въ по-

эзіи Державина встрѣчаются такіе величавые образы, такіе изумительно-мѣткіе эпитеты и проблески такого высокаго поэтическаго дара въ выборѣ словъ и выраженій, какимъ могутъ похвалиться немногіе изъ нашихъ поэтовъ,—до Пушкина. Если мы заглянемъ въ сочиненія Державина, то примѣры его красотъ напросятся сами собою, и намъ тѣмъ болѣе будетъ легко ихъ припоминать, что классическія произведенія Державина не только памятны намъ, но не вполнѣ забыты еще и молодымъ поколѣніемъ. Припомнимъ, напримѣръ, то описаніе зимы, которымъ начинается ода *„на Рожденіе на Сѣверъ порфиророднаго отрока“*:

«Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Сыпалъ иней рукой.
Сыпалъ иней пушисты
И мятели воздымалъ,
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ»...

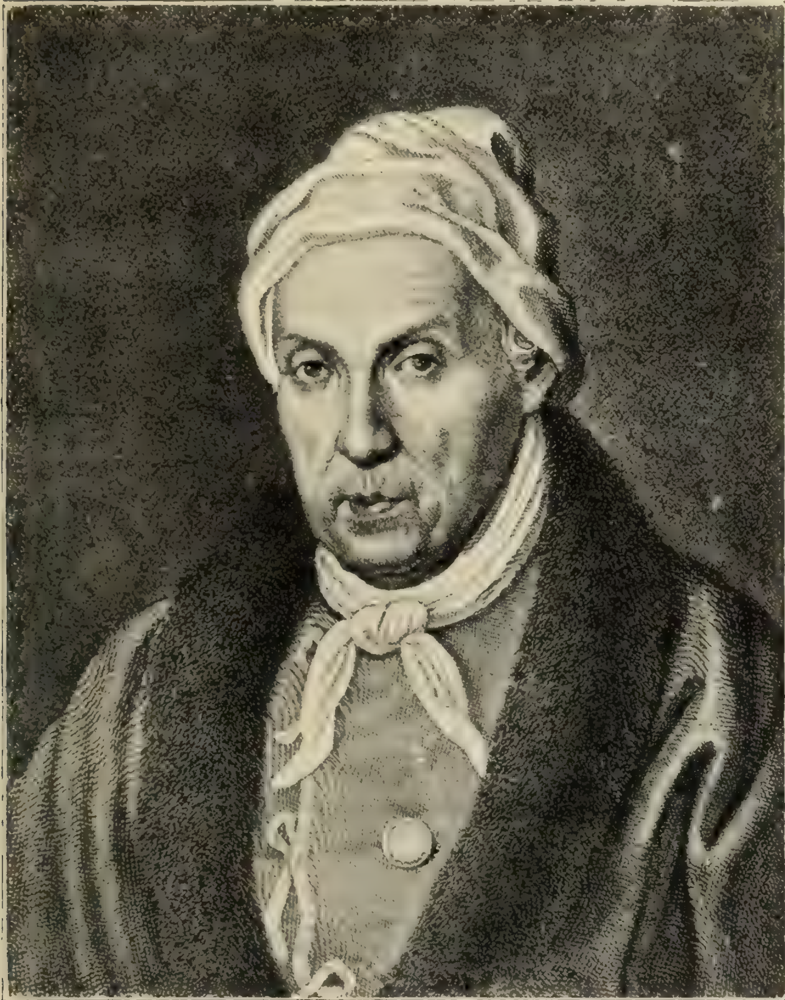
И рядомъ съ этимъ другое, такое же картинное описаніе наступленія зимы изъ стихотворенія *„Осень во время осады Очакова“*.

«Борей на осень хмуритъ брови
И зиму съ сѣвера зоветъ.
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.
На мѣстѣ радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,
А на коврахѣ полей зеленыхъ
Лежитъ разсѣянъ бѣлый пухъ». [1])

Громадный талантъ Державина, точно такъ же, какъ и талантъ Пушкина, выказывается въ томъ, что онъ не затрудняется вносить въ поэзію картины изъ обыденной дѣйствительности, и самымъ обыкновеннымъ предметамъ умѣетъ придать такія краски, такой блескъ, что они, въ его поэтическомъ сопоставленіи, представляютъ собою великолѣпную картину. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ рисуетъ намъ столъ пиршества въ своемъ извѣстномъ описаніи знаменитаго Таврическаго празднества:

[1]) На нашъ взглядъ, это описаніе нисколько не уступаетъ, по красотамъ своимъ, Пушкинскому описанію наступленія зимы (въ «Евгеніи Онѣгинѣ»): «Вотъ Сѣверъ, тучи нагоняя, и т. д. Пушкинское описаніе реальнѣе Державинскаго, но не красивѣе его.

«Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато, и сребро;
Восточный, западный—сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Черно-кудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,

Державинъ (въ послѣднее время жизни). Съ гравюры Пожалостина, по портрету художника Васильевскаго.

Съ плодами сладкими принесъ коницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ въ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина».

И рядомъ съ этою яркою, красочною картиною роскошнаго пиршества, какъ свободно и властно переходитъ онъ къ описанію

ужасовъ войны и пиршества смерти, во всей его грозной обстановкѣ. Вотъ подобная картина изъ описанія страшнаго, кроваваго ночного штурма Измаила:

«Везувій пламень изрыгаетъ;
Столбъ огненный во тьмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ Понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О, Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ».

Или вотъ еще изображеніе Суворова въ видѣ сказочнаго богатыря, заимствуемое нами изъ оды „на взятіе Варшавы“:

«Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла:
Вихрь полуночный, летитъ богатырь.
Тьма отъ чела его, съ посвистомъ пыль,
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ...»

Сопоставляя рядомъ съ этими мрачными образами, игривыя и веселыя бытовыя сценки изъ жизни Екатерининскихъ вельможъ въ одѣ „Фелица“, въ „Посланіяхъ“ къ друзьямъ и мелкихъ шутливыхъ стихотвореніяхъ Державина, припомнимъ его застольную пѣсню:

«Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань, предстань предъ насъ скорѣй,
Большая, сребряная кружка.»

Припомнимъ его „*Ласточку*“ и другіе идиллически-нѣжные образцы поэзіи — и мы удивимся разнообразію его таланта. Но этотъ талантъ проявляется особенно сильнымъ и красивымъ въ тѣхъ противоположеніяхъ, которыя такъ любитъ сопоставлять Державинъ. Кому не памятны подобныя сопоставленія и противоположенія изъ оды „*на смерть князя Мещерскаго*“, за которыми слѣдуетъ величавое изображеніе грознаго образа Смерти? Или картины безумной роскоши, окружающей изнѣженнаго, пресыщеннаго и разочарованнаго вельможу (въ одѣ „Вельможа“),

вызванныя воображеніемъ поэта только для того, чтобы сопоставить ихъ съ картинами нужды, униженія и скорби человѣческой?

«А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то-ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?
На то-ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани:
Токай густое льетъ вино,
Левантъ съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?
Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ
На то-ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?..»

И рядомъ съ этими картинами—печальные типы несчастныхъ и бѣдняковъ, которые давно уже ожидаютъ пробужденія вельможи: тутъ израненный герой, его бывшій начальникъ, а нынѣ пришедшій къ нему за приказомъ и вынужденный стоять „межъ челядью его златою, поникнувъ лавровой главой“; тутъ и несчастная вдова съ груднымъ младенцемъ на рукахъ; тутъ и инвалидъ, на костыляхъ, когда-то спасшій жизнь вельможи въ бою, а теперь ожидающій его на лѣстницѣ, чтобы протянуть ему руку за милостыней... Картина прекрасная, сильная и поражающая! А какъ хорошъ этотъ всѣмъ извѣстный отрывокъ изъ оды „Водопадъ“, въ которомъ поэтъ, пораженный внезапною кончиною Потемкина въ степи и въ самой простой обстановкѣ, сопоставляетъ условія этой кончины съ тѣмъ могуществомъ, великолѣпіемъ и славой, какими онъ пользовался при жизни:

«Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи;

Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты.
Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?..
Не ты-ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли, съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?..
Не ты-ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ музъ — другъ Аполлона,
На полѣ Марса — вождемъ слылъ?
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?»

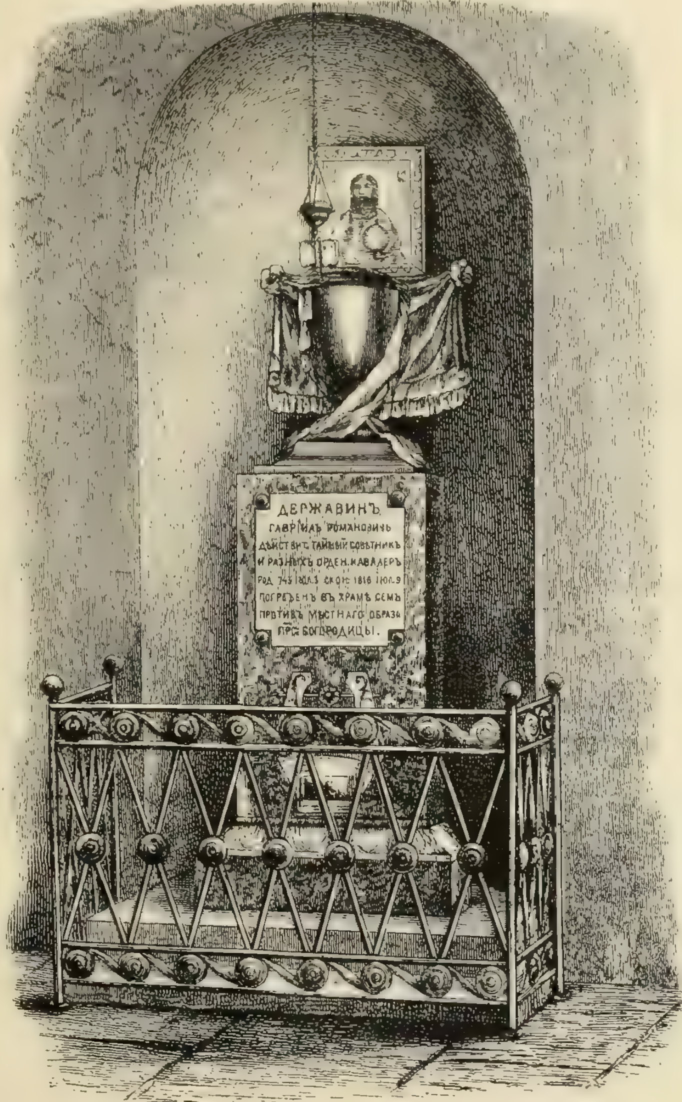
Духовныя оды Державина.

Глубокимъ сознаніемъ человѣческаго ничтожества и непостижимой силы и величія Божества проникнуты всѣ тѣ стихотворенія Державина, которыя служатъ у него выраженіемъ его личнаго религіознаго чувства или передаютъ религіозные мотивы, заимствованные у вдохновеннаго псалмопѣвца; напр. подражаніе 137 псалму („Исповѣмся всѣмъ сердцемъ моимъ“), или 91-му псалму („Благо есть исповѣдатися Господеви“), 45-му псалму („Богъ намъ прибѣжище и сила“), 83-му псалму („О, коль возлюбленна селенія Твоя, Боже“) и многіе другіе. Сюда же относятся и стихотворенія, заимствованныя изъ псалмовъ или основанныя на псалмахъ, какъ на темѣ для развитія извѣстной идеи: напр., „*На тщету земной славы*“ (изъ 48 псалма); „*Покаяніе*“ (вольное переложеніе 50 псалма); „*Умиленіе*“ (подражаніе 70-му псалму) и, наконецъ, прекрасное стихотвореніе „*Властителямъ и судіямъ*“ (заимствованное изъ 81 псалма), надѣлавшее такъ много хлопотъ и непріятностей Державину, въ періодъ извѣстной реакціи, наступившей въ послѣдніе годы царствованія Екатерины [1]). Но ни одна изъ этихъ пьесъ не проникнута такимъ искреннимъ и глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ, какъ извѣстная каждому образованному русскому человѣку Державинская ода „*Богъ*“. Написанная поэтомъ въ полномъ уединеніи, въ порывѣ сильнѣйшаго поэтическаго вдохновенія, на время какъ бы охватившаго поэта

---

[1]) Вслѣдствіе того, что въ новѣйшее время явились критики, которые стали утверждать, что ода «Богъ» не оригинальное произведеніе, а по частямъ заимствованное у разныхъ иноземныхъ авторовъ, академикъ Гротъ, въ своемъ классическомъ изданіи нашего поэта, подвергъ это произведеніе самому тщательному изслѣдованію и пришелъ къ тому убѣжденію, что это—«созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ подобныхъ произведеній только въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разрабатывающіе одинъ и тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться въ однѣхъ мысляхъ». Соч. Державина въ изданіи Грота, I, 189—194, указаны всѣ мѣста, общія по мысли съ другими поэтами.

и оторвавшаго его отъ всѣхъ житейскихъ впечатлѣній — эта ода можетъ быть названа перломъ Державинскаго творчества, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что она, по силѣ и выразительности своей, по чрезвычайной смѣлости, выказанной поэтомъ въ обработкѣ такой трудной и малодоступной нашему сознанію темы, была въ свое время произведеніемъ единственнымъ, неимѣвшимъ себѣ подобнаго ни въ одной изъ европейскихъ литературъ. Ода замѣчательна, въ особенности, тѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ, въ поэтической формѣ, совершенно вѣрное и догматически-правильное опредѣленіе существа Божія, и всѣхъ тѣхъ свойствъ, какія мы ему приписываемъ. Это именно и составляетъ содержаніе вступленія и нѣсколькихъ первыхъ строфъ („*О Ты, пространствомъ безконечный*“ и т. д.). Не напоминаемъ ихъ, по ихъ общеизвѣстности; но не можемъ не добавить къ этому, что лучшею частью оды почитаемъ тѣ строфы, въ которыхъ поэтъ изображаетъ отношеніе человѣка къ Божеству и теряется разумомъ въ сознаніи

Надгробный памятникъ Державина въ главномъ храмѣ Хутынскаго монастыря, на Волховѣ.

своего ничтожества, но ничтожества разумнаго, одареннаго сильными душевными свойствами, предъявляющаго права на безсмертіе. Опредѣливъ мѣсто человѣка въ природѣ, поэтъ переходитъ къ слѣдующей знаменитой строфѣ:

«Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ—
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю:
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ.
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ—безвѣстенъ...
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель.
Твоей премудрости я тварь.
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь.
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твое».

Вся эта ода, удивительно цѣлостная по общему составу своему и законченная въ частностяхъ, вылилась изъ-подъ пера Державина въ самый разгаръ его литературной дѣятельности, въ самый цвѣтущій періодъ развитія его таланта. Она произвела на всѣхъ впечатлѣніе потрясающее, поразительное — и несомнѣнно должна была его произвести, потому что во все время своей долгой поэтической карьеры, выразившейся множествомъ отдѣльныхъ, крупныхъ и мелкихъ произведеній, Державинъ, ни до этой оды, ни послѣ нея, не выказывалъ ни въ чемъ такой силы поэтическаго дара, такого возвышеннаго и дивнаго строя своего вдохновенія.

Пѣсни и драмы.

Начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, эта сила уже значительно ослабѣваетъ въ Державинѣ и все рѣже и рѣже проявляется въ чемъ-нибудь крупномъ и достойномъ „пѣвца Екатерины". Съ одной стороны, онъ мельчаетъ и въ произведеніяхъ своей лирики, вдаваясь въ „Анакреонтическій" родъ поэзіи, сводя все на формы „пѣсни", въ которой выражалось мимолетное впечатлѣніе, воспѣвались красоты природы и спокойствіе эпикурейскаго довольства благами жизни. Сюда относятся такія пьесы, какъ *„Горячій ключъ"*, *„Стрѣлокъ"*, *„Пчелка"*, *„Цѣпи"*, *„Рожденіе*

красоты", „*Русскія дѣвушки*", „*Разлука*", „*Хариты*" и т. п. Многія изъ этихъ мелкихъ произведеній были положены на музыку и распѣвались какъ романсы—и этимъ путемъ пріобрѣли большую популярность и широкое распространеніе. Въ концѣ жизни, Державинъ сильно пристрастился къ произведеніямъ драматическимъ, вѣроятно, увлекаясь тѣмъ значеніемъ, которое болѣе и болѣе начиналъ пріобрѣтать театръ въ русской общественной жизни и литературѣ, можетъ быть даже и увлекаясь преимущественно успѣхами Озерова и другихъ современныхъ драматурговъ [1]). Въ драматическихъ произведеніяхъ Державина, трагедіи чередовались съ операми, которыя были тогда въ большомъ ходу и въ модѣ. Однимъ изъ первыхъ его драматическихъ опытовъ была фантастическая опера „*Добрыня*", явившаяся въ 1804 г. Въ ней проявляются поползновенія на возсозданіе русской сказочной старины на основаніи тѣхъ первыхъ проявленій вкуса къ ней, которыя уже начинають высказываться со времени появленія первыхъ сборниковъ нашихъ народныхъ пѣсенъ (въ особенности былинъ). Въ одномъ году съ „Добрыней" явилось и героическое представленіе „*Пожарскій*"; въ 1806 г. написана была трагедія „*Иродъ и Маріамна*". Затѣмъ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ жизни, еще три историческія пьесы: трагедіи—„*Темный*" и „*Евпраксія*" (та княгиня рязанская, супруга князя Θеодора, которая въ Зарайскѣ ринулась съ забрала вмѣстѣ съ младенцемъ-княжичемъ, чтобы не достаться въ руки басурманамъ) и опера „*Грозный или покореніе Казани*" [2]). Своими драматическими произведеніями — по какой-то старческой прихоти вкуса, — Державинъ до такой степени увлекался, что въ бесѣдѣ съ однимъ изъ молодыхъ (въ то время) литераторовъ—С. Т. Аксаковымъ—даже жалѣлъ, что въ самомъ началѣ своего вступленія въ литературу не посвятилъ себя всецѣло трагедіи, какъ Сумароковъ или Княжнинъ... А между тѣмъ именно драматическаго дарованія у Державина вовсе не было, по общему отзыву всѣхъ, даже и самыхъ безпристрастныхъ современниковъ и всѣхъ критиковъ потомства.

Чрезвычайно любопытно то, что къ Державину всѣхъ строже отнесся Пушкинъ, положительно-несправедливый въ своемъ рѣзкомъ отзывѣ о дѣятельности поэта-ветерана и его значеніи въ нашей литературѣ XVIII вѣка [3]). Этотъ рѣзкій отзывъ тѣмъ бо- Отзывы критиковъ.

[1]) Вообще, въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности, когда самобытный талантъ болѣе и болѣе слабѣлъ, Державинъ очень охотно поддавался подражанію многимъ произведеніямъ даже новыхъ поэтовъ: напр., Жуковскому—въ его романтическихъ балладахъ; Озерову—въ драмѣ.

[2]) Извѣстны даже и переводныя его произведенія сценическія: напр., «*Атаболибъ или разрушеніе Перуанской Имперіи*»—трагедія съ хорами, и опера «*Рудокопы*».

[3]) «Перечелъ я Державина всего—пишетъ онъ въ 1825 г. Дельвигу,—вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова)»—котораго, кстати сказать, Пушкинъ, тоже

лѣе поражаетъ насъ своею странною неожиданностью, что Пушкинъ отзывается съ удивительною мягкостью и снисходительностью о Тредіаковскомъ, а о весьма слабыхъ поэтическихъ опытахъ своихъ друзей (Вяземскаго, Дельвига, Баратынскаго) любитъ говорить даже съ преувеличенными похвалами, почти съ восторгомъ... Гораздо справедливѣе Пушкина отнеслись къ Державину ближайшіе къ нему критики наши 30-хъ и 40-хъ годовъ (Н. А. Полевой и Бѣлинскій), которые одинаково признали въ немъ могучій, дивный поэтическій даръ, но необработанный и лишенный той благородной отдѣлки, того блеска и лоска, которые даются только основательнымъ образованіемъ и тонко развитымъ чутьемъ изящнаго. Признавая всякіе недостатки этого крупнаго, но чрезвычайно своеобразнаго поэтическаго дара, академикъ Гротъ, глубокій знатокъ литературной дѣятельности Державина, приходитъ, при оцѣнкѣ его значенія, къ такому прекрасному выводу:

„Несмотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы, имъ начертанные, сохранятъ навсегда свою яркость, и до тѣхъ поръ, пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія“...

Въ дополненіе къ этому отзыву, и именно въ качествѣ противовѣса къ вышеприведенному отзыву Пушкина (слишкомъ поспѣшному), мы считаемъ долгомъ указать здѣсь вполнѣ справедливый отзывъ Грота и о языкѣ, и о слогѣ въ сочиненіяхъ Державина [1]).

„При всей неправильности и небрежности выраженія, часто замѣчаемыхъ въ стихахъ Державина—сочиненія его и со стороны языка заслуживаютъ изученія... Не успѣвъ пріобрѣсти литературнаго образованія, которое отвѣчало бы силѣ его таланта, Державинъ, для выраженія своей поэтической мысли, обращается съ языкомъ самовластно: онъ не боится ошибокъ противъ грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею въ легкій и

нисколько не цѣнилъ. По мнѣнію Пушкина (далѣе. въ томъ же письмѣ), Державинъ «не имѣлъ понятія ни о слогѣ. ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно-поэтическія... Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника».

[1]) Не мѣшаетъ припомнить здѣсь же. что языкъ и слогъ Державина (въ IX т. изданія его сочиненій) явились у Грота предметомъ особаго изслѣдованія, весьма тщательнаго и подробнаго. Онъ составилъ даже «Словарь словъ и выраженій къ стихотвореніямъ Державина».

рѣзкій образъ—и дѣйствительно, такимъ способомъ онъ часто достигаетъ своей цѣли вѣрнѣе, чѣмъ если бы гонялся за безукоризненною чистотою рѣчи, охлаждая тѣмъ полетъ своей пылкой фантазіи. Его языкъ, при всемъ видимомъ своемъ своенравіи, есть языкъ выразительный, сильный и пластическій. Его слогъ мужественъ и полонъ энергіи"—и въ доказательство этого Гротъ приводитъ, по отношенію къ слогу произведеній Державина, отзывъ современника, весьма тонкаго стилиста (И. И. Димитріева), который, даже вовсе и не зная, кому принадлежали первыя печатныя сочиненія Державина (печатавшіяся безъ имени), былъ пораженъ оригинальностью и силой его оборотовъ и выраженій.

Мы полагаемъ, что вообще русская лирика, въ произведеніяхъ Державина, много выиграла даже и съ внѣшней стороны:—онъ сумѣлъ отрѣшиться отъ того скучнаго и однообразнаго, какъ бы офиціальнаго размѣра одъ, который введенъ былъ Ломоносовымъ, и которому рабски слѣдовали всѣ его подражатели. Размѣры въ лирикѣ Державина чрезвычайно разнообразны, хотя и далеко не вездѣ выдержаны съ строгою, педантической правильностью; многія произведенія у Державина писаны даже и двумя размѣрами; замѣтно, вообще, что онъ справлялся со стихомъ довольно свободно и даже нѣсколько тщеславился свободными переходами отъ одного размѣра къ другому.

Значеніе Державина.

Если же мы станемъ сравнивать лучшія оды Ломоносова и Сумарокова съ Державинскими, со стороны ихъ внутреннаго содержанія, то увидимъ, что поэзія въ вѣкъ Екатерины сдѣлала большой шагъ впередъ на пути своего внутренняго развитія въ смыслѣ воплощенія идеи въ образахъ поэтическаго творчества. Державину значительно удалось упростить нашу поэзію, сблизить ее съ жизнью и дѣйствительностью — примѣнить поэтическую форму къ такимъ сюжетамъ, о которыхъ и помыслить не смѣли его предшественники „одописцы" въ своемъ „пареніи"... Не даромъ самъ Державинъ, въ своемъ письмѣ къ Е. Р. Дашковой, очень мѣтко указалъ на разницу между своими одами и одами Ломоносова, говоря, что „ему надобно было прибѣгать къ великолѣпнымъ всегда небылицамъ и постороннему украшенію, а мнѣ къ одной натурѣ, къ одной той истинѣ, съ которою и послѣ меня исторія будетъ согласна". Прибѣгая „къ натурѣ", Державинъ сумѣлъ еще усвоить своей поэзіи много такого, что̀ было имъ заимствовано изъ непочатой еще тогда сокровищницы народныхъ преданій, повѣрій и богатаго запаса словъ, оборотовъ и образовъ, который начинали вскрывать первые памятники нашей народной поэзіи, тогда начавшіе появляться въ свѣтъ... Вообще говоря, Державину уже въ значительной степени удалось вдунуть жизнь въ мертвыя, чуждыя формы нашей лирики, вложить

душу въ мертвое, безжизненное тѣло нашей только еще слагавшейся поэзіи —и это заслуга не малая, да притомъ же доступная только сильному и своеобразному таланту.

При императорѣ Николаѣ I Державину былъ воздвигнутъ памятникъ (въ 1847 году) на его родинѣ, въ Казани, въ оградѣ мѣстнаго университета. Позднѣе онъ былъ перенесенъ на площадь. Поэтъ, облеченный въ классическую тунику и обутый въ сандаліи, сидитъ на этомъ памятникѣ, въ позѣ поэтическаго раздумья. Болѣе удачною и реальною представляется намъ фигура Державина, помѣщенная на памятникѣ Екатерины (въ скверѣ Александринскаго театра въ С.-Петербургѣ), среди ея знаменитыхъ сподвижниковъ и современниковъ. Отдаленнымъ отголоскомъ его эпохи и его славы является и самая „бесѣдка Фелицы“ въ Павловскѣ... Но, безъ сомнѣнія, лучшимъ и самымъ прочнымъ памятникомъ прославленнаго „пѣвца Екатерины“ слѣдуетъ признать то прекрасное съ внѣшней стороны и важное по внутреннимъ достоинствамъ изданіе сочиненій Державина, которое было предпринято Академіей Наукъ въ царствованіе императора Александра II и вышло въ свѣтъ подъ редакціею академика Я. К. Грота, посвятившаго на выполненіе этой обширной и труднѣйшей задачи многіе годы своей жизни.

Державинъ, въ одномъ своемъ лицѣ, представляетъ намъ цѣлую эпоху, и потому, издавая его сочиненія, необходимо было дать полнѣйшую картину той яркой, богатой и своеобразной эпохи, среди которой онъ жилъ, тѣсно связанный разнообразными отношеніями съ массою историческихъ лицъ. Поэтому, для выясненія личности и дѣятельности Державина, какъ поэта и какъ общественнаго дѣятеля, Я. К. Гроту пришлось перебрать всю внутреннюю исторію нашего общества, второй половины XVIII вѣка; пришлось разъѣзжать по всей Россіи, собирая матерьялы для біографіи и характеристики Державина, разрывая казенные архивы и фамильныя бумаги Екатерининскихъ временъ; пришлось сличать и изучать различныя редакціи рукописей и изданій Державина, вдаваться въ мелкія и крупныя изслѣдованія подробностей и частностей, даже намековъ въ произведеніяхъ поэта... Трудъ былъ огромный и явился первымъ у насъ классическимъ изданіемъ крупнаго русскаго поэта и писателя—достойнымъ и Академіи Наукъ, и того, кому она поручила выполненіе этой тягостной и мудреной задачи... Академику Гроту пришла счастливая мысль, издать Державина въ томъ видѣ, въ какомъ онъ самъ хотѣлъ увидѣть когда-нибудь свои сочиненія, а именно — приложивъ къ нимъ не только его личный подробный комментарій (цѣлую исторію его Музы!), но еще и живописный комментарій его друга и родственника Н. А. Львова, который, со свойственною

ему живостью и изяществомъ, украсить почти каждое изъ стихотвореній Гавріила Романовича своими высоко-художественными виньетками. Всѣ эти виньетки внесены въ „большое“ изданіе сочиненій Державина, печатанное въ форматѣ роскошнаго in quarto, Одновременно съ этимъ выпущено было въ свѣтъ и болѣе дешевое, болѣе доступное изданіе поэта, въ которое вошло все, вмѣщенное въ большомъ изданіи, кромѣ виньетокъ. Такого прекраснаго памятника—увы!—удостоены еще весьма немногіе изъ нашихъ классиковъ.

Изъ виньетокъ Н. А. Львова къ произведеніямъ Державина.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Лирика послѣдователей старой школы.—Ея главные мотивы и рутинные пріемы.—Костровъ.—Рубанъ.—Петровъ.—Новыя вѣянья въ одописаніи: подражатели Державина.—Капнистъ и его оды.

Лирика въ жизни общества XVIII в.

Державинъ, въ области лирики былъ въ такой степени чрезвычайнымъ, выходящимъ изъ ряда и новымъ явленіемъ въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, что его лучшія, выдающіяся произведенія, въ родѣ одъ „Фелица", „Видѣніе Мурзы" и оды „Богъ" опрокинули всѣ теоріи, сбили съ толку авторовъ, сообразовавшихъ съ ними свое послушное вдохновеніе, поколебали даже прочно-установившуюся славу такихъ кумировъ, какъ Ломоносовъ. Въ лирикѣ произошелъ положительный переворотъ, вынуждавшій многихъ совсѣмъ отказаться отъ поэзіи, которая переставала быть мертвою буквою, по правиламъ старой теоріи, втискивавшей произведенія въ узкія рамки опредѣленныхъ формъ...

Подъ мощными ударами своеобразнаго и прихотливаго таланта Державина старыя формы разлѣзались врозь, рамки теоріи стали терять смыслъ и значеніе,—торжественная хвалебная ода начиналась не съ воззванія къ Аполлону и Музамъ, а прямо, съ сущности дѣла, безъ всякаго приступа. Мало того, ода переплеталась съ сатирой, съ картинами природы, съ шутливыми нравоученіями и опять переходила къ важному, высоко-настроенному тону. Требовался для созданія лирическихъ произведеній новый элементъ, новый факторъ, о которомъ не упоминала старая теорія:—настоящій поэтическій даръ и настоящее вдохновеніе. Идти прежнимъ путемъ, послѣ Державина, было, конечно, невозможно, и это признали, это совершенно искренно высказали наиболѣе проницательные изъ лириковъ старой школы... Но, конечно, переворотъ совершился не скоро, не разомъ, и въ то время, когда Державинъ удивлялъ Екатерину и всѣхъ современниковъ блескомъ, яркостью и новизною своей лирики, около него продолжали писаться и печататься оды и иныя лирическія произведенія, которыя были плохимъ подражаніемъ одамъ Ломоносова и Сумарокова, и вызывались скорѣе литературнымъ обычаемъ, литературными нравами времени (если можно такъ выразиться), нежели какимъ бы то ни было вдохновеніемъ или естественною потребностью къ творчеству. Литература была еще пріятною новинкой, диковинкой, роскошью, доступною избраннымъ классамъ общества, и литераторамъ, даже поэтамъ—такъ, по крайней мѣрѣ, думали въ то доброе старое время—могъ быть всякій человѣкъ, вкусившій отъ плодовъ науки, знакомый съ иностранными литературами, хотя бы даже въ переводахъ; а главное—знакомый съ теоріей и правилами, по ко-

торымъ слѣдовало выражать свои мысли и впечатлѣнія въ стихахъ и прозѣ—съ риторикой и піитикой. И хотя литература еще не являлась, въ половинѣ XVIII вѣка, спеціальностью, исключительнымъ назначеніемъ людей ума и таланта, хотя ей все еще посвящались только досуги отъ службы и другихъ серьезныхъ занятій, доставлявшихъ средства къ жизни—однакоже, на литературу, какъ и на многіе предметы роскоши, уже явился спросъ. По мѣрѣ распространенія европейской образованности въ высшихъ классахъ общества, въ средѣ вельможъ и знати сталъ проявляться вкусъ къ литературѣ и къ поощренію ея развитія различными путями и средствами. Одни довольствовались тѣмъ, что, подражая Екатеринѣ, меценатствовали, благосклонно принимая подносимыя имъ похвальныя оды и посвященія сочиненій и отплачивая авторамъ за вниманіе болѣе или менѣе цѣнными подарками; другіе—болѣе скупые на деньги—отдѣлывались отъ подносителей тѣмъ, что доставляли имъ мѣста и оказывали имъ поддержку въ дѣловыхъ хлопотахъ; третьи—болѣе искренно преданные интересамъ процвѣтанія русской литературы—доставляли авторамъ средства на печатаніе ихъ произведеній, на изданіе переводовъ и сочиненій, на литературныя предпріятія, въ родѣ изданія новыхъ журналовъ или историческихъ памятниковъ. И эта милость „меценатовъ", эта возможность выставиться, выдѣлиться изъ толпы, угодить „сильнымъ міра сего" во-время поданною торжественною одою или поздравительнымъ стихотвореніемъ—многихъ поэтовъ второй руки и побуждала къ созданію болѣе или менѣе обильнаго количества лирическихъ произведеній, тѣмъ болѣе, что отъ любого лирика, въ то время, требовалось гораздо менѣе таланта и знанія, чѣмъ въ настоящее время отъ мелкаго сотрудника или репортера ничтожной газетки.

Еще на школьной скамьѣ каждый изъ такихъ будущихъ лириковъ усвоивалъ себѣ, такъ-сказать, легчайшіе пріемы и способы къ пріобрѣтенію въ будущемъ болѣе или менѣе громкой „піитической славы", такъ какъ въ учебникѣ словесности (Аполлоса) находилъ такія „піитическія" правила: . . . „Поэзія *или стихотворство* (sic!) есть наука—всякую вещь или данную матерію метрически или по мѣрѣ стопъ описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ, къ пользѣ и увеселенію слушающихъ или читающихъ..." Такъ объяснялись сущность и значеніе поэзіи вообще; а вотъ какъ объяснялась лирика, въ связи, конечно, со всѣмъ ходомъ ея развитія на русской почвѣ, въ первой половинѣ XVIII вѣка: Теорія о лирикѣ.

. . .„Поэзія лирическая есть искусство писать *похвальные* стихи, особливо оды; изобрѣтена въ честь и прославленіе верховнаго Существа. Опредѣляютъ семь родовъ поэзіи: торжества, радости,

похвалы мужей и другихъ вещей, временъ, праздниковъ, публичныхъ мѣстъ и пр."

При такихъ взглядахъ на „поэзію или стихотворство", при такомъ ограниченномъ примѣненіи лирики къ житейскимъ потребностямъ, лирикомъ могъ быть всякій человѣкъ, умѣвшій болѣе или менѣе складно сопоставить четыре стихотворныя строчки и закончить ихъ хотя бы даже и очень сомнительными риѳмами. И дѣйствительно, уже къ началу царствованія Екатерины лириковъ было у насъ довольно много, а затѣмъ, съ легкой руки Ломоносова, Сумарокова и Хераскова, явилось столько охотниковъ имъ подражать, что не легко было бы ихъ перечислить въ нашемъ краткомъ обзорѣ; а полное перечисленіе ихъ произведеній, давно поглощенныхъ забвеніемъ, было бы даже едва-ли исполнимою задачею... Но изъ этихъ лириковъ мы упомянемъ лишь о тѣхъ немногихъ, которые уцѣлѣли въ памяти потомства хотя бы самою ничтожною частью своихъ произведеній и оказали нашей литературѣ хотя какія-нибудь услуги. А такихъ лириковъ, уже дѣйствовавшихъ въ литературѣ до Державина и продолжавшихъ свою дѣятельность въ духѣ старой школы до конца XVIII вѣка, мы укажемъ только троихъ: Рубана, Кострова и Петрова.

В. Г. Рубанъ. *Василій Григорьевичъ Рубанъ* родился въ Бѣлгородѣ въ 1739 году. Вѣроятно, онъ развился и выросъ въ той провинціальной средѣ, въ которой потребность образованія для молодежи начинала уже сказываться достаточно громко: по крайней мѣрѣ мы очень рано видимъ его въ Кіевѣ, въ стѣнахъ той академіи, которая, до половины XVIII вѣка, была главнымъ разсадникомъ образованія и наукъ въ Россіи. Тамъ началъ Рубанъ свою довольно продолжительную учебную карьеру. Неизвѣстно, почему именно онъ предпочелъ Кіевской академіи Московскую славяно-греко-латинскую, но мы видимъ его въ числѣ ея учениковъ, въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Какъ только основалась при Московскомъ университетѣ университетская гимназія, такъ Рубанъ тотчасъ же поступилъ въ это новооткрытое заведеніе и въ 1759 г. былъ уже студентомъ. Здѣсь, подъ благодушнымъ покровительствомъ и, вѣроятно, даже подъ руководствомъ Хераскова началась литературная дѣятельность Рубана, для которой было открыто готовое поле, въ видѣ тѣхъ литературныхъ журналовъ, которые Херасковъ наполнялъ, какъ мы уже видѣли выше, преимущественно своими личными произведеніями, произведеніями своей супруги и работами университетской молодежи. Въ „Полезномъ Увеселеніи" за 1761 годъ и въ „Добромъ Намѣреніи" помѣщены были первые литературные опыты Рубана, въ видѣ переводныхъ статей. Вскорѣ послѣ того онъ переселился изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ служилъ, въ концѣ 60-хъ годовъ,

переводчикомъ при Правительствующемъ Сенатѣ, а въ началѣ 70-хъ—также переводчикомъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ Петербургѣ литературная дѣятельность Рубана проявилась въ весьма широкихъ размѣрахъ, потому что тутъ хвалебная лирика была въ большомъ ходу и модѣ, и даже вызвала въ одномъ изъ современныхъ сатирическихъ журналовъ такое горькое размышленіе:

„Имѣетъ-ли простой народъ добродѣтели—я того не знаю. Затѣмъ, что стихотворцы прославляютъ добродѣтели лирическимъ гласомъ, однако, я никогда не читалъ похвальной оды крестьянину, также, какъ и клячѣ, на которой онъ пашетъ. Но простой народъ терпѣливъ: онъ сноситъ голодъ, жаръ, стужу, презрѣніе отъ богатыхъ, гордость знатныхъ, нападки отъ управителей, раззореніе отъ помѣщиковъ—однимъ словомъ отъ всѣхъ, кои его сильнѣе. Можно признаться, что онъ терпѣливъ: однако, не смѣю еще вмѣнить сіе въ добродѣтель, затѣмъ что добродѣтели присвояются однимъ благороднымъ“ („*Смѣсь*“, журналъ 1769 года).

Рубанъ весьма обильно заплатилъ дань своему вѣку и современному пристрастію къ похвальной, торжественной одѣ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ, говоря о Рубанѣ, выражаетъ сожалѣніе, что его „неисчислимые похвальные гимны“ до сихъ поръ не собраны въ одинъ сборникъ, такъ какъ они должны были бы составить „любопытный въ историческомъ отношеніи литературный памятникъ своего времени“. И затѣмъ онъ приводитъ длинный списокъ отдѣльно-напечатанныхъ одъ Рубана, начиная отъ 1768 г. и до 1795. И чего тутъ нѣтъ? Тутъ и „ода на день всерадостнѣйшаго торжества за предпріятый и благополучно-совершившійся, къ неописанному счастью всея Россія, Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Величества, въ привитіи оспы, подвигъ 22 ноября 1768 года“, и „Стихи на великолѣпное зданіе соборней Исакіевской церкви“, и „Стихи на кончину Евдокіи Борисовны, Герцогини Курляндской“, и „Пеанъ или пѣснь на побѣды, одержанныя Суворовымъ“, и „Посланіе Россійской Музы къ Овидію“, и „Пукъ цвѣтовъ Парнасскихъ, принесенный въ даръ Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Бецкому“—и цѣлый рядъ посланій, одъ и пѣсенъ, посвященныхъ Потемкину, съ которымъ Рубанъ былъ очень близокъ (вѣроятно, вслѣдствіе того, что они вмѣстѣ сидѣли на школьной скамейкѣ, въ Московской университетской гимназіи) и который постоянно оказывалъ Рубану покровительство и щедрую помощь въ различныхъ его литературныхъ предпріятіяхъ.

Во всѣхъ этихъ одахъ, какъ и вообще во всей массѣ написанныхъ Рубаномъ стиховъ, нельзя указать даже и на проблески поэтическаго дара, хотя многимъ изъ нихъ (въ особенности вы-

ражающимъ его признательность Потемкину, Румянцеву, Г. Г. Орлову, П. Д. Еропкину и др. меценатамъ, оказавшимъ Рубану благодѣянія) нельзя отказать въ искренности выражаемыхъ поэтомъ чувствъ; но эта искренность высказывается въ такой неестественной, напыщенной и высокопарной формѣ, что мы не находимъ почти никакой возможности ей повѣрить.

Болѣе удачными у Рубана являются „надписи въ стихахъ", которыми онъ, главнымъ образомъ, и прославился: — въ нѣкоторыхъ изъ его надписей мысль, дѣйствительно, выражена сжато, кратко и сильно. Не говоря уже о весьма извѣстной его надписи:

«Колоссъ Родосскій свой смири кичливый видъ» и т. д.

припомнимъ для примѣра здѣсь другую, а именно: „*Надпись на возвращеніе графа Г. Г. Орлова изъ Москвы въ С.-Петербургъ*" (послѣ чумы); въ ней онъ сравниваетъ Орлова съ Тезеемъ и говоритъ:

«Безъ страха въ лавиринѳъ ко Минотавру вшелъ,
И, умертвя его, самъ вышелъ здравъ и цѣлъ».

Надписи, подобныя этимъ, очень нравились современникамъ Рубана, и потому нѣкоторая часть ихъ вошла даже въ составъ двухъ, отдѣльно-изданныхъ сборниковъ его произведеній [1]).

Успѣхъ сатирическихъ журналовъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, соблазнилъ и Рубана приняться за журнальное дѣло. Въ подражаніе журналу „*И то, и се*", Рубанъ сталъ издавать въ концѣ 1769 г. журналъ „*Ни то, ни се*", (о немъ еще упомянемъ впослѣдствіи), который вполнѣ оправдалъ свое заглавіе. Онъ не просуществовалъ и года, и покончилъ свое жалкое существованіе, осыпанный насмѣшками другихъ сатирическихъ журналовъ. Въ 1771 году онъ принялся за изданіе другого журнала — „*Трудолюбивый Муравей*",—и этотъ также долго не просуществовалъ. Гораздо болѣе осмысленнымъ явилось новое изданіе, предпринятое Рубаномъ, подъ заглавіемъ: „*Старина и Новизна, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и стихотворныхъ, издаваемое почастно*". Вышло этого изданія двѣ части въ два года; и надо замѣтить, что здѣсь, впервые, въ составъ статей журнала введенъ былъ новый элементъ: сырые матерьялы по русской исторіи, русскимъ древностямъ и быту.

Прекративъ изданіе этого сборника, Рубанъ, сблизившись съ извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ нашей старины, Хлѣбниковымъ, занялся изданіемъ отдѣльныхъ памятниковъ по Русской Исторіи, и этимъ оказалъ весьма существенную услугу русской литературѣ. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ были изданы на

---

[1]) Сочиненныя и переведенныя надписи на побѣды Россіянъ надъ Турками, одержанныя въ 1769 и 1770 годахъ, и на другія достопамятности, изд. Василіемъ Рубаномъ. Спб., 1771 г. И еще «Надписи, изъявляющія достопамятности заключеннаго въ Кучукъ-Кайнарджи мира, 10-го іюля, 1774 года».

счетъ постоянно-покровительствовавшаго Рубану Потемкина. Между ними встрѣчаемъ и весьма важные, и любопытные, напр. „*Уставъ ратныхъ дѣлъ*“, отысканный Потемкинымъ въ Оружейной палатѣ: „*Землеописаніе Малыя Россіи*“ и „*Краткая лѣтопись Малыя Россіи*“; сочиненное А. И. Богдановымъ „*Описаніе Петербурга*“ [1]), къ которому подъ стать Рубанъ составилъ въ 1782 году „*Описаніе Москвы*“, и, наконецъ (уже извѣстное намъ), „*Путешествіе къ св. мѣстамъ пѣшехода Василія Барсова*“ по преданію, любимая книга Потемкина; онъ ею зачитывался... Такимъ образомъ, Рубанъ явился исполнителемъ желанія, высказаннаго еще Татищевымъ, о необходимости собиранія и обнародованія историческихъ памятниковъ, и предшественникомъ болѣе важной и болѣе плодотворной дѣятельности Новикова въ томъ же направленіи.

Занимаясь этою издательскою дѣятельностью, Рубанъ, однакоже, до самой смерти не оставлялъ своихъ „піитическихъ упражненій“, которыя подъ конецъ помѣщалъ преимущественно въ журналѣ „*Собраніе разныхъ сочиненій и новостей*“ (1776 г.), не смущаясь отзывомъ современнаго критика, который, упоминая о немъ, говорилъ: „Сей стихотворецъ могъ бы взползти на Парнасъ, но онъ не пишетъ стихи, а рубитъ ихъ какъ дрова“. Послѣднимъ стихотворнымъ произведеніемъ Рубана былъ „*Пукъ цвѣтовъ Парнасскихъ, принесенный въ даръ Бецкому*“; оно, по свидѣтельству академика Тихонравова, напечатано незадолго до его кончины.

Рядомъ съ В. Г. Рубаномъ, въ томъ же самомъ періодѣ, является ничтожная и невзрачная фигурка другого лирика — *Ермила Ивановича Кострова* (род. въ половинѣ XVIII в.; ум. 1796 г.), этого перваго русскаго литературнаго неудачника и „несчастнаго любителя наукъ“. Факты его біографіи до такой степени оказываются скудны, что ихъ можно было бы умѣстить въ десяти строкахъ; но между строками этой біографіи можно прочесть много интереснаго и поучительнаго, много такого, что характеризуетъ то отдаленное время. По происхожденію, онъ былъ сынъ крестьянина Вятской губерніи, хотя есть свидѣтельство, по которому онъ будто бы называлъ себя сыномъ дьячка. На это отчасти указываетъ и тотъ фактъ, что Костровъ, несомнѣнно, былъ воспитанникомъ Вятской семинаріи. Первымъ его стихотворнымъ опытомъ были стихи, обращенные къ Новоспасскому архимандриту Іоанну „*въ чаяніи милостиваго благопризрѣнія и отеческаго милосердія къ несчастнымъ любителямъ наукъ*“. Въ 1775 г. Костровъ былъ уже въ

Е. И. Костровъ.

---

[1]) Къ этому заглавію прибавлено: «дополненное и изданное Надворнымъ Совѣтникомъ, Правящимъ должность Директора надъ Новороссійскими Училищами, Вас. Рубаномъ». Спб., 1779 г. Вѣроятно, эта должность была доставлена Рубану также Потемкинымъ.

числѣ студентовъ Московской славяно-греко-латинской академіи, и здѣсь также оставилъ слѣдъ своей страсти къ стихотворству, поднеся поздравительную „*Епистолу митрополиту Платону, по случаю полученія имъ драгоцѣннѣйшей митры и панагіи*". Проходя почти тотъ же путь ученія, который пройденъ былъ Рубаномъ, Костровъ изъ Академіи направился также въ Московскій университетъ, гдѣ въ 1779 г. и получилъ степень баккалавра. Затѣмъ, жизнь его потекла путемъ совсѣмъ необычнымъ (для XVIII столѣтія): — онъ не поступилъ ни на какую службу, можетъ-быть, потому, что ни на какую службу не былъ пригоденъ, и, питаясь отъ одной литературы, влачилъ весьма бѣдственное существованіе, кажется, даже не имѣя своего опредѣленнаго угла. Ему помогалъ то одинъ изъ знакомыхъ и богатыхъ меценатовъ, то другой:—такъ видимъ, что онъ одно время жилъ въ домѣ Ѳ. Г. Карина, потомъ въ домѣ И. И. Шувалова, и, наконецъ, у М. М. Хераскова, который не любилъ Рубана, но относился всегда очень снисходительно къ Кострову. Несмотря на это снисходительное вниманіе М. М. Хераскова, Костровъ, какъ большинство русскихъ неудачниковъ, сталъ, въ концѣ-концовъ, прибѣгать къ „зелену вину" и впослѣдствіи погибъ отъ этой несчастной слабости.

Переводы Кострова.

Костровъ перевелъ, по заказу Новикова, извѣстную повѣсть Апулея „Превращеніе или Золотой Оселъ" (въ 70-хъ годахъ). Богдановичъ заимствовалъ изъ нея (по передѣлкѣ Лафонтена) только граціозный миѳъ о любви Психеи къ Купидону, какъ тэму для своей шутливой поэмы; Костровъ, отлично знакомый съ латинскимъ и греческимъ языкомъ, перевелъ повѣсть Апулея въ прозѣ и цѣликомъ. Въ 1787 г. вышелъ въ свѣтъ знаменитый въ свое время переводъ „Иліады" подъ заглавіемъ: „*Гомерова Иліада, переведенная Ермиломъ Костровымъ во градѣ Св. Петра*". Сохранилось объ этомъ переводѣ такое извѣстіе, будто Костровъ перевелъ всѣ первыя двѣнадцать пѣсенъ Гомерова Эпоса, но книгопродавецъ за вторую половину этого перевода не хотѣлъ дать болѣе полутораста рублей, и оскорбленный такимъ предложеніемъ, Костровъ будто-бы бросилъ эти пѣсни въ огонь. Однакоже, въ 1811 г. отыскались седьмая, восьмая и половина девятой пѣсни Иліады въ переводѣ Кострова, и этотъ фактъ какъ будто противорѣчитъ только-что приведенному преданію.

Хотя „Иліада" переведена Костровымъ не въ размѣрѣ подлинника, а риѳмованными александрійскими стихами; хотя переводъ, несомнѣнно, страдаетъ многими недостатками, но онъ былъ первой попыткой поэтической передачи греческаго эпоса на русскій языкъ — и это заслуга немалая... Она дала право Кострову на почетный титулъ „переводчика Иліады", который долго сохранялся за нимъ въ ближайшемъ потомствѣ. Несомнѣнно то, что

онъ Гомера зналъ хорошо, и хорошо понималъ его, такъ какъ этотъ поэтъ былъ его любимымъ чтеніемъ. Академикъ Тихонравовъ, изъ нѣкоторыхъ сравненій Костровскаго перевода съ переводомъ Гнѣдича, приходитъ къ тому выводу, что Гнѣдичъ нерѣдко „подчинялся вліянію Кострова". Тотъ же ученый даетъ о лирикѣ Кострова, о его одахъ, вполнѣ вѣрный и справедливый отзывъ:

„Немногосложны пріемы оды Кострова, наслѣдованные отъ Ломоносова; всѣ они сводятся къ немногимъ мыслямъ, фигурамъ и оборотамъ; во многихъ одахъ повторяется одна и та же фигура, видоизмѣненный одинъ и тотъ же приступъ: такъ скудно было содержаніе оды"... „Бѣдность, пустоту содержанія приходилось ему прикрывать внѣшнимъ аппаратомъ, искусственными украшеніями и наборомъ неестественныхъ, дѣтски-наивныхъ до цинизма и безсмыслія льстивыхъ гиперболъ".

Справедливо замѣчая при этомъ, что лесть и воскуреніе всѣхъ подобныхъ одъ были скорѣе обычнымъ пріемомъ, нежели средствомъ для достиженія извѣстныхъ, корыстныхъ цѣлей, академикъ Тихонравовъ признаетъ въ одахъ Кострова, сравнительно съ Рубаномъ и другими современными одописцами, только одно достоинство, что стихъ его глаже и легче, чѣмъ у остальныхъ его собратій. При этомъ, не мѣшаетъ замѣтить, что Костровъ былъ въ такой же степени офиціальнымъ поэтомъ Московскаго университета, въ какой Ломоносовъ офиціальнымъ поэтомъ Академіи Наукъ:—на торжественныхъ актахъ университета нерѣдко читались стихи Кострова, которые должны были служить „выраженіемъ чувствъ и мыслей" университетской корпораціи.

Надо, однакоже, отдать должную дань справедливости вѣрному поэтическому чутью Кострова, который, хотя и былъ преданнѣйшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Ломоносова, однакоже, послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ одъ Державина, тотчасъ оцѣнилъ ихъ по достоинству. Онъ почуялъ нѣчто живое и новое въ этихъ полусерьезныхъ, полунасмѣшливыхъ лирическихъ очеркахъ дѣйствительности, и, сравнивъ ихъ съ сухою, скучною, безсодержательною одою, повторявшею старые образцы, чистосердечно пришелъ къ убѣжденію, что послѣдняя отжила свой вѣкъ. Онъ прекрасно выразилъ это въ своемъ обращеніи къ Державину, гдѣ удивляется тому, что новый поэтъ, „безъ лиры" и даже „не сѣдлая парнасскаго бѣгунца" (т. е. Пегаса), могъ воспѣть „Фелицу" и блескъ ея вѣнца. При этомъ онъ, прямо и не обинуясь, говоритъ: Костровъ и Державинъ.

«Путь непротоптанный и новый ты обрѣлъ.
Обрѣлъ, и въ бѣгъ по немъ пускаешься удачно...»

И онъ относится къ этому „новому пути“ весьма сочувственно, вполнѣ искренно признавая всѣ недостатки торжественной, хвалебной лирики:

«Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ тоновъ,
И полно, кажется, за облака летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ, и рукъ, и ногъ не изломать».

Затѣмъ Костровъ вполнѣ чистосердечно признается, „что изъ моды ужъ вывелись парящи оды“ и отдаетъ полную справедливость Державину, вполнѣ правильно замѣчая:

«Ты простотой умѣлъ себя средь насъ
вознесть.»

Е. И. Костровъ, по современной гравюрѣ.

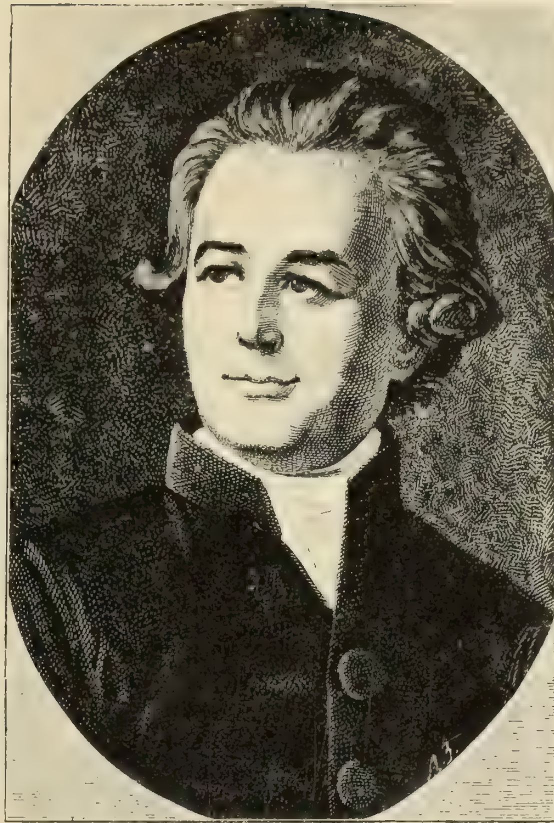
И такое откровенное, безпристрастное признаніе дѣлаетъ честь и добродушію, и тонкому вкусу Кострова, который не умѣлъ, подобно Сумарокову, ослѣплять себя самомнѣніемъ.

Третій изъ этой плеяды лириковъ, болѣе всѣхъ другихъ подходившій къ отживавшему типу придворныхъ поэтовъ, былъ *Василій Петровичъ Петровъ* (род. 1736 г., ум. 1808 г.), и, какъ по характеру личному, такъ и по характеру своихъ произведеній, представляется намъ менѣе привлекательнымъ, нежели „несчастный наукъ любитель“ Костровъ и неудержимый въ стихотворствѣ Рубанъ.

В. П. Петровъ.

В. П. Петровъ былъ родомъ изъ московскаго духовенства, и, по заведенному, уже твердо установившемуся порядку, воспитаніе получилъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи; но не изъявилъ желанія къ продолженію образованія, и прямо перешелъ на дорогу практическую, служебную: поступилъ въ Академію преподавателемъ піитики и реторики. По обычаю времени, однакоже, обязанность Петрова этимъ не исчерпывалась, и

онъ, сверхъ своихъ спеціальныхъ предметовъ, обучалъ своихъ учениковъ „началамъ ариѳметики, Целларіевой географіи и Голберговой исторіи". Во время этого пребыванія въ Академіи преподавателемъ, Петровъ упражнялся и въ церковномъ краснорѣчіи, и его проповѣди, отличавшіяся напыщенностью и обиліемъ внѣшнихъ стилистическихъ прикрасъ, обратили на себя вниманіе многихъ. Говорятъ, что успѣху этихъ проповѣдей, произносимыхъ громко, увѣренно и величаво, много способствовала красивая наружность молодого проповѣдника. Дальнѣйшимъ успѣхамъ Петрова способствовала другая случайность. По всѣмъ вѣроятіямъ, раннее и близкое знакомство съ Г. А. Потемкинымъ (въ бытность его студентомъ Московскаго университета) въ значительной степени помогло Петрову выдвинуться изъ ничтожества и занять видное положеніе при Дворѣ Екатерины. Его ода на карусель, устроенную въ Москвѣ, въ 1766 году, по поводу коронаціи Екатерины II, была замѣчена императрицею, несмотря на то, что не отличалась большими достоинствами, а ея авторъ получилъ не только богатый подарокъ, но еще и удостоенъ былъ милостиваго слова: „я не забуду Петрова". За первою одою послѣдовала вторая, какъ говорятъ, *заказанная* Потемкинымъ „на случай сочиненія проэкта Новаго Уложенія", и смѣлому автору доставлена была даже возможность лично поднести ее императрицѣ, въ 1767 г. Вскорѣ послѣ того, авторъ оды былъ вытребованъ въ Петербургъ; ему дано было мѣсто переводчика при кабинетѣ государыни и поручено исполненіе должности чтеца при ея особѣ (1768 г.). Вспоминая объ этомъ важномъ событіи въ своей жизни, лѣтъ тридцать спустя, Петровъ писалъ своимъ

В. П. Петровъ, по портрету, находящемуся въ Академіи Наукъ.

обычно-напыщеннымъ слогомъ: „монархиня взяла меня изъ убогой хижины и посадила подлѣ себя; какъ матерь исправляя недостатки моего воспитанія, содѣлала меня удобнымъ къ служенію ея“ и т. д. Въ сущности же, Петровъ—молодой, красивый и ловкій малый—оказался „по природѣ своей“ очень удобнымъ для всякихъ услугъ и случайностей придворной службы того времени. Пользуясь расположеніемъ Потемкина, онъ не упускалъ изъ виду и другихъ сановниковъ, выдвигаемыхъ случаемъ и обстоятельствами—и всѣмъ съ одинаковымъ усердіемъ посвящалъ произведенія своей громкой и весьма податливой музы. Событія государственной жизни и побѣды русскихъ войскъ, придворные праздники и случаи частной жизни—все одинаково вдохновляло и настраивало неприхотливаго поэта и побуждало его „восторгаться и воспѣвать“. Недаромъ, за эту плодовитость и развязность поэтическаго дара, Петровъ получилъ отъ Екатерины шутливое прозваніе „ея карманнаго стихотворца“.

Но нельзя не замѣтить, что стихотворство Петрова ничего не имѣло общаго съ поэзіей и поэтическимъ настроеніемъ; онъ вовсе не былъ поэтомъ, и его стихотворная плодовитость проявлялась въ такихъ формахъ лирики, которыя уже никому изъ серьезныхъ цѣнителей молодой, нарождавшейся русской поэзіи не могли нравиться. Времена кіевскихъ духовныхъ „виршеслагателей“ давно прошли, закончившись твореніями Тредіаковскаго. Отъ поэзіи уже начинали требовать и ясно-выраженной мысли, и благозвучной внѣшней формы, и когда читали въ одахъ Петрова описанія битвы, подобныя слѣдующему—

«Смѣсившись съ кровью, Понтъ густѣетъ
И вержетъ на брега срацынъ,
Стамбулъ отъ страха цѣпенѣетъ,
Ярится въ злобѣ солнцевъ сынъ»—

—оды возбуждали только улыбку или вызывали насмѣшки надъ авторомъ. Ни плодовитость его, ни большой запасъ смѣлости, съ которою онъ приступалъ ко всякимъ сюжетамъ въ своей обильной (хотя и довольно однообразной) лирикѣ, не могли уже защитить его отъ журнальной критики, которая начинала становиться разборчивой и взыскательной. Особенно строго отнесся къ нему Новиковъ въ своемъ знаменитомъ „Словарѣ русскихъ писателей“, весьма правдиво и тонко указавъ на его важнѣйшіе недостатки, какъ поэта-лирика, и сурово осадивъ тѣхъ почитателей Петрова, которые рѣшались называть его „вторымъ Ломоносовымъ“. Чтобы подтвердить справедливость отзыва, высказаннаго Новиковымъ, стоитъ только привести здѣсь отрывокъ одного изъ лучшихъ произведеній Петрова, который познакомитъ насъ съ общей манерой и характеромъ его поэтическихъ произведеній—мелкихъ и

ничтожныхъ по содержанію, и неуклюжихъ, нескладныхъ по внѣшней формѣ. Произведеніе это—„посланіе къ Екатеринѣ“ [1]), въ которомъ онъ (самый напыщенный и манерный изъ стихотворцевъ XVIII вѣка) рѣшается говорить о „простотѣ“ какъ о лучшемъ украшеніи поэзіи! Онъ описываетъ, въ началѣ этого посланія, какъ къ нему съ Парнаса явилась богиня („Не знаю, Муза-ль то, иль Грація была“...) и обратилась со слѣдующею рѣчью:

«Что риомы ты»—рекла—«влечешь въ стихи насильно?
Не вымыслъ, не восторгъ, любезна простота
Прямая вашихъ есть сложеній красота.
Въ піитахъ мало сей поклонниковъ богинѣ.
Ты кличь ее всегда, пиша къ Екатеринѣ:
Я знаю нравъ ея, та мной воздоена
И тѣми-жъ мыслями, какъ я, напоена!»
То рекши, божество невидимо вдругъ стало.
Въ восторгѣ, радостно, мнѣ сердце трепетало:
«Любимецъ я судебъ!»—опомнясь, я сказалъ,—
Во свѣтѣ риомословъ такъ счастливъ не бывалъ;
Я современныхъ честь, я зависть для потомства,
Что можетъ выше быть съ богинями знакомства:
Одна въ явленіяхъ мнѣ смыслъ толчетъ въ главу;
Другая деньги шлетъ и щедритъ на яву»... и т. д.

Въ качествѣ придворнаго стихотворца, Петровъ прожилъ въ Петербургѣ бо́льшую часть жизни, пользуясь прекраснымъ жалованьемъ и всѣми выгодами своего положенія. Досуги отъ придворной службы онъ посвящалъ изученію классиковъ древнихъ и новѣйшихъ европейскихъ. Одинъ изъ современниковъ въ особенное достоинство Петрову ставитъ это знаніе многихъ языковъ и знакомство съ классической литературой: „онъ читаетъ въ подлинникахъ Гомера, Виргилія, Мильтона [2]), Вольтера, безъ сомнѣнія Тасса и, помнится, Клопштока“... Петровъ и самъ кичился и тщеславился этою способностью къ изученію языковъ, причемъ, однакоже, его попытка переводить Виргилія оказалась очень неудачною.

Въ 1780 г., Петровъ, подъ предлогомъ болѣзни, вышелъ въ отставку, осыпанный милостями императрицы и обогащенный полученными въ разное время подарками и наградами. Онъ жилъ

[1]) Оно было напечатано въ «Истор. Вѣстникѣ» 1885 г., стр. 385—387, и не вошло въ собраніе его сочиненій. Мы избираемъ «лучшее», на нашъ взглядъ, изъ стихотвореній Петрова, хотя могли бы, въ подтвержденіе этой мысли, указать на массу самыхъ курьезныхъ и самыхъ вычурныхъ перловъ Петровской лирики.

[2]) Англійскому языку онъ выучился во время своего путешествія по Европѣ, когда, выполняя данное ему порученіе, прожилъ довольно долго въ Англіи.

по зимамъ въ Москвѣ, а остальное время проводилъ въ своей деревнѣ (въ Орловской губ.). Нѣсколько разъ, и изъ отставки, онъ напоминалъ о себѣ Екатеринѣ, ходатайствуя о разныхъ милостяхъ и поднося ей оды. По кончинѣ государыни онъ попытался тѣмъ же самымъ путемъ заискать и въ милостяхъ императора Павла, но ему пришлось убѣдиться въ томъ, что „его время прошло...“ Чрезвычайно характерны и любопытны, для изученія личности, тѣ письма къ женѣ, которыя дошли до нашего времени отъ этой эпохи жизни нашего лирика; въ нихъ онъ очень безцеремонно вскрываетъ передъ нами внутреннія побужденія, ради которыхъ рѣшается еще разъ прибѣгнуть къ хвалебной лирикѣ. Въ ожиданіи наградъ отъ Павла I за оды, написанныя по поводу его коронаціи, Петровъ пишетъ женѣ:

> „Паршивые лирики! суемся же получать вотчины дешевенько: не потерять бы, что нажито, а на чужое нече(го) зубы скалить. Долгъ мой воистину велитъ мнѣ самодержцевъ славить; да что когда они эту грамоту не любятъ—вѣдь силой милъ не будешь. Ты думаешь, пишешь къ Императору и льстишься быть прочтенъ; анъ читаетъ тебя, хохоча, Его Величества секретарь, и скажетъ ему про тебя, что̀ изволитъ, а коли разсудитъ, вовсе промолчитъ. Мудреное для Музы моей время“...

Далѣе, въ томъ же самомъ письмѣ, онъ выражаетъ надежду на то, что̀ сумѣетъ обратить на себя вниманіе императора и своимъ краснорѣчіемъ, если только „сподобится“ его увидѣть:

> „Но, можетъ-быть, и въ пользу свою растворю Императора, сподобясь его увидѣть: не лучше ли подѣйствуетъ Цицероновщина, когда не помогаетъ Виргиліевщина; вѣдь муженекъ твой удалъ и на то! Кабы мнѣ волю дали, я-бъ, кажется, смогъ прослыть царскимъ витіемъ: такъ-отъ нѣкогда слывалъ карманнымъ Екатерининымъ стихотворцемъ“...

Но время подобныхъ стихотворцевъ миновало и прошло безвозвратно... Типъ придворнаго лирика не возрождался болѣе и не перешелъ за грани XVIII вѣка.

В. В. Капнистъ.

Къ иному, болѣе новому, послѣ-державинскому періоду въ развитіи нашей лирики, принадлежитъ *Василій Васильевичъ Капнистъ* [1]) (род. 1757 г., ум. 1824), ближайшій пріятель Хемницера

[1]) Какъ происхожденіе, такъ и исторія рода Капнистовъ весьма замѣчательна. Дѣдъ Василія Васильевича, Петръ Христофоровичъ, былъ итальянецъ и происходилъ изъ графскаго рода Капнисси; онъ выѣхалъ въ Россію при Петрѣ Великомъ (1711 г.). Отецъ поэта, Василій Петровичъ, былъ храбрый вояка, и всю жизнь провелъ на конѣ, воюя противъ Турокъ, Крымскихъ татаръ и Ногайцевъ. Императрица Елисавета (1753 г.) пожаловала его за разные подвиги многими деревнями въ миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. Отъ брака его съ С. А. Дуниной-Бурковской, принадлежавшей къ одному изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ малороссійскихъ родовъ, родился нашъ поэтъ.

42

Разставшись съ вами, мои милые, первую
ночь ночевали мы въ Молодяхъ, вторую въ Лу-
жницахъ за Серпуховымъ, третью въ Тулѣ,
четвертую въ Богородскѣ, пятую въ Ефремовѣ
шестую дома, на нашемъ милонъ пепелищѣ. Какъ то
скоро меня Бугаревцы лечили; за то я уже дома
и попадчапалъ. Въ дорогѣ слава богу мы оба би-
ли здоровы. Петруша, кажется, получшалъ. Вася
чтобъ не забывалъ писать. Федорка должна его учить
и чѣмъ платить мнѣ благодарность. Наняли бы учи-
теля. Стариковъ кажется хорошо былъ въ то время учу-
скить не должно. Оно дорого. Домъ я приготовлю.
Я еще никого не выслалъ; а многихъ пересылать надобно.
по берегу доволно. Что книги въ Питерѣ; идутъ ли
на ладъ. Что видишь къ смерти, то больше читать
хочется. Сынокъ съ нимъ на томъ свѣтѣ книжка.
Съ добрыми делать знакома. Ну такъ мы даннымъ
книгами худова знать не будемъ. и то выгода
Карета наша въ эдакую погоду несносна мы
какъ куры въ решетѣ въ ней были тамъ хохотки

Автографъ В. П. Петрова.

Изъ его переписки съ женою въ собраніи П. Я. Дашкова.

и Львова, другъ и родственникъ Державина (по второй его женѣ). Родился онъ въ Обуховкѣ, одномъ изъ имѣній своего отца, которое впослѣдствіи было имъ воспѣто въ стихахъ. О воспитаніи и обученіи Капниста мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, и полагаемъ, что онъ получилъ первое основаніе своего—по отзывамъ современниковъ — „отличнаго образованія“ — въ домѣ родителей, при благопріятныхъ условіяхъ семейной обстановки. Благодаря такому пробѣлу, біографія его прямо начинается съ формулярнаго списка. На шестнадцатомъ году видимъ его капраломъ Измайловскаго полка, потомъ сержантомъ, а черезъ три года и офицеромъ Преображенскаго полка. Во время этого трехлѣтняго пребыванія въ столицѣ, молодой Капнистъ сходится—въ кружкѣ Державина — съ Хемницеромъ, Богдановичемъ и Львовымъ, и уже выказываетъ (вѣроятно дома пріобрѣтенное) отличное знаніе новѣйшихъ языковъ и литературы и даже основательное знакомство съ древними классиками. Въ 1777 г. онъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую литературную извѣстность своею удачною сатирою „На нравы“, въ которой слѣдующимъ образомъ передаетъ народное присловье [1]):

В. В. Капнистъ.

«Науки возросли, художества цвѣтуть.
Родятся авторы—а глупость тутъ какъ тутъ.
Какъ въ нивѣ, многими удобренной трудами,
Проникнувъ плевелы, промежду колосами,
Неспѣлый повредя, глушатъ созрѣлый плодъ,
Такъ, вольный въ свѣтъ себѣ глупцы позволя входъ,
Не бывъ посѣяны, ростутъ и созрѣваютъ,
Даютъ худой примѣръ и знанье затмѣваютъ».

Уже въ концѣ 70-хъ годовъ, Капнистъ покинулъ службу и

[1]) «Дураковъ не сѣютъ, не жнутъ,—сами родятся».

СОЧИНЕНІЯ
ВАСИЛІЯ КАПНИСТА

ВО ГРАДѢ СВ ПЕТРА
Въ Типографіи Государственной
Медицинской Коллегіи 1796

Титульный листъ къ первому собранію сочиненій Капниста.

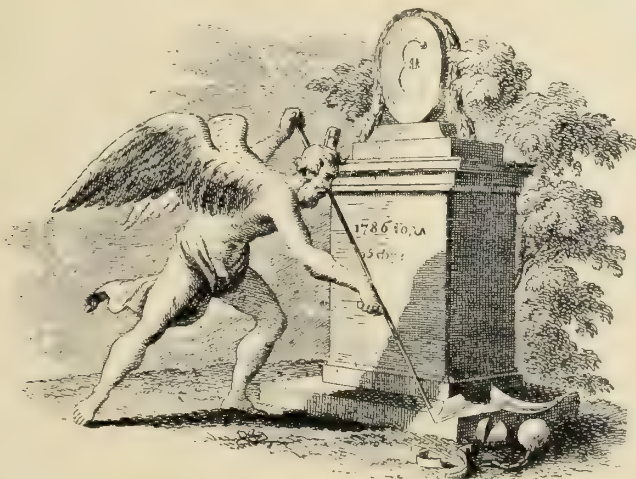
поселился въ провинціи, гдѣ служилъ сначала по выборамъ, а потомъ и окончательно осѣлъ въ своей „любезной Обуховкѣ“.

В. В. Капнистъ.

Здѣсь и были написаны всѣ его лирическія произведенія, преимущественно оды, торжественныя и громкія, въ которыхъ онъ воспѣвалъ побѣды русскаго оружія въ Турціи и подвиги Суворова въ Италіи. Но въ этихъ одахъ мы уже видимъ вѣяніе новаго времени и вліяніе поэтическихъ произведеній Державина: въ нихъ менѣе трескучихъ фразъ и менѣе желанія сохранить тѣ офиціальныя рамки опредѣленныхъ правилъ, въ которыя теорія

насильственно вгоняла оду. Въ особенности двѣ изъ одъ Капниста,—ода „*На рабство*“ (1783 г.), и совершенно соотвѣтствующая ей по духу, другая ода „*На истребленіе въ Россіи званія раба Императрицею Екатериною II (15 февраля 1786 г.)*“—представляютъ собою поэтическія произведенія, вполнѣ осмысленныя и весьма искреннія по духу времени. Первая изъ нихъ, въ періодъ реакціи, даже набросила тѣнь немилости на поэта и не допускалась въ нѣкоторыя изъ его изданій, какъ нецензурная. Этой, далеко не изобильной и весьма немногосложной лирикой, Капнистъ, при своемъ независимомъ положеніи и большихъ литературныхъ связяхъ, быстро пріобрѣлъ извѣстность поэта и видное мѣсто между нашими литературными дѣятелями конца прошлаго вѣка. Замѣтимъ кстати, что элегіи и мелкія лирическія пьесы Капниста, изъ которыхъ многія отличаются легкостью и граціозностью, гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія, нежели его оды; а извѣстный переводъ стихотворенія Горація „Памятникъ“ (Exegi monumentum aere peraennius) не уступитъ въ достоинствѣ Державинскому и передъ Пушкинскимъ имѣетъ то преимущество, что онъ ближе къ подлиннику.

Но не одами, не лирикой всякаго рода пріобрѣлъ себѣ Капнистъ прочную, долговременную литературную извѣстность; ею обязанъ онъ той комедіей, которую онъ цѣликомъ, съ содержаніемъ и характерами, почерпнулъ изъ живой провинціальной дѣйствительности конца XVIII вѣка, и выставилъ на сценѣ въ видѣ яркой и рельефной картины нравовъ. Но объ этой комедіи мы будемъ говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ, при обзорѣ драматической литературы, вызванной къ жизни плодотворною дѣятельностью Фонвизина.

Виньетка къ одѣ Капниста «На истребленіе въ Россіи званія раба».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдователи Сумарокова въ области русской драмы.—Отсталость въ воззрѣніяхъ Сумарокова на новыя направленія драмы.—Новыя вѣянья Екатерининской эпохи и ихъ вліяніе на общество. — Почему комедія беретъ верхъ надъ трагедіей? — Фонвизинъ.—Его воспитаніе; годы ученія.—Первые литературные опыты.—Комедія «Бригадиръ». — Участіе Фонвизина въ журналахъ.—Партійность Фонвизина и его отношенія къ Екатеринѣ.—«Недоросль».—Остальныя произведенія Фонвизина.— Дань вольнодумству и вынужденное благоразуміе преклоннаго возраста.

Сумароковъ, менѣе живой и менѣе своеобразный, нежели Ломоносовъ, не могъ пустить глубокихъ корней въ русской литературѣ, тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, онъ, въ своей дѣятельности, менѣе всего касался русской почвы. И герои его трагедій (несмотря на свои русскія имена), и всѣ основы этихъ произведеній — ничего общаго съ Россіею не имѣли и стояли въ прямой зависимости отъ героевъ и сюжетовъ французской ложноклассической трагедіи; еще менѣе самостоятельными, еще менѣе русскими оказывались комедіи Сумарокова, которыя онъ только старался перекраивать съ французскихъ шаблоновъ на русскіе нравы, и, надо сказать правду, перекраивалъ очень неудачно. Притомъ же, самостоятельный и упорный въ своемъ закоренѣломъ предубѣжденіи о высокомъ достоинствѣ своихъ литературныхъ произведеній, Сумароковъ, въ концѣ литературной карьеры, уже закрывалъ глаза на новыя явленія въ области драмы и на новыя направленія въ комедіи, отворачиваясь отъ нихъ съ презрѣніемъ человѣка отсталаго... Когда какой-то Николай Пушниковъ дерзнулъ перевести одну изъ новыхъ, такъ-называемыхъ „слезныхъ комедій“ (comédies larmoyantes)—„*Евгенію*“ Бомарше—Сумароковъ разразился бѣшеною бранью и противъ этого новаго рода комедій, заключавшаго въ себѣ задатки будущей драмы (или высокой комедіи, haute comédie), и противъ переводчика, осмѣлившагося знакомить русскую публику съ этимъ „новымъ и пакостнымъ родомъ“, который „вѣку великой Екатерины не принадлежитъ“... Онъ воображалъ себѣ, что наша драматическая литература останется навѣки въ тяжкихъ оковахъ псевдо-классическихъ условій. Онъ, вѣроятно, и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ, не доживъ до лучшихъ временъ русскаго театра, когда „Недоросль“ Фонвизина произвелъ переворотъ въ нашей сценической литературѣ и сценическомъ искусствѣ. Мы упоминали выше, говоря о „Наказѣ“ Императрицы Екатерины, что Сумароковъ вообще не сочувствовалъ новымъ вѣяньямъ Екатерининскаго времени, которыя такъ широко и быстро распространялись въ обществѣ и такъ сильно вліяли на молодое поколѣніе... Оно проникалось ими, оно видѣло въ нихъ лучшій идеалъ нравственнаго совершенства —

лучшую программу жизни на пути къ достиженію какого-то свѣтлаго, чудеснаго и уже не слишкомъ далекаго будущаго. И, несмотря на то, что далеко не всѣмъ этимъ упованіямъ суждено было осуществиться на дѣлѣ; несмотря на то, что, въ дѣйствительности, очень многое противорѣчило благимъ предначертаніямъ „Наказа“,—обаяніе личности Екатерины—въ особенности въ первое десятилѣтіе ея царствованія было до такой степени велико, а блестящіе успѣхи ея внѣшней политики такъ поразительны, и даже всѣ пріемы власти до такой степени новы и невиданны въ Россіи—что молодому поколѣнію 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго вѣка пришлось пережить такой же радостный и лучезарный періодъ надеждъ и чаяній, какой пережило молодое поколѣніе нынѣшняго вѣка, въ первое десятилѣтіе царствованія Александра II. И какъ въ этотъ періодъ, еще памятный всѣмъ намъ, новыя идеи, новыя реформы, новые законы и новыя формы жизни вызвали цѣлую литературу всякихъ обличеній и осмѣяній минувшаго періода: такъ же точно, сто лѣтъ тому назадъ, молодое поколѣніе начала царствованія Екатерины дружнымъ хоромъ принялось за осмѣяніе всего, что не соотвѣтствовало новымъ идеямъ и новому строю русской жизни, который пытались направить, сообразно этимъ идеямъ, на новый путь. Разбивались старые кумиры, мѣнялись прежніе, отжившіе свой вѣкъ идеалы высокаго представителя власти, гражданина, общественнаго дѣятеля, пастыря, чиновника, судьи—шла усиленная ломка въ отношеніяхъ семейныхъ, выступала въ новой своей роли женщина... И путемъ этой ломки нарождалось новое направленіе въ литературѣ, выразившееся, прежде всего, въ новой русской комедіи, а затѣмъ—въ новой русской журналистикѣ.

Екатерина и Фонвизинъ.

Дѣйствительно, нельзя упустить изъ виду этого замѣчательнаго оживленія комедіи, въ области которой, съ легкой руки Фонвизина и Екатерины, является разомъ чуть не десятокъ новыхъ, болѣе или менѣе плодовитыхъ авторовъ... И въ соотвѣтствіе съ произведеніями этихъ авторовъ комедій — ни одной трагедіи. Какъ будто всѣ трагики вымерли въ Россіи—или зареклись не писать болѣе трагедій, на которыя не было болѣе спроса и мода какъ-то разомъ прошла... Напыщенные герои трагедій, „махающіе своими картонными мечами“, всѣмъ прискучили, какъ что-то мертвое, отжившее, несоотвѣтствовавшее болѣе потребностямъ жизни и дѣйствительности. Не до нихъ было людямъ Екатерининскаго времени, которые стремились поскорѣе скинуть съ себя „ветхаго человѣка“, и въ массу, въ толпу бросить разомъ десятки новыхъ идей—указать всѣмъ того новаго человѣка, новаго дѣятеля, который долженъ былъ сломить, упразднить все старое. А какъ это сдѣлать? Легче и удобнѣе всего сдѣлать это

на сценѣ, выставляя пороки на общее осмѣяніе, „бичуя ихъ стыдомъ“, по „Наказу“—и противополагая имъ идеалы новыхъ людей. Писатели, объ руку съ правительствомъ, дерзаютъ „становиться на стражу общаго блага“, они начинаютъ мечтать даже о томъ, что „человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества...“ [1]). Съ такими мыслями, съ такими идеалами и стремленіями выступилъ на поприще литературы одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, вмѣстѣ съ Державинымъ составляющій лучшее украшеніе царствованія Екатерины—Фонвизинъ.

Біографія Фонвизина.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ (род. 1744 г., ум. 1792 года) [2]) происходилъ отъ стараго нѣмецкаго рыцарскаго рода. Предки его были Меченосцами; но одинъ изъ предковъ, взятый въ плѣнъ еще во время Ливонской войны, поселился въ Московскомъ государствѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ. Потомки его обрусѣли впослѣдствіи и, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, приняли православіе.

Всѣ біографы Фонвизина заимствуютъ фактическую сторону жизнеописанія его изъ той автобіографіи, которую самъ Денисъ Ивановичъ написалъ уже въ концѣ жизни, и, въ подражаніе извѣстнымъ „Признаніямъ“ („Confessions“) Жанъ-Жакъ-Руссо, назвалъ также „Чистосердечнымъ признаніемъ въ дѣлахъ и помышленіяхъ“. Здѣсь, въ живомъ разсказѣ, онъ далъ бѣглый очеркъ своей жизни и дѣятельности литературной (къ сожалѣнію—не полный и не вполнѣ законченный); но къ его разсказу, распредѣляющему матеріалъ далеко неравномѣрно и не вполнѣ безпристрастно, нужно относиться съ нѣкоторою осторожностью, тѣмъ болѣе, что въ тѣ годы, когда онъ писалъ свое „Чистосердечное признаніе“, его взгляды на свое прошлое значительно измѣнились, отчасти подъ вліяніемъ болѣзни, отчасти и подъ вліяніемъ религіозно-мистическаго настроенія. Многое въ этомъ прошломъ представлялось ему гораздо болѣе мрачнымъ, и многое — гораздо болѣе свѣтлымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Притомъ, за недостаткомъ подробностей, утраченныхъ памятью или намѣренно опущенныхъ авторомъ „Чистосердечныхъ признаній“, онъ очень часто довольствуется анекдотическою передачею событій, конечно, болѣе забавной, нежели достовѣрной. Въ довершеніе всего, изложеніе этой автобіографіи пересыпано сокрушеніями о грѣховности, о бурно-проведенной жизни и всякихъ излишествахъ, которыя будто бы довели здоровье Де-

[1]) Слова Стародума въ Недорослѣ Фонвизина.

[2]) Эти даты, общія во всѣхъ біографіяхъ, расходятся съ показаніями надгробной плиты Фонвизина, на которой обозначено: «родился въ 1745 г., апрѣля 3 дня, преставился 1792 г., декабря 1-го дня».

ниса Ивановича до полнаго разстройства; и эти сокрушенія, эти покаянныя размышленія представляются странными диссонансами, странными противорѣчіями со всѣмъ тѣмъ, что̀ отъ современниковъ извѣстно намъ о живомъ, общительномъ, неистощимо-остроумномъ авторѣ „Недоросля". Изъ разсказа И. И. Димитріева, случайно встрѣтившагося съ Фонвизинымъ наканунѣ его кончины, мы знаемъ, напримѣръ, что онъ, разбитый параличомъ и физически уничтоженный своимъ недугомъ, былъ все же и веселъ, и остроуменъ, и бодръ духомъ, и отзывчивъ на впечатлѣнія жизни, и попрежнему страстно преданъ интересамъ литературнымъ [1]).

Воспитаніе Фонвизина.

Изъ словъ самого Фонвизина, мы узнаемъ, что онъ получилъ дома воспитаніе простое, но разумное и подготовку къ школѣ не многостороннюю, но прочно обставленную. Дениса Ивановича рано научили грамотѣ, и научили не механически читать, а заставляя его вникать въ смыслъ каждаго слова; научили не только грамотѣ русской, но и церковно-славянской, безъ которой, по мнѣнію Фонвизина, „Россійскаго языка и знать невозможно". Тотчасъ послѣ того, какъ основанъ былъ въ Москвѣ университетъ, а при немъ и гимназія, Фонвизинъ былъ помѣщенъ въ это заведеніе отцомъ своимъ. Объ этой школѣ онъ отзывается очень неблагопріятно и разсказываетъ объ учителяхъ анекдоты, рисующіе преподаваніе въ самомъ неказистомъ видѣ; но, зная, что въ это время ректоромъ гимназіи былъ такой почтенный ученый и педагогъ, какъ Шаденъ, мы не совсѣмъ довѣряемъ воспоминаніямъ Фонвизина, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ себѣ нѣсколько противорѣчитъ: результаты, вынесенные изъ гимназіи и университета, были довольно положительны, такъ какъ онъ самъ говоритъ, что здѣсь, „обучаясь по-латыни, я положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ"... И сверхъ того: „научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ"... Эти знанія языковъ Фонвизинъ тотчасъ же, т.-е. еще во время пребыванія въ университетѣ, могъ примѣнить на практикѣ, переводя съ французскаго и съ нѣмецкаго для издававшихся при университетѣ журналовъ и для книгопродавцевъ, которые жестоко злоупотребляли трудомъ молодого, начинающаго

---

[1]) Особенно любопытно для насъ слѣдующее мѣсто изъ разсказа И. И. Димитріева (свидѣтеля, заслуживающаго полной вѣры): «Онъ (Фонвизинъ) приступилъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я «Недоросля»? читалъ ли «Посланіе къ Шумилову»? «Лису-Казнодѣйку» и т. д. Какъ согласить съ этимъ свидѣтельствомъ слѣдующее мѣсто «Чистосердечнаго признанія», гдѣ Фонвизинъ говоритъ о своемъ увлеченіи религіознымъ вольнодумствомъ: «въ кощунствѣ я и самъ игралъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать на смѣхъ то, что должно быть почтимо. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе» и т. д.

писателя, выплачивая ему за работу даже не деньгами, а книгами изъ своей лавки [1]).

Однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній во время пребыванія въ гимназіи и университетѣ была поѣздка въ Петербургъ, куда кураторъ университета, И. И. Мелиссино, захватилъ съ собою десять лучшихъ учениковъ гимназіи „для показанія плодовъ сего училища". Это было передъ окончаніемъ гимназическаго курса, въ 1758 году. Фонвизинъ здѣсь увидѣлъ много новаго и невиданнаго, много такого, что̀ осталось ему памятнымъ на всю жизнь. Такъ въ домѣ Ив. Ив. Шувалова онъ встрѣтилъ Ломоносова; а при Дворѣ, въ первый разъ въ жизни, ему удалось присутствовать при представленіи комедіи („Генрихъ и Пернилья"), разыгранной такими молодыми и талантливыми актерами, какъ Волковъ, Шумскій и Дмитревскій — и эта комедія оставила въ его памяти неизгладимое впечатлѣніе. Наконецъ, ему пришлось побывать и на одномъ изъ придворныхъ „куртаговъ" и дивиться блеску Елисаветинскаго Двора...

Д. И. Фонвизинъ, молодой типъ.

Начало службы.

Ни изъ документовъ, ни изъ разсказа самого Фонвизина нельзя съ полною опредѣленностью рѣшить—кончилъ-ли Фонвизинъ полный курсъ наукъ въ университетѣ, или поступилъ на службу до окончанія курса (что было вполнѣ возможно)? Дѣло, въ сущности, происходило такъ: Фонвизинъ, съ десяти лѣтъ зачисленный отцомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, къ 17-ти-лѣтнему возрасту былъ уже сержантомъ гвардіи; по окончаніи курса ему предстояло идти на военную службу, къ кото-

[1]) Такъ были имъ переведены, по заказу одного книгопродавца, „Басни нравоучительныя съ измѣненіями г. барона Гольберга", которыя уже въ 1765 г. были напечатаны вторымъ изданіемъ.

Д. И. Фонвизинъ, съ оригинала писаннаго въ Римѣ.

рой у него не лежало сердце. Вотъ почему онъ и рѣшился отъ нея во что бы то ни стало избавиться и избрать другую дорогу. Въ виду этого, еще на студенческой скамьѣ, онъ обратился въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ и представилъ, что онъ въ университетѣ обучался латинскому, французскому и нѣмецкому языку и желаетъ получить мѣсто при коллегіи. Въ официальной бумагѣ, присланной въ отвѣтъ на это прошеніе въ университетъ изъ коллегіи значится: „оной Фонвизинъ въ тѣхъ языкахъ свидѣтельствованъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ и къ дѣламъ оной коллегіи способнымъ", и потому коллегія отъ университета „требуетъ, чтобы оный благоволилъ помянутаго сержанта Фонвизина, выключа изъ числа университетскихъ студентовъ, прислать въ оную коллегію, для опредѣленія по желанію и способности его".

Первыя произведенія.

Такъ, съ осени 1762 года началась служба Фонвизина. Но уже и до этого времени онъ успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность своими переводами, которые помѣщалъ сначала въ журналахъ Хераскова, а потомъ въ журналѣ Рейхеля „*Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія*“. Н. С. Тихонравовъ предполагаетъ, что и выборомъ переводныхъ оригиналовъ руководилъ при этомъ умный и образованный профессоръ Рейхель, вліяніе котораго вообще замѣтно на первыхъ литературныхъ опытахъ Дениса Ивановича.

Уже въ 1761 г., слѣдовательно еще на студенческой скамьѣ, Фонвизинъ перевелъ сначала „*Альзиру*“ Вольтера стихами, а затѣмъ книгу аббата Террасона: „*Геройская добродѣтель или жизнь Сиѳа, царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая*“. Вотъ эти-то два произведенія, отдѣльно напечатанныя, и обратили на Фонвизина вниманіе одного изъ кабинетъ-министровъ Екатерины, И. П. Елагина, извѣстнаго сочинителя книги „*Опытъ повѣствованія о Россіи*“. Любя собирать около себя талантливую молодежь, Елагинъ пожелалъ приблизить къ себѣ и Фонвизина, вслѣдствіе чего и повелѣно было ему (7-го октября 1763 г.)—„быть для нѣкоторыхъ дѣлъ“ при Елагинѣ. Здѣсь пришлось молодому писателю столкнуться съ другимъ писателемъ В. И. Лукинымъ, уже извѣстнымъ въ то время авторомъ нѣсколькихъ комедій, передѣланныхъ съ французскаго на русскіе нравы. Писатели не взлюбили другъ друга, и Лукинъ, исправлявшій при Елагинѣ должность секретаря, сталъ вредить Фонвизину, гдѣ только могъ, притомъ нимало не затрудняясь въ выборѣ средствъ. Ему удалось, такимъ образомъ, надѣлать Денису Ивановичу много непріятностей; но умный и прямой Фонвизинъ удержался на мѣстѣ и сумѣлъ открыть глаза Елагину на его любимца.

Всѣ эти непріятности, однакоже, не могли отвадить Дениса Ивановича отъ упражненій въ словесности, къ которымъ онъ привязался еще на школьной скамьѣ, и въ 1763 году онъ опять выступаетъ съ переводомъ повѣсти Бартелеми: „*Любовь Кориты и Полидора*“, основанной на классическомъ миѳѣ о Минотаврѣ и тѣхъ дѣвицахъ и юношахъ, которые приносились ему въ жертву. Въ слѣдующемъ 1764 г., будущій драматургъ ставилъ уже на сцену комедію „*Коріонъ*“, передѣланную ихъ Грессетова „*Сиднея*“; и пьеса очень понравилась публикѣ, и Дворомъ была принята весьма благосклонно...

«Бригадиръ» Фонвизина.

Наконецъ, въ 1766 году, Фонвизинъ выступилъ съ вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ — комедіей „*Бригадиръ*“, которая, задолго до постановки на сцену, произвела настоящее волненіе въ обществѣ, и, по отзыву одного современника, „всѣми разумными и знающими людьми столько была похваляема, что луч-

наго и Мольеръ во Франціи своимъ комедіямъ не видать принятія и не желать"... Очень живо описываетъ Фонвизинъ въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи", какъ его комедія стала извѣстною и модною, и облетѣла въ самое короткое время все высшее общество, всю знать;—какъ стала извѣстна, въ чтеніи самого автора, и Императрицѣ, и Наслѣднику, и Панинымъ, и Чернышеву, и Строганову, и графинямъ Румянцевой, Бутурлиной, Воронцовой; и какъ Фонвизинъ, на время, сталъ кумиромъ всѣхъ салоновъ столицы. Самымъ важнымъ результатомъ, къ которому привелъ блестящій успѣхъ „Бригадира", для Фонвизина было близкое знакомство съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ; подъ его начальство и поступилъ Фонвизинъ, въ 1769 г., видимо, избранный имъ, какъ надежный помощникъ въ дѣлахъ и какъ лицо, заслуживающее полнаго довѣрія въ вопросахъ весьма тонкихъ и въ отношеніяхъ самыхъ деликатныхъ.

За годъ до возвращенія на службу въ иностранную коллегію, и служа еще при Елагинѣ, Фонвизинъ отпросился въ Москву и пробылъ тамъ довольно долго. Онъ тамъ проводилъ время не даромъ, какъ это можно видѣть изъ современнаго его письма къ Елагину:

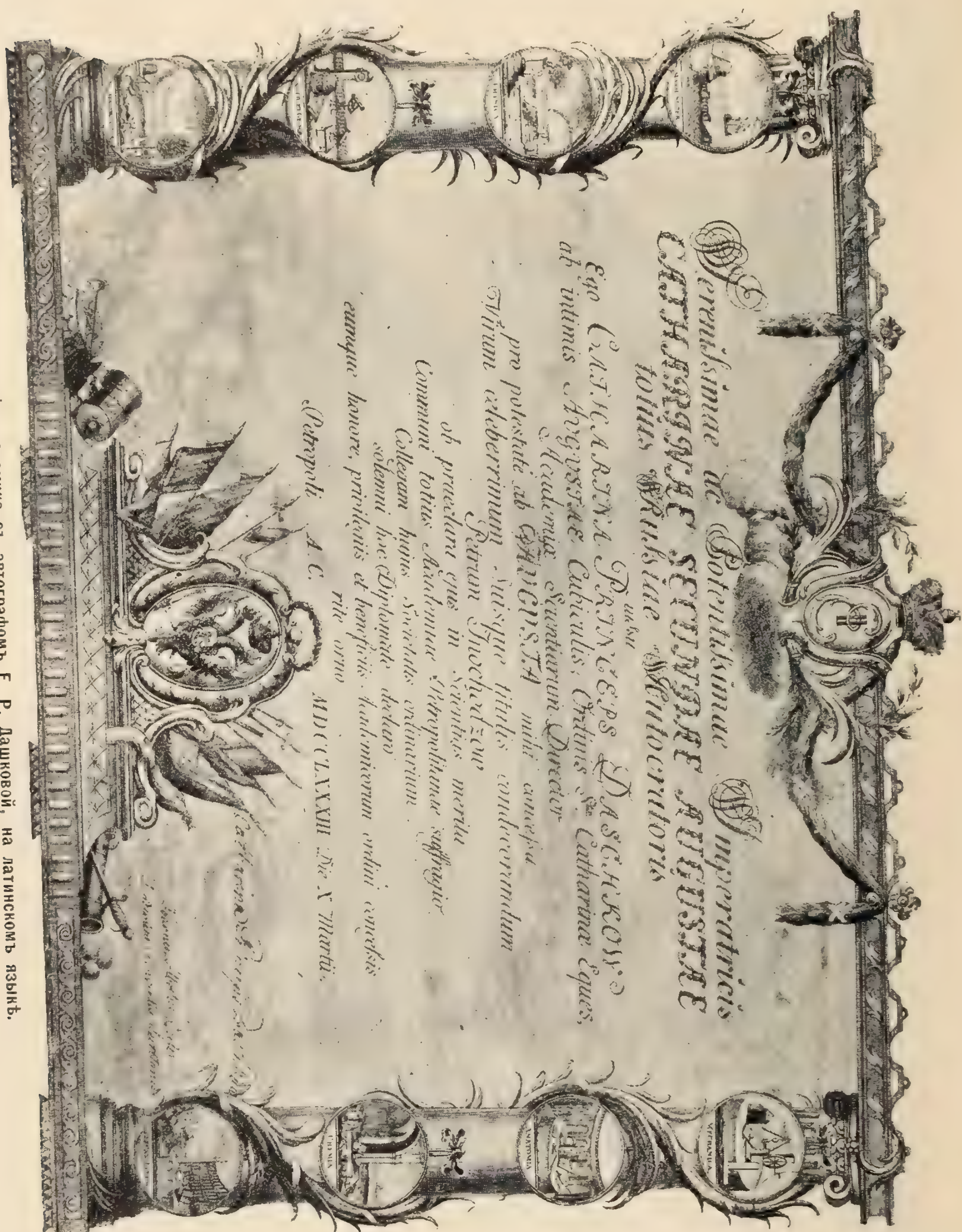
„Время мое провожу здѣсь весьма полезно"—пишетъ Денисъ Ивановичъ: — „перевелъ „Іосифа"... Напечаталъ „Сиднея" [1], пишу стихи"... Сверхъ того извѣщаетъ о какой-то сочиненной имъ комедіи, которую собирается, переписавъ, представить на судъ Елагина...

Мы не знаемъ, о какихъ стихахъ упоминаетъ тутъ Фонвизинъ, хотя имѣемъ полное основаніе предполагать, что многіе изъ его стиховъ до насъ не дошли; что же касается „комедіи", то это, вѣроятно, та, которая сохранилась до нашего времени въ отрывкахъ подъ названіемъ: „Обманчивая наружность или человѣкъ нынѣшняго свѣта". Была ли она кончена—или такъ и покинута авторомъ въ видѣ неотдѣланнаго наброска — это теперь рѣшить невозможно.

Что же касается „Іосифа", о которомъ пишетъ Денисъ Ивановичъ Елагину изъ Москвы, то эта нравоучительная поэма Битобе важна для насъ, какъ памятникъ той тягостной и постоян-

[1]) «*Сидней и Силли или благодѣяніе и благодарность*»—повѣсть Арно; нравоучительная и весьма сентиментальная. Чувствительное посвященіе перевода указываетъ на обстоятельства, при которыхъ онъ былъ выполненъ: «Слѣдуя волѣ твоей, перевелъ я «Сиднея», и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли его хвалить другіе? Лишь бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь». Это посвященіе объясняется намъ и тѣмъ мѣстомъ автобіографіи, въ которомъ Фонвизинъ говоритъ, что въ бытность въ Москвѣ (1768 г.) онъ встрѣтилъ «женщину плѣняющаго разума, которая тронула его сердце и вселила въ него совершенное къ себѣ почтеніе».

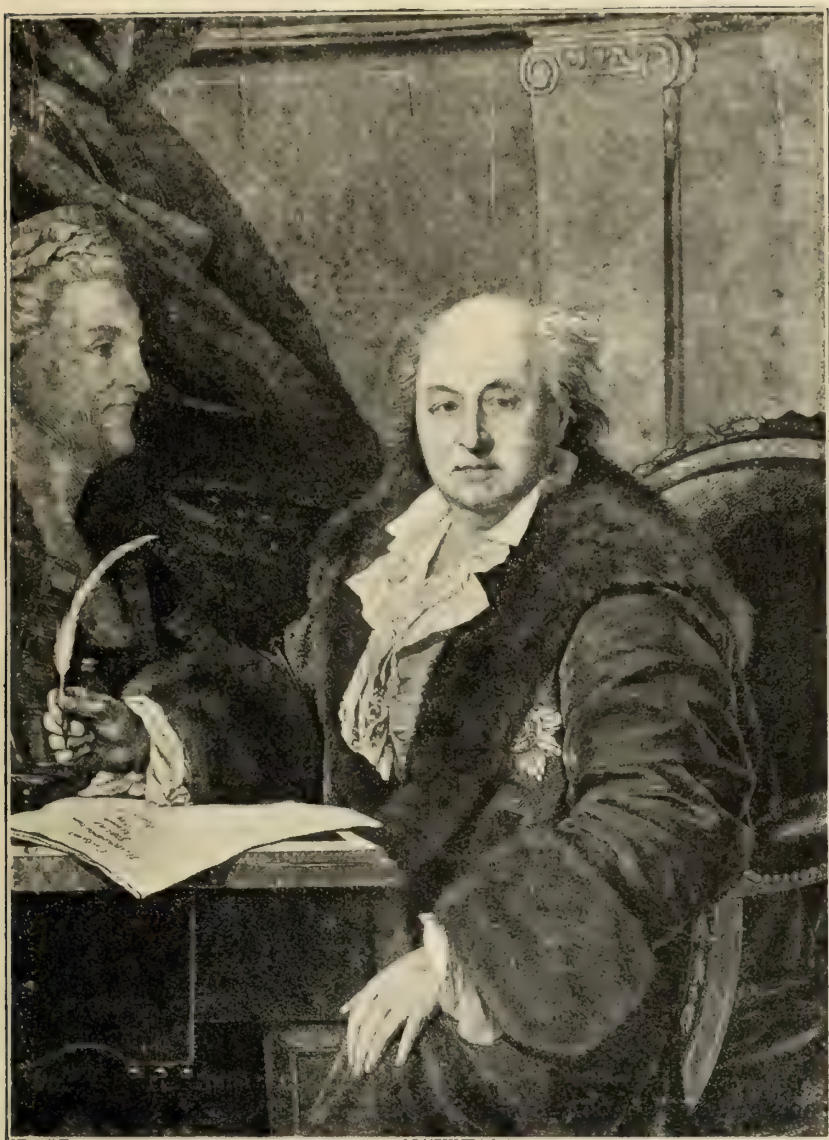
ной работы, которую талантливому и умному писателю приходилось безостановочно производить надъ языкомъ и слогомъ.

Serenissimae ac Potentissimae Imperatricis
CATHARINAE SECUNDAE AUGUSTAE
totius Russiae Autocratoris
Ego CATHARINA PRINCEPS DASCHKOW nata
ab intimis AUGUSTAE Cubiculis; Ordinis S. Catharinae Eques,
Academiae Scientiarum Director
pro potestate ab AUGUSTA mihi concessa
Virum celeberrimum Suisque titulis condecorandum
Petrum Inochodzow
ob praeclara ejus in Scientias merita
Communi totius Academiae Petropolitanae suffragio
Collegam hujus Societatis ordinarium
solemni hoc Diplomate declaro
cumque honore, privilegiis et beneficiis Academicorum ordini concessis
rite orno
Petropoli A. C. MDCCLXXXIII Die X Martii.

Дипломъ на званіе академика съ автографомъ Е. Р. Дашковой, на латинскомъ языкѣ.

Фонвизинъ въ своемъ предисловіи къ „Гаспару“, близко знакомитъ насъ со своими колебаніями и исканіями въ этой области:

„Слогъ долженъ быть такой, каковаго мы еще не имѣемъ;

И. П. Елагинъ. По современной гравюрѣ.

Телемакъ переведенъ славянскимъ; а въ „Аргенидѣ“ нашелъ я много нашихъ нынѣшнихъ выраженій, не весьма, кажется, сходственныхъ съ важностью сія книги. Итакъ, главное затрудненіе состояло въ избраніи слога. Множество приходило мнѣ на мысль славянскихъ словъ и реченій, которыя, не имѣя себѣ примѣра, принужденъ я былъ оставить, боялся или возмутить ясность, или тронуть нѣжность слуха. Приходили мнѣ на мысль наши нынѣшнія слова и реченія, весьма употребительныя въ сообществѣ, но, не имѣя примѣру, оставилъ я оныя, опасаясь того, что не довольно изобразятъ онѣ важность авторской мысли“.

Академикъ Тихонравовъ, по поводу этого предисловія къ

„Іосифу“, замѣчаетъ совершенно вѣрно, что то̀ практическое и вразумительное изученіе церковно-славянскаго языка, которымъ Фонвизинъ хвалится въ дѣтствѣ, въ домѣ родительскомъ, въ отношеніи къ его слогу, болѣе вредило, нежели было ему полезно [1]). „При модномъ стремленіи нашихъ писателей прошлаго столѣтія изгонять барбаризмы словами и оборотами языка славяно-церковнаго и при господствѣ вышеизложенной теоріи (Ломоносовской теоріи высокаго штиля), оставило въ нѣкоторыхъ (особенно первыхъ) произведеніяхъ Фонвизина всѣ вредныя слѣдствія чисто-нагляднаго знакомства съ языкомъ. При этомъ, конечно, и многіе слова и обороты славяно-церковнаго языка употребляются имъ совершенно невпопадъ, потому что истинное значеніе ихъ не было ему извѣстно“...

Къ сожалѣнію, мы очень мало знакомы съ внутреннею жизнью Фонвизина; многое, относительно его біографіи и литературной дѣятельности, остается намъ неяснымъ, даже и во внѣшнихъ фактахъ: а потому мы и не можемъ себѣ объяснить, какимъ образомъ, послѣ нравоучительнаго „Іосифа“, могло явиться въ свѣтъ такое произведеніе, какъ „Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“? Намъ представляется недостаточнымъ объясненіе Тихонравова, который видитъ въ этомъ произведеніи прямое слѣдствіе того, что „авторъ попалъ въ Петербургѣ въ общество людей, любившихъ пощеголять безвѣріемъ и богохульствомъ“; намъ ничего не объясняютъ и покаянныя сокрушенія „Признанія“, по поводу этого посланія, потому что, какъ мы видѣли выше (стр. 119, въ прим.), Фонвизинъ до конца дней, придавалъ значеніе этому „Посланію“... Какъ бы то ни было, но „Посланіе“ было напечатано въ одномъ изъ журналовъ Екатерининскаго времени, въ „Пустомелѣ“, который и просуществовалъ-то лишь два мѣсяца... „Посланію“ предшествуетъ очень любопытное указаніе редакціи, до нѣкоторой степени имѣющее значеніе историческое и документальное по отношенію къ біографіи Фонвизина.

„Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени автора [2]) сего посланія; перо, писавшее сіе, россійскому ученому свѣту и всѣмъ, любящимъ словесныя науки, довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненія носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются, сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія; словомъ, если обстоятельства автору сему позволятъ упражняться

---

[1]) Точно такъ же, какъ вредило оно, на нашъ взглядъ, и Державину.

[2]) «Посланіе къ слугамъ» было напечатано въ «Пустомелѣ» безъ имени автора.

въ словесныхъ наукахъ, то не безосновательно и справедливо многіе ожидаютъ увидѣть въ немъ россійскаго Боало".

Изъ этого предувѣдомленія мы видимъ, что въ 1770 году имя Фонвизина уже пользовалось почетною извѣстностью „въ россійскомъ ученомъ свѣтѣ и между любящими словесныя науки"; а затѣмъ узнаемъ и тотъ любопытный фактъ, что многія сочиненія Фонвизина въ „письменномъ видѣ" ходятъ по рукамъ и всѣмъ нравятся. Это объясняетъ намъ, отчасти, то значеніе, которымъ пользовался Фонвизинъ въ обществѣ,—значеніе, которое не легко было бы пріобрѣсти одною комедіей и нѣсколькими переводными сочиненіями; а съ другой стороны, даетъ ключъ къ пониманію той вражды, съ которою Фонвизину приходилось считаться чуть ли не съ первыхъ лѣтъ его жизни, и которую онъ отчасти самъ возбуждалъ, много вредя себѣ своимъ злымъ языкомъ и колкимъ остроуміемъ.

Въ 1773 году Н. И. Панинъ закончилъ воспитаніе Наслѣдника и получилъ отъ Императрицы большія награды деньгами, домами, орденами и помѣстьями (9,000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи). Упоминаемъ объ этомъ фактѣ потому, что онъ весьма благопріятно отразился на судьбѣ Дениса Ивановича, такъ какъ великодушный вельможа захотѣлъ, отъ себя, подѣлиться щедрою царскою милостью съ наиболѣе близкими изъ своихъ сослуживцевъ: и среди нихъ—прежде всѣхъ—наградилъ Фонвизина, который „сохраняя къ нему непоколебимую преданность, удостоенъ былъ всегда полной его довѣренности". Фонвизинъ получилъ при этомъ 1,180 душъ въ Бѣлоруссіи, и этимъ путемъ значительно поправилъ свое весьма недостаточное состояніе, въ особенности, когда (вскорѣ послѣ того) женился на молодой вдовѣ, которая принесла ему въ приданое домъ въ Петербургѣ и небольшой капиталъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что это матеріальное благосостояніе не прибавило ни спокойствія, ни счастія Фонвизину: въ 1777 году, мы видимъ, что болѣзнь жены вынуждаетъ его ѣхать за границу, а съ 1783 г. начинается рядъ его поѣздокъ за границу, вызываемый его собственною, неизлѣчимою болѣзнью [1]). Панинъ и Фонвизинъ

Къ сожалѣнію, начиная съ 1777 года, отъ котораго сохранились письма Фонвизина изъ-за границы (къ графу П. И. Панину и къ сестрѣ), мы, до самаго 1782 года, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній по біографіи Фонвизина. А между тѣмъ, именно это пятилѣтіе и было, вѣроятно, любопытнѣйшимъ періодомъ въ жизни нашего даровитаго писателя, потому что въ эти пять лѣтъ и былъ имъ задуманъ и написанъ „*Недоросль*", окончательно упрочившій Зачатки Недоросля.

[1]) Начиная съ 1785 г., онъ былъ разбитъ параличомъ: у него отнялась нога, рука и отчасти языкъ... Въ такомъ бѣдственномъ состояніи онъ оставался до кончины.

его славу въ потомствѣ. У насъ нѣтъ никакихъ подробностей о томъ, какъ создавалось это произведеніе, какъ складывались въ сознаніи автора эти замѣчательные типы, цѣликомъ выхваченные изъ живой дѣйствительности... Не обмолвились объ этомъ ни единымъ словомъ даже и тѣ близкіе люди, которые въ это время составляли дружескій кружокъ, постоянно собиравшійся около Фонвизина: Богдановичъ, Княжнинъ, Державинъ и актеръ Дмитревскій. Для насъ—отдаленнаго потомства — „Недоросль" какъ-то вдругъ и какъ бы неожиданно возникаетъ изъ ряда посредственныхъ, обыденныхъ явленій текущей литературы,—и возникаетъ въ одинъ изъ очень громкихъ, блестящихъ и славныхъ годовъ нашей исторіи литературы, одновременно съ „Фелицей" Державина, комедіей Екатерины „О, время", и „Живописцемъ" Новикова. Годъ дѣйствительно замѣчательный, свидѣтельствующій о какомъ-то чрезвычайномъ подъемѣ духа въ современномъ русскомъ обществѣ! Однакоже послѣднія пріобрѣтенія русской науки побуждаютъ насъ предположить, что „Недоросль" не явился плодомъ внезапнаго вдохновенія, не былъ написанъ быстро и въ короткое время. Въ драгоцѣнное собраніе автографовъ П. Я. Дашкова поступила недавно рукопись, представляющая собою одну изъ трехъ или четырехъ первоначальныхъ редакцій „*Недоросля*", изъ чего можно заключить, что онъ вырабатывался медленно и постепенно, въ теченіе продолжительнаго времени.

Графъ П. И. Панинъ.

Первое представленіе „Недоросля."

Весьма любопытно то современное свидѣтельство о первомъ представленіи пьесы, которое приводится въ „Драматическомъ Словарѣ" 1787 г., и въ которомъ о „Недорослѣ" сказано:

„Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ, сентября 24 дня, 1782 г., на щетъ перваго придворнаго актера г. Дмитрев-

скаго, въ короткое время несравненно театръ былъ наполненъ и публика апплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы (т.-е. Простаковой) игралъ бывшій придворный актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей и т. д. Сія комедія, наполненная замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждый въ своемъ характерѣ изрѣченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики".

Графъ Н. И. Панинъ.

Даже и по этому краткому, сухому отчету о представленіи, можно, до нѣкоторой степени, судить о впечатлѣніи, которое пьеса произвела на публику. Еще лучше это впечатлѣніе передается извѣстнымъ историческимъ анекдотомъ о Потемкинѣ, который, будто бы, выйдя изъ ложи и столкнувшись съ Фонвизинымъ, обнялъ его и воскликнулъ:

-- „Умри, Денисъ! Ты не напишешь ничего лучше" [1].

Впечатлѣніе было настолько живо и сильно, что многимъ новая пьеса показалось даже черезчуръ смѣлой; поднялись голоса противъ представленія новой пьесы на сценѣ и, при перенесеніи ея въ Москву, даже встрѣтились какія-то цензурныя затрудненія,

[1]) По другой редакціи того же анекдота, Потемкину приписывается фраза: Умри, Денисъ. Или больше ничего не пиши».

о которыхъ свидѣтельствуетъ приведенное академикомъ Тихонравовымъ французское письмо Фонвизина къ Медоксу, содержателю театра въ Москвѣ. Но препятствія были устранены, пьесу стали давать и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, къ ужасу Скотининыхъ, Простаковыхъ и Митрофанушекъ, къ великой радости Правдиныхъ и Стародумовъ, которые начинали громче и громче заявлять о своемъ существованіи въ средѣ русскаго общества, и къ громкому прославленію автора, который далъ полную возможность высказаться той партіи, къ которой онъ принадлежалъ всей душою.

Невзгоды Фонвизина

Два года спустя послѣ этого громкаго успѣха (въ сентября 1785 года), авторъ „Недоросля" подвергся большому несчастію: — давно уже овладѣвшій имъ жестокій недугъ разразился ударомъ паралича, вслѣдствіе котораго у него отнялась рука, нога и отчасти языкъ. Жизнь обратилась для него въ одну сплошную, нескончаемую муку, которую, однакоже, онъ выносилъ бодро, такъ какъ голова его оставалась свѣжа и продолжала работать... Но все же естественное теченіе въ развитіи его таланта было нарушено, и пожеланіе Потемкина сбылось какъ роковое пророчество... Фонвизинъ не написалъ, послѣ „Недоросля", ничего, что бы могло равняться съ этою комедіею по литературнымъ достоинствамъ, но продолжалъ и думать, и писать, и заниматься словесностью, насколько позволяли его силы, оставаясь вѣренъ тѣмъ же взглядамъ, которые проведены были имъ въ положительныхъ типахъ „Недоросля", и никому не стараясь угодить ни лестью, ни лицемѣрнымъ подобострастіемъ...

Новыя произведенія Фонвизина.

Но 1783 годъ все же остался единственнымъ исключительнымъ, по обилію литературной дѣятельности, годомъ въ біографіи Фонвизина, которая, какъ біографія писателя, этимъ годомъ почти и заканчивается. Въ этомъ году совершилось и весьма замѣчательное въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія *учрежденіе Россійской Академіи* (указъ состоялся 30 сентября 1783 г.), предсѣдателемъ которой назначена была Екатериной княгиня Е. Р. Дашкова, уже бывшая Директоромъ Академіи Наукъ. На открытіи учреждаемой Академіи присутствовалъ и Фонвизинъ, въ числѣ прочихъ ея членовъ (21 октября того же года); онъ же явился однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Россійской Академіи въ ея ученыхъ работахъ по составленію словаря [1]) и грамматики, и усерднымъ вкладчикомъ въ тотъ „органъ литературы и науки", который, по мысли княгини Е. Р. Дашковой, сталъ издаваться

---

[1]) Для составленія плана работъ, нужныхъ для словаря, избранъ былъ комитетъ изъ пяти членовъ: митрополита Гавріила, Фонвизина, Н. В. Леонтьева, С. Я. Румовскаго и И. И. Лепехина. Впослѣдствіи Фонвизинымъ были представлены слова на букву Л (изъ Архангельскаго лѣтописца), слова на букву Е, и отчасти на букву К.

при Россійской Академіи подъ названіемъ „*Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова*" (изд. въ 1783—1784 г.г.). Уже въ первой части „Собесѣдника" помѣщается „*Опытъ Россійскаго Сословника*"—первая по времени попытка обратить вниманіе русскихъ словесниковъ на важный въ стилистическомъ смыслѣ вопросъ о синонимахъ. Есть основаніе думать, что ему же принадлежатъ и нѣкоторыя неподписанныя статьи въ „Собесѣдникѣ" [1]). Затѣмъ тутъ же явилась и знаменитая его „*Челобитная Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей*", въ которой онъ такъ ясно и опредѣленно высказалъ свой взглядъ на значеніе писателя въ обществѣ европейскомъ и на его ничтожную роль въ русскомъ обществѣ, гдѣ чиновничество чуждается писателей и старается отдалить ихъ отъ дѣлъ. Проводя совершенно противоположное воззрѣніе на писателя, Фонвизинъ, отъ лица ихъ, проситъ императрицу „дабы Ея божественное Величество указомъ повелѣло бы сіе наше прошеніе принять. . . . . . насъ же, грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, именованные, служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы Вашего Величества". За „челобитною россійскихъ писателей" послѣдовали знаменитые, по своему значенію и смѣлости, „*Вопросы сочинителю Былей и Небылицъ*", т. е. самой Екатеринѣ, помѣщавшей свои „Были и Небылицы" въ „Собесѣдникѣ". Къ этимъ вопросамъ мы еще вернемся далѣе, при обзорѣ журналистики Екатерининскаго времени; а теперь замѣтимъ только, что вопросы Фонвизина были поставлены слишкомъ прямо и ясно, безъ всякаго отвода глазъ куреніями и похвалами дѣйствительности, и нѣкоторые изъ нихъ (явно касавшіеся придворной жизни) очень не понравились государынѣ, которая колко отвѣтила, что подобные вопросы считаетъ лишь результатомъ „свободоязычія". Фонвизинъ понялъ, что зашелъ въ своихъ вопросахъ слишкомъ далеко, и поспѣшилъ оправдаться въ „*Письмѣ къ сочинителю Былей и Небылицъ*", въ которомъ, обвиняя себя въ неумѣлой постановкѣ вопросовъ, заявилъ, что отмѣняетъ остальные, уже заготовленные вопросы, „чтобы не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго (sic!) всей душою ненавижу". Къ сожалѣнію и къ великому ущербу для читателей „Собесѣдника", вмѣстѣ съ „вопросами", заготовленными Фонвизинымъ, рѣшено было не печатать и его остроумную „*Всеобщую Придворную Грамматику*", видимо опасаясь этимъ навлечь на журналъ новое неудовольствіе императрицы.

Пять лѣтъ спустя Фонвизинъ еще мечталъ о новомъ литературномъ предпріятіи—о журналѣ, въ родѣ „Трутня" и „Жи- Мечты о журналѣ.

[1]) С. Н. Глинка увѣряетъ, что въ IV ч. «Собесѣдника» Фонвизину принадлежитъ «Повѣствованіе нѣмого и глухого» (Соч. Н. С. Тихонравова, III, стр. 121).

вонисца", которому онъ далъ названіе *„Стародумъ" или „Другъ честныхъ людей"*. Между рукописями Фонвизина сохранилось нѣсколько мелкихъ статей, приготовленныхъ для этого журнала; напечатано было (въ 1788 г.) и объявленіе о предстоящемъ его выходѣ въ свѣтъ: —но уже въ своемъ письмѣ отъ 4 апрѣля 1788 г. Денисъ Ивановичъ извѣщаетъ П. И. Панина, что петербургская полиція не разрѣшила выхода въ свѣтъ его журнала.

Послѣднимъ печатнымъ произведеніемъ Дениса Ивановича была его извѣстная басня *„Лисица - казнодѣй"*, помѣщенная въ 1787 г. въ *„Роспускающемся Цвѣткѣ"*—сборникѣ сочиненій и переводовъ, издаваемомъ воспитанниками Университетскаго благороднаго пансіона. Издателями сборника въ примѣчаніи къ баснѣ выражена признательность автору „который доставилъ имъ сію басню для поощренія ихъ къ дальнѣйшему полученію вкуса въ свободныхъ наукахъ".

О послѣднемъ днѣ жизни Фонвизина сохранилась весьма любопытная страница въ „Воспоминаніяхъ" И. И. Дмитріева [1]), которая заканчивается знаменательными словами: „Мы разстались съ нимъ (Фонвизинымъ) въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро (т. е. 1 декабря 1792 г.) онъ былъ уже во гробѣ".

Весьма недавно, шесть-семь лѣтъ тому назадъ, на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры (влѣво отъ памятника Ломоносова), отыскана была давно забытая и поросшая мхомъ могила Дениса Ивановича Фонвизина, на которой уцѣлѣлъ весьма скромный, покривившійся каменный саркофагъ съ плитою и изсѣченной на ней надписью, которую разобрали съ трудомъ. Эта находка почти совпала со столѣтіемъ, истекшимъ со времени кончины знаменитаго писателя. Памятникъ подновили и поправили:—приняли мѣры, чтобы къ нему еще разъ „не заросла народная тропа"...

Литературная дѣятельность Фонвизина.

Сочиненія Фонвизина слишкомъ хорошо знакомы всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, да притомъ они и до сихъ поръ еще входятъ значительнымъ вкладомъ въ нашу классную литературу, а потому мы и не будемъ излагать здѣсь содержанія комедій Фон-визина, о которыхъ думаемъ поговорить нѣсколько подробнѣе, чтобы указать на связь ихъ съ эпохою и съ личностью автора. Прежде всего замѣтимъ, что „Бригадиръ" былъ юношескимъ [2]) произведеніемъ Фонвизина и былъ написанъ въ самомъ началѣ его служебной и литературной дѣятельности; а „Недоросль"—произведеніемъ его полной литературной зрѣлости. Отсюда громадная разница въ достоинствахъ обоихъ произведеній,

---

[1]) Мы изъ нихъ приводили выше на стр. 119, въ примѣч., небольшой отрывокъ.

[2]) Ему было тогда не болѣе 22—23 лѣтъ.

Е. Р. Дашкова, директоръ Академіи Наукъ при Екатеринѣ II.

въ качествѣ наблюдательности автора, въ разработкѣ выводимыхъ имъ типовъ. Въ „Бригадирѣ", собственно говоря, только одинъ живой типъ—типъ бригадирши, который, благодаря замѣчательному таланту и художественному чутью автора, былъ взятъ прямо изъ жизни и выставленъ рельефно, ярко и ясно для всѣхъ. Эту „Акулину Тимофеевну", которая, по мѣткому выраженію одного изъ современниковъ, „была всѣмъ родня", Фонвизинъ могъ окружить въ Бригадирѣ только тѣми типами,

которые были уже извѣстны публикѣ и изъ другихъ произведеній современной русской комедіи, потому что эти „петиметры“ въ родѣ „Иванушки“ (сына „Бригадира“) и щеголихи, въ родѣ „совѣтницы“, или крючкотворца и кривосуда, въ родѣ самого „совѣтника“ — были уже давно любимыми выѣздными конями всѣхъ авторовъ, писавшихъ комедіи для сцены. Въ самой основѣ комедіи лежитъ та же тэма, которая уже являлась основою комедій Сумарокова и даже основою сатирическихъ статей въ нашихъ первыхъ журналахъ: — мракъ невѣжества и непроходимая грубость нравовъ съ одной стороны и поверхностное, плохо усвоенное, неправильно-понятое образованіе—съ другой. Очень блѣдны и тѣ лица, которыя должны составлять положительную сторону комедіи—дочь совѣтника, Софья, и ея женихъ Добролюбовъ. Они противуполагаются типамъ выставленныхъ въ комедіи невѣжественныхъ и грубыхъ людей или только принявшихъ на себя внѣшній лоскъ ложнаго европеизма и выставляются авторомъ людьми хорошо-воспитанными и образованными, хотя онъ и не объясняетъ намъ, откуда у нихъ взялось это образованіе, и какъ сложились въ нихъ тѣ взгляды и убѣжденія, которые они высказываютъ на сценѣ. Отвлеченною моралью и резонерствомъ отзывается въ особенности характеръ Добролюбова, который весьма упорно держится какой-то золотой середины: —уважаетъ всѣ лучшія стороны иностраннаго просвѣщенія и, въ то же время, горой стоитъ за все русское. Въ немъ авторъ, видимо, пытался олицетворить свой идеалъ человѣка и гражданина, въ предѣлахъ той возможности и тѣхъ требованій, какія предъявляла современная русская дѣйствительность. Само собою разумѣется, что типъ Добролюбова является настолько же блѣднымъ, насколько остальные, противуположные ему и Софьѣ, типы комедіи являются преувеличенными и карикатурными; но онъ важенъ для насъ, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ юнаго автора на русскую жизнь — какъ программа его будущей общественной дѣятельности. Талантливость Фонвизина и его даръ зоркой наблюдательности выразились въ „Бригадирѣ“ только однимъ типомъ „бригадирши“, который и поразилъ всѣхъ своею жизненностью, своею вѣрностью. Вотъ почему и произошло, что этотъ вполнѣ реальный типъ тупой, скряжной, глубоко-невѣжественной и сварливой женщины такъ бросился въ глаза всѣмъ современникамъ, и никому не надоѣлъ въ теченіе всѣхъ пяти актовъ [1])... Авторъ и самъ чувствовалъ, что этотъ типъ ему удался, что онъ у него вышелъ рельефнымъ и цѣльнымъ, что онъ былъ его первымъ удачнымъ

[1]) Не даромъ Н. И. Панинъ сказалъ Фонвизину: «Я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставивъ говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однакожъ роль ея настолько интересною, что все хочется ее слушать».

воспроизведеніемъ русской дѣйствительности, и даже въ концѣ жизни, набрасывая свои воспоминанія подъ грустнымъ и мрачнымъ впечатлѣніемъ своего тяжкаго недуга и вызываемаго имъ угнетеннаго настроенія—онъ еще оживаетъ и просвѣтляется, когда доходитъ до описанія того впечатлѣнія, которое произведено было чтеніемъ „Бригадира" въ средѣ петербургскаго общества... Есть основаніе думать, что эти воспоминанія о первомъ литературномъ успѣхѣ — успѣхѣ поразительномъ и чрезвычайномъ — были тѣмъ болѣе пріятны Фонвизину, что „Бригадиръ" сослужилъ ему и другую, весьма существенную службу: онъ сблизилъ его съ Паниными и съ той партіей, убѣжденіямъ и взглядамъ которой онъ и потомъ оставался вѣренъ до конца жизни.

Это сближеніе, эту принадлежность опредѣленной партіи необходимо принимать въ разсчетъ при разборѣ и оцѣнкѣ всей дальнѣйшей литературной дѣятельности Фонвизина, послѣ „Бригадира". Минуя всѣ произведенія того 16-ти-лѣтняго періода, который протекъ между появленіемъ въ свѣтъ „Бригадира" и постановкою на сцену „Недоросля", и переходя къ внимательному изученію этой комедіи, мы должны, прежде всего, имѣть въ виду ту разницу въ возрастѣ автора, которая такъ рѣзко сказывается даже при бѣгломъ, поверхностномъ сравненіи обѣихъ комедій. „Бригадиръ" писанъ юношей, только что вступившимъ въ жизнь— талантливымъ, наблюдательнымъ, переимчивымъ, впечатлительнымъ, расположеннымъ и къ шуткѣ, и къ карикатурному преувеличенію; юношей, способнымъ подмѣтить все смѣшное, странное и безобразное въ окружающей его дѣйствительности, хотя она и представляется ему свѣтлою, прекрасною, полною добрыхъ начинаній и прекрасныхъ надеждъ на осуществленіе лучшаго будущаго—на возможность прогресса, въ смыслѣ примѣненія западныхъ началъ цивилизаціи къ русской почвѣ... Идеалы автора неопредѣленны, не ясны, но свѣтлы, заманчивы и привлекательны. «Бригадиръ» и «Недоросль».

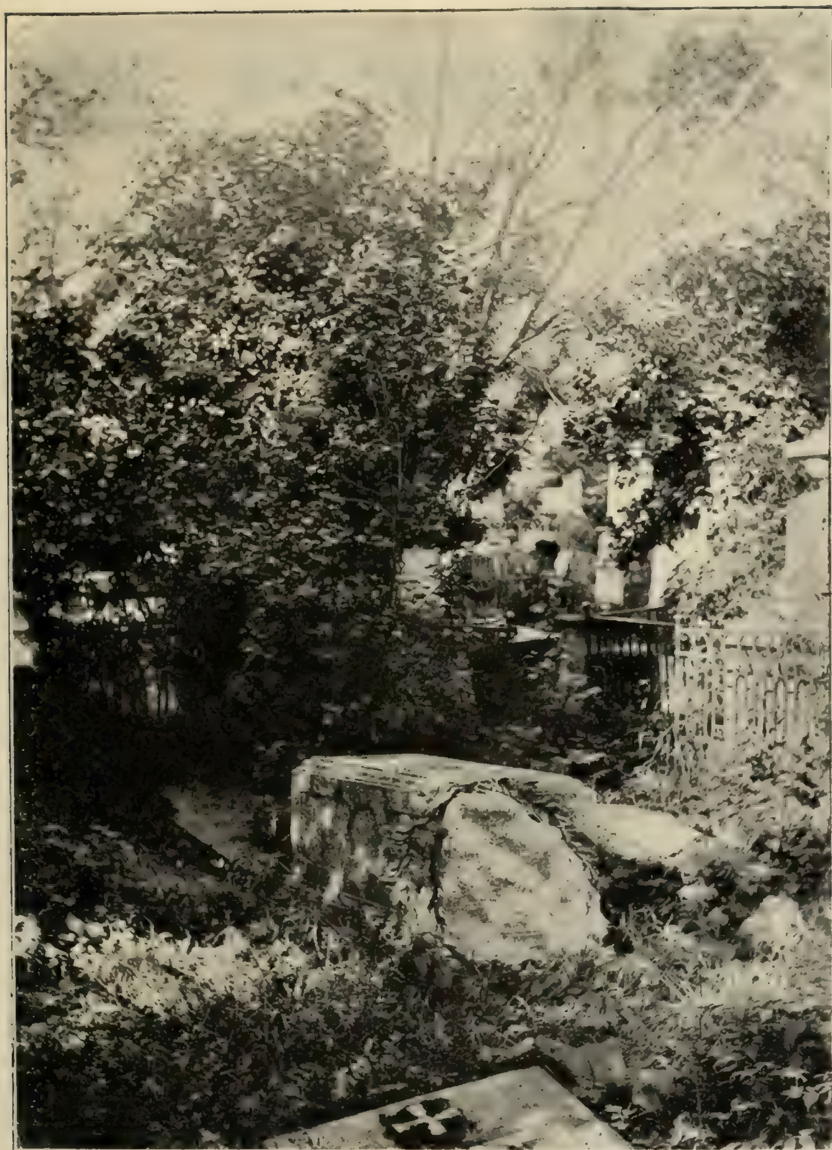
Авторъ „Недоросля"—успѣвшій уже прожить большую половину жизни, уже вступившій въ зрѣлый возрастъ, уже искусившійся въ долгой и трудной служебной карьерѣ и мудреныхъ, тонкихъ отношеніяхъ свѣтской жизни—является передъ нами въ совершенно иномъ видѣ. Въ дѣлѣ литературнаго и художественнаго развитія онъ далеко ушелъ впередъ; онъ сумѣлъ отдѣлаться, освободиться отъ стѣснительныхъ рамокъ ложно-классической теоріи сценическихъ произведеній. Онъ еще глубже, еще внимательнѣе вникъ своимъ наблюдательнымъ взоромъ въ русскую жизнь, и на этотъ разъ могъ уже набросать широкую, до мелочей вѣрную картину быта захолустной помѣщичьей семьи, со всѣми дикими и безобразными явленіями ея жизни, со всѣмъ

глубокимъ ея невѣжествомъ и грубостью нравовъ, со всѣмъ ужасомъ отношеній помѣщичьей среды къ крестьянамъ и дворовымъ. Картина написана правдиво и сильно, краски наложены густо и сочно; но картина мрачна и безпросвѣтна... Простаковы и Скотинины воспитываютъ Митрофанушку, отъ котораго мудрено ожидать добра въ будущемъ, пока сохранятся тѣ же печальныя условія жизни, та же неравномѣрность въ распредѣленіи жизненныхъ благъ, тѣ же отношенія рабовъ къ господамъ, уничтожающія личность въ однихъ, развивающія умственную косность и праздность въ другихъ. Главное лицо въ комедіи — *Простакова*, мать Митрофанушки—характеръ уже не комическій, а драматическій; это — „презлая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе всего дома...“ Но, въ то же время, она—сила и энергія; она, посвоему, умна и, по-своему, изобрѣтательна; она держитъ весь домъ въ рукахъ, и весь домъ ею держится; она твердо убѣждена въ своихъ правахъ и въ правотѣ всего, что она дѣлаетъ; она и къ своимъ обязанностямъ матери относится горячо и сознательно, какъ бы исполняя строго-обдуманный и прочно-установившійся планъ: т.-е. бережетъ и балуетъ своего Митрофанушку, давая ему понѣжиться, пока онъ въ „недоросляхъ“, и даже побуждая его, хоть для виду, немного учиться у Цыфиркина, Кутейкина и Вральмана. Она въ своемъ Митрофанушкѣ души не чаетъ, и съ удовольствіемъ видитъ въ немъ полное воплощеніе родового типа Скотининыхъ, и въ награду за свои заботы о немъ, она ждетъ только одного — нѣжности и ласки своего ребенка, позабывая о томъ, что она не воспитала въ немъ сердца, а развила только одни животные инстинкты... Съ большимъ художественнымъ тактомъ авторъ сумѣлъ привести свою комедію, по отношенію къ этому главному типу Простаковой, — къ совершенно правильной развязкѣ, полной глубокаго трагизма. Въ тотъ моментъ, когда власть караетъ Простакову за ея жестокое, деспотическое управленіе имѣніями и беретъ ихъ подъ опеку; когда она, лишенная всего, бросается обнимать сына, съ возгласомъ: — „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка“, — этотъ сынъ, этотъ баловень ея, выказываетъ себя, по отношенію къ ней, такимъ же жестокимъ, какою она бывала по отношенію ко всѣмъ окружающимъ и, отталкивая отъ себя мать, говоритъ съ досадою: —„Да отвяжись, матушка, какъ навязалась!“

Выше этого наказанія не могло выпасть на долю такой матери. И она почти вызываетъ зрителя къ состраданію, когда восклицаетъ въ заключеніе:

„Погибла я совсѣмъ. Отнята у меня власть. Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя. Нѣтъ у меня сына...“

Эти два характера, очень ярко и полно обрисованные, обста-

Могила Фонвизина на кладбищѣ Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ, въ томъ видѣ, какъ она была отыскана.

влены, для полноты дѣйствія, цѣлою группою второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя нѣсколько карикатурны (какъ Скотининъ и мужъ Простаковой), другія очерчены бойко и живо, третьи едва намѣчены, но вполнѣ вѣрны современной дѣйствительности. Таковы учителя Митрофанушки, няня и портной изъ дворовыхъ. Уродливымъ и неестественнымъ является только одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи — Вральманъ, обучающій Митрофанушку „по французски и всѣмъ наукамъ...“ Но это уродливое лицо выставлено Фонвизинымъ не безнамѣренно (мы никакъ не можемъ допустить мысли,

чтобы онъ самъ не замѣчалъ его уродливости), и намѣреніе это совершенно ясно:—авторъ чувствовалъ, что набросанная имъ картина нравовъ слишкомъ мрачна, что даже и комизмъ нѣкоторыхъ ея сценъ скорѣе наводитъ на грустныя размышленія и возмущаетъ душу, нежели смѣшитъ — и вотъ онъ втиснулъ въ рамку пьесы совершенно лишнюю и ненужную для дѣйствія роль карикатурнаго нѣмца Вральмана, только для того, чтобы подбавить смѣха и внѣшняго шутовского веселья въ черезчуръ уже серьезную комедію.

Типы въ „Недорослѣ.“

Но въ „Недорослѣ“, какъ и въ „Бригадирѣ“, какъ и въ каждой изъ современныхъ комедій, не все же одни отрицательные типы... Вѣдь есть же здѣсь и положительные, и такіе, которые должны служить образцами новаго, лучшаго поколѣнія — образцами лучшаго времени и лучшихъ условій жизни? *Милонъ* и *Софья*, *Правдинъ* и *Стародумъ*—вотъ эти лица, по замыслу автора. Но изъ нихъ, первые два такъ блѣдно, такъ поверхностно набросаны, что ихъ нельзя даже назвать „характерами“, въ нихъ нельзя признать никакихъ типовъ... Это просто роли, написанныя для сценическихъ „первыхъ любовниковъ“, потому что вѣдь не можетъ же комедія обойтись безъ какой бы то ни было любовной интриги. *Правдинъ*—тоже не живое лицо: это олицетворенная мораль и законность, внесенная въ комедію для того, чтобы добродѣтель могла быть вознаграждена, а порокъ наказанъ. Но мы никакъ не можемъ того же сказать о *Стародумѣ:* — это не блѣдная тѣнь, не случайно вставленное лицо, безъ живого облика, безъ опредѣленной физіономіи... Авторъ могъ свободно обойтись безъ него въ механизмѣ дѣйствія своей пьесы: для развязки ему достаточно было и Правдина съ Милономъ. Но онъ вставилъ еще и Стародума, и далъ ему въ своей комедіи одну изъ самыхъ важныхъ, самыхъ выдающихся ролей. А такъ какъ, по литературному обычаю времени, всѣмъ характерамъ придавались прозвища и фамиліи, соотвѣтствующія ихъ нравственной физіономіи, то и „Стародумъ“ не даромъ же носитъ свое имя:—онъ олицетворяетъ собою представителя той партіи, которая недовольна настоящимъ и старается искать своихъ идеаловъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ, пренебрегая до нѣкоторой степени историческою правдою и воспоминаніями современниковъ объ этомъ „добромъ“ старомъ времени. Но для чего же собственно требовался автору этотъ Стародумъ—этотъ дядя Софьи, который преспокойно могъ бы оставаться за сценой? Онъ выведенъ авторомъ, очевидно, только для того, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ „настоящимъ“, для того, чтобы поговорить о воспитаніи и указать, что нынче воспитываются люди не такъ, какъ бы слѣдовало, поговорить о законахъ и замѣтить, что они не исполняются, коснуться

въ бесѣдѣ семейной жизни, и сказать, что семьи нѣтъ; дать, наконецъ, очеркъ общественной жизни, перебравши всѣ карьеры, для того, чтобы высказать рѣзкій отзывъ о карьерѣ придворной и набросать идеалъ человѣка дворянина и гражданина такимъ, какимъ авторъ *не видѣлъ* его въ жизни. Иначе нельзя объяснить себѣ нескончаемыхъ разсужденій Стародума, которыя, въ настоящее время, утратили всякое значеніе, а тогда, несомнѣнно, имѣли значеніе прямыхъ и косвенныхъ намековъ на существующіе порядки, на общественныя нестроенія всякаго рода, даже на личности. Какъ иначе объяснить себѣ такія воспоминанія Стародума о его пребываніи при Дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, въ которыхъ онъ говоритъ:

„Тутъ я увидѣлъ, что между людьми случайными[1]) и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду...“ [2]) „Въ этой сторонѣ (т. е. при Дворѣ) по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе... Двое, встрѣтясь, разойтись не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ“. Мораль Стародума.

Или такое изображеніе дурной матери:

„Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ?“

Или такое разсужденіе Стародума:

„... (Способы сдѣлать людей добрыми)—они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ убѣдятся, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, — тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ“.

И, въ заключеніе всего, такой идеалъ государя и его отношеній къ народу, опять-таки вложенный въ уста Стародуму: ... „Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права;

[1]) *Случайные люди*—на языкѣ прошлаго вѣка — то же, что временщики, фавориты. Отсюда выраженіе — *быть въ случаѣ*, т. е пользоваться временно милостями, занимать высокое положеніе.

[2]) *Скаредъ*— здѣсь не въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. По объясненію Словаря Россійской Академіи: «*скаредъ*»—мерзавецъ; «*скаредный*»—мерзостный, гнусный.

тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконіе". [1])

На это Правдинъ замѣчаетъ Стародуму, что „мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды". Но Стародумъ настаиваетъ на своемъ:

„Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости..." и т. д.

Значеніе Стародума.

Для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то, что авторъ не даромъ вывелъ на сцену *Стародума* и поставилъ его рядомъ съ Правдинымъ — представителемъ лучшихъ проявленій современной жизни, чиновникомъ отъ правительства, назначеннымъ ограничивать произволъ помѣщиковъ въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. *Стародумъ*—это олицетвореніе той оппозиціи, которая народилась уже въ самомъ началѣ царствованія Екатерины и нашла себѣ выраженіе въ партіи Паниныхъ, постоянно державшейся въ сторонѣ отъ преобладавшихъ при Дворѣ теченій; къ этой партіи всею душою привязался Фонвизинъ; съ нею сошелся онъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ и въ недовольствѣ тѣмъ направленіемъ, которое болѣе и болѣе начинала принимать жизнь общественная въ зависимости отъ жизни придворной, и тѣмъ разладомъ, который рѣзче и рѣзче начиналъ сказываться между либеральными идеями и побужденіями „Наказа", и фактами живой дѣйствительности. И вотъ, Фонвизинъ воспользовался, очевидно, своей комедіей, какъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы въ лицѣ Стародума высказать многое, что уже давно накипѣло у него въ душѣ [2]), и что онъ въ томъ же году рѣшился высказать въ своихъ смѣлыхъ до рѣзкости вопросахъ автору „Былей и Небылицъ", и пытался еще разъ, впослѣдствіи, высказать въ своемъ журналѣ „Стародумъ, или другъ честныхъ людей" [3]).

---

[1]) Ясный намекъ на крѣпостное состояніе и отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій и самъ Фонвизинъ высказываетъ взгляды на роль «Стародума», какъ на довольно рискованную попытку высказывать неріятную власти правду. Въ своемъ «письмѣ къ Стародуму» онъ говоритъ: «Вѣкъ Екатерины II ознаменованъ дарованіемъ россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. «Недоросль» мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за 30 ваша собственная роль (т. е. роль Стародума) могла ли бы быть представлена и напечатана?»

[3]) Въ одной изъ статей, предназначенныхъ для «Стародума», Фонвизинъ даже прямо высказываетъ желаніе, чтобы имѣли «гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и обсудить поведеніе министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ». Онъ же восхваляетъ Н. И. Панина за то, что «по внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ

Только такимъ значеніемъ и общимъ направленіемъ всей литературной дѣятельности Фонвизина и можетъ быть объяснено то обстоятельство, что талантливѣйшій изъ современныхъ русскихъ авторовъ, въ теченіе всей своей жизни, оставался постоянно въ тѣни и вдали отъ Двора, къ которому Екатерина такъ охотно приближала и второстепенные, и даже весьма посредственные таланты. Только указаннымъ нами значеніемъ „Недоросля" можно объяснить, почему всѣми прославленный авторъ его не получилъ никакой награды и никакого видимаго знака благоволенія къ нему со стороны императрицы [1]), и почему онъ закончилъ свою двадцатилѣтнюю службу въ чинѣ статскаго совѣтника... Екатерина умѣла забывать тѣхъ, кто ей былъ непріятенъ; а что Фонвизинъ—авторъ „Недоросля", „Вопросовъ" къ сочинителю „Былей и Небылицъ", „Слова на выздоровленіе Цесаревича Павла Петровича" и „Всеобщей придворной грамматики" — не могъ быть пріятенъ Екатеринѣ — въ этомъ едва ли можетъ быть какое бы то ни было сомнѣніе?

Въ заключеніе всего, что было нами высказано здѣсь о Фонвизинѣ и его литературной дѣятельности, замѣтимъ, что этотъ писатель, по своему нравственному и общественному значенію въ средѣ современниковъ, по своимъ высокимъ качествамъ умственнымъ и душевнымъ, можетъ быть приравненъ только къ Новикову. Имя Фонвизина, поэтому, навсегда должно сохраниться въ благодарной памяти потомства, какъ имя писателя, сумѣвшаго глубоко сознать свое человѣческое достоинство и свое высокое назначеніе въ обществѣ, которое еще только пробуждалось къ самостоятельному пониманію своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей.

Гербъ Фонвизиновъ.

націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ» и т. д.

[1]) Въ этомъ же слѣдуетъ, конечно, искать объясненія тѣхъ цензурныхъ затрудненій, которыя представленіе «Недоросля» встрѣтило на московской сценѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Комедіи Екатерины. Екатерина, какъ писательница.—Драматическія произведенія Екатерины.—Важнѣйшія направленія ея комедій.—Предшественники и преемники Фонвизина на русской сценѣ: Лукинъ, Ельчаниновъ, Судовщиковъ, Аблесимовъ, Веревкинъ, Плавильщиковъ, Ефимьевъ, Клушинъ и Капнистъ.

Екатерина, обладавшая обширнымъ умомъ и прекраснымъ, по своему времени, даже весьма основательнымъ образованіемъ, не обладала, однакоже, ни художественнымъ чутьемъ, ни выдающимся даромъ къ самостоятельному литературному творчеству. Несмотря на это, она писала весьма охотно и писала много; но ея тонкій и изворотливый умъ, по преимуществу критическій, болѣе выражался въ произведеніяхъ идейныхъ или полемическихъ, въ формѣ шутливой сатиры или насмѣшки надъ современными общественными недугами, нежели въ формѣ художественно-вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности. Это внутреннее содержаніе было едва облечено во внѣшнюю форму литературнаго произведенія, о которой Екатерина вообще мало заботилась, не придавая ей особеннаго значенія, и потому часто предоставляла даже эту внѣшнюю отдѣлку своихъ произведеній нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ (чаще всего личнымъ секретарямъ своимъ: Козицкому и Храповицкому). Особенно охотно передавала она своимъ сотрудникамъ обработку тѣхъ произведеній, въ которыхъ должна была преобладать форма стихотворная, потому что Екатерина плохо владѣла стихомъ, да и самый трудъ подобнаго выраженія мысли былъ несвойственъ ея натурѣ, слишкомъ живой и подвижной, и потому побуждавшей Екатерину къ быстрой и непосредственной передачѣ мыслей перу и бумагѣ [1]). Своею дѣятельностью литературной Екатерина серьезно увлекалась, и, нисколько не страдая преувеличеннымъ авторскимъ самолюбіемъ, оцѣнивала свои пьесы по достоинству. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру, она говоритъ о своихъ комедіяхъ: „у автора много недостатковъ; интриги его пьесъ слабы; но нельзя того же сказать о характерахъ: они списаны съ натуры и выдержаны... Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста, и онъ хорошо знаетъ народъ“.

Въ перепискѣ съ Гриммомъ, Екатерина тоже совершенно

---

[1]) На этомъ основаніи Екатерина никогда не могла диктовать; писала все сама и чрезвычайно много, употребляя на письменныя занятія по нѣсколько часовъ въ день. Изъ переписки Екатерины съ Гриммомъ, мы знаемъ, что съ механизмомъ стиха ее впервые ознакомилъ графъ Сегюръ (въ 1787 году, во время плаванія по Днѣпру). ‹Я послѣ этого стихотворничала (j'ai rimaillé) дня четыре подъ-рядъ; но увидѣла, что на это нужно слишкомъ много тратить времени, да и начала я слишкомъ поздно›. И затѣмъ вообще очень рѣдко прибѣгала къ этой формѣ.

искренно высказываетъ, что „сочиненіе комедій, съ одной стороны, доставляетъ ей лично большое удовольствіе; а съ другой—ей хотѣлось бы нѣсколько поднять значеніе національнаго театра, который, за недостаткомъ новыхъ пьесъ, находится въ нѣкоторомъ небреженіи“. И она, дѣйствительно, со своей стороны принимала мѣры къ тому, чтобы пополнить репертуаръ русскаго театра: въ періодъ времени между 1772 и 1790 гг. Екатерина успѣла написать четырнадцать комедій, девять оперъ, семь пословицъ и два „историческихъ представленія“, изъ которыхъ до насъ дошло — одиннадцать комедій, семь оперъ, пять пословицъ и два „историческихъ представленія“, т. е. всего двадцать пять пьесъ [1]). Многія изъ этихъ пьесъ были первоначально написаны Екатериной на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и потомъ переведены ея сотрудниками на русскій языкъ подъ ея надзоромъ. Всѣ онѣ предназначались первоначально для домашней сцены, и предварительно являлись на сценѣ Эрмитажа, для представленій въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ, и потомъ уже переносились, по волѣ императрицы, на публичную сцену, гдѣ многія изъ нихъ имѣли несомнѣнный успѣхъ [2]).

Комедіи Екатерины.

Всѣ пьесы Екатерины легко раздѣляются на три категоріи: *комедіи собственно*—всѣ, болѣе или менѣе тѣсно связанныя съ современной жизнью; *оперы*, передѣланныя изъ сказокъ и былинъ, съ чертами народнаго быта, и *пьесы*, въ основѣ которыхъ хотя и лежитъ историческая канва, но нѣтъ ничего собственно историческаго; и, наконецъ, *пьесы чисто-полемическія*, направленныя противъ масонства и масоновъ.

Пьесы первой категоріи написаны въ началѣ 70-хъ годовъ, между 1772—1776 гг.; оперы и „историческія представленія“ явились въ слѣдующее десятилѣтіе (до 1786—87 г.); пьесы третьей категоріи принадлежатъ къ той эпохѣ горячей борьбы съ масонствомъ, въ которую Екатерина вступила съ 1784 г. и которая впослѣдствіи такъ печально окончилась катастрофою, постигнувшей Новикова и его издательскія предпріятія, имѣвшія столь важное просвѣтительное значеніе для современной Россіи.

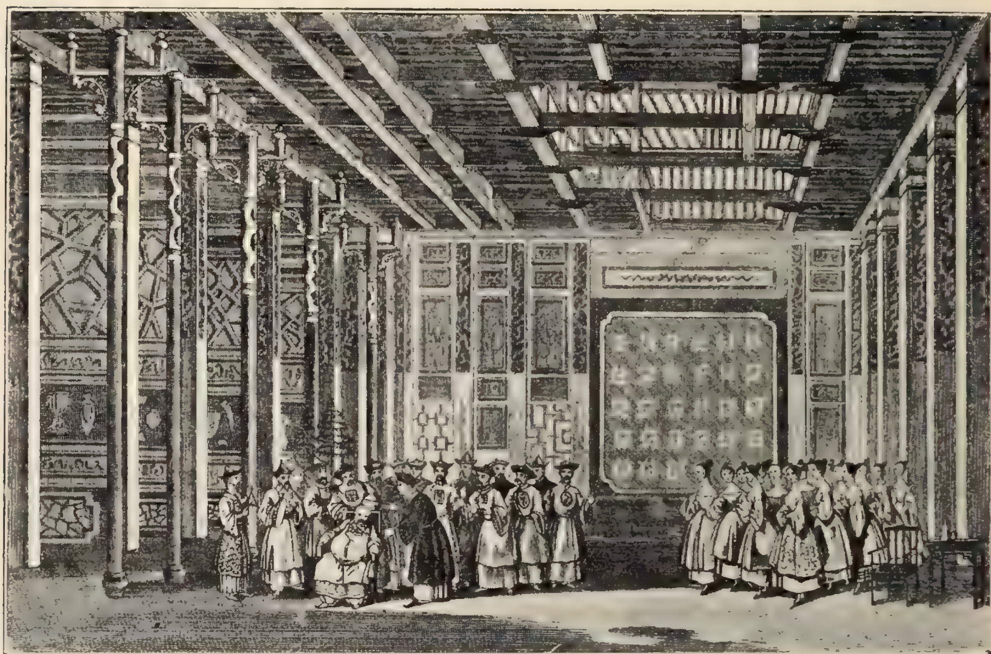
Чрезвычайно любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что комедіи Екатерины, явившіяся вскорѣ послѣ прекращенія „Всякой Вся-

---

[1]) Въ настоящее время о количествѣ пьесъ, написанныхъ Екатериной, а равно и о достоинствѣ написаннаго ею, говорить еще рано. Дѣло въ томъ, что академику А. Н. Пыпину удалось отыскать въ Государственномъ архивѣ много неизданныхъ произведеній Екатерины, которыя онъ готовитъ къ изданію въ свѣтъ.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму, Екатерина пишетъ: «Обманщикъ» и «Обманутый» имѣли замѣчательный успѣхъ на сценѣ. Особенно смѣшило то, что на первомъ представленіи публика вызывала автора, который, конечно, сохранилъ полнѣйшее инкогнито, несмотря на свой огромный успѣхъ. Каждая изъ этихъ пьесъ въ Москвѣ, при представленіи, принесла антрепренеру не менѣе 10,000 рублей.

чины“ и Новиковскаго „Трутня“, почти одновременно съ Новиковскимъ „Живописцемъ“—совпадали, въ направленіи своей сатиры, съ только-что отжившими вѣкъ сатирическими журналами. Въ нихъ порицается невѣжество и застой, ханжество и лицемѣріе людей стараго русскаго покроя, отрицающихъ пользу книгъ и всякой цивилизаціи; порицаются и тѣ, которые раболѣпно предаются подражанію французамъ и всю образованность полагаютъ въ знаніи французскаго языка и французскихъ свѣтскихъ обычаевъ. При этомъ Екатерина въ своихъ комедіяхъ не пренебрегаетъ удобнымъ случаемъ, чтобы выставить на видъ злонравіе тѣхъ дурныхъ помѣщиковъ, которые безчеловѣчно обращаются

Представленіе оперы «Бронзовый конь» во времена Екатерины.

со своими крестьянами. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ одной изъ комедій Екатерины (О, время!), Новиковъ, видѣвшій въ этомъ произведеніи высокую нравственную цѣль, принялся за изданіе своего журнала „Живописецъ“, преслѣдовавшаго подобныя же цѣли. Поэтому именно онъ и посвятилъ свой журналъ „неизвѣстному сочинителю комедіи“ „О, время!“, и въ посвященіи своемъ говоритъ Екатеринѣ:

„Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился: возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ—исправлять нравъ своихъ единоземцевъ; вы поощрили меня испытать въ этомъ свои силы, и дай Боже, чтобы читатели въ ли-

стахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которая оживляетъ ваше сочиненіе“.

Академикъ Тихонравовъ заключаетъ совершенно вѣрно, что „Живописецъ“ Новикова вполнѣ сошелся съ комедіею императрицы въ изображеніи своего времени: въ послѣдней есть мѣста и выраженія, которыя были бы для насъ непонятны, если бы мы не имѣли „Живописца“: между журналомъ Новикова и комедіей Екатерины „О, время!“ существуетъ тѣсная связь.

Историческія пьесы.

Эта связь или, опредѣленнѣе говоря, общность въ направленіи сатиры, породила, даже въ новѣйшее время, въ одномъ изъ изслѣдователей Екатерининскаго вѣка, желаніе предположить въ Новиковѣ еще одного изъ сотрудниковъ ея комедій и даже гово-

Иллюстрація къ одной изъ пьесъ Екатерины «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика».

рить о тѣсномъ литературномъ сближеніи знаменитаго дѣятеля съ Екатериною. Но сближеніе это, на нашъ взглядъ, является чисто случайнымъ совпаденіемъ нравственныхъ тяготѣній двухъ передовыхъ людей конца XVIII вѣка къ однѣмъ и тѣмъ же сторонамъ наблюденія и изслѣдованія, къ одному, равно привлекательному для обоихъ, литературному направленію. Къ тому же, увлеченіе комедіями почти совпало у Екатерины съ ея увлеченіемъ Русскою Исторіею и памятниками русской старины — т. е. именно тою слабостью, которой такъ охотно посвящалъ свою дѣятельность и Новиковъ, поощряемый Екатериною. Это увлеченіе и привело, между прочимъ, къ сочиненію двухъ пьесъ, названныхъ Екатериною „*историческими представленіями*“ и „подра-

жаніями Шекспиру"[1]). Такихъ пьесъ она написала двѣ: „*Историческое представленіе изъ жизни Рюрика*" и „*Начальное управленіе Олега*". Обѣ относятся къ 1786 году и обѣ одинаково прославляютъ мудрость правителей, руководящихъ народами и ведущихъ народы къ благимъ цѣлямъ. Само собою разумѣется, что ни одно изъ главныхъ или второстепенныхъ лицъ комедіи ничего не имѣетъ общаго съ историческими Рюриками, Олегами и Игорями, а отношеніе къ исторической истинѣ можетъ съ полною ясностью обрисоваться для насъ изъ бѣглаго обзора содержанія „Начальнаго управленія Олега" — гдѣ, въ первомъ актѣ, герой пьесы, Олегъ, полагаетъ основаніе Москвѣ, во второмъ—женится и возводитъ на кіевскій престолъ своего воспитанника Игоря; въ третьемъ — подступаетъ подъ стѣны Царьграда, гдѣ императоръ Левъ, вынужденный къ перемирію, приготовляетъ ему великолѣпный пріемъ; въ послѣднемъ—князь Олегъ присутствуетъ на Олимпійскихъ играхъ, которыя даются въ честь его, и вѣшаетъ свой щитъ на одинъ изъ столбовъ, на память о своемъ пребываніи въ Царьградѣ.

Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ тѣ пьесы Екатерины, которыя направлены противъ масонства: „*Обманщикъ*", „*Обольщенный*" и „*Шаманъ Сибирскій*" (всѣ написаны послѣ 1784 г.). Въ нихъ Екатерина осмѣиваетъ масоновъ, смѣшивая ихъ (можетъ быть и преднамѣренно), съ одной стороны, со всякими обманщиками и авантюристами, которыми изобиловалъ XVIII в. въ особенности, а съ другой стороны — съ теозофами и иными представителями религіозныхъ сектъ. Сама будучи ревностною сторонницей матерьялистическихъ ученій, распространяемыхъ энциклопедистами, она никакъ не могла вникнуть въ сущность масонства, которое и явилось именно прямымъ противовѣсомъ той нравственной распущенности и умственной свободы, которую проповѣдывали энциклопедисты. Въ противоположность имъ, все пытавшимся разъяснить до полной очевидности и осязаемости, масоны все старались облечь въ непроницаемую тайну, всюду предпочитая отвлеченный, немногимъ понятный символъ и мечтая о возможности постепеннаго нравственнаго совершенствованія, до котораго человѣкъ долженъ былъ доходить путемъ собственныхъ усилій и житейскихъ испытаній. Эта таинственность, которою масонскія общества облекали всю свою дѣятельность; ихъ торжественныя собранія, клятвы, мудреные знаки, которыми обозначалась принадлежность ихъ къ различнымъ ложамъ, — а главное, быстрое и сильное распространеніе масонскихъ ложъ въ то самое время,

[1]) «Эти подражанія Шекспиру»,—говоритъ Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму — очень удобны, потому, что это ни комедіи, ни трагедіи и нѣтъ у нихъ никакихъ правилъ, кромѣ чувства... почему я и считаю ихъ ко всему подходящими».

когда и революціонныя идеи, волновавшія Европу, также вызывали къ существованію разныя тайныя общества — все это возбудило въ Екатеринѣ недовѣріе къ масонству, и сначала привело ее къ насмѣшкамъ надъ масонскими нелѣпостями, заблужденіями и обманами въ средѣ масонства, а позднѣе къ открытому преслѣдованію масоновъ, къ закрытію ихъ ложъ и къ уничтоженію ихъ весьма обширной и высоко-нравственной благотворительной дѣятельности.

Гораздо важнѣе всѣхъ остальныхъ произведеній Екатерины — ея *комедіи собственно*, между которыми первое мѣсто, по достоинствамъ литературнымъ, принадлежитъ несомнѣнно двумъ: „*О, время!*“ и „*Имянины Госпожи Ворчалкиной*“, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько подробнѣе. Комедіи бытовыя.

Въ комедіяхъ этихъ, конечно, важны вовсе не содержаніе ихъ, завязка и развязка, вращающіяся около весьма нехитрой любовной интриги, благополучно заканчивающейся свадьбою; важны въ нихъ типы главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ авторомъ выставлены зорко имъ подмѣченныя черты современности. Въ комедіи „О время!“ главный интересъ всего дѣйствія вращается около трехъ женскихъ характеровъ: Ханжахиной, Вѣстниковой и Чудихиной. Первая изъ нихъ составляетъ, собственно говоря, главный центръ комедіи; двѣ остальныя служатъ ей только въ подспорье и помощь для болѣе полнаго и подробнаго обнаруженія различныхъ свойствъ и сторонъ этого любопытнаго типа. Съ этимъ любопытнымъ, заимствованнымъ изъ живой дѣйствительности типомъ мы знакомимся столько же изъ словъ и дѣйствій Ханжахиной на сценѣ, сколько изъ весьма пространныхъ разсказовъ о ней ея служанки Мавры. Вотъ какія любопытныя бытовыя подробности сообщаетъ Мавра о своей госпожѣ:

„Встаетъ она поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампаду; потомъ прочитываетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ потомъ стихъ: „блаженъ, кто и скоты милуетъ“. А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкой, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить. Послѣ заутрени она читаетъ какія-то особенныя молитвы отъ соблазна... По окончаніи ихъ изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чи-

ститъ вещи, которыя у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ... Потомъ она одѣнется, т. е. чулки на ноги, да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ, и т. д.“

Рядомъ съ нею выставлена Вѣстникова, жеманная сплетница и старая щеголиха, очень податливая на деньги и подарки; за деньги и подарки она весьма охотно берется устраивать свадьбы

Б. Е. Ельчаниновъ.

и не брезгуетъ даже хлопотами болѣе интимнаго свойства. Ради извѣстнаго сценическаго параллелизма, который былъ весьма обычнымъ въ сценическихъ произведеніяхъ прошлаго столѣтія, около Вѣстниковой поставлена Чудихина, карикатурная въ своемъ суевѣріи и преувеличенной нервозности, которая ее безпрестанно доводитъ до обморока. Насколько Вѣстникова пристрастна къ сплетнямъ, настолько же Чудихина переполнена всякими предразсудками; насколько та любитъ сводить и устраивать свадьбы, настолько же эта любитъ мѣшаться въ семейныя дѣла и разстраи-

вать свадьбы. „Грѣшна — говоритъ она. — Что мнѣ дѣлать: люблю разбивать свадьбы... Вижу, что дурно это, да удержаться не могу...“

Типы комедіи Екатерины.

По типамъ и характерамъ дѣйствующихъ лицъ, комедія „Имянины Госпожи Ворчалкиной“ слабѣе первой комедіи Екатерины; но она гораздо живѣе ея, гораздо богаче и разнообразнѣе дѣйствіемъ и сценическою его обстановкою. Главное, находящееся въ центрѣ комедіи лицо, г-жа Ворчалкина, женщина характера брюзгливаго, сумрачнаго, желчнаго. Она ничѣмъ недовольна, и въ особенности недовольна новыми явленіями современной жизни, въ которой все огульно порицаетъ и съ крайнимъ негодованіемъ говоритъ даже о такихъ учрежденіяхъ, какъ воспитательные дома [1]). Около Ворчалкиной выведенъ на сцену цѣлый рядъ лицъ, тоже имѣющихъ поводъ къ недовольству — Фирлюфюшковъ, пустой щеголь и болтунъ, зараженный пристрастіемъ къ французскимъ модамъ и обычаямъ и злоупотребляющій французскимъ языкомъ въ ущербъ русской рѣчи; Спесовъ и Геркуловъ — промотавшіеся, но весьма чванные своею родовитостью, дворяне: Некопейковъ, обанкрутившійся купецъ, думающій поправить свои дѣла различными фантастическими предпріятіями, по мнѣнію автора неимѣющими никакой дѣйствительной, практической основы [2]), и осуществимыми только въ воображеніи автора. Всѣ эти господа

П. А. Плавильщиковъ.

[1]) «Каковъ нынѣ свѣтъ-атъ развратенъ!» — говоритъ г-жа Ворчалкина — «подкидышковъ — что ужъ этого больше?.. подкидышковъ подбираютъ да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ-будто за благородными: такъ можно ли ужъ въ чемъ сомнѣваться?» — Извѣстно, что, влагая эти слова въ уста Ворчалкиной, Екатерина повторяла ропотъ и недовольство очень значительнаго большинства.

[2]) Чрезвычайно любопытно то, что къ числу такихъ несбыточныхъ химеръ Екатерина относитъ и «голубиную почту» и «построеніе секретнаго (т. е. подводнаго) флота». Нужно ли напоминать читателямъ, что первое уже осуществилось, а надъ построеніемъ подводныхъ лодокъ уже много лѣтъ сряду трудятся не безъ успѣха морскіе техники всей Европы. Поступательное движеніе человѣчества неудержимо идетъ своимъ путемъ!

мѣтять на то, что женитьбою на дочеряхъ Ворчалкиной поправить свое матерьяльное положеніе, и эти-то попытки и происки жениховъ составляютъ главную основу комедіи. Положительными типами, представляющими современность въ самомъ разумномъ и привлекательномъ видѣ, являются: Дремовъ и племянникъ его Таларикинъ, который и женится на младшей дочери Ворчалкиной.

Остальныя комедіи Екатерины: „Недоразумѣніе", „Госпожа Вѣстникова съ семьей", „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями", „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье", „Смутникъ", „Глупое пристрастіе къ пословицамъ", „Льстецъ и обольщенный", „Не можетъ быть зла безъ добра", „Путешествіе Промотаева"— имѣютъ только значеніе забавныхъ по тому времени сценическихъ представленій, и въ значительной степени не самостоятельны [1]).

Со времени появленія фонвизинскаго „Бригадира", разомъ доставившаго автору громкое литературное имя и положеніе въ обществѣ, а также и съ легкой руки Екатерины, заботившейся о пополненіи репертуара русской сцены новыми пьесами, русскій театръ, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, проявилъ замѣчательное оживленіе. Не только переводныя сценическія произведенія стали десятками появляться на нашей сценѣ, но и число оригинальныхъ пьесъ стало возрастать замѣтно, причемъ на сцену вносилось уже много новыхъ элементовъ, неизвѣстныхъ предшествующей эпохѣ. Отчасти, конечно, такому оживленію сцены способствовало и то, что недавно народившійся, новый родъ „слезной комедіи" или „мѣщанской драмы", встрѣченный такимъ грознымъ приговоромъ Сумарокова — сталъ преобладать на сценѣ, постепенно вытѣсняя съ нея холодную и скучную ложно-классическую трагедію, съ ея ходульными героями и напыщенными рѣчами. Мѣсто этихъ героевъ стали заступать обыкновенные смертные, со своими простыми житейскими скорбями и радостями, болѣе близкими сердцу зрителей, нежели сѣтованія Андромахъ и благородныя побужденія Энеевъ и Тезеевъ. *Новый* родъ комедіи пользовался большимъ успѣхомъ на русской сценѣ; публика относилась къ нему съ большимъ вниманіемъ; и сначала переводныя драмы Лилло и Мура, Дидро, Бомарше, а потомъ и Лессинга, замѣнили отжившія свой вѣкъ трагедіи Расина и Корнеля и ихъ русскихъ подражателей; затѣмъ, на мѣсто переводовъ, стали являться передѣлки тѣхъ же иностранныхъ произведеній на русскіе нравы, а потомъ уже и оригинальные опыты русскихъ авторовъ, потрудившихся на этомъ поприщѣ; мы должны упомянуть здѣсь имена *Веревкина*, *Лукина*, *Аблесимова*, *Плавильщикова*, *Клушина*,

---

[1]) Такъ, напр., пьеса «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье» есть ничто иное, какъ какъ слѣды передѣлки «Виндзорскихъ кумушекъ» Шекспира.

Ефимьева, Ельчанинова и *Катписта*. Скажемъ о каждомъ изъ нихъ лишь то, что дозволяетъ намъ размѣръ нашего труда.

Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ (род. около 1720 г., ум. 1795 г.), Веревкинъ съ именемъ котораго мы уже ознакомились въ главѣ о Державинѣ, такъ какъ онъ былъ первымъ директоромъ первой губернской гимназіи въ Казани (основанной въ 1758 г.), гдѣ Державинъ воспитывался. Это былъ человѣкъ образованный, умный и усердно занимавшійся литературой въ свободное отъ служебныхъ занятій время. Онъ переводилъ съ иностранныхъ языковъ книги и писалъ для сцены. Лучшими изъ его произведеній были комедіи: „*Такъ и должно*", „*Имянинникъ*" и „*Точь въ точь*" — написанныя между 1773 и 1785 гг. Первая изъ этихъ комедій, въ которой племянникъ изъявляетъ готовность спасти своего дядю отъ нищеты и предлагаетъ ему половину своего состоянія — особенно нравилась публикѣ. Тотъ моментъ драмы, когда ея герой, Доблестинъ, встрѣчаетъ своего дядю колодникомъ [1]) и въ лохмотьяхъ, и тотчасъ протягиваетъ ему руку помощи и хлопочетъ объ его освобожденіи — вызывалъ восторгъ и слезы въ театрѣ. Общая постановка дѣйствія, живое изложеніе и тщательная обработка нѣкоторыхъ характеровъ въ пьесахъ Веревкина указываютъ, что авторъ обладалъ недюжиннымъ талантомъ, какъ писатель для сцены.

Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ (род. около 1737 г., ум. 1794 г.), Лукинъ. также знакомъ намъ изъ главы о Фонвизинѣ, который о немъ, какъ о человѣкѣ, оставилъ очень непривлекательный отзывъ, какъ въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи", такъ и въ перепискѣ. Съ Лукинымъ Фонвизину пришлось столкнуться во время службы подъ начальствомъ кабинетъ-министра И. П. Елагина, у котораго Лукинъ служилъ домашнимъ секретаремъ и въ то же время былъ сотрудникомъ своего начальника по его литературной и переводческой дѣятельности. Собственно говоря, какъ авторъ для сцены, Лукинъ написалъ только одну, оригинальную комедію: „*Мотъ, любовью исправленный*"; но за то онъ первый открыто возсталъ противъ пересажденія иностранныхъ комедій на русскую сцену, безъ измѣненія именъ и бытовой обстановки. По его мнѣнію, совершенно справедливому, такія пьесы должны были представляться русской публикѣ чуждыми и не вполнѣ понятными. Къ сожалѣнію, однакоже, всѣ его собственныя передѣлки иноземныхъ произведеній для русской сцены, въ родѣ „*Награжденнаго постоянства*", „*Щепетильника*" или „*Разумнаго вертопраха*" — были до такой степени плохи и въ общемъ, и въ частностяхъ, и написаны такимъ тяжелымъ языкомъ, что ни для кого не могли служить

[1]) Онъ случайно попалъ въ тюрьму, ибо былъ принятъ за бродягу.

образцами и во всѣхъ современныхъ журналахъ вызывали совершенно справедливыя насмѣшки и нападки на Лукина.

Аблесимовъ.

Болѣе удачно примѣнялъ народныя бытовыя черты и отчасти даже народной языкъ къ произведеніямъ сценической литературы *Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ* (род. 1724 г., ум. 1764 г.), изъ небогатыхъ костромскихъ дворянъ, извѣстный авторъ [1]) комической оперы „*Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ*". Эта опера была впервые дана въ Москвѣ въ 1779 г. и успѣхъ ея былъ громадный. Она выдерживала подъ-рядъ по нѣсколько десятковъ представленій; отрывки изъ нея охотно заучивались наизусть, а хоры и отдѣльныя пѣсенки распѣвались всѣми. Другая опера Аблесимова: „*Счастье по жеребью*" и двѣ комедіи—не пользовались такимъ успѣхомъ какъ „Мельникъ" и скоро были забыты, тогда какъ эта опера удержалась на сценѣ даже въ первой четверти XIX вѣка.

Плавильщиковъ.

Рядомъ съ Аблесимовымъ мы должны поставить *Петра Алексѣевича Плавильщикова* (род. 1789 г., ум. 1810 г.) — чрезвычайно любопытный типъ писателя. О немъ знаемъ, что онъ получилъ образованіе въ московскомъ университетѣ и, по страсти къ театру, поступилъ на петербургскую сцену [1]), а затѣмъ перешелъ на московскую. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ прекраснымъ актеромъ, но онъ не довольствовался своею сценическою дѣятельностью и, не покидая сцены, занимался и литературою. Онъ помѣщалъ въ журналахъ, преимущественно въ „Зрителѣ", стихи и прозу, а потомъ сталъ писать для сцены комедіи и драмы, сюжеты которыхъ, подобно Аблесимову, заимствовалъ изъ народнаго быта. Изъ его пьесъ наибольшею извѣстностью и наибольшею долговѣчностью на сценѣ пользовались три слѣдующія: „*Бобыль*", „*Мельникъ и сбитеньщикъ—соперники*" и „*Сговоръ Кутейкина*".

Клушинъ.

Къ тому же литературному кружку принадлежалъ и *Александръ Ивановичъ Клушинъ* (род. въ 1762 или 1763 г., ум. 1804 г.), пріятель, сотрудникъ и соиздатель И. А. Крылова по журналамъ „*Зритель*" и „*С.-Петербургскій Меркурій*". По недавно открытымъ даннымъ, Клушинъ происходилъ изъ бѣдныхъ дворянъ Орловской губерніи, служилъ до 1786 г. въ военной службѣ, а потомъ въ гражданской, и въ 1793 г., въ видѣ особой награды за литературныя заслуги, получилъ, согласно прошенію своему, увольненіе на пять лѣтъ отъ службы съ сохраненіемъ содержанія „*для*

---

[1]) Сохранилось такое извѣстіе, будто Аблесимовъ служилъ въ лейбъ-кампанской канцеляріи; долгое время переписывалъ стихотворенія Сумарокова, и отсюда получилъ и самъ охоту къ писательству.

[2]) Въ одномъ изъ учебниковъ литературы сказано, что онъ поступилъ на петербургскую сцену, «гдѣ славились въ это время *Волковъ*, Дмитревскій и Шумскій...» Легко можетъ быть, что Плавильщиковъ игралъ съ двумя послѣдними, но *Волкова* онъ не могъ застать на сценѣ, потому что тотъ скончался въ 1793 году, когда Плавильщикову было ровно четыре года.

продолженія наукъ въ геттингенскомъ университетѣ". Для сцены онъ писалъ довольно много, и все въ томъ легкомъ сценическомъ родѣ, который болѣе всего нравился въ концѣ XVIII вѣка. Изъ его комедій болѣе другихъ пользовались извѣстностью: „*Смѣхъ и горе*" (въ 5-ти дѣйств.), о которой современное свидѣтельство гласитъ, что она много разъ играна въ Петербургѣ и Москвѣ „съ похвалою для автора". Сверхъ того, имъ написаны слѣдующія комедіи: „*Услужливый*", „*Разсудительный дуракъ*", „*Алхимистъ*" и опера „*Любовь хитрѣе всего*".

Служеніе красотѣ—символическая виньетка Екатерининскаго времени.

Ефимьевъ

Не послѣднее мѣсто въ ряду молодыхъ писателей, писавшихъ для сцены въ концѣ царствованія Екатерины, занимаетъ *Дмитрій Владиміровичъ Ефимьевъ* (род. 1768 г., ум. 1804 г.). Особенною извѣстностью изъ написанныхъ имъ пьесъ пользовалась драма: „*Преступникъ отъ игры или братомъ проданная сестра*". Очень заманчивый сюжетъ драмы, въ которой проигравшійся братъ рѣшился продать обманомъ свою сестру, выдавъ ее за крѣпостную дѣвушку—долженъ былъ нравиться и для многихъ представляться трогательнымъ и возбуждающимъ состраданіе. Это прототипъ будущей мелодрамы, которая позднѣе пріобрѣтаетъ такое выдающееся значеніе на русской сценѣ.

Ельчаниновъ.

Если мы добавимъ къ этому бѣглому обзору современныхъ драматическихъ писателей *Богдана Егоровича Ельчанинова* (род. 1744 года), который уже на 25-мъ году жизни былъ убитъ при осадѣ Браилова (1769 г.), то мы исчерпаемъ почти весь кругъ литературныхъ дѣятелей, работавшихъ для сцены, во второй половинѣ XVIII вѣка. Всѣ свѣдѣнія наши о Ельчаниновѣ ограничиваются только тѣмъ, что онъ написалъ для сцены нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ особеннымъ успѣхомъ пользовалась *„Наказанная Вертопрашка“*, поставленная на петербургской сценѣ за два года до его кончины.

«Ябеда» Капниста.

Къ Екатерининскому же времени относится и еще одно драматическое произведеніе, въ свое время пользовавшееся почти такою же громкою извѣстностью, какъ *„Недоросль“* Фонвизина, *„Горе отъ ума“* Грибоѣдова и *„Ревизоръ“* Гоголя. Мы говоримъ о комедіи Капниста *„Ябеда“*, которой типы заимствованы были авторомъ изъ живой дѣйствительности, наблюдаемой имъ въ провинціальной глуши. Комедія эта имѣетъ свою исторію, весьма поучительную во многихъ отношеніяхъ, и потому мы считаемъ не излишнимъ упомянуть здѣсь о ней въ нѣсколькихъ словахъ.

Говорятъ, что матеріаломъ для этой суровой сатиры на судейскіе нравы конца XVIII вѣка послужилъ автору его собственный многолѣтній процессъ, который ему пришлось вести по всѣмъ инстанціямъ нашихъ провинціальныхъ судовъ, причемъ онъ могъ близко ознакомиться со всѣми отправленіями и органами Россійской Ѳемиды и со всѣми подробностями быта нашихъ подьячихъ. Картина вышла изъ-подъ пера талантливаго писателя поразительная, почти потрясающая, и все произведеніе Капниста явилось однимъ сплошнымъ и суровымъ осужденіемъ нашихъ провинціальныхъ судейскихъ нравовъ и той невообразимой путаницы, крючкотворства и взятокъ, которую должно было обязательно проходить всякое дѣло, причемъ вполнѣ законное иногда легко было проиграть, а совершенно незаконное—выиграть. Типы, выведенные Капнистомъ въ „Ябедѣ“, подмѣчены авторомъ очень вѣрно, въ особенности типъ сутяги „Проволова“, типъ „Предсѣдателя“ и членовъ суда. Едва ли они не были портретами мѣстныхъ дѣятелей? Пьеса, даже въ чтеніи, производила настолько сильное впечатлѣніе, что Капнистъ, порядкомъ напуганный преслѣдованіями литературныхъ произведеній въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, не рѣшился напечатать свою комедію при жизни Государыни. „Ябеда“ была напечатана только уже въ 1798 году, и то съ нѣкоторыми, весьма тонкими предосторожностями; комедіи было предпослано стихотворное посвященіе императору Павлу, и въ этомъ посвященіи авторъ, выставляя на видъ безвредность своей сатиры, испрашивалъ покровительство Монарха своему

скромному произведенію, которое, какъ онъ справедливо предполагаетъ, должно было нажить ему много враговъ.

«Прости, Монархъ, что я, усердіемъ горя,
Мой трудъ, какъ каплю водъ, въ глубоки лью моря.
Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ
Мздоимства, ябеды всю гнустность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Но мстительна отъ нихъ я не боюсь навѣта:
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ...»

Однакоже и вся эта дипломатія не спасла автора отъ неприятныхъ послѣдствій его слишкомъ откровенной сатиры. Комедія надѣлала много шума, возбудила толки и, главнымъ образомъ, не выгодные для автора. „Чиновный людъ — такъ разсказываетъ намъ одинъ современникъ—просто разрывался отъ досады на Капниста за его „Ябеду“. О комедіи былъ составленъ докладъ императору. Въ немъ представлено, что Капнистомъ данъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность; въ комедіи найдено даже явное попраніе Монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ“... „Все это завершалось униженнымъ челобитьемъ объ охранѣ власти, запрещеніи пьесы и о примѣрномъ для будущаго времени наказаніи злостнаго, неотчизнолюбиваго автора“. Императоръ Павелъ, довѣрившись донесенію, приказалъ будто бы немедленно отправить Капниста въ Сибирь. Это было утромъ, и приказаніе было немедленно исполнено. Послѣ обѣда гнѣвъ императора остылъ, онъ задумался и усомнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣряя, однакожъ, никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить „Ябеду“ въ своемъ присутствіи на Эрмитажномъ театрѣ. Государь явился въ театръ только съ великимъ княземъ Александромъ. Больше никого въ театрѣ не было. Послѣ перваго же акта императоръ, безпрестанно аплодировавшій пьесѣ, послалъ перваго попавшагося ему фельдъегеря, чтобы тотчасъ же возвратить Капниста, пожаловалъ писателю, по возвращеніи его, чинъ статскаго совѣтника, щедро наградилъ его, и до самой кончины удостаивалъ своихъ милостей.

Весьма характерный анекдотъ о комедіи того же Капниста разсказываетъ другой современникъ, Бантышъ - Каменскій, въ своемъ „Словарѣ достопамятныхъ людей“... „Мнѣ случилось, въ молодыхъ лѣтахъ, быть свидѣтелемъ, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ, во время представленія „Ябеды“, когда Хватайко запѣлъ:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки:
Бери, что только можно взять...
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ ни на то, чтобъ брать, брать, брать?!»...

всѣ зрители начали рукоплескать, и многіе изъ нихъ, обратясь къ чиновнику, занимавшему мѣсто, соотвѣтствовавшее мѣсту Хватайки, произнесли въ одинъ голосъ, называя его по имени: „Это вы! это вы!“...

Увлеченный успѣхомъ „*Ябеды*“, Капнистъ пытался и еще писать для сцены, но эти попытки оказались въ такой степени неудачными, что онъ самъ осмѣялъ въ эпиграммахъ свои плохія сценическія произведенія. Что же касается „*Ябеды*“, то она заняла на нашей сценѣ весьма видное мѣсто въ ряду лучшихъ произведеній и удержалась въ ея репертуарѣ на многіе и многіе годы.

Такой успѣхъ „Ябеды“ Капниста“ представляется намъ вполнѣ понятнымъ. Въ этой пьесѣ, точно такъ же, какъ и въ „Недорослѣ“ Фонвизина, были выведены на сцену характеры и типы, заимствованные изъ дѣйствительности, и затронуты давно-наболѣвшія язвы нашей общественной жизни; а къ вскрытію такихъ язвъ всякое общество относится всегда съ горячимъ сочувствіемъ, въ надеждѣ на лучшее будущее.

Изъ виньетокъ Екатерининскаго времени.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Н. И. Новиковъ и его значенiе въ исторiи русской литературы и образованности. — Бiографическiя подробности. — Журнальная дѣятельность. — Сближенiе съ Екатериной въ цѣляхъ и средствахъ литературной дѣятельности. — Идеалы Новикова. — Дѣятельность издательская. — Сближенiе съ масонами. — Второй перiодъ журнальной дѣятельности. Дѣятельность общественная и печальный исходъ ея.

Въ эпоху Екатерины, въ средѣ нашихъ литературныхъ дѣятелей, проявился одинъ, особенно замѣчательный тѣмъ, что онъ воплотилъ въ себѣ всѣ лучшiе идеалы, всѣ лучшiя и чистѣйшiя стремленiя и помыслы, всѣ достоинства лучшихъ дѣятелей своего времени, не повторивъ ни одного изъ ихъ недостатковъ. Этотъ дѣятель, именемъ котораго мы по справедливости можемъ гордиться, какъ однимъ изъ лучшихъ перловъ въ исторiи нашей литературы и просвѣщенiя, былъ *Николай Ивановичъ Новиковъ*.

Н. И. Новиковъ. Типъ болѣе молодой.

Недаромъ въ великую заслугу Преобразователю Россiи ставятъ то, что онъ пробудилъ въ русскихъ людяхъ чувство сознанiя собственнаго достоинства; а Екатеринѣ—то, что она способствовала развитiю въ нихъ сознательнаго отношенiя къ нацiональности, къ народной гордости въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Новиковъ служитъ именно самымъ полнымъ воплощенiемъ русскаго литературнаго и общественнаго дѣятеля, по той великой степени духовнаго и умственнаго развитiя, какой онъ могъ достигнуть въ эпоху Екатерины. Это уже не робкiй ученикъ и подражатель западныхъ дѣятелей, не рабскiй послѣдователь западныхъ теорiй, не усердный поклонникъ западныхъ литературныхъ образцовъ — это настоящiй самородокъ, умѣющiй самостоятельно строить на основанiи западныхъ образцовъ, умѣющiй и критически къ нимъ относиться, и безъ всякихъ образцовъ удовлетворять насущнымъ духовнымъ

потребностямъ русскаго общества. А по высокимъ качествамъ, и по обширному объему, и по чрезвычайному разнообразію своей общественной и литературной дѣятельности, Новиковъ даже выходитъ изъ ряда дѣятелей исключительно русскихъ: онъ можетъ смѣло занять почетное мѣсто въ средѣ европейскихъ дѣятелей по распространенію просвѣщенія въ половинѣ XVIII вѣка.

Біографическія свѣдѣнія.

Н. И. Новиковъ (род. 27 апр. 1743 г., ум. 31 іюня 1818 г.) происходилъ изъ небогатыхъ дворянъ Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, гдѣ его отцу принадлежало село Тихвинское (Авдотьино тожъ). Отецъ Николая Ивановича, Иванъ Васильевичъ Новиковъ, служилъ смолоду въ морскомъ вѣдомствѣ и, по средствамъ своимъ, едва ли могъ дать сыну въ дѣтствѣ какое-нибудь воспитаніе. Свѣдѣнія объ этомъ воспитаніи крайне скудны; но не подлежитъ сомнѣнію, что и Н. И. Новиковъ, въ раннемъ дѣтствѣ (подобно многимъ своимъ современникамъ), не миновалъ рукъ приходскаго дьячка; позднѣе, вѣроятно въ 1757 году, онъ поступилъ въ Московскую университетскую гимназію [1]), и въ маѣ слѣдующаго года мы видимъ его имя въ числѣ отличившихся по французскому классу; а затѣмъ, вдругъ, съ крайнимъ удивленіемъ, встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что въ 1759 г. тотъ же Новиковъ „исключенъ изъ университета за нехожденіе именно въ классы французскаго

Н. И. Новиковъ. Типъ болѣе старый.

[1]) Академикъ Тихонравовъ, въ свою статью о Новиковѣ, вноситъ извѣстіе Штелина, будто бы Н. И. Новиковъ нѣкоторое время обучался въ гимназіи и университетѣ при Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Но правдоподобности подобнаго извѣстія едва ли можно вѣрить.

языка" [1]). Изъ этого нѣкоторые біографы выводятъ заключеніе о лѣности, о неспособности Новикова къ языкамъ и т. п.—замѣчанія, которыя положительно не оправдываются дальнѣйшею дѣятельностью Новикова. Скорѣе всего этотъ фактъ былъ слѣдствіемъ юношескаго легкомыслія, весьма свойственнаго тому возрасту, въ которомъ тогда находился Новиковъ (ему едва ли минуло и 16 лѣтъ). Но, вѣроятно, легкомысліе миновало очень быстро и смѣнилось сильнѣйшею жаждою знанія, потому что Новиковъ уже очень рано принялся за самообразованіе и достигъ въ немъ блестящихъ результатовъ.

По выходѣ изъ университета, Новиковъ поступилъ на дѣйствительную службу въ С.-Петербургѣ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Вѣроятно, во время этихъ первыхъ лѣтъ пребыванія въ С.-Петербургѣ, Новиковъ не терялъ времени даромъ: страстно предаваясь обширному и разнообразному чтенію и постоянно вращаясь въ кругу образованнѣйшихъ людей своего времени, онъ, вѣроятно, успѣлъ пополнить свое скудное образованіе, потому что, по свидѣтельству одного изъ его біографовъ, „уже съ 1767 года онъ началъ быть извѣстенъ своею склонностью къ словесности, наипаче Россійской и успѣхами въ оной". Хотя мы и не знаемъ въ чемъ именно проявились эти „успѣхи" и эти занятія Россійской словесностью; но, вѣроятно, онъ успѣлъ чѣмънибудь выдѣлиться изъ среды своихъ сверстниковъ и товарищей, потому что (именно въ 1767 г.) попалъ въ число молодыхъ гвардейцевъ, отправленныхъ въ Москву для письменныхъ занятій при знаменитой Комиссіи Депутатовъ по составленію проекта новаго Уложенія. Онъ назначенъ былъ составителемъ дневныхъ записей по VII изъ двѣнадцати отдѣленій Комиссіи, именно по Отдѣленію „о среднемъ родѣ людей"; кромѣ того, онъ велъ журналы Общаго Собранія Депутатовъ, которые и читалъ при докладахъ императрицѣ, „узнавшей его тогда лично". Новиковъ въ комиссіи.

Есть основаніе думать, что почти двухлѣтнее пребываніе его при Комиссіи и участіе въ ея трудахъ въ значительной мѣрѣ повліяли на всю дальнѣйшую дѣятельность Новикова, который, изъ сношеній со множествомъ русскихъ людей, съѣхавшихся въ Москву съ различныхъ концовъ Россіи, успѣлъ пріобрѣсть близкое и разностороннее знакомство съ нуждами русскаго общества и съ общимъ положеніемъ нашего обширнаго отечества. Кажется, даже и то обстоятельство, что Новикову преимущественно пришлось имѣть дѣло въ Комиссіи со „среднимъ родомъ людей", не осталось безъ вліянія на его дальнѣйшую дѣятельность общественную, потому что онъ (какъ мы увидимъ далѣе) болѣе всего

[1]) По современному университетскому обычаю, объявленіе было пропечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее свѣдѣніе.

прилагалъ стараній впослѣдствіи къ распространенію образованія именно въ средѣ этого средняго сословія людей. Въ 1768 году Новиковъ вышелъ въ отставку, чтобы посвятить все свое время на занятія литературою и издательствомъ, которыя сама императрица Екатерина вводила тогда въ моду, увлеченная своимъ планомъ изданія сатирическаго журнала „Всякая Всячина", офиціально выходившаго въ свѣтъ подъ редакціею Козицкаго.

Журнальная дѣятельность.

Одновременно съ „Всякой Всячиной", съ мая мѣсяца 1769 г., сталъ выходить въ свѣтъ и журналъ Новикова „*Трутень*"—болѣе рѣзкій по тону своихъ порицаній и насмѣшекъ надъ современными общественными язвами, но, въ существѣ, составляющій втору къ тому направленію, которое проводилось во „Всякой Всячинѣ". „Трутень" является защитникомъ образованности и просвѣщенія, которыя предназначены на то, чтобы облагородить людей, исправить ихъ дурные нравы. Главными цѣлями сатиры „Трутня" является полуобразованіе на французскій ладъ и недобросовѣстность судей, пренебрегающихъ закономъ. Въ 1769 году, „Трутень" пользовался большимъ успѣхомъ; но въ слѣдующемъ году онъ нѣсколько потускнѣлъ — по причинамъ, которыя теперь опредѣлить мудрено—и публика къ нему охладѣла настолько, что Новиковъ счелъ нужнымъ этотъ журналъ прекратить, закончивъ его шутливымъ прощаньемъ со своими читателями. Въ 1772 году, который ознаменовался появленіемъ лучшей изъ комедій Екатерины („*О, время*"), явился новый журналъ Новикова „*Живописецъ*", — опять-таки изданіе, стоявшее въ прямомъ соотношеніи съ идеями „Наказа" и первыхъ произведеній Екатерины, въ которыхъ она еще не опасалась выставлять на показъ и на общее осмѣяніе темныя стороны русской современности. Соотношеніе это не преминуло выразиться, съ первыхъ же страницъ „Живописца", посвященіемъ этого журнала „*неизвѣстному сочинителю комедіи „О, время*" [1]. Въ этомъ посвященіи Новиковъ прямо высказываетъ Екатеринѣ: ...„вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился: возбудили во мнѣ желаніе подражать Вамъ въ похвальномъ подвигѣ—исправлять нравы своихъ единоземцевъ"...

Новиковъ и Екатерина.

Но, несмотря на несомнѣнную близость въ направленіи новаго журнала съ тѣми идеями, которыя сама Екатерина проводила и защищала въ своихъ первыхъ и лучшихъ комедіяхъ, Новиковъ не вполнѣ сходился съ нею въ своемъ воззрѣніи на сатиру, осмѣивающую нравы современнаго общества. Онъ хорошо понималъ, что его журнальной сатирѣ придется, главнымъ образомъ, намѣчать свои жертвы въ высшихъ кругахъ русскаго обще-

[1]) Всѣ комедіи Екатерины, когда ставились на сценахъ частныхъ театровъ, всегда являлись анонимными, и хотя всѣ знали, кто ихъ авторъ, но всѣ изъ приличія показывали видъ, что авторъ комедіи неизвѣстенъ.

ства, которыя особенно слѣпо подчинялись подражанію французскимъ нравамъ и свѣтскимъ обычаямъ и жили гораздо шире своихъ средствъ; понималъ, что рѣзкія осужденія, направленныя противъ этого общественнаго слоя, будутъ непріятны императрицѣ, и потому старался всѣми силами прикрыть острое жало сатиры разными внѣшними прикрасами и такою обстановкою, которая бы могла нѣсколько смягчить впечатлѣніе, производимое статьями его журнала. Каждый разъ, послѣ особенно рѣзкихъ обличительныхъ статей, Новиковъ помѣщалъ какую-нибудь громкую оду въ честь императрицы или диѳирамбъ князю Григорію Григорьевичу Орлову, или обращеніе къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, и это было, очевидно, не случайностью, а твердо установившимся пріемомъ своего рода журнальной [illegible]

☞ Автографы стиховъ и прозы Державина, помѣщенные въ концѣ этого выпуска, просимъ отдѣлить и помѣстить, при переплетаніи книги, между стр. 72—73 въ V выпускѣ.

Точно также, прилагаемые при VI вып. автографы Фонвизина и афишу *Недоросля* просимъ перенести въ V выпускъ и помѣстить между стран. 120—121.

журнала, переполненной очень рѣзкими и смѣлыми нападками на современныя отношенія господъ къ крестьянамъ... „Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ „Путешествія въ ***“ [1]), получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно было помѣщено въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою націею, то не осмѣлился бы я читателей моихъ попотчивать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. *Но нынѣ Премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ*“. Глубокій знатокъ нашей журналистики прошлаго вѣка, академикъ П. П. Пекарскій, по поводу этого пріема замѣчаетъ, однакоже, съ нѣкоторой ироніей: „...все это, кажется, недолго помогало: по крайней мѣрѣ во второй части „Живописца“ Новиковъ видимо уже сдерживался или былъ сдерживаемъ“. Надо, однакоже, отдать

[1]) Полное заглавіе этой статьи: «Отрывокъ путешествія въ *** И*** Т***». Она особенно важна въ томъ смыслѣ, что едва-ли не послужила прототипомъ явившагося впослѣдствіи злосчастнаго «Путешествія Радищева».

прилагалъ стараній впослѣдствіи къ распространенію образованія именно въ средѣ этого средняго сословія людей. Въ 1768 году Новиковъ вышелъ въ отставку, чтобы посвятить все свое время на занятія литературою и издательствомъ, которыя сама императрица Екатерина вводила тогда въ моду, увлеченная своимъ планомъ изданія сатирическаго журнала „Всякая Всячина", офиціально выходившаго въ свѣтъ подъ редакціею Козицкаго.

Журнальная дѣятельность.

Одновременно съ „Всякой Всячиной", съ мая мѣсяца 1769 г., сталъ выходить въ свѣтъ и журналъ Новикова „*Трутень*"—болѣе рѣзкій по тону своихъ порицаній и насмѣшекъ надъ современными общественными язвами, но, въ существѣ, составляющій втору къ тому направленію, которое проводилось во „Всякой Всячинѣ". „Трутень" является защитникомъ образованности и просвѣщенія, которыя предназначены на то, [illegible] показъ и на общее осмѣяніе темныя стороны русской современности. Соотношеніе это не преминуло выразиться, съ первыхъ же страницъ „Живописца", посвященіемъ этого журнала „*неизвѣстному сочинителю комедіи „О, время*" [1]). Въ этомъ посвященіи Новиковъ прямо высказываетъ Екатеринѣ: ...„вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился: возбудили во мнѣ желаніе подражать Вамъ въ похвальномъ подвигѣ—исправлять нравы своихъ единоземцевъ"...

Новиковъ и Екатерина.

Но, несмотря на несомнѣнную близость въ направленіи новаго журнала съ тѣми идеями, которыя сама Екатерина проводила и защищала въ своихъ первыхъ и лучшихъ комедіяхъ, Новиковъ не вполнѣ сходился съ нею въ своемъ воззрѣніи на сатиру, осмѣивающую нравы современнаго общества. Онъ хорошо понималъ, что его журнальной сатирѣ придется, главнымъ образомъ, намѣчать свои жертвы въ высшихъ кругахъ русскаго обще-

[1]) Всѣ комедіи Екатерины, когда ставились на сценахъ частныхъ театровъ, всегда являлись анонимными, и хотя всѣ знали, кто ихъ авторъ, но всѣ изъ приличія показывали видъ, что авторъ комедіи неизвѣстенъ.

ства, которыя особенно слѣпо подчинялись подражанію французскимъ нравамъ и свѣтскимъ обычаямъ и жили гораздо шире своихъ средствъ; понималъ, что рѣзкія осужденія, направленныя противъ этого общественнаго слоя, будутъ непріятны императрицѣ, и потому старался всѣми силами прикрыть острое жало сатиры разными внѣшними прикрасами и такою обстановкою, которая бы могла нѣсколько смягчить впечатлѣніе, производимое статьями его журнала. Каждый разъ, послѣ особенно рѣзкихъ обличительныхъ статей, Новиковъ помѣщалъ какую-нибудь громкую оду въ честь императрицы или диѳирамбъ князю Григорію Григорьевичу Орлову, или обращеніе къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, и это было, очевидно, не случайностью, а твердо установившимся пріемомъ своего рода журнальной политики, принятымъ разъ навсегда за правило для отвода глазъ, для умиротворенія враждебныхъ навѣтовъ и сѣтованій. Справедливость подобнаго воззрѣнія въ особенности подтверждается тѣмъ, что самъ Новиковъ намекаетъ на необходимость *„быть осторожнымъ“*; высказавъ въ одномъ мѣстѣ „Живописца“, что въ настоящій просвѣщенный вѣкъ уже наступила пора снимать личины съ людей порочныхъ и что его журналъ именно для этой цѣли предназначается, онъ, въ то же время, полагаетъ себѣ за правило: „не разлучаться съ тою прекрасною женщиною, съ которою его иногда видѣли и которая называется „Осторожностью“. Въ какой степени наивно этотъ пріемъ прилагается къ новиковской журнальной практикѣ—это можно видѣть изъ той оговорки, которую Новиковъ счелъ нужнымъ прибавить къ одной изъ статей своего журнала, переполненной очень рѣзкими и смѣлыми нападками на современныя отношенія господъ къ крестьянамъ... „Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ „Путешествія въ ***“ [1]), получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно было помѣщено въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою націею, то не осмѣлился бы я читателей моихъ попотчивать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. *Но нынѣ Премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ*“. Глубокій знатокъ нашей журналистики прошлаго вѣка, академикъ П. П. Пекарскій, по поводу этого пріема замѣчаетъ, однакоже, съ нѣкоторой иронiей: „...все это, кажется, недолго помогало: по крайней мѣрѣ во второй части „Живописца“ Новиковъ видимо уже сдерживался или былъ сдерживаемъ“. Надо, однакоже, отдать

[1]) Полное заглавіе этой статьи: «Отрывокъ путешествія въ *** И*** Т***». Она особенно важна въ томъ смыслѣ, что едва-ли не послужила прототипомъ явившагося впослѣдствіи злосчастнаго «Путешествія Радищева».

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ИЗДАНІЕ,

на

1769 годъ,

МѢСЯЦЪ МАЙ

Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.

Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

„Трутень“ Новикова. Титульный листъ (перваго изданія), по весьма рѣдкому экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ИЗДАНІЕ,

на

1769 годъ,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Опасно наставленье строго,
Гдѣ зверства и безумства много.
прит. Г. Сумаро

Печатано вторымъ тисненіемъ
въ санктпетербургѣ.

„Трутень“ Новикова. Титульный листъ (второго изданія), по экземпляру, принадлежащему Императорской Публичной Библіотекѣ.

справедливость Новикову, какъ издателю „Живописца". Выборъ статей здѣсь гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ „Трутнѣ"; наблюдательность живѣе и глубже; сатира серьезнѣе и ближе къ русской современной дѣйствительности. Рядомъ со статьями, осмѣивающими забавное преклоненіе русскихъ щеголей и щеголихъ передъ французскими модами и французскими нравами, рядомъ съ „опытами словарей" моднаго „щегольского нарѣчія" и образчиками разговоровъ обычныхъ въ кружкѣ щеголихъ — „Живописецъ" помѣщаетъ картины и весьма мрачныя, весьма неутѣшительныя. И при этомъ онъ старается провести всюду одну, чрезвычайно живую, привлекательную черту — уваженіе къ родной старинѣ во всемъ томъ, что въ ней заслуживаетъ одобренія, въ особенности — къ простотѣ ея быта и нравовъ. Черта эта, какъ мы увидимъ далѣе, выразилась впослѣдствіи еще болѣе ясно и опредѣленно въ дѣятельности Новикова, посвятившаго изученію русской старины цѣлый рядъ прекрасныхъ изданій. Всѣ эти стороны новаго журнала Новикова способствовали его успѣху, можно сказать, чрезвычайному: въ короткое время журналъ выдержалъ пять изданій, и прекратился, вѣроятно, по причинамъ, „не зависящимъ отъ издателя"... Но желаніе продолжать начатое дѣло было, видимо, присуще Новикову: онъ не хотѣлъ бросать журнальнаго поприща, на которомъ подвизался съ такимъ успѣхомъ, и попытался выпустить въ свѣтъ еще одинъ сатирическій журналъ: въ 1774 году онъ издавалъ „Кошелекъ", просуществовавшій очень недолго—нѣчто безцвѣтное, безсодержательное и слабое. Видно, что въ этомъ журналѣ и самъ издатель опасался высказаться вполнѣ, и энергія его ослаблена въ значительной степени условіями, неблагопріятными для выполненія задуманной имъ задачи. „Кошелекъ" не встрѣтилъ никакого сочувствія въ публикѣ и просуществовалъ недолго, прекратившись на девятомъ листѣ...

Ученыя изданія Новикова.

Въ то время, когда Новиковъ дѣлалъ эту новую попытку, его дѣятельный умъ уже работалъ въ иномъ направленіи и обращалъ его неутомимую энергію къ другимъ трудамъ, болѣе живымъ, нежели сатирическіе журналы. Въ 1772 году онъ издаетъ свой замѣчательный „*Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ*", а въ 1773 году принимается за изданіе обширной „*Древней Россійской Вивліоѳики*".

„Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ" былъ первою, болѣе или менѣе полною и правильно обоснованною попыткою общаго очерка нашей литературы. „Опытъ" былъ составленъ Новиковымъ отчасти по печатнымъ источникамъ [1]),

[1]) Однимъ изъ такихъ источниковъ была статья о русскихъ писателяхъ, помѣщенная въ нѣмецкомъ журналѣ «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften», приписываемая Дмитревскому.

отчасти по свѣдѣніямъ, которыя онъ самъ тщательно собиралъ и сопоставлялъ изъ разныхъ источниковъ — изъ личнаго знакомства съ авторами и ихъ сочиненіями, изъ фамильныхъ преданій, свидѣтельствъ современниковъ и т. п. Однакоже, не мѣшаетъ замѣтить, что Новиковъ и къ печатнымъ источникамъ относится съ надлежащею критическою осторожностью и самостоятельностью, и къ самымъ произведеніямъ русскихъ авторовъ—со строгою разборчивостью. Эта разборчивость, выражающаяся иногда въ довольно строгихъ отзывахъ о достоинствѣ того или другого писателя, многихъ современныхъ писателей возмутила, вызвала рѣзкія возраженія и эпиграммы, направленныя противъ „*Словарщика*", и создала Новикову не мало враговъ въ литературныхъ кружкахъ. По современнымъ литературнымъ воззрѣніямъ, всѣ писатели, принимавшіе хоть сколько-нибудь замѣтное участіе въ литературѣ, были или „великими", или „именитыми", и никакое критическое сужденіе о нихъ не допускалось. Россійскій литературный Олимпъ былъ населенъ „Россійскими Корнеліями", „Расинами", „Мольерами" и даже „Гораціями" и „Гомерами", которые могли вызывать восторги и преклоненія, но не могли подлежать никакой критикѣ. И вотъ, именно въ виду такого твердо-установившагося въ литературѣ воззрѣнія на нерушимость славы и высокаго значенія „Россійскихъ писателей"—первая попытка ихъ критической оцѣнки, сдѣланная Новиковымъ, была попыткою чрезвычайно смѣлою и плодотворною. Притомъ, „Опытъ" Новикова, въ которомъ довольно полно и послѣдовательно были собраны факты по исторіи русской литературы, явился весьма нагляднымъ выраженіемъ того высокаго понятія, которое Новиковъ имѣлъ о литературѣ и литературныхъ дѣятеляхъ. Сознавая важность и пользу критики, Новиковъ пытался даже возбудить къ ней охоту и вкусъ въ обществѣ и ради этой цѣли задумалъ издавать особые періодическіе листки [1]), посвященные исключительно критической оцѣнкѣ всего, что издавалось въ свѣтъ на русскомъ языкѣ. Онъ сумѣлъ даже составить кружокъ для изданія подобныхъ листковъ, и они стали появляться въ свѣтъ въ 1777 году подъ названіемъ „*С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости*". Съ какою осторожностью и осмотрительностью Новиковъ приступалъ въ выполненію своей задачи, видно изъ слѣдующихъ вступительныхъ строкъ къ новому органу: „Критическое разсмотрѣніе издаваемыхъ книгъ есть одно изъ главнѣйшихъ намѣреній при изданіи сего рода листовъ, и поистинѣ должно почитаться душою сего тѣла, то и спрашиваемъ мы у просвѣщенной нашей публики, да позволится намъ вольность благородныя критики. Не желаніе осуждать дѣянія дру-

[1]) По мысли издателя, они должны были служить дополненіемъ къ его «Опыту историческаго словаря».

ЖИВОПИСЕЦЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

на

1772 годъ

СОЧИНЕНІЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

„Живописецъ" Новикова. Титульный листъ, по весьма рѣдкому экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛИСТЪ 2.

АВТОРЪ КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Ты дѣлаешься Авторомъ; ты принимаешь званіе Живописца; но не такова, которой пишетъ кистью, а Живописца перомъ, изображающаго наисокровеннѣйшія въ сердцахъ человѣческихъ пороки. Знаешь ли, мой другъ, какой ты участи себя подвергаешь? вѣдаешь ли совершенно, какой предлежитъ тебѣ трудъ? извѣстны ли тебѣ твои свойства и твои читатели? надѣешься ли всѣмъ имъ сдѣлать угожденіе? взвѣсилъ ли ты безпристрастно свои достоинства и способности? подумалъ ли, что худой Авторъ добровольно себя всеобщему подвергаетъ осмѣянію? —— Ты молчишь: бѣдной человѣкъ! ты столько же порабощенъ страстямъ своимъ, какъ и тѣ, которыхъ исправлять намѣряешся! —— Слышу твоё возраженіе: какъ оно слабо и смѣшно. Ты говоришъ, вить другія пишутъ, не больше моего имѣя способностей; для чего же не писать и мнѣ, имѣвши столько же къ писанію охоты, какъ и они; да еще и тогда, какъ всѣ мои пріятели увѣряютъ, что я къ писанію способенъ: ты одинъ только

Б ко

„Живописецъ“ Новикова. Предисловіе, по тому же экземпляру.

тихъ насъ къ сему побуждаютъ, но польза общественная: посему и не уповаемъ мы сею нашею поступкою огорчить благоразумныхъ писателей, издателей и переводчиковъ: тѣмъ паче, что во критикѣ нашей будетъ наблюдаема крайняя умѣренность и что она съ великою строгостью будетъ хранима во всѣхъ предѣлахъ благопристойности и благонравія".

Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, „Ученыя Вѣдомости" не нашли себѣ читателей и прекратились въ половинѣ года. Вѣроятно, Новиковъ не особенно и жалѣлъ объ этомъ, потому что, какъ мы видѣли выше, уже съ 1773 года вниманіе его было поглощено весьма серьезно задачею—печатаньемъ многотомнаго собранія историческихъ матеріаловъ, подъ заглавіемъ: „*Древняя Россійская Вивліоѳика или собраніе древностей Россійскихъ, до Россійской исторіи, географіи и генеалогіи касающихся*" [1]). Чрезвычайно любопытенъ и важенъ для характеристики Новикова и его литературной и издательской дѣятельности тотъ фактъ, что это историческое изданіе не представляетъ собою рѣзкаго перехода или скачка, а только естественный и вполнѣ послѣдовательный выводъ изъ предыдущаго. Въ „Трутнѣ", „Живописцѣ" и „Кошелькѣ" онъ возставалъ противъ пристрастія къ иноземному, противъ преклоненія передъ чужими нравами, обычаями и модами, и всѣми силами старался осмѣять эти недостатки современнаго русскаго общества; въ своемъ новомъ историческомъ трудѣ онъ, исходя изъ тѣхъ же самыхъ побужденій, хочетъ ознакомить своихъ соотечественниковъ съ лучшими сторонами нашей родной старины и, возбудивъ въ нихъ чувство народной гордости, въ немъ создать надежный противовѣсъ пристрастію къ иноземщинѣ. „Не всѣ у насъ еще,—слава Богу!—заражены Франціею; но есть много и такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ читать будутъ описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся; съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ, но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными..."

Екатерина и Новиковъ.

Императрица Екатерина, которая много заботилась о подъемѣ народнаго духа и самосознанія, отнеслась чрезвычайно сочув-

[1]) И основная мысль, и даже самое заглавіе этого изданія заимствованы у В. Н. Татищева, который усиленно заботился о томъ, чтобы Св. Синодъ повелѣлъ собирать древніе акты и грамоты по монастырямъ и напечаталъ ихъ «*подъ именемъ Русской Библіотеки*».

ственно къ историческому изданію Новикова и, съ своей стороны, поспѣшила оказать ему возможное содѣйствіе: она не только дала денежную субсидію, пожаловавъ Новикову 2000 р. на это изданіе, но и переслала къ нему, черезъ Козицкаго, много рукописей изъ своей библіотеки: а затѣмъ, особымъ указомъ, повелѣла Мюллеру сообщать Новикову для печатанья въ его „Вивліоѳикѣ“ рукописи изъ архива иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ Новикову удалось издать до 20 томовъ „Вивліоѳики“ и собрать обширный матеріалъ, послужившій ему для изданія въ свѣтъ другихъ книгъ и сборниковъ по древностямъ русскимъ, географіи и исторіи („Повѣствователь о древностяхъ Россійскихъ“, „Древняя Россійская идрографія).

Спасскія казармы, въ Москвѣ, на Садовой—бывшій домъ графа Гендрикова, въ которомъ помѣщалась «Типографическая Компанія».

Долгій и разнообразный литературный, журнальный и издательскій опытъ, въ концѣ концовъ, привелъ Новикова къ очень вѣрному и важному выводу. Онъ убѣдился въ томъ, что „третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются только тѣ книги, которыя попали на вкусъ мѣщанъ... и если простосердечнымъ людямъ нравятся, по ихъ незнанію иностранныхъ языковъ... Напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ“. Придя къ этому выводу, онъ рѣшился посвятить всю свою дѣятельность именно этому большинству „простосердечныхъ людей“, жаждавшихъ чтенія и знанія, и дѣй-

ствительно, во всю остальную половину своей жизни много потрудился на пользу просвѣщенія именно средняго класса. Развитію и обширному распространенію этой дѣятельности значительно способствовали и нѣкоторыя случайныя обстоятельства, и, болѣе всего, переселеніе Новикова въ Москву, гдѣ онъ встрѣтилъ много сочувствія со стороны общества, нашелъ много сотрудниковъ, полезныхъ для этого дѣла, среди молодежи, а главное—встрѣтилъ Шварца, который окончательно опредѣлилъ и упрочилъ направленіе его дѣятельности [1]). Встрѣча эта и сближеніе со Шварцемъ произошли въ 1779 г., когда Новиковъ переселился въ Москву и взялъ тамъ на откупъ типографію Московскаго университета, на десять лѣтъ, съ правомъ печатать въ ней книги различнаго содержанія.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшему обзору дѣятельности Новикова, въ московскій періодъ его жизни, намъ необходимо будетъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о масонствѣ, которому въ этотъ періодъ Новиковъ предался всей душой и которое, въ свою очередь, оказало весьма важное вліяніе на всю его дальнѣйшую дѣятельность и даже на судьбу его.

Масонство. Тайныя общества, собиравшіяся съ цѣлью взаимнаго религіозно-нравственнаго совершенствованія и посвящавшія себя дѣятельности филантропической или просвѣтительной, носили названіе *масонскихъ ложъ;* они явились въ Европѣ не ранѣе, какъ въ первой четверти XVIII вѣка, сначала въ Англіи, потомъ во Франціи и Германіи. Выше уже упоминали мы, что особеннаго развитія достигли они въ половинѣ XVIII вѣка, служа прямымъ и естественнымъ отпоромъ преобладанію въ обществѣ ученія энциклопедистовъ, вырождавшагося въ атеизмъ и вольнодумство. Съ самаго начала своего, масонскія общества усвоили себѣ организацію и символы тѣхъ строительныхъ общинъ, которыя въ средніе вѣка принимали на себя постройку громадныхъ соборовъ и общественныхъ зданій. Эти общины пользовались особыми преимуществами и правами, и потому члены ихъ носили названіе *вольныхъ каменщиковъ* (francs maçons, Freimaurer). Въ подражаніе этому и члены новѣйшихъ масонскихъ ложъ называли себя *масонами* и *франкъ-масонами* [2]), т. е. каменщиками и вольными каменщиками. Впослѣдствіи, когда масонство широко распространилось по всей

---

[1]) Самъ Новиковъ разсказываетъ объ этой встрѣчѣ такъ: «Въ одно утро пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ». Шварцъ, глава московскихъ мистиковъ, окончательно привлекъ Новикова и къ масонству, хотя Новиковъ вступилъ въ масоны уже въ 1775 г., во время пребыванія въ Петербургѣ.

[2]) Отсюда произошло старинное русское слово *фармазонъ*, которое, мало-по-малу, пріобрѣло значеніе укоризненное, почти бранное.

Европѣ, въ различныхъ кружкахъ его стала, мало-по-малу, складываться легенда о мнимой „чрезвычайной древности" происхожденія масонства, которое будто бы явилось еще до Рождества Христова и стояло въ непосредственной связи съ построеніемъ Соломонова храма — перваго храма, воздвигнутаго на землѣ Истинному Богу. Въ соотвѣтствіи съ этою легендою и усвоенными масонствомъ чертами быта средневѣковыхъ строительныхъ общинъ, сложилась вся обрядность и весь символизмъ масонства. Все, что въ средневѣковой старинѣ проявлялось въ видѣ чисто-реальныхъ и вполнѣ осязательныхъ цѣлей и средствъ, въ новѣйшемъ масонствѣ выродилось въ идеалы, въ отвлеченные образы, въ таинственные знаменья и символы. Тѣ общины состояли изъ художниковъ и ремесленниковъ, которые соединялись между собою въ тѣсно-сплоченныя братства для выполненія опредѣленной цѣли — постройки колоссальныхъ готическихъ храмовъ; масонскіе кружки или *ложи* составлялись изъ образованныхъ людей, принадлежавшихъ и къ высшему, и къ среднему сословію, и цѣлью ихъ являлось также „сооруженіе храма", но храма духовнаго, храма добродѣтели, воздвигаемаго постепеннымъ нравственнымъ совершенствованіемъ всѣхъ членовъ кружка, которые, при созиданіи этого духовнаго храма, являлись, такимъ образомъ, *строителями, каменщиками*. Согласно этому воззрѣнію и всѣ тѣ матеріальныя орудія, при помощи которыхъ средневѣковые строители создавали чудеса готики, въ понятіяхъ масоновъ обратились въ отвлеченные символы ихъ духовной дѣятельности, въ вещественные знаки невещественныхъ обязанностей, свойствъ и отношеній. *Молотокъ, циркуль, отвѣсъ, ватерпасъ*—все это получило значеніе отвлеченныхъ обозначеній *порядка, справедливости, равенства* и *братства, прямоты* и *твердости* въ убѣжденіяхъ... Наконецъ, и по самому составу своему, масонскіе кружки подражали составу средневѣковыхъ строительныхъ общинъ, потому что члены каждой масонской ложи дѣлились на *учениковъ, товарищей* и *мастеровъ* [1]), которые всѣ стояли на разныхъ степеняхъ нравственнаго совершенствованія. Сверхъ всего этого, независимо отъ какой бы то ни было связи со средневѣковыми общинами, масонство внесло въ свой обиходъ, съ разныхъ сторонъ, такіе обряды и подробности внѣшней обстановки, которые заключали въ себѣ много страннаго, причудливаго, даже нелѣпаго и, главнымъ образомъ, разсчитаннаго на эффектъ, почти театральный. Этою внѣшнею обстановкою старались воздѣйствовать на воображеніе вступавшихъ въ масонство новыхъ членовъ, а также и придать какъ можно болѣе торжественности всему, что совершалось въ собраніяхъ масонскихъ ложъ. И эта тор-

[1]) Символомъ ученической степени былъ неотесанный булыжный камень; символомъ второй—отесанный камень кубической формы и т. д.

жественность и таинственность, которыми были обставлены всѣ дѣйствія масоновъ, тѣ страшныя клятвы, которыми они себя связывали по отношенію къ своему общему дѣлу и къ храненію въ тайнѣ всего, что происходило въ ложахъ—придавали ихъ ученію и ихъ дѣятельности (въ сущности весьма простымъ и несложнымъ), какой-то особый, заманчивый и внушительный характеръ. Въ масонство вступали съ одинаковыми правами люди всѣхъ партій, всѣхъ образованныхъ слоевъ общества, всѣхъ религіозныхъ толковъ и исповѣданій, всѣхъ національностей—и здѣсь находили себѣ ту нейтральную почву, на которой они не только могли, но и вынуждены были отринуть отъ себя всѣ эти внѣшнія почести и знаки достоинства и проявить себя только „человѣками“, въ самомъ лучшемъ, въ самомъ возвышенномъ, духовно-нравственномъ значеніи этого слова.

Домъ Новикова въ с. Тихвинскомъ, въ его настоящемъ видѣ.

Ученіе масоновъ.

Сущность масонскаго ученія была чрезвычайно проста, и стояла въ тѣсной связи съ преобладавшими въ европейскомъ обществѣ XVIII вѣка противоположными философскими теченіями. Съ одной стороны, религіозная сторона масонства выработалась подъ вліяніемъ деизма — той религіи разума, которая на англійской почвѣ явилась естественнымъ слѣдствіемъ нескончаемо-долгихъ религіозныхъ усобицъ, вражды и препирательствъ изъ-за буквы и догмата. Ставя нравственную сущность религіи неизмѣримо выше его догматической стороны, масоны требовали отъ каждаго вступающаго въ ложу только вѣры въ Бога, въ безсмертіе души, въ воздаяніе по заслугамъ въ загробной жизни и признаніе началъ нравственнаго закона, насколько онъ выразился въ общей христіанской морали. Особенное значеніе придавали масоны любви къ ближнему и дѣламъ милосердія, на ней основаннымъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ либеральныхъ идей XVIII вѣка, они съ полнѣйшимъ равнодушіемъ относились ко

всѣмъ внѣшнимъ отличіямъ между людьми: расовымъ, національнымъ, религіознымъ и сословнымъ. Еврей и турокъ, полякъ, французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій — всѣ, по своему человѣческому достоинству, имѣли право на вступленіе въ члены масонскихъ ложъ; графъ и ремесленникъ, князь и купецъ, баронъ и высшій сановникъ, и простой мѣщанинъ — одинаково признанные достойными высокаго призванія масонства — являлись въ ложѣ вполнѣ равноправными ея членами, такъ какъ равенство и братство всѣхъ людей было основнымъ принципомъ масонства. Таковъ

Каменная крестьянская образцовая изба, построенная Новиковымъ въ с. Тихвинскомъ.

былъ характеръ масонства въ первый періодъ его существованія въ Европѣ, когда масонскія ложи, проповѣдуя индифферентизмъ религіозный и національный, настойчиво избѣгали всякаго вмѣшательства въ политику и въ соціальныя условія жизни государства [1]). Съ такимъ характеромъ явилось масонство и въ Россіи въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и нашло себѣ весьма многихъ послѣдователей въ высшемъ кругу и среди образованнѣйшихъ представителей русскаго общества [2]). Но, несмотря на всю свою безвредность, несмотря на то, что обширная благотворительная дѣятельность масонскихъ ложъ приносила несомнѣнную и весьма существенную пользу русскому обществу, въ самомъ устройствѣ ложъ и въ нѣкоторыхъ сторонахъ масонскаго ученія уже крылись задатки будущихъ столкновеній съ духовен-

[1]) Впослѣдствіи, когда масонство распалось на многія отдѣльныя ученія и толки, нѣкоторыя изъ этихъ масонскихъ ложъ — въ особенности масоны-иллюминаты — стали увлекаться политикой и, заодно съ іезуитами, принимать участіе въ политическихъ интригахъ, чѣмъ и вызвали противъ себя весьма естественныя преслѣдованія со стороны правительствъ.

[2]) Въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка къ масонству принадлежали, напримѣръ, графъ Головкинъ, графы Чернышевы, Иванъ и Захаръ; позднѣе — князь М. Щербатовъ, Ив. Болтинъ, Мелиссино, графъ Р. И. Воронцовъ (отецъ княгини Дашковой); И. П. Елагинъ былъ даже гроссмейстеромъ первой русской ложи, открытой въ 1772 году.

ствомъ и съ правительственною властью. Таинственный мракъ, которымъ масоны прикрывали всѣ свои засѣданія и иныя дѣйствія, давалъ возможность предполагать въ ихъ дѣятельности нѣчто запретное и противозаконное, и весьма удобный поводъ для всякаго рода клеветъ и навѣтовъ со стороны людей, враждебно расположенныхъ къ масонамъ; религіозный индифферентизмъ и его крайняя вѣротерпимость, которыя составляли одну изъ главныхъ основъ масонства, побуждали масоновъ относиться весьма равнодушно къ выполненію обрядовъ церковныхъ — и это возбуждало противъ нихъ духовенство; наконецъ, правительственная власть прямо опасалась тѣснаго единенія различныхъ сословій въ масонствѣ, единенія, вызываемаго однимъ изъ главныхъ масонскихъ догматовъ, и напоминавшаго революціонную формулу „свободы, равенства и братства".

Извращеніе масонства.

Въ довершеніе всего, въ масонство, съ теченіемъ времени, стали закрадываться разныя ученія и предразсудки, очень напоминающіе намъ современный спиритизмъ, съ его продѣлками, фокусами и мнимыми чудесами; масоны стали углубляться въ изъясненіе „таинственныхъ силъ Натуры", мечтать о сношеніи съ духами и всякими невидимыми силами и даже заниматься изысканіями „философскаго камня"—и это подало многимъ поводъ къ осмѣянію масоновъ и къ смѣшанію ихъ съ тою массою обманщиковъ и авантюристовъ, которыми такъ изобиловалъ XVIII вѣкъ въ Европѣ и въ Россіи. Эти увлеченія нѣкоторыхъ масонскихъ кружковъ въ значительной степени способствовали тому, что на масоновъ посыпались отовсюду обвиненія и укоры самаго неказистаго свойства, и сама Екатерина, давно уже подозрительно смотрѣвшая на масоновъ, не пощадила никакихъ красокъ для того, чтобы выставить ихъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ въ своихъ комедіяхъ „*Обманщикъ*", „*Мнимый мудрецъ*" и „*Обольщенный*" и осмѣять ихъ, какъ фокусниковъ, плутовъ и шарлатановъ, наравнѣ съ Каліостро и его послѣдователями. И осмѣяла, и выставила на общій позоръ общества, которыя, въ сущности, по свидѣтельству, одного изъ членовъ его, главною цѣлью своего существованія полагали „добродѣтель и стараніе исправлять себя и достигать совершенства при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ въ насъ ея недостаткѣ".

Дружеское Ученое Общество.

Масонство въ этомъ видѣ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мистицизма и обширными видами на разнообразную благотворительную дѣятельность, сильно увлекло Новикова, который введенъ былъ (какъ мы уже видѣли выше) въ кругъ московскихъ масоновъ профессоромъ Шварцемъ, занимавшимъ между ними первенствующее положеніе. Сильный духомъ и словомъ, Шварцъ нашелъ себѣ въ Новиковѣ неутомимаго и талантливаго осуществи-

теля своихъ предначертаній и плановъ. Стараніями и энергіей Шварца добыты были отъ богатыхъ дворянъ средства на учрежденіе „*Дружескаго Ученаго Общества*“, которое было открыто весьма торжественно 6-го ноября 1772 года и поставлено подъ покровительство митрополита Платона и московскаго главнокомандующаго графа З. Г. Чернышева. Тогда же, трудами и работами Шварца, учреждена была при московскомъ университетѣ филологическая (вѣрнѣе сказать, переводческая) семинарія [1]), которая должна была своею дѣятельностью содѣйствовать осуществленію издательскаго предпріятія Новикова, который уже три года содержалъ на своемъ иждивеніи университетскую типографію.

И вотъ, Новиковъ, посвящая всѣ свои силы опредѣленному дѣлу, начинаетъ, по строго обдуманному плану, заниматься издательской и книгопродавческой дѣятельностью. Въ какомъ положеніи находилось это дѣло, можно судить по тому, что̀ сообщаютъ намъ современныя свидѣтельства. Оказывается, что даже въ 1773 году еще не было въ Москвѣ ни одной книжной лавки. Книгами торговали въ толкучемъ ряду, между прочимъ всякимъ товаромъ и хламомъ, раскладывая ихъ на рогожахъ, рядомъ съ пирогами, или „на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ коихъ на день цѣпныхъ собакъ запирали—такъ что и подойти къ нимъ бывало страшно“... Если таково было положеніе книжной торговли въ Москвѣ, то можно себѣ представить, съ какими затрудненіями книги проникали въ провинцію, и какъ высоки были тамъ цѣны на этотъ рѣдкій товаръ.

Новиковъ книгопродавецъ.

Приведя университетскую типографію въ отличное состояніе, Новиковъ сталъ въ ней печатать книги и журналы—печатать съ большимъ выборомъ и тонкимъ пониманіемъ потребностей публики, и самую торговлю книгами приводить въ такое положеніе, при которомъ напечатанныя книги могли бы быть непремѣнно распроданы. Въ Москвѣ учредилъ онъ нѣсколько книжныхъ лавокъ; вошелъ въ сношенія и съ провинціей, и основалъ книжные склады въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородицкѣ, Глуховѣ, Кіевѣ, при чемъ Новиковъ чрезъ публикаціи призывалъ всѣхъ, нуждающихся въ книгахъ, обращаться „письменно или самолично въ (его) книжную лавку въ Москвѣ, гдѣ всевозможное вспомоществованіе оказано будетъ; ибо въ оной принято намѣреніе доставить почтеннымъ любителямъ россійской литературы *всевозможную способность въ сообщеніи и всевозможныя выгоды въ цѣнахъ книгъ*“. Дѣло книжное Новиковъ велъ такъ широко, что ради распространенія полезныхъ книгъ находилъ возможнымъ

[1]) Семинарія эта, вѣроятно, произошла изъ того «собранія университетскихъ питомцевъ», которое учреждено было Шварцемъ же въ 1781 году; члены этого собранія должны были составлять изъ своихъ переводовъ и сочиненій журналъ «въ пользу бѣдныхъ».

Любезнѣйшiй другъ Михайла Прокофьевичъ.

За письмо, за присланныя переписанныя кни-
ги и за черенки покорно и много благодарю; а
на мѣсто переписанныхъ посылаю новую и бѣлую
бумагу. Она должна быть, такъ вы двѣ изъ
начальныхъ тетрадей въ двухъ томахъ; въ ориги-
налѣ вложены по листамъ записочки, которыя
и прошу въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ вложены сберечь
и по онымъ исполнить. — Радуюсь, что вы
довольны садовникомъ: надобно только попучи-
вать; при отпускѣ я ему много говорилъ. Я бы
совѣтовалъ вамъ прислать еще одного новаго, ко-
тораго бы я велѣлъ учить разводу и хожденію за
воздушными деревьями, это особое искуство,
и нельзя никакъ одному и оранжерейное и воз-
душное исправлять, которое нибудь всегда будетъ
упущено: я это опытомъ знаю дѣтину отъ 16 до
20 лѣтъ въ два лѣта, онъ будетъ вамъ готовъ; ве-
ли послушаетъ, то послѣ слюбится. — Черенки
позасохли, однако по несчастью привили. — Бо-
лезней нашихъ л. д. не уменьшенiя, но умно-
женiя ожидать надобно. Но я сердечно желалъ
вамъ облегченiя. Что касается до меня, то я
не въ состоянiи вамъ описать, сколь тягостна
была истекавшая зима во всѣхъ отношенiяхъ,
кажется, что я во всю жизнь тяжелѣе оной
не имѣлъ. Но благодаренiе Господу за будетъ
милосердiе его укрѣпляло и давало силы къ
перенесенiю всего.

Автографъ Н. И. Новикова, изъ собранія П. Я. Дашкова. Первая страница письма.

не только продавать ихъ, но и дарить, и даромъ разсылать по провинціямъ ради рекламы.

Съ этою эпохою блестящаго развитія книгопродавческихъ и издательскихъ дѣлъ Новикова совпало весьма важное правительственное распоряженіе: указъ 15 января 1783 года, составляющій эпоху въ исторіи книжнаго дѣла въ Россіи. По этому указу повелѣно — „не отличать типографіи отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій; каждому позволено по собственной волѣ заводить типогра-

Что касается до желанія вашего М. Г. написать
вамъ что нибудь по [illegible], то сіе оставляю
до того времени, нам Господь даруетъ по свѣжее
и поспокойнѣе мысли, а теперь крайне раз-
строенъ, насилу [illegible] и это писалъ. Но я бы
желалъ лучше, что бы вы слѣдующимъ лѣтомъ
пріѣхали къ намъ погостить недѣли на двѣ, упра-
вившись съ весеннимъ хозяйствомъ: въ однако
прежде описавшись объ ономъ: то я увѣренъ, что
бы во всю жизнь вашу раскаялись о семъ. —
Любезную племянницу благодарю за напоми-
наніе: прошу ее и благовѣрныхъ [illegible] за меня.
Дѣти и Нат. Ильин. благодарятъ васъ за при-
писаніе и усердно вамъ кланяются. — Ник.
Ив. вашего сосѣда, прошу за меня поцѣловать,
и сказать ему, что видно онъ за старостію
позабылъ, что обѣщалъ мнѣ прислать нашихъ
по черенковъ. — Прося М. Д. милосердіе и бла-
гословеніе Господне да будетъ съ вами! а съ ними
желая вамъ добраго здоровья и всѣхъ благъ,
есмь навсегда съ непремѣнною любовію и почте-
ніемъ. .

вашимъ
вѣрнымъ и покорнымъ
другомъ и слугою,
Н Новиковъ.

21 марта 1807.
с. Тихвинское.

Автографъ Н. М. Новикова. Вторая страница того же письма.

фіи, не требуя ни отъ кого разрѣшенія, а только давая о томъ знать Управѣ Благочинія". Дружеское Общество прежде всѣхъ воспользовалось этимъ указомъ и въ томъ же году открыло три новыхъ типографіи, изъ чего мы можемъ заключить, что книжные обороты Общества были весьма значительны въ эту пору.

Изданія Новикова.

Издательская дѣятельность Новикова была чрезвычайно разнообразна. Одновременно онъ печаталъ журналы „*Утренній*

Свѣтъ", начатый еще въ 1777 г. въ Петербургѣ и законченный въ Москвѣ въ 1780 году: „*Московское изданіе*"—1781 г., „*Вечерняя Заря*"—1782 г., „*Покоющійся Трудолюбецъ*"—1784 и 1785 гг., нравоучительнаго содержанія, въ которыхъ сотрудниками были студенты московскаго университета, руководимые Шварцемъ и Новиковымъ [1]); печаталъ газету „*Московскія Вѣдомости*" (съ 1779 г.), которую сумѣлъ оживить и сдѣлать настолько занимательною, что подписка на нее поднялась съ 600 экземпляровъ до 4,000. Печаталъ при этихъ „Вѣдомостяхъ" и любопытнѣйшія прибавленія въ видѣ „*Экономическаго магазина*" (съ 1780 г.), составленіе котораго поручилъ А. Т. Болотову, одному изъ образованнѣйшихъ людей своего времени [2]); или же въ видѣ „*Дѣтскаго Чтенія*" (съ 1785 по 1789 годъ включительно), надъ составленіемъ котораго трудились такіе талантливые молодые люди, какъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, А. М. Кутузовъ, Бобровъ, Подшиваловъ, Карамзинъ, и другъ его А. А. Петровъ. Печаталъ и массу другихъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, назидательнаго, общеобразовательнаго характера—печаталъ и такія книги, которыя могли имѣть значеніе только для масоновъ или для тѣхъ, кто интересовался масонствомъ, потому что въ нихъ излагалось ученіе мистицизма или сущность и значеніе масонства и дѣятельность масоновъ (въ родѣ, напримѣръ, „*Божественной метафизики*", „*Духа масонства*", „*Братскихъ увѣщаній*" и т. п.). Однимъ словомъ, чтобы дать понятіе о размѣрахъ издательской дѣятельности Новикова, приведемъ здѣсь слѣдующую любопытную и поучительную цифру: въ отпечатанной Новиковымъ росписи книгъ за 1785 годъ значится 365 заглавій книгъ, отпечатанныхъ въ одной университетской типографіи—да приготовленныхъ къ выпуску въ свѣтъ 55 заглавій. И все это въ періодъ времени между 1779 и 1785 годомъ!

Новиковъ въ немилости.

Такая лихорадочная, быстро возраставшая дѣятельность издательская, громадное значеніе общественное, пріобрѣтенное Новиковымъ не только въ Москвѣ, но и во всей грамотной Россіи, его обширныя связи во всѣхъ слояхъ общества, разнообразная дѣятельность его кружка, который, рядомъ съ типографіями и книжными складами, заводилъ и аптеки, безвозмездно отпускавшія лѣкарство бѣднымъ, и обладалъ, повидимому, неистощимыми матерьяльными средствами — все это, вмѣстѣ взятое, побудило Екатерину отнестись къ Новикову съ нѣкоторою подозрительностью и недоброжелательно взглянуть на этого чистаго и безко-

---

[1]) Среди нихъ встрѣчаемъ Антоновскаго, Максимовича, Давыдовскаго, Могилевскаго, Лобзико, Пельскаго, Подшивалова, Сохацкаго, Сафоновича и др., впослѣдствіи составившихъ себѣ имя въ литературѣ.

[2]) Это тотъ самый А. Т. Болотовъ, который прославился своими знаменитыми мемуарами.

рыстнаго дѣятеля, можетъ-быть, только потому, что онъ принадлежалъ къ масонству, которое издавна не пользовалось расположеніемъ Екатерины. Уже съ 1874 г. начались придирки и привязки къ нѣкоторымъ сторонамъ дѣятельности Новикова и его „Типографической Компаніи". Но друзья Новикова, И. П. Тургеневъ и С. И. Гамалѣя (оба масоны) кое-какъ сумѣли отстоять его и защитить отъ несправедливыхъ притязаній мѣстныхъ московскихъ властей. Но дѣло на этомъ не остановилось; въ 1785 г. Новиковъ былъ привлеченъ къ допросу „о причинахъ, побудившихъ его издавать странныя книги, исполненныя новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ"... Самыя же книги были поручены разсмотрѣнію московскаго митрополита Платона, котораго императрица Екатерина просила убѣдиться „не скрывалось-ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами православія и гражданской должности". Призванный къ допросу Новиковъ показалъ, что книги онъ печаталъ не иначе, какъ „съ дозволенія цензуры", и намѣренья притомъ никакого иного не имѣлъ, „кромѣ того, чтобы по силамъ его и по возможности приносить трудами пользу отечеству чрезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами невозбраняемый прибытокъ". Отзывъ митрополита Платона о книгахъ Новикова и о немъ самомъ дышалъ тѣмъ великодушіемъ, благородствомъ и справедливостью, которыми во всю жизнь свою отличался этотъ знаменитый пастырь Церкви. „Молю Всещедраго Бога" — такъ писалъ Платонъ Екатеринѣ — „чтобы не только въ православной

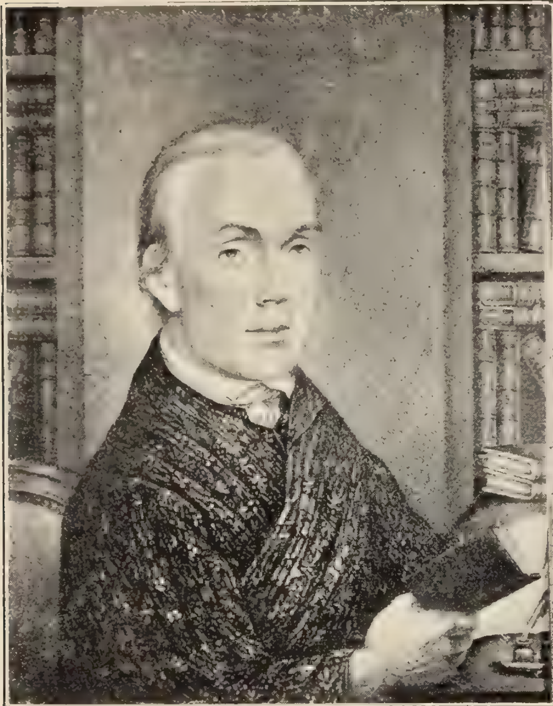

Платонъ (Левшинъ), митрополитъ московскій.

паствѣ, Богомъ и тобою мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковы, какъ Новиковъ".

Погромъ Новиковскихъ предпріятій.

На нѣкоторое время Новикова, какъ будто, оставили въ покоѣ; но надъ нимъ зорко наблюдали, и надъ головою его, видимо, собиралась гроза... Въ 1789 г. окончился контрактъ Новикова съ университетскою типографіею, которую Екатерина не дозволила отдать „этому фанатику"... „Московскія Вѣдомости" перешли къ другой редакціи. „Дѣтское Чтеніе" прекратилось... Видимо опасаясь возможныхъ случайностей, Новиковъ сталъ сокращать кругъ своей дѣятельности, такъ какъ надъ всею общественною жизнью Россіи уже тяготѣла наступившая реакція, нѣкоторымъ оправданіемъ которой служили событія, совершившіяся на Западѣ, гдѣ уже революція была въ полномъ разгарѣ. Въ 1791 г. Типографическая Компанія прекратила свою дѣятельность; а въ апрѣлѣ 1792 года и типографіи, и книжные магазины Новикова были закрыты и опечатаны; самъ онъ былъ арестованъ въ своей подмосковной деревнѣ и отвезенъ, подъ сильнымъ конвоемъ (и притомъ окольнымъ путемъ—черезъ Ярославль и Тихвинъ), въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и оставался въ заточеніи пять лѣтъ сряду [1]). Многіе члены общества, наиболѣе близкіе къ Новикову, также пострадали: одни были сосланы на житье въ деревни, другіе — раззорены, потерявъ тотъ капиталъ, который вложенъ былъ ими въ типографическую компанію. Книжные склады компаніи разбирались много лѣтъ сряду; часть книгъ была сожжена, другая распродана за безцѣнокъ. Все имущество компаніи и капиталы,

С. И. Гамалѣя, писатель-масонъ, ближайшій другъ Новикова.

[1]) Предполагаютъ, что на этотъ послѣдній исходъ преслѣдованій Новикова повліяли, отчасти, интриги іезуитовъ, которые злобствовали противъ Новикова за изданную имъ «Исторію Іезуитскаго ордена»; книга эта, притомъ же, вышла въ свѣтъ какъ нельзя болѣе некстати, въ то именно время, когда императрица Екатерина приняла іезуитовъ подъ свое покровительство.

порученные Новикову частными лицами, „на вспомоществованіе его неистовымъ дѣламъ" (!)—такъ гласитъ офиціальный документъ—отобраны въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Такое тяжелое бѣдствіе, постигнувшее одного изъ благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей Екатерининскаго времени, повергло всѣхъ въ уныніе; но самъ Новиковъ сносилъ свою невзгоду съ изумительнымъ терпѣніемъ, спокойствіемъ и твердостью...

Новиковъ въ гробу— съ современнаго карандашнаго рисунка. въ собраніи П. Я. Дашкова.

Императоръ Павелъ I, тотчасъ по воцареніи, освободилъ Новикова изъ его заточенія, призвалъ къ себѣ, обласкалъ, обѣщалъ вознаградить его за всѣ потери. Новиковъ отказался отъ всякаго вознагражденія, и возвратился въ свое Тихвинское, „дряхлъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ". Великою утѣхою ему была та безкорыстная радость, съ которою его встрѣчали не только его собственные крестьяне, но и крестьяне сосѣднихъ деревень, вспоминая его благодѣянія въ голодные годы. Конфискованное имущество Компаніи и капиталы были ему возвращены, но онъ отдалъ все это главному кредитору на удовлетвореніе остальныхъ. Ему пришлось вскорѣ заложить даже и свое имѣнье, и бѣдствовать въ большой нуждѣ до конца жизни... Но ничто не могло сокрушить его духа и измѣнить его воззрѣній на жизнь и на обязанности

человѣка и гражданина... Проводя послѣдніе годы жизни съ другомъ своимъ, С. И. Гамалѣей, онъ продолжалъ трудиться надъ обширнымъ сочиненіемъ мистическаго содержанія. Опасаясь что-либо печатать, друзья терпѣливо переписывали свой многотомный трудъ и украшали страницы его чертежами и рисунками. Еще не задолго до кончины, Новиковъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „Стоитъ общими силами стараться изслѣдовать, не раздѣлились ли мы въ томъ духѣ, въ которомъ обѣщались жить и умереть? Сей-ли духъ и понынѣ насъ одушевляетъ? И ежели это такъ, то я вѣрю отъ всего сердца моего, что молитва наша, вѣрно, будетъ услышана, и скоро, скоро воспослѣдуетъ помилованіе"...

Церковь въ с. Тихвинскомъ. Мѣсто погребенія Новикова.

Онъ скончался 31-го іюля 1818 г., на 76-мъ году отъ рожденія, и погребенъ въ приходской церкви своего родного села. Безпристрастный біографъ его замѣчаетъ очень мѣтко и справедливо, что Новиковъ „умѣлъ сдѣлаться силой въ такую эпоху, когда сила пріобрѣталась только чисто-государственными заслугами или придворнымъ случаемъ; а онъ не опирался ни на то, ни на другое. И едва ли не въ немъ первомъ высказалась сила общественная, независимая отъ Двора и высшаго управленія"... И заслуги этой силы, этого твердаго, благороднаго и неутомимаго дѣятеля на поприщѣ русскаго просвѣщенія такъ велики, что заслуживаютъ памятника.

Масонскіе знаки, хранящіеся въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Журналы Екатерининскаго времени. — Три рѣзко-замѣтные періода въ ихъ развитіи. — Важнѣйшія направленія. — Современные журнальные обычаи и общепринятыя формы журнальныхъ статей. — Журнальная полемика и главные мотивы журнальной сатиры. — Масонскіе журналы. — Журналы конца XVIII вѣка.

Выше мы уже видѣли, какъ зарождалась и развивалась наша журналистика въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Развивалась туго, медленно, — бѣдная, безсодержательная, преимущественно пробавляясь переводами или передѣлками съ иностранныхъ образцовъ. Видно было, что въ журналистикѣ, способствующей живому обмѣну мыслей, никто еще не нуждался, что выходившіе въ свѣтъ журналы представляли собою скорѣе личную прихоть издателя, нежели удовлетвореніе потребности общества въ разнообразномъ, освѣжающемъ чтеніи, возбуждающемъ интересъ новизною и занимательностью содержанія. Неоднократно, въ тѣхъ главахъ, гдѣ мы говорили о Сумароковѣ, Екатеринѣ, Фонвизинѣ и Новиковѣ, и ихъ литературныхъ трудахъ, мы упоминали и о различныхъ журналахъ, въ которыхъ они, вмѣстѣ съ другими писателями, принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Въ настоящей главѣ мы дадимъ полный обзоръ всей журналистики Екатерининскаго времени, какъ явленія весьма важнаго въ области развитія литературныхъ воззрѣній и отношенія писателей къ переживаемой ими дѣйствительности. Эта дѣйствительность, полная событій первостепенной важности, пестрая, разнообразная, обильная славой и подвигами въ внѣшней политикѣ Россіи и не менѣе богатая новыми явленіями въ области внутренной жизни—должна вызвать, и вызвала сильное движеніе литературное, которое выразилось въ безпримѣрно-быстромъ и богатомъ развитіи литературы и журналистики. И эта литература въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, какъ и эта журналистика въ своихъ наиболѣе видныхъ органахъ, представляетъ самое осязательное доказательство того, что самосознаніе и самостоятельная работа мысли возрастали въ русскомъ обществѣ съ поразительною, безпримѣрною быстротою... Любопытнымъ и поучительнымъ памятникомъ этой работы мысли и народившейся въ Екатерининское время потребности въ ея частомъ обмѣнѣ — служатъ тѣ сорокъ журналовъ, которые намъ остались отъ этой эпохи...

Само собою разумѣется, однакоже, что, говоря объ этихъ сорока журналахъ, мы не должны себѣ представлять тотъ типъ толстаго ежемѣсячника, который выработался у насъ не ранѣе конца 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; журналы Екатерининскаго времени представляли собой листы, выходившіе ежемѣсячными выпусками и только къ концу года составлявшіе довольно Форма журнала.

объемистую книжку небольшого формата и крупной печати. По составу своему, они тоже ничего не имѣли общаго съ нынѣшними журналами, которые, издаваясь книжками или нумерами, постоянно подраздѣляются на опредѣленное количество отдѣловъ, въ извѣстной системѣ и послѣдовательности. Подборъ матерьяла въ журналахъ прошлаго вѣка, повидимому, былъ совершенно случайный и не подчинялся никакой системѣ. Всѣ они (за весьма малыми и ничтожными исключеніями) были не болѣе какъ сборники различнаго литературнаго матерьяла, стихотворнаго и прозаическаго, и всѣ предназначались для легкаго, занимательнаго чтенія. Хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что образцомъ для многихъ журналовъ Екатерининскаго времени служили современные журналы французскіе, нѣмецкіе и англійскіе, однакоже, болѣе значительное вліяніе на ихъ внѣшнюю форму и внутреннее содержаніе должны были оказать первые русскіе журналы: — „*Ежемѣсячныя сочиненія*“ Мюллера и „*Трудолюбивая Пчела*“ Сумарокова, съ внѣшностью которыхъ мы уже имѣли возможность ознакомиться выше. Они-то и явились образцами для журналовъ Екатерининской эпохи, и большинство ихъ послѣдовало этимъ двумъ типамъ. Одни пытались соединить полезное съ пріятнымъ; другіе ограничивались только однимъ матерьяломъ для легкаго и забавнаго чтенія. Важно, однакоже, то, что въ эпоху, предшествующую царствованію Екатерины, журналы являлись, большею частью, предпріятіями только казенными, принадлежностью опредѣленнаго вѣдомства или учрежденія, какъ, напр., „*Московскія Вѣдомости*“ при московскомъ университетѣ, или „*Праздное время въ пользу употребленное*“ при Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, какъ „*Ежемѣсячныя сочиненія*“ при Академіи Наукъ и т. п. Исключеніе составляла только „*Трудолюбивая Пчела*“ Сумарокова. Напротивъ того, всѣ журналы Екатерининскаго времени, кромѣ „*Собесѣдника любителей россійскаго слова*“, были предпріятіями частными, подобно журналу Сумарокова, и являлись выразителями мнѣній и воззрѣній опредѣленныхъ партій, опредѣленныхъ кружковъ, иногда даже отдѣльныхъ лицъ.

Журнальные обычаи того отдаленнаго отъ насъ времени также нимало не походили на нынѣшніе. Не существовало никакого различія между издателемъ и редакторомъ: кто давалъ средства на изданіе, кто принималъ на себя нравственную отвѣтственность за него, тотъ былъ одновременно и редакторомъ, и издателемъ. Начиная издавать журналъ, выпуская уже въ свѣтъ его первый нумеръ, никто и не думалъ объявлять на него подписки, а назначалъ только продажную цѣну каждаго отдѣльнаго нумера, и если продажа шла бойко и отдѣльные номера изданія распродавались безъ остатка, издатель перепечатывалъ изданіе вновь или вносилъ изъ него лучшія части въ изданіе слѣдующаго журнала.

Такъ, напр., поступилъ Новиковъ: перепечатывая свой „Живописецъ“ вторымъ или третьимъ изданіемъ, онъ включилъ въ эти изданія и тѣ статьи изъ „Трутня“ (прежняго своего журнала), которыя особенно нравились публикѣ. Вообще говоря, большинство журналовъ того времени болѣе напоминали собою альманахи или сборники, выходившіе ежемѣсячными выпусками, нежели журналы въ настоящемъ значеніи этого слова. Ни одинъ изъ редакторовъ-издателей того времени, замѣтимъ кстати, не заботился о долговѣчности своего журнала и, если журналъ доживалъ до конца года или переходилъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ другой годъ, то это ужъ считалось крупнымъ успѣхомъ. Иные журналы существовали всего нѣсколько мѣсяцевъ и прекращались, не заслуживъ никакого вниманія со стороны публики; но это нимало не служило препятствіемъ къ тому, чтобы тотъ же редакторъ-издатель возобновилъ свой органъ немного спустя, подъ другимъ, болѣе заманчивымъ заглавіемъ—и добился своего желаннаго успѣха.

Отношенія редактора-издателя къ сотрудникамъ тоже были довольно своеобразны; ни о какомъ гонорарѣ не было и помина. Каждый пишущій считалъ для себя за особенную честь и удачу, если его статья появлялась на страницахъ того или другого журнала, и вполнѣ довольствовался нѣсколькими оттисками статьи или нѣсколькими экземплярами журнала, какъ вознагражденіемъ за свое произведеніе. Притомъ весьма немногіе сотрудники рѣшались выступить на страницахъ журнала съ открытымъ забраломъ шлема и подписываться подъ статьями полнымъ именемъ: предпочитались или весьма темныя сокращенія фамилій, или псевдонимы, въ родѣ: Правомыслова, Неспускалова, Правдолюбова, Людоглота и т. п. Есть основаніе думать, что псевдонимы были въ модѣ, потому что чрезвычайно скудны были силами журнальные кружки прошлаго вѣка; а псевдонимъ давалъ возможность одному и тому же лицу являться на страницахъ того или другого журнала подъ различными личинами. Впрочемъ, легко можетъ быть, что обилію псевдонимовъ способствовали, до нѣкоторой степени, и другія условія: напр., желаніе высказаться, не стѣсняясь отношеніями, или даже желаніе вообще утаить отъ всѣхъ свое участіе въ литературѣ, которое многихъ еще способно было смущать [1]). Отчасти, впрочемъ, псевдонимы могли быть и просто модою, перенятою изъ западной журналистики, тогда изобиловавшей псевдонимами.

[1]) На это встрѣчается намекъ въ одномъ изъ современныхъ журналовъ: «нѣкоторые думали (доселѣ), что дворянину стыдно присваивать себѣ имя писателя. Не стыдятся того вѣнчанныя главы, ни важные министры, о пользѣ государства пекущіеся; а наши дворяне симъ титломъ гнушаются».

Три періода журналистики.

Въ исторической послѣдовательности своего развитія журналистика Екатерининскаго времени пережила три довольно опредѣленныхъ періода. Первый—отъ 1769 по 1774 годъ—періодъ расцвѣта и оживленія, богатый проявившимися силами и преимущественно сатирическій,—періодъ „*Всякой Всячины*", „*Трутня*" и „*Живописца*". Второй наступилъ въ началѣ 80-хъ годовъ — болѣе серьезный, значительно-понизившій тонъ своей сатиры, съ которою рядомъ явилось и назиданіе; начался онъ „*Собесѣдникомъ любителей россійскаго слова*" и закончился масонскими журналами. Третій періодъ—въ 90-хъ годахъ — весь наполненъ журналами Крылова и Карамзина, представляющими рѣзко выраженныя, противоположныя литературныя теченія.

Родоначальницею всѣхъ журналовъ собственно Екатерининскаго времени явилась „*Всякая Всячина*", издававшаяся подъ редакціею секретаря императрицы Козицкаго [1]) и при весьма дѣятельномъ, хотя и негласномъ участіи самой Екатерины. Съ легкой руки „Всякой Всячины", въ началѣ 1769 года явился уже и другой еженедѣльникъ „*И то и сё*", издававшійся подъ редакціею П. Д. Чулкова; вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ февраля, Рубанъ сталъ издавать еще одинъ еженедѣльникъ, который въ противоположность Чулковскому названъ „*Ни то, ни сё*". Въ мартѣ того же года явилась *Поденьщина* В. Тузова, впрочемъ, просуществовавшая только до 5-го апрѣля; въ апрѣлѣ стала издаваться „*Смѣсь*" (редакторъ-издатель ея остался неизвѣстенъ); въ маѣ — „*Трутень*" Новикова, а въ іюлѣ — „*Адская почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ*", которую издавалъ Ѳ. Эминъ. Итакъ, въ теченіе одной первой половины 1769 г. въ Петербургѣ появилось разомъ семь журналовъ!

Журналы и публика.

Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что публика, нимало не подготовленная къ такому оживленію журналистики, оказалась, однакоже, гораздо болѣе разборчивой, нежели бы можно было того ожидать. Далеко не всѣ журналы имѣли успѣхъ; положительно нравились только тѣ, которые были болѣе содержательны и отличались большою ѣдкостью сатирическаго отношенія къ современности. Не менѣе любопытно и то, что всѣ эти журналы явились въ Петербургѣ, а въ Москвѣ не было ни одного подобнаго имъ ежемѣсячника. „*Трутень*" весьма остроумно замѣчаетъ по этому поводу: „въ Москвѣ и по сіе время ни одного такого изъ типографіи не вышло листочка, да и напечатанные въ Петербургѣ журналы читаютъ не многіе. Старой, но весьма разумной нашъ мѣщанинъ Правдинъ о семъ заключаетъ, что Москва

[1]) Имя Козицкаго, вмѣстѣ съ именемъ Мотониса, мы уже встрѣчаемъ въ числѣ сотрудниковъ «Трудолюбивой Пчелы» Сумарокова.

къ украшенію тѣла служащія моды принимаетъ гораздо скорѣе украшающихъ разумъ, и что Москва также, какъ и престарѣлая кокетка, сатиръ, но свои нравы читать не любитъ."

Эта *„сатира на нравы"* явилась до такой степени преобладающимъ интересомъ новыхъ журналовъ, что большее или меньшее ея преобладаніе въ томъ или другомъ журналѣ обезпечивало ему вѣрный успѣхъ. *„Всякая Всячина"*, умѣренная и осторожная въ своей сатирѣ, набрасывала первоначально очень безобидную и немногосложную программу: „...показать, первое, что люди иногда могутъ быть приведенными къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—давать людямъ наставленія, забавляя ихъ, и третіе—говорить русскимъ о русскихъ и не представлять имъ умоначертаній, кои они не знаютъ". Но эта скромная программа оказалась вскорѣ неудовлетворяющею потребностямъ большинства, и журналы, нимало не стѣсняясь ею, стали болѣе и болѣе усиливать рѣзкость своей сатиры. Это пришлось не по вкусу *„Всякой Всячинѣ"* и она попыталась-было стать во главѣ журнальнаго движенія, попыталась руководить имъ, направлять его. Поддерживая общій всѣмъ журналамъ того времени шутливый тонъ, „Всякая Всячина" поспѣшила объявить себя родоначальницей всѣхъ журналовъ, явившихся въ свѣтъ послѣ нея, настоятельно намекая на то, что она между ними старшая и всѣ должны слѣдовать ея примѣру. Однакоже, журналы не поддались этому непрошенному руководству и очень рѣзко отказались отъ какой-либо солидарности со „Всякой Всячиной", намекая на то участіе, которое въ этомъ журналѣ принимаютъ „знатные господа и высокопоставленныя персоны". На эти рѣзкія выходки „Всякая Всячина" съ гордостью отвѣчала, что приняла за правило — „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки", и заявила, что будетъ держаться въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности слѣдующихъ основаній:

„1) Никогда не называть слабости порокомъ; 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобы людей совершенныхъ найти можно было, а для того 4) просить Бога, чтобы далъ духъ кротости и снисхожденія".

Полемика журнальная.

Въ отвѣтъ на такую программу дѣятельности, очевидно, навязываемую „Всячиной" остальнымъ журналамъ, въ „Трутнѣ" появилось письмо Правдолюбова (псевдонимъ) съ очень сильными возраженіями и слишкомъ ясными намеками на личности. Тутъ ужъ и „Всякая Всячина" не выдержала своей программы и отвѣчала такими же рѣзкостями. „Г. Правдолюбовъ, исключая снисхожденіе, истребляетъ милосердіе. Думать надобно, что ему хотѣлось бы за все да про все кнутомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавъ его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары и желчь не оказались даже на бумагѣ, до

МЕШЕНИНА
КАТОНОСКАРРОНИЧЕСКАЯ:

сочиненіе періодическое въ стихахъ выходящее въ свѣтъ для забавы покровителей наукъ, знатоковъ и охотниковъ.

POST FESTUM!

то есть:

по автора переводу съ прибавленіемъ, распространеніемъ, примѣчаніями и прочее.

Пословица есть русска; послѣ ужины горчица,
Но думаю, что можно въ день простой. и въ праздникъ бриться,
Такъ съ новымъ годомъ въ масленицужъ можно поздравлять.
Нѣтъ ничево, что мы ужъ далѣко въ Генварѣ,
Хоть двадесятое число ужъ въ Календарѣ.
Смѣяться будутъ, но не поздо всѣмъ добра желать.
Какъ?... что?... такъ поздо! нѣкоторые на Автора вскричатъ.
Потише! господа; читайте перьвую страницу;
Охотники наукъ, найдете перцу и горчицу,
Найдете des bon-bons и далѣ будете читать,
Охотница моя вить Муза до конфектовъ лакомиться;
И потому васъ потчиваетъ каждая страница.
Не меньше на листѣ ума и разума пять унцъ.

Имярекъ.

Кто сочинитель?

Авторъ.

Знающей меня риѳмачь,
У коего печется риѳма, какъ калачь,
Отвѣтствуетъ: на унцъ по риѳмѣ Авторъ. . .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

въ Генварѣ 1773 года.

Титульный листъ „Мешенины". По весьма рѣдкому экземпляру, хранящемуся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

ИРТЫШЪ

ПРЕВРАЩАЮЩІЙСЯ ВЪ ИПОКРЕНУ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,

издаваемое

отъ

Тобольскаго главнаго народнаго училища.

МѢСЯЦЪ СЕНЬТЯБРЬ

1789 года.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома находить.

Ода къ фелицѣ напечат. въ 1 част. соб. люб. рос. сл.

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,

въ Типографіи Тоб. купца Вас. Корнильева.

„Иртышъ“, по снимку, принадлежащему П. Я. Дашкову.

коей онъ дотрогивается" [1]). Смѣлый „Трутень", однакоже, не остался въ долгу у „Всячины" и помѣстилъ на своихъ страницахъ другое письмо Правдолюбова, еще болѣе задорное, съ еще болѣе прозрачными намеками. „Госпожа „Всякая Всячина" на насъ прогнѣвалась и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами: но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. *Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ статей обстоятельно разумѣть не можетъ.* Ежели я написалъ, что болѣе человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа *Всякая Всячина* такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, если кто ее не похвалитъ". Въ эту полемику между „Трутнемъ" и „Всякой Всячиной" мало-по-малу вступились и другіе журналы: „Смѣсь" и „Адская почта" приняли сторону „Трутня"; а журналъ „И то и се"—сталъ отстаивать „Всячину". „Смѣсь", отрекаясь отъ родства со „Всякой Всячиной", рѣшилась прямо утвержать, что „*внучата ея* (т. е. всѣ остальные журналы) поразумнѣе бабушки" и восклицаетъ: „Пора бы вамъ, господа внучата и племянники извѣстной здѣсь старушки, попросить нашу бабушку, чтобы она въ листкахъ своихъ получше наблюдала постоянство, старости ея лѣтъ приличное; а то она нынѣ, какъ молодое пиво бродитъ, и на одномъ основаніи мыслей своихъ остановить не можетъ. Прежде божилась она, что будетъ исправлять пороки и никакого автора не тронетъ; но послѣ, будучи въ томъ крѣпко увѣрена, что мертвые на критики не отвѣчаютъ, такъ было привязалась къ „Телемахидѣ", что едва сію ворчливую старушку отъ „Телемахиды" отогналъ кто-то, ей письмомъ своимъ доказавшій, что авторъ сей книги... много отечеству полезныхъ книгъ перевелъ и листками „Всякой Всячины" поврежденъ быть не можетъ".

Однимъ словомъ, въ этомъ журнальномъ движеніи, которое такъ быстро проявилось и разрослось, выразилась та же сила общественнаго самосознанія, которая проявилась и въ Комиссіи по составленію Новаго Уложенія; какъ тамъ пришлось отказаться отъ прекраснаго замысла, потому что онъ сталъ разрастаться гораздо шире предѣловъ, предначертанныхъ Екатериной; такъ и здѣсь, простыя литературныя забавы неожиданно привели къ полемикѣ, затрогивавшей серьезные вопросы и личности.

Само собою разумѣется, что такая полемика не могла про-

[1]) Эта рѣзкая выходка «Всячины» можетъ быть пояснена только тѣмъ, что за спиною Козицкаго, въ этомъ журналѣ, скрывалась сама Екатерина. То же было и съ другой стороны: сохранилось преданіе, будто въ «Трутнѣ» Новикова живѣйшее участіе принимала княгиня Е. Р. Дашкова и М. Л. Воронцовъ.

долждаться, и журналы, въ концѣ года (1769), одинъ за другимъ, прекратили свое существованіе, можетъ быть и противъ воли. Всѣхъ пережили только два журнала: *Всякая Всячина* и *Трутень*. Первая въ 1770 году выдавала „Барышекъ Всякія Всячины", т. е. сборникъ оставшихся отъ прошлаго года статей; а „Трутень" хотя и выходилъ въ свѣтъ, но уже совершенно безцвѣтный и безхарактерный: онъ не помѣщалъ болѣе никакихъ сатирическихъ статей и не вступалъ ни въ какую полемику... Однакоже, видимо желая пояснить своимъ читателямъ, что его воздержаніе — не произвольное, а вынужденное, „Трутень" помѣщалъ на своихъ страницахъ письма, въ которыхъ будто бы разныя лица и съ разныхъ сторонъ обращались къ нему съ такого рода запросами: „Господинъ Трутень. Кой чортъ? Что съ тобою сдѣлалось? Ты совсѣмъ сталъ не тотъ. Развѣ тебѣ наскучило, что мы тебя хвалили, и захотѣлось послушать, какъ станемъ бранить?" Или въ такомъ родѣ: „Г. Новый Трутень! преобразись въ старого, а то вѣдь, я чаю, ты, бѣдненькій, остался въ накладѣ: мнѣ сказывалъ твой книгопродавецъ, что нынѣшняго года листовъ не покупаютъ и въ десятую долю противъ прежняго". И т. д.

Одновременно съ упомянутыми выше журналами издавались и другіе, менѣе замѣтные и менѣе содержательные: „*Парнасскій Щепетильникъ*" Чулкова (1770 г.), а затѣмъ „*Трудолюбивый Муравей*" Рубана (1771 г.) [1], „*Полезное съ Пріятнымъ*" (1769 г.), „*Пустомеля*" (1770 г.) и „*Вечера*" (1772 г.)—неизвѣстно кѣмъ издававшіеся. Въ томъ же 1772 году вышелъ въ свѣтъ знаменитый журналъ Новикова „*Живописецъ*"; за нимъ „*Мешенина Катоюскарроническая*" (редакторъ-издатель неизвѣстенъ) и, наконецъ, „*Кошелекъ*", опять-таки журналъ Новикова. Имъ собственно и заканчивается первый періодъ журналистики Екатерининскаго времени.

Изъ всѣхъ этихъ журналовъ, внимательнѣе и подробнѣе остановимся только на „*Живописцѣ*" Новикова, какъ на типическомъ представителѣ журнальной сатиры Екатерининскаго времени, и ознакомимъ нашихъ читателей съ современной журнальной сатирой хотя бы на столько, на сколько мы въ этой же главѣ уже ознакомили ихъ съ современной журнальной полемикой. Журналъ «Живописецъ».

И формы этой сатиры, и тэмы ея не отличались разнообразіемъ. По отношенію къ внѣшней формѣ это были статьи въ видѣ „писемъ" къ редактору журнала изъ провинціи или „иносказательныя восточныя повѣсти", „разговоры въ царствѣ мертвыхъ", „разсказы и сновидѣнія", „сатирическія публикаціи", сатирическія „заповѣди", „словари" и „лѣчебники", нѣсколько позднѣе ввелась форма „вопросовъ и отвѣтовъ"—нѣчто въ родѣ діалога.

---

[1]) Вышеупомянутый нами журналъ Рубана «Старина и Новизна» (1772—1773), издававшійся въ это же время, по содержанію стоитъ особнякомъ.

Въ этой формѣ журнальная сатира направлялась почти исключительно на осмѣяніе неразумнаго пристрастія ко всему иноземному, жестоко бичевала распущенность нравовъ, взяточничество и подкупность судей и подьячихъ, глубокое невѣжество, еще царившее въ провинціальной глуши, и жестокость помѣщиковъ въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ.

Собственно говоря, „Всякая Всячина", въ качествѣ журнала, въ которомъ за спиною официальнаго редактора укрывались „знатные господа и высокопоставленныя персоны", касалась послѣдняго пункта очень осторожно, слегка, и какъ бы мимоходомъ... Но горячая и задорная сатира „Трутня" и „Живописца" останавливалась на щекотливомъ вопросѣ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ весьма настойчиво и упорно. Замѣтимъ кстати, что чрезвычайная односторонность и ограниченность круга вопросовъ, въ которыхъ постоянно вращается русская журнальная сатира Екатерининскаго времени, едва ли не были вызываемы извѣстными условіями времени, независѣвшими отъ журналовъ... По крайней мѣрѣ мы никакъ не можемъ себѣ представить, чтобы такой острый и многосторонній наблюдатель русской жизни, какъ Новиковъ, могъ ограничить свою наблюдательность только четырьмя-пятью пунктами въ окружавшей его дѣйствительности и только на нихъ и обращать жало своей сатиры, какъ будто въ русской жизни, современной ему, не было гораздо болѣе вопіющихъ золъ, чѣмъ осмѣиваемая имъ галломанія или взяточничество подьячихъ? Другіе виды зла несомнѣнно существовали на глазахъ у всѣхъ; но ихъ нельзя было касаться, и приходилось довольствоваться тѣми, о которыхъ говорить разрѣшалось... Не слѣдуетъ забывать, что и при этихъ (несомнѣнно существовавшихъ) стѣсненіяхъ, пылкій и увлекающійся Новиковъ часто заходилъ за полагаемыя ими границы и ухитрялся помѣщать на страницахъ своихъ журналовъ такія статьи, которыя, двадцать лѣтъ спустя, должны были бы привести его туда же, куда привело несчастнаго Радищева его „Путешествіе". Къ такимъ именно чрезвычайно рѣзкимъ статьямъ принадлежатъ, напр., помѣщенныя въ „Трутнѣ" двѣ „копіи съ отписокъ крестьянъ къ помѣщику" и „Копія съ помѣщичья указа крестьянамъ". Въ предисловіи къ этимъ статьямъ, авторъ ихъ, будто бы, говорилъ издателю „Трутня": „изъ сего усмотрѣть можете, какъ худые помѣщики данную власть надъ крестьянами употребляютъ во зло, и что такіе господа едва ли достойны быть рабами у рабовъ своихъ, а не господами". Еще болѣе сильными выходками противъ рабства, приниженности и тяжкаго, бѣдственнаго положенія крестьянъ изобилуетъ уже упомянутая нами статья „*Отрывокъ изъ путешествія въ *** И. Т.*", помѣщенная въ „Живописцѣ"... Это цѣлый рядъ весьма мрач-

ныхъ, правдиво и точно набросанныхъ картинъ современнаго крестьянскаго быта, прерываемыхъ размышленіями на разныя весьма щекотливыя темы и скорбными сокрушеніями объ участи „тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны". Особенно ярко представляется намъ картина безпомощнаго и ужаснаго положенія дѣтей, покинутыхъ на произволъ судьбы родителями, ушедшими на барщину. „Въ лукошкахъ, прицѣпленныхъ къ шестамъ—они лежали безъ всякаго движенія и плакали. У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы? Нѣтъ, онъ спокойно взиралъ на свои оковы. Чего требуетъ онъ? Необходимо-нужнаго только пропитанія. Другой произноситъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. „Кричите, бѣдныя твари",—сказалъ я, проливая слезы,—„произносите жалобы свои. Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ въ младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь." [1] „О, человѣчество! Тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ!"—восклицаетъ авторъ „Отрывка" въ другомъ мѣстѣ своей статьи.—„О, господство! Ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками! О, блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! Ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ".

И рядомъ съ подобными картинами, полными мрака и страданій, встрѣчаешь въ другомъ Новиковскомъ журналѣ („Трутнѣ") сатирическія выходки, шутливыя на видъ, но тоже кроющія въ себѣ острое жало весьма горькаго назиданія. Вотъ, напримѣръ, какая шутливая публикація была напечатана въ „Трутнѣ": Журнальныя сатиры.

„На сихъ дняхъ, въ здѣшній портъ (Кронштадтъ) прибылъ изъ Бурдо корабль: на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ отечествѣ своемъ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ... принуждены были ѣхать въ Россію. Они въ своихъ разсказахъ солгали очень мало: ибо, по достовѣрнымъ доказательствамъ, они всѣ природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многіе изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижскою полиціею и для того она, по ненависти своей къ нимъ, сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, чтобы они немедленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и

[1] Весьма ясный намекъ на тѣ стѣсненія, которыми сдерживалось всякое поползновеніе со стороны крестьянъ—обжаловать свое тяжкое положеніе передъ начальствомъ.

ночевать въ Бастиліи. Такое привѣтствіе, хотя было и очень искренно, однакоже симъ господамъ французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должность учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Любезные сограждане! спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ, для воспитанія вашихъ дѣтей. Поручайте немедленно будущую опору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учителя французовъ, не узнавъ прежде ни званій ихъ, ни поведенія". Такъ какъ обучаемые подобными воспитателями молодые люди нерѣдко заканчивали годы ученья поѣздкою за границу, которая должна была завершить ихъ образованіе, то результаты иногда получались весьма печальные. Эти-то результаты подобныхъ заграничныхъ путешествій „Трутень" осмѣялъ въ своей извѣстной сатирической публикаціи: „Молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который, объѣздивъ ихъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею—желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города".

Осмѣивая то же неразумное пристрастіе ко всему иноземному, Новиковъ въ „Живописцѣ" напечаталъ „*Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія*" — то-есть, той безобразной смѣси „французскаго съ нижегородскимъ", которою свѣтскіе щеголи замѣняли русскую рѣчь во второй половинѣ XVIII вѣка. Рядомъ съ этимъ „словаремъ", Новиковъ напечаталъ и письмо, будто бы полученное имъ отъ одной изъ „щеголихъ"—какъ образецъ этого невозможнаго нарѣчія: «*Mon coeur* Живописецъ! Ты, радость, безпримѣрный авторъ. По чести говорю, ужесть какъ ты славенъ! Читаю твои листы и безподобно утѣшаюсь, какъ у тебя все славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ, и клянусь, что я всегда фёльетирую ихъ безъ всякой дистракціи!" Печальный памятникъ эпохи слѣпого увлеченія Западомъ, которое долго отвлекало насъ отъ изученія родныхъ сокровищъ мысли и слова [1]).

Успѣхи журналистики.

Второй періодъ журналистики Екатерининскаго времени отличается отъ перваго тѣмъ, что журналистика въ этомъ періодѣ распространилась изъ Петербурга не только въ Москву, но и дальше—журналы явились и въ провинціи [2]). Къ этому періоду,

[1]) «Неоспоримая есть истина,—говоритъ Новиковъ,—что доколѣ будутъ презирать свой отечественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотолѣ и въ письменахъ не можетъ оный до совершенства дойти».

[2]) Такъ, въ 1786 году явился въ Ярославлѣ первый провинціальный журналъ „*Уединенный пошехонецъ*", издававшійся Санковскимъ. Онъ же издавалъ въ 1787 году продолженіе того же журнала подъ названіемъ „*Ежемѣсячное изданіе*". Въ 1789 г., какъ мы видѣли выше (стр. 189), даже въ Тобольскѣ сталъ выходить журналъ «Иртышъ».

который начался послѣ четырехлѣтняго перерыва (1774—1778), относились слѣдующіе журналы: „*С.-Петербургскій Вѣстникъ*“ изданіе Брайко (1778—1781); „*Утренній Свѣтъ*“ Новикова (который издавалъ сначала этотъ журналъ въ Петербургѣ, а потомъ, по переселеніи въ Москву, продолжалъ издавать и тамъ), „*Московское Изданіе*“ —также Новикова и также продолжавшееся въ Москвѣ. Продолженіемъ этого журнала по духу и направленію были другіе два московскіе журнала Новикова: „*Вечерняя Заря*“ (1782 г.) и „*Покоящійся Трудолюбецъ*“ (1784—1785 гг.). Особнякомъ стоитъ прекрасный дѣтскій журналъ, который Новиковъ издавалъ въ приложеніи къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“: „*Дѣтское чтеніе для сердца и разума*“ (1785—1789 г.)—первый дѣтскій журналъ въ Россіи. Въ это самое время видимъ въ Петербургѣ: „*Разсказчикъ забавныхъ басенъ*“ —Аблесимова (1781 г.); „*Утро*“ (1782), издатель котораго неизвѣстенъ; „*Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*“ —издававшійся при новоучрежденной Россійской Академіи (1783—1784); „*Зеркало Свѣта*“ (1786—1787) И. Богдановича и Туманскаго; „*Лѣкарство отъ скуки и заботы*“ (1786—1787), издаваемый Туманскимъ; „*С.-Петербургскій Вѣстникъ*“ (1786—87) И. Богдановича: „*Утренніе часы*“ (1788)—Рахманинова; и наконецъ—„*Почта Духовъ*“ (1789 г.) [1]), издаваемый И. А. Крыловымъ.

«Собесѣдникъ».

Выдающееся мѣсто между всѣми этими журналами занимаетъ, конечно, тотъ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“, въ которомъ приняли участіе лучшія литературныя силы и сама Екатерина. Мысль объ изданіи при Академіи Наукъ такого органа, который могъ бы одновременно служить и литературѣ, и наукѣ, принадлежитъ Е. Р. Дашковой, незадолго передъ тѣмъ назначенной „Директоромъ“ Академіи Наукъ и „предсѣдателемъ“ новоучрежденной Россійской Академіи. Такимъ органомъ и явился „Собесѣдникъ“, о которомъ мы поговоримъ нѣсколько подробнѣе.

Были и Небылицы.

Въ „Собесѣдникѣ“ Екатерина помѣстила свои знаменитыя „*Были и Небылицы*“—рядъ игриво и свободно набросанныхъ очерковъ современности, въ которыхъ она, какъ и въ прежнихъ журнальныхъ статьяхъ своихъ, преслѣдуетъ постоянно одну и ту же цѣль: остроумно осмѣивая то, что ей не нравилось, она очень тонко проводитъ всюду мысль о томъ, что переживаемая современность имѣетъ неоспоримыя и громадныя преимущества передъ эпохою предшествующею, почему всѣ и должны быть довольны своимъ положеніемъ. Стараясь придать этимъ очеркамъ видъ непринужденно веселыхъ и легкихъ набросковъ, анонимный авторъ „*Былей и Небылицъ*“ (т. е. сама Екатерина) говоритъ о

---

[1]) Полное заглавіе этого журнальца такое: «Почта Духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулько съ водяными, воздушными и подземными духами».

нихъ, что изъ нихъ исключается все то, „что не въ улыбательномъ духѣ... либо скуку возбудить могущее и плачъ разогрѣвающія драмы“; а заносится въ эти очерки все, что „приходитъ въ голову“ или „попадетъ на языкъ“. Тутъ и коротенькія сценки изъ современнаго домашняго и общественнаго быта, и характеристика, и отрывки дневника, которые авторъ „Былей и Небылицъ“ ведетъ отъ своего лица, и небольшіе разсказцы, въ которыхъ несомнѣнно играетъ роль живая дѣйствительность. Высказывая тѣ или другія мнѣнія, авторъ „Былей и Небылицъ“ чаще всего говоритъ не отъ себя, а сообщаетъ мнѣнія своего дѣдушки и двухъ друзей своихъ: „другъ И. И. И., который больше плачетъ, нежели смѣется, и другъ А. А. А., который больше смѣется, нежели плачетъ“. Но главную точку опоры всѣхъ задушевныхъ мыслей, всѣхъ идеаловъ автора составляютъ не эти два лица (двѣ крайности, напоминающія Гераклита и Демокрита), а именно тотъ „дѣдушка“, который представляетъ собою золотую середину и очень мало походитъ на всѣхъ дѣдушекъ, потому что отдаетъ предпочтеніе современности передъ отдаленнымъ прошлымъ, и говоритъ, напр., такъ:

„Припомните мои слова: всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега же суть воспитаніе“...

Въ рѣчи „дѣдушки“ авторъ „Былей и Небылицъ“ вплетаетъ мѣстами и еще болѣе тонкую похвалу современности; такъ, напр., вспоминая старое, онъ говоритъ: „Понѣже казалось, что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся того-сего; разговоры же сіи вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что̀ вздумать можемъ, открыто и громогласно отправляется. Дѣдушка полагаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается“.

Въ первыхъ книжкахъ „Собесѣдника“, въ своихъ „Быляхъ и Небылицахъ“, Екатерина помѣстила нѣсколько характеристикъ, очевидно списанныхъ съ живой натуры. Нашлись люди, которые себя узнали въ этихъ характеристикахъ; нашлись и другіе, которые стали примѣнять къ себѣ каждую черту, каждый намекъ этихъ характеристикъ, и обижаться. Это вынудило Екатерину помѣстить на страницахъ „Собесѣдника“ письмо отъ вымышленнаго Петра Угадаева къ безыменному автору „Былей и Небы-

лицъ". Въ этомъ письмѣ Петръ Угадаевъ пишетъ: „напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми; я и моя семья знаемъ и угадываемъ, кто они таковы, да и не мы одни..." По поводу этого письма, въ видѣ отвѣта на него, Екатерина писала въ „Собесѣдникѣ": „Буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ „Быляхъ и Небылицахъ", то сіе доказываетъ, что „Были и Небылицы" вытащены изъ обширнаго моря естества... „Были и Небылицы" наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится; но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ и дѣла нѣтъ... Буде же Карпъ и Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть принесетъ описаніе своей особы—слово отъ слова внесемъ въ „Были и Небылицы".

Но литературный пріемъ, пущенный въ ходъ Екатериной, нашелъ себѣ вскорѣ подражателей, которые такъ же искусно, какъ она, воспользовались орудіемъ слова, чтобы высказать въ иносказательной формѣ свои затаенныя мысли и взгляды. Въ третьей книжкѣ „Собесѣдника" явились извѣстные 20 „вопросовъ" Фонвизина, обращенные къ безыменному сочинителю „Былей и Небылицъ". Вопросы были очень вѣско и очень круто поставлены, шли прямо въ разрѣзъ съ оптимистическими взглядами „дѣдушки" и заключали въ себѣ весьма прозрачные намеки на нѣкоторыхъ приближенныхъ императрицы, въ особенности вопросъ 14-й [1]). Очень ловко и уклончиво отвѣчая на остальные вопросы, Екатерина на этотъ вопросъ не дала прямого отвѣта, а только замѣтила съ оттѣнкомъ нѣкотораго недовольства:

„Сей вопросъ родился отъ свободоумія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то нашли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ".

„Вопросы" Фонвизина, видимо, задѣвшіе Екатерину за живое, не остались безъ отвѣта и обсужденія въ „Быляхъ и Небылицахъ", гдѣ они побудили „дѣдушку" высказать о нихъ свои замѣчанія.

„Молокососы! (ворчалъ будто бы „дѣдушка") Не знаете вы, что̀ я знаю. Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ иными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства... Тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ нихъ бѣгалъ". При этомъ разборѣ „вопросовъ" дѣдушка будто бы посвятилъ особенное вниманіе вопросу 14-му.

---

[1]) Въ этомъ вопросѣ, 14-мъ, Фонвизинъ спрашиваетъ: «отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе?» Вполнѣ ясный намекъ на Л. Н. Нарышкина, одного изъ приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ Екатерины, который даже и въ обществѣ слылъ подъ названіемъ *Шпыня*.

„Дѣдушка", ходя и прикашливая, твердилъ непрестанно межъ зубовъ повторенный 14 вопросъ, подобно сему: хемъ, хемъ [1]).

„Прочитавъ внимательно вопросъ, „дѣдушка" умножилъ *хемъ-хемы* такъ, что число оныхъ безъ ошибки на бумагу положить нельзя... Отдохнувъ нѣсколько, началъ разбирать подробно члены вопроса и говорить: *отъ чего? отъ чего?*.. Ясно отъ того, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ — хемъ - хемъ - хемъ, — опасенія. О, прежнія времена! Сію строку окончили паки множество хемъ-хемовъ... Когда „дѣдушка" дошелъ до *шпыней*, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: „шпынь безъ ума быть не можетъ; въ шпыньствѣ есть острота; за то, что человѣкъ остро что̀ скажетъ, вѣдь не лишитъ его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются въ обществѣ живущимъ или обществу служащимъ"... Потомъ дошло дѣло до балагуровъ, кои, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знанія старины, или что ни есть подобное, а скучны лишь, — говоритъ прародитель: — Маремьяны плачущія и о всемъ мірѣ косо и криво пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ ужъ духъ скрытой зависти противъ ближняго"...

Л. Н. Нарышкинъ, извѣстный подъ именемъ «Шпыня».

Что тутъ подъ „Маремьянами плачущими" разумѣется Фонвизинъ и вся стоявшая за его спиною партія недовольныхъ—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Этимъ, вполнѣ яснымъ намекомъ Екатерина какъ-бы отвѣчала на подобный же намекъ, заключавшійся въ 14-мъ вопросѣ; но она почувствовала все не-

[1]) *Хемъ, хемъ* изображаетъ дѣдушкинъ кашель. (Выноска автора).

удобство подобной полемики, и, при первомъ же случаѣ, прекратила печатаніе „Былей и Небылицъ“ въ „Собесѣдникѣ“ [1]). Она закончила этотъ рядъ очерковъ весьма любопытнымъ „*Завѣщаніемъ*“, въ которомъ собраны всѣ правила, какимъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ слѣдовать писатель. Многія изъ этихъ правилъ живо передаютъ намъ современныя возрѣнія на дѣятельность литературную. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ:

„Кто писать будетъ, тому думать по-русски“... „Иностранныя слова замѣнять русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать, ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ“... „Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится“... „Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ носить, т. е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ“... „Веселое всего лучше, улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ“... „Глубокомысліе окутать ясностью, а полномысліе—мягкостью слога, дабы всѣмъ сносными учиниться“... „Желательно, чтобы сочинитель скрылъ свое бытіе, и вездѣ было бы его сочиненіе, а его самого невидно было“... и т. д.

Въ томъ же второмъ періодѣ, особнякомъ отъ другихъ журналовъ Екатерининскаго времени, стоятъ московскіе журналы Новикова, совершенно отличные по содержанію своему и отъ прежнихъ сатирическихъ журналовъ Новикова, и отъ всѣхъ остальныхъ журналовъ второго періода, издававшихся въ Петербургѣ. „Сатира отодвинулась здѣсь на задній планъ, уступивъ мѣсто чисто-дидактической морали“, говоритъ объ этихъ журналахъ академикъ Тихонравовъ. „Какъ видно, сближеніе съ Шварцемъ укротило горячія вспышки гражданскаго негодованія Новикова: смѣлыя обличенія „Живописца“ смѣнились смиренною проповѣдью“... Цѣлью проповѣди явился грандіозный замыселъ: Новиковъ и его товарищи по изданію задумали „весьма униженную на свѣтѣ добродѣтель возвести паки на ея величественный престолъ, а порокъ представить свѣту во всей его наготѣ“, сознавая при этомъ, что „таковыхъ трудовъ и одно намѣреніе уже достойно похвалы, хотя бы душевныя силы и не въ состояніи были оныхъ поддерживать“... И вотъ нравоучительное направленіе, спокойно назидающее и пользующееся всѣми данными современной науки, всѣми доводами вѣры и разума, проходитъ черезъ всѣ журналы Новикова, начиная съ „Утренняго Свѣта“ (послѣ

Московскіе журналы.

[1]) Этимъ удобнымъ случаемъ была размолвка Екатерины съ Е. Р. Дашковой по поводу насмѣшекъ Л. Н. Нарышкина надъ Россійскою Академіею и надъ рѣчью, которую Дашкова произнесла при ея открытіи. Вслѣдствіе этой размолвки, Екатерина потребовала, чтобы Дашкова возвратила ей всѣ рукописи шутливыхъ статей, отданныя въ «Собесѣдникъ», и, несмотря на всѣ просьбы Дашковой, не согласилась ничего болѣе печатать.

перенесенія журнала въ Москву) и до „Покоящагося трудолюбца“ (1780—1785 г.). Цѣль всѣхъ этихъ періодическихъ изданій особенно ясно выражена въ предисловіи къ „Московскому изданію“, гдѣ прямо сказано, что „причиною предпріятія было сострадание, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и, взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ“. Но та религіозно-нравственная пропаганда, которой посвящались страницы этихъ новиковскихъ журналовъ, была далека отъ всякаго фанатизма, отъ всякой примѣси лицемѣрія, была вполнѣ гуманна и снисходительна къ чужимъ мнѣніямъ, и притомъ шла рука объ руку съ просвѣщеніемъ, придерживаясь извѣстнаго изреченія Эпиктета: „только знаніе есть добро, только невѣжество есть зло“. И вотъ, московскіе журналы Новикова, предлагая свое познаніе и свою мораль, напоминая о Богѣ и необходимости религіи, въ то же время не переставали утверждать: „причина всѣхъ заблужденій человѣчества есть невѣжество, а совершенства—знаніе. Если скажутъ, что невѣріе или безбожіе суть плоды учености, то мы скажемъ: сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ“. Слѣдуя этой программѣ, Новиковъ и его сотоварищи по Дружескому обществу, старались въ своихъ журналахъ удержать современное имъ русское общество отъ излишнихъ увлеченій новыми философскими теоріями, противопоставляя невѣрію евангельскія истины; но въ то же время, осуждая крайности въ философскомъ ученіи энциклопедистовъ, относились совершенно безпристрастно и къ ихъ достоинствамъ.

Ко второму періоду журналистики Екатерининскаго времени относятся еще и тѣ приложенія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, которыми Новиковъ такъ быстро и такъ высоко поднялъ значеніе этой университетской газеты. Къ такимъ приложеніямъ принадлежитъ и упомянутый нами выше „*Экономическій магазинъ*“ и „*Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ*“, изъ чтенія которыхъ „не только юношество, но и всѣ тѣ, кои не имѣли случая учиться, или по крайней мѣрѣ читать подобныя книги, могли получить достаточное и подробное свѣдѣніе почти о всемъ земномъ шарѣ“. Наконецъ, къ этимъ же приложеніямъ принадлежало и то „*Дѣтское чтеніе для сердца и разума*“, которое было первымъ журналомъ для юношества въ Россіи и не выходило изъ употребленія до начала 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія [1]).

---

[1]) Говоримъ это по личному опыту. «Дѣтскому чтенію», стоявшему на полкахъ отцовской библіотеки, мы обязаны первыми литературными впечатлѣніями нашего отрочества. *П. П.*

Третій період журналистики Екатерининскаго времени гораздо бѣднѣе и перваго, и второго періода, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Сюда относятся только издававшіеся въ Петербургѣ: *„Сатирическій Вѣстникъ“* (1790—92 гг.) Страхова, *„Зритель“* (1792 г.) Крылова, *„Пріятное и полезное препровожденіе времени“* (1793—94 гг.) Подшивалова и Сохацкаго, *„С.-Петербургскій Меркурій“* (1793 г.) Крылова, и *„Муза“* (1796 г.). Въ Москвѣ за это же время издавался только *„Московскій журналъ“* (1791—92 гг.) Карамзина и его же *„Аглая“* (1794—95 гг.).

Крыловъ и Карамзинъ журналисты.

Само собою разумѣется, что болѣе подробнаго упоминанія въ этой небольшой группѣ журналовъ заслуживаютъ только журналы Крылова и Карамзина. Послѣ „Почты Духовъ“, журнала, отличавшагося довольно однообразной формой и нѣсколько-грубоватымъ оттѣнкомъ сатиры, Крыловъ сталъ издавать журналъ *„Зритель“*, просуществовавшій не болѣе 11-ти мѣсяцевъ и въ слѣдующемъ году возродившійся въ видѣ *„С.-Петербургскаго Меркурія“*. Оба послѣдніе журнала Крыловъ издавалъ въ сообществѣ съ другимъ, довольно извѣстнымъ въ то время писателемъ, *Клушинымъ*, и при сотрудничествѣ *Дмитревскаго*, *Плавильщикова*, *Николая Эмина* [1]) и Ѳ. Туманскаго. Подчиняясь вліянію этого кружка, въ которомъ ему приходилось быть младшимъ членомъ, Крыловъ старался подражать преимущественно той журнальной сатирѣ перваго періода, въ который всѣ формы и всѣ тэмы сатиры были уже давно исчерпаны Новиковымъ и другими журналистами. Болѣе всего рѣзкими оказываются въ журналахъ Крылова тѣ статьи и стихотворенія, въ которыхъ онъ касается отношеній дворянства къ крестьянскому сословію и пристрастія русскихъ къ иноземцамъ. Въ такомъ же пристрастіи заподозрилъ Крыловъ и Карамзина, когда тотъ выступилъ на журнальное поприще со своимъ *„Московскимъ Журналомъ“* и сталъ дѣлать попытки къ преобразованію русскаго литературнаго языка.

Въ противоположность журналамъ Крылова, отзывавшимся стариною, „Московскій Журналъ“ Карамзина явился чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ. Карамзинъ сумѣлъ придать ему такую внѣшнюю форму и такое разнообразіе состава, какихъ до того времени не видимъ еще ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Въ „Московскомъ Журналѣ“ помѣщались и переводныя, и оригинальныя статьи самого Карамзина и лучшихъ современныхъ писателей: Хераскова, Державина, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Николева, Ѳ. Львова и многихъ другихъ. За отдѣломъ стиховъ и прозы, въ журналѣ Карамзина слѣдовала *смѣсь* (анекдоты, отчеты

[1]) Сынъ извѣстнаго Ѳ. Эмина, въ 1779 году издававшаго «Адскую Почту».

о театральныхъ представленіяхъ и т. п.) и *отдѣлъ критическій* съ рецензіями на новыя книги русскія и иностранныя, иногда весьма краткими, а иногда и представлявшими собою серьезные разборы важнѣйшихъ произведеній иностранной и русской литературы. Здѣсь, въ „Московскомъ Журналѣ", были помѣщены и повѣсти Карамзина и его „*Письма русскаго путешественника*" — составившія его славу.

Въ апрѣлѣ 1792 г., гроза, давно уже сбиравшаяся надъ головою Новикова и всего его кружка, наконецъ разразилась... Дружеское Общество было закрыто; самъ Новиковъ арестованъ. Вѣроятно, эти крутыя мѣры возбудили опасенія и въ Карамзинѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года онъ прекратилъ изданіе „Московскаго Журнала" и въ эпилогѣ къ нему заявилъ, что стѣсняется журнальной работой и предполагаетъ издавать, вмѣсто журнала, отдѣльные сборники статей своихъ и чужихъ. Однакоже, впослѣдствіи, какъ мы увидимъ,—при болѣе благопріятныхъ условіяхъ,—онъ снова вернулся къ журналистикѣ.

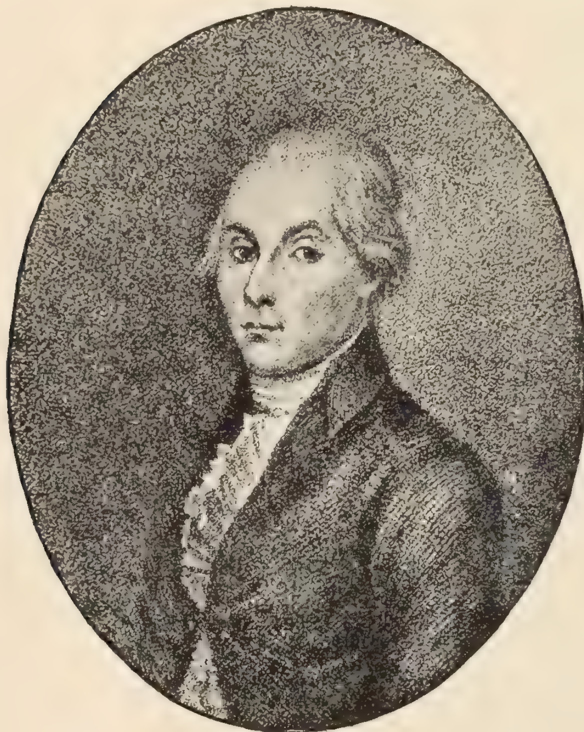
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вліяніе, оказанное революціей на умственное движеніе въ Россіи конца XVIII вѣка.—Ложные страхи и ложная тревога.—Подозрѣніе и преслѣдованіе писателей и ихъ произведеній во время наступившей реакціи. Радищевъ и его замѣчательная книга.

Блестящій вѣкъ Екатерины закончился нѣсколькими годами печальнаго разочарованія... Императрица, состарѣвшаяся и утомленная жизнью, напуганная кровавыми ужасами французской революціи, почувствовала отвращеніе къ тѣмъ самымъ идеямъ гуманнаго либерализма, которыя она такъ усердно и настойчиво проводила въ жизнь въ началѣ своего царствованія. Ей всюду стали чудиться зародыши того движенія, которое, исходя отъ высокихъ и прекрасныхъ идеаловъ равенства, братства и свободы, привело къ дикимъ крайностямъ, къ ниспроверженію общественнаго строя, къ отрицанію всего, что̀ составляло красу и честь цивилизаціи. Хотя ничего подобнаго и не было, на самомъ дѣлѣ, ни въ какихъ слояхъ русскаго общества, хотя русскіе вольнодумцы, напитавшіеся идей энциклопедистовъ и другихъ философовъ новѣйшей школы, болѣе ограничивались ничтожнымъ глумленіемъ надъ внѣшнею обрядностью или тѣшились нелѣпыми атеистическими выходками, однакоже, настроенное въ сторону какихъ-то неопредѣленныхъ опасеній и ожиданій воображеніе Екатерины стало подозрительно относиться ко всему—даже къ такимъ явленіямъ литературнымъ, которыя она сама поощряла 15—20 лѣтъ назадъ, даже къ тѣмъ самымъ идеямъ и убѣжденіямъ, которыя она сама проводила иногда въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ и государственныхъ мѣропріятіяхъ. Пользуясь такимъ настроеніемъ Екатерины, около нея, конечно, усердствовали разные дѣятели и представители власти, наперерывъ спѣшившіе высказать свою ревность и преданность, и еще болѣе раздували ту искру недовѣрія и подозрительнаго отношенія къ литературѣ, которая тлѣла въ душѣ состарѣвшейся покровительницы Вольтеровъ и Дидеротовъ... Такимъ-то образомъ, отъ подозрѣній, Екатерина, подъ впечатлѣніемъ разгоравшагося на Западѣ пожара, сочла нужнымъ перейти къ мѣрамъ карательнымъ, жестокимъ и не всегда справедливымъ, направленнымъ не только противъ сочиненій, но и противъ авторовъ...

Около того времени, когда гроза разразилась надъ Новиковымъ, когда его плодотворная дѣятельность была прекращена, а онъ самъ былъ арестованъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, вышла въ свѣтъ книга, доставившая автору довольно

громкую, но и весьма прискорбную извѣстность. Книга эта носила скромное заглавіе „*Путешествія изъ Петербурга въ Москву*“ и, вѣроятно, не выдвинулась бы изъ общей массы книгъ и прошла бы безслѣдно, если бы усердіе всякихъ ревнителей порядка и благочинія не обратило вниманіе императрицы на новое и „яко бы грозное“ явленіе въ области русской литературы. „Гидра поднимаетъ голову“—зашептали кругомъ ея всякіе угодники и охранители. Добыли откуда-то свѣдѣніе, что авторъ этой злосчастной книги „чуть-ли не мартинистъ“ — а мартинисты тогда были въ жестокой опалѣ и сильномъ подозрѣніи — и вотъ автора схватили, его книгу конфисковали, и началось „дѣло“, которое — увы! — легло темнымъ пятномъ на памяти великой государыни.

А. Н. Радищевъ.

Авторомъ этого путешествія былъ нѣкто *Александръ Николаевичъ Радищевъ* (род. 1749 г.), по происхожденію дворянинъ и помѣщикъ. Первоначальное воспитаніе и образованіе онъ получилъ въ Пажескомъ корпусѣ; а затѣмъ, въ 1767 г., былъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми посланъ за границу для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Между этими молодыми людьми были Ушаковъ, Яновъ и Кутузовъ, съ которымъ Радищевъ сдружился и передъ которымъ благоговѣлъ, хотя самъ былъ ярымъ приверженцемъ энциклопедистовъ и деизма, а Кутузовъ—восторженнымъ мистикомъ. Возвратившись изъ путешествія по Европѣ, Радищевъ состоялъ на службѣ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ вѣдомствамъ (между прочимъ и въ петербургскихъ таможняхъ), занимался литературными опытами, какъ любитель, писалъ повѣсти и подражанія „для упражненія въ слогѣ“ и, наконецъ, вздумалъ заняться серьезнымъ, по его мнѣнію, трудомъ, къ которому, повидимому, онъ уже и приступалъ, какъ къ подвигу.

Въ ту пору были въ большой модѣ такъ-называемыя „сан-

тиментальныя путешествія", и нхъ, съ легкой руки Стерна, во всѣхъ литературахъ расплодилось великое множество. Въ этихъ путешествіяхъ, передвиженія съ мѣста на мѣсто и переѣзды изъ одного города въ другой были только внѣшнимъ предлогомъ къ нескончаемымъ размышленіямъ и разсужденіямъ на тэму чувства, впечатлѣній и всякаго рода отвлеченностей. Въ такую-то внѣшнюю форму „*Путешествія*" Радищевъ вздумалъ вставить большую и подробную картину современныхъ общественныхъ нестроеній, о которыхъ ему хотѣлось высказать все, что у него накипѣло на душѣ, впечатлительной и воспріимчивой до крайности, жаждущей добра и правды, отзывчивой на страданія и сѣтованія всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ". Такое отношеніе къ труду своему онъ весьма ясно выразилъ въ томъ посвященіи книги другу своему Кутузову, которое предпослано „Путешествію":

„Я взглянулъ окрестъ меня, — такъ говорилъ онъ въ этомъ посвященіи,—душа моя страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели — вѣщалъ я самъ себѣ — природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженства николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сей мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшеніе въ немъ самомъ. „Отыми завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду". Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и сострадание; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобнымъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь". Путешествія Радищева.

И вотъ, подраздѣливъ свою книгу на двадцать пять главъ, онъ наивно придалъ первой изъ нихъ названіе „Выѣздъ", а остальнымъ—названіе важнѣйшихъ станцій между Петербургомъ и Москвой (Софія, Тосна, Любань, Чудово, Спасская Полисть и т. д.), и въ каждой изъ этихъ главъ помѣстилъ по очень неприглядной и мрачной картинѣ изъ современнаго крестьянскаго быта; а въ этихъ картинахъ не пожалѣлъ красокъ на изображеніе крайне-тягостнаго положенія крестьянъ, угнетаемыхъ и мелкимъ тиранствомъ грубыхъ, невѣжественныхъ, необузданныхъ баръ, и несправедливостью, подкупностью и произволомъ властей

и судей. Всѣ эти картины еще болѣе представляются мрачными и рѣзко-подчеркнутыми, потому что переполнены восклицаніями, сокрушеніями, изліяніями гражданской скорби, весьма искренней, но черезчуръ многорѣчивой. „Опомнитесь, заблудшіе, — восклицаетъ Радищевъ, — смягчитесь, жестокосердые! Разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему-же Всещедрымъ уготованы, яко же и вы...“ Или далѣе: „Но кто же между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ, кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада, — тотъ, кто даетъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжатися ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ, что производитъ“ и т. д. Сверхъ такого сентиментальнаго, докучнаго и неумѣстнаго паѳоса, Радищевъ, по поводу той или другой, только-что набросанной имъ картины, позволяетъ себѣ дѣлать обобщенія, переходитъ отъ указанія на частный фактъ, къ пространнымъ разсужденіямъ о разныхъ вопросахъ изъ области религіи, правъ, внутренней политики, соціальнаго положенія народа, отношеній власти къ массѣ и т. п. И все это изложено аляповато, неловко, съ тою угловатою рѣзкостью, которая, изобличая усердіе автора въ разработкѣ даннаго вопроса, въ то же время свидѣтельствуетъ о его безталанности, бездарности литературной, о его неумѣньѣ высказывать свои задушевныя мысли никого не задѣвая, не вооружая противъ себя — пожалуй, даже о его нежеланіи сообразоваться съ существующими условіями и порядками общественной и государственной жизни. Но все это такъ наивно, такъ просто, такъ безхитростно выставлено на видъ и на показъ, что никому, казалось бы, и въ голову не могло бы прійти, что автора этой наивной книги можно заподозрить въ какихъ-то революціонныхъ тенденціяхъ, въ какихъ-то злокозненныхъ замыслахъ и намѣреніяхъ. Въ довершеніе всего, авторъ, какъ бы для того, чтобы окончательно себя выдать и всклепать на себя всякую небывальщину, вздумалъ украсить свою книгу двумя довольно нескладными произведеніями: во главѣ „Спасская Полисть“ онъ помѣстилъ „Сонъ“ царя, которому въ сновидѣніи является Истина, въ видѣ странницы, и указываетъ на великую неурядицу и нестроенія во всѣхъ областяхъ его царства, во всѣхъ частностяхъ управленія; а въ главѣ „Тверь“ помѣстилъ оду на „Вольность“, которая, конечно, была болѣе чѣмъ неумѣстна въ ту пору, когда террорь свирѣпствовалъ въ стѣнахъ Парижа и революціонныя пѣсни, распѣваемыя на улицахъ этой столицы, наводили ужасъ на всю остальную Европу.

И только благодаря именно этой крайней безтактности и неумѣстной ретивости въ стремленіи къ опредѣленной цѣли, мно-

гія несомнѣнныя достоинства его книги вовсе не были замѣчены и пропали безслѣдно среди расплывчатой массы напыщенныхъ фразъ и сентиментальныхъ возгласовъ. А между тѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ книгою Радищева, мы убѣждаемся въ томъ, что онъ былъ дѣйствительно близко знакомъ съ бытомъ нашего крестьянства и дѣйствительно жаждалъ принести хотя какое-нибудь облегченіе этой меньшей братіи. Все, что онъ предлагаетъ сдѣлать на пользу крестьянства—не отвлеченная фантазія, не вымыселъ, не причудливый проектъ филантропа, упавшаго на землю съ луны. Все предлагаемое и указываемое имъ строго обдумано, вполнѣ разумно и осуществимо на практикѣ. Признавая постепенность необходимымъ условіемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ намѣчаетъ вполнѣ правильно тотъ путь, по которому впослѣдствіи, семьдесятъ лѣтъ спустя, совершена была величайшая реформа XIX вѣка. Въ положеніи о крестьянахъ (19 февраля 1861 г.) нѣтъ почти ни одного пункта, который бы не былъ уже предусмотрѣнъ и заранѣе обсужденъ Радищевымъ.

Судъ надъ Радищевымъ.

Впослѣдствіи, послѣ многихъ лѣтъ тяжкихъ невзгодъ, Радищевъ самъ говаривалъ, что если бы книга его вышла лѣтъ за пятнадцать или даже за десять ранѣе, то онъ можетъ-быть, былъ бы награжденъ, а не сосланъ за свое „Путешествіе“, потому что въ немъ онъ указывалъ на многія злоупотребленія, которыя и правительство, конечно, не одобряло, и о положеніи крестьянъ высказывалъ мысли, которыя могли назваться полезными и найти себѣ примѣненіе на практикѣ. Но книга явилась не во-время— и книгу постигла жестокая участь; недаромъ еще Горацій сказалъ, что у „каждой книги своя судьба“... Книга попалась въ руки Екатерины въ недобрый часъ, и она отнеслась къ ней въ высшей степени сурово. Авторъ „Путешествія“ явился въ ея глазахъ „бунтовщикомъ не хуже Пугачева... исполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ... ищетъ всячески все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, *къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства*“... Въ концѣ разбора книги, сдѣланнаго Екатериною, Радищевъ оказался, наконецъ, даже и „первымъ подвизателемъ французской революціи въ Россіи“. Великая государыня поддалась впечатлѣнію минуты и произнесла свой приговоръ въ порывѣ гнѣва: усердіе судей, которымъ поручено было дѣло Радищева, довершило остальное... Рѣшено было сослать Радищева въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, на 10 лѣтъ [1]). Надо, однакоже, предположить,

[1]) Императоръ Павелъ, тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, освободилъ Радищева изъ ссылки и дозволилъ ему жить въ его помѣстьяхъ; а императоръ Александръ I вызвалъ его въ С.-Петербургъ и опредѣлилъ на службу членомъ законодательной коммиссіи (1801 г.).

Титульный листъ «Путешествія» Радищева, съ хранящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ экземпляра, принадлежавшаго А. С. Пушкину.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй,,

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Экземпляръ бывшій въ Тайной канцеляріи. Заплаченъ двѣсти рублей.

Приписка А. С. Пушкина на обверткѣ этого экземпляра.

А. М. К.

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О' сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно -- и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрѣстъ меня -- душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою -- и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка произходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предмѣты. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чув„ствованія -- и блаженъ буду.„ Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего,

Страничка «Предисловія» къ «Путешествію» Радищева, по тому же экземпляру.

А Пушкинъ.

Автографъ А. С. Пушкина, на обертке того же экземпляра.

что разсудокъ Радищева былъ омраченъ всѣми пережитыми имъ потрясеніями... Шутливое замѣчаніе его начальника, который какъ-то сказалъ ему: „охота тебѣ пустословить попрежнему! Или мало тебѣ было Сибири!“ —навело его на мрачныя мысли... и онъ отравился (ум. 12 сент. 1802 г.).

Преслѣдованіе автора.

Гроза, разразившаяся надъ Радищевымъ и мартинистами, коснулась стороною и тѣхъ литературныхъ дѣятелей, которые высказывали сочувствіе къ мистическимъ ученіямъ, хотя и не принимали въ ихъ дѣятельности прямого участія; такъ, напр., мы знаемъ, что Херасковъ — всѣми уважаемый и любимый въ Москвѣ и занимавшій издавна почетный постъ куратора Московскаго университета—временно подвергся опалѣ и чуть не лишился мѣста. Императрица, уничтожая и закрывая все, что было сдѣлано мартинистами, изглаживая съ особенною настойчивостью всякій слѣдъ ихъ благой и полезной дѣятельности, разсылая и удаляя изъ Москвы всѣхъ членовъ ихъ кружка—не хотѣла пощадить и Хераскова. Онъ спасся только заступничествомъ любимца государыни П. А. Зубова, котораго просилъ за Хераскова Державинъ, тогда пользовавшійся милостью временщика. Надо, однакоже, думать, что Хераскову въ этомъ случаѣ не мало помогли также и его обширныя, разнообразныя родственныя связи.

Чуткая подозрительность Екатерины дошла до того въ послѣдніе годы ея жизни, что опалѣ подвергались за свои произведенія не только живые люди, но и тѣ, которые уже успѣли окончить всѣ свои земные счеты. Такъ, въ 1793 г. жестокое гоненіе было воздвигнуто на одно изъ произведеній Княжнина, скончавшагося въ 1791 г. Произведеніе это было трагедія „*Вадимъ Новгородскій*“, написанная еще въ 1783 г., но почему-то напечатанная только уже два года спустя послѣ его смерти, сначала въ видѣ отдѣльнаго изданія, а потомъ, по распоряженію княгини Е. Р. Дашковой, перепечатанная въ собраніи сценическихъ произведеній, извѣстномъ подъ общимъ заглавіемъ „Россійскаго Ѳеатра“.

Трагедія эта, заимствованная изъ весьма извѣстнаго эпизода Іоакимовской лѣтописи, была въ сущности произведеніемъ весьма невиннымъ, не заключавшимъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и вся вина покойнаго автора заключалась лишь въ томъ, что его трагедія явилась въ свѣтъ въ періодъ реакціи. Содержаніе трагедіи основано на томъ, что Вадимъ, посадникъ и воевода Новгородскій, уходитъ на войну, а новгородцы, по совѣту своего старѣйшины, Гостомысла, призываютъ къ себѣ въ князья Рюрика и вручаютъ ему неограниченную власть. Возвратившись съ войны, Вадимъ, сторонникъ вольности Новгорода, составляетъ заговоръ противъ Рюрика и при помощи своихъ сотоварищей, посадниковъ Пререста и Вигора, поднимаетъ народное возстаніе.

Возстаніе усмирено Рюрикомъ. Онъ торжествуетъ надъ своими противниками, и великодушно предлагаетъ народу возложить вѣнецъ княженія на Вадима, которому онъ уступаетъ престолъ. Но Вадимъ отказывается отъ вѣнца, а Рюрикъ, внявъ мольбамъ народа, остается попрежнему княземъ Новгородскимъ.

Радищевскій музей въ Саратовѣ, основанный потомкомъ Радищева, художникомъ А. П. Боголюбовымъ.

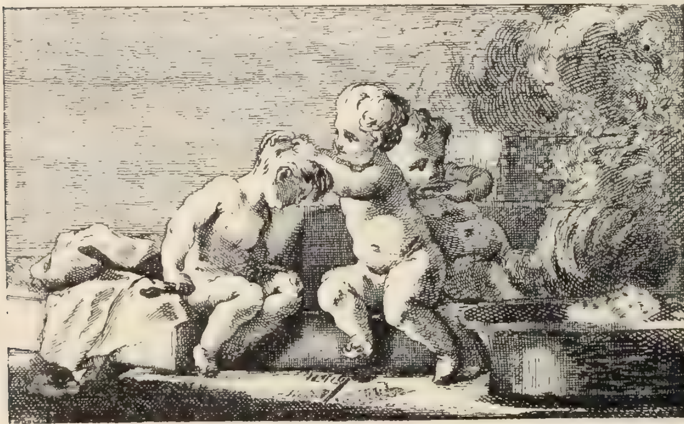
Чрезвычайно любопытно то, что эта трагедія, вполнѣ монархическая по духу и общему строю своей основы, прославляющая значеніе прочно-установленной княжеской власти и порицающая вольность новгородскую, подверглась гнѣву Екатерины за тѣ нѣсколько отдѣльныхъ фразъ, которыя вложены авторомъ въ уста Вадима и его сподвижниковъ, а можетъ быть и за то, что на сценѣ представленъ заговоръ „противъ законной власти“ и возстаніе. Екатерина потребовала у Дашковой объясненія, выражая ей удивленіе въ томъ, что она дозволила себѣ напечатать произведеніе „достойное быть сожженнымъ рукою палача“... Дашкова оправдывалась какъ могла [1]); но Вадимъ Новгородскій все же былъ отобранъ и сожженъ, и немногіе уцѣлѣвшіе экземпляры его составляютъ большую библіографическую рѣдкость.

[1]) Дашкова, въ свое оправданіе передъ государыней, могла, между прочимъ, сослаться на недавнее прошлое. Лѣтъ за шесть до этого эпизода, московскій главноначальствующій графъ Брюсъ запретилъ представленіе на сценѣ трагедіи Николева «Сорена и Замиръ», за то, что въ этой трагедіи были рѣзкія выходки противъ самовластія и восхваленія вольности. Екатерина, узнавъ объ этомъ изъ донесенія графа Брюса, замѣтила ему, что онъ поступилъ неосмотрительно, «ибо авторъ возстаетъ противъ самовластія тиранновъ, а Екатерину вы называете матерью»—и немедленно приказала Дашковой напечатать трагедію Николева въ «Россійскомъ Өеатрѣ».

Не менѣе поучительнымъ фактомъ этой печальной эпохи Екатерининскаго царствованія является и весьма извѣстный эпизодъ съ стихотвореніемъ Державина, заимствованнымъ изъ 81-го псалма (*„Властителямъ и судьямъ“*). Стихотвореніе это было написано еще въ 1780 г., и пятнадцать лѣтъ спустя чуть-чуть не сослужило очень дурную службу знаменитому пѣвцу Екатерины. Дѣло въ томъ, что якобинцы въ Парижѣ распѣвали этотъ псаломъ на улицахъ, и государыня, зная это и увидя тотъ же псаломъ въ прекрасномъ переложеніи Державина, вдругъ вознегодовала на него и потребовала объясненій отъ поэта. По счастью, поэтъ не растерялся и смѣло писалъ въ оправданіе себѣ слѣдующія памятныя строки:

„Проповѣдь Священнаго Писанія въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ нигдѣ и никогда не была опасна. Если оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ мѣстахъ, съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законы, такихъ стиховъ не писали“.

Этотъ эпизодъ, случившійся въ 1795 году, былъ едва ли не послѣднимъ въ ряду проявленій той печальной подозрительности и нетерпимости, которыми — увы! — ознаменовался этотъ грустный и тягостный періодъ царствованія великой государыни.

Виньетка Екатерининскихъ временъ.

Декабря 28. дня 1800. года ~~№~~ 2.

Всемилостивѣйшей Государь!

Дерзновеніе мое велико, просить у вашего Императорскаго величества, дозволенія пріѣхать въ петербургъ; но велико твое и милосердіе ко всѣмъ твоимъ подданнымъ. Милости твои и щедроты столь общи и велики, благодѣянія твои столь велики обильны и многи, что всякому даютъ смѣлость прибѣгнуть къ тебѣ, какъ къ истинному отцу

Всеподданнѣйшее прошеніе Радищева, поданное Императору Павлу I.
Изъ собранія автографовъ С. Н. Шубинскаго.

твоихъ подданныхъ, какъ къ источнику милованія, щастія и блаженства. Къ тебѣ, о, милосердый государь воззову, какъ нѣкогда воззвалъ Давидъ къ богу: Господи услыши молитву мою, внуши моленію души моея.
Невѣдаю, великій Государь, могу ли быть достоинъ помилованія, но когда нисхожу въ сердце мое, и необрѣтая въ немъ ничего злобнаго, коварнаго, или ухищреннаго, находя только десятилѣтнее и ежечасное раскаяніе о моемъ преступленіи; тогда совѣсть, внутренній и всегдашній судія человѣковъ, даетъ смѣлость воззвать къ тебѣ источнику Милосердія, съ моею прозьбою, къ тебѣ великому Государю, къ тебѣ помилователю моему. ибо десятилѣтнее о мнѣ рѣшеніе, въ Илимскѣ меня заключавшее, милосердіе твое уже сократило, а срокъ

десятилѣтней рѣшенія уже кончился. Причина побуждающая меня просить Вашего Императорскаго Величества о дозволеніи мнѣ приѣхать въ Петербургъ, хотя маловажна кажется, но для чувствительнаго сердца довольна, а предъ престоломъ твоимъ благимъ, въ очахъ толико Милосердаго государя можетъ имѣть оправданіе; причина, желаніе видѣть дѣтей моихъ, находящихся въ Петербургѣ въ службѣ вашего Императорскаго Величества, одинъ въ полку Лейбгре=надерскомъ, другой въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ гардъ демариномъ. Сего, семь лѣтъ почти, товарищемъ бывшаго моего изгнанія, позволь Милосердой Государь, да прижму къ моей издыхающей груди, ибо слышу благія его начинанія. Не дерзнулъ бы великій Государь, прибѣгнуть съ моею прозьбою, еслибы не имѣлъ въ виду, что рѣшеніе обо мнѣ было на десять лѣтъ,

что распятіе мое есть всечасно, а паче всего что милосердіе твое есть неизреченно. Услыши, О, государь! мое моленіе, и да причтуся въ число быть помилованныхъ тобою.

Всемилостивѣйшій Государь.

Вашего императорскаго величества.

декабря 21 дня. 1800 году.
въ сельцѣ нѣмцовѣ
калужской губерніи
боровской округи

нижайшій вѣрноподданной
Александръ радищевъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Крыловъ и Карамзинъ. Біографическія свѣдѣнія. Различное отношеніе къ современной дѣйствительности. — Различіе въ литературныхъ направленіяхъ и во взглядахъ на литературный языкъ и слогъ. Сентиментальное направленіе. — «Письма русскаго путешественника» и повѣсти Карамзина.—Дмитріевъ и его произведенія въ стихахъ и прозѣ.

Блестящій вѣкъ Екатерины, полный громкихъ и славныхъ именъ, закончился литературною дѣятельностію двухъ замѣчательныхъ писателей, переживших при Екатеринѣ періодъ горячей молодости и пылкихъ увлеченій, и впослѣдствіи украсившихъ произведеніями своими первую четверть XIX столѣтія. Почти одновременно выступивъ на литературное и журнальное поприще, они оба —Крыловъ и Карамзинъ—подошли къ своей дѣятельности съ двухъ разныхъ сторонъ и проложили совершенно иные, ни въ чемъ не схожіе пути, какъ люди одинаково-сильныхъ дарованій, но совершенно различныхъ характеровъ, воззрѣній и образованія. Одинъ, почти самоучка, бѣднякъ, близко видѣвшій съ дѣтства всю прозу жизни, рано достигнувшій зрѣлости путемъ горькаго житейскаго опыта, который помогъ ему сблизиться съ народомъ и усвоить его философію; другой—нѣжный и деликатный баричъ, изящный и тонкій, прошедшій всю школу свѣтскаго воспитанія, даже вкусившій свѣтской суетности, и выступившій на литературное поприще послѣ того, какъ счастливая случайность свела его съ лучшими представителями Дружескаго Общества. Подъ ихъ-то руководствомъ онъ и закончилъ свое нравственное воспитаніе и усвоилъ тѣ идеалы, съ которыми выступилъ въ жизни и литературѣ. Оба эти дѣятеля, столь различные во всемъ, сходились, кажется, только въ одной чертѣ своей литературной карьеры: и тотъ, и другой начинали свою дѣятельность съ такихъ литературныхъ произведеній, съ которыми уже никогда болѣе не встрѣчались впослѣдствіи, и составили себѣ громкое, славное имя тѣми именно произведеніями, о которыхъ никогда не мечтали въ юности.

Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ нѣсколько старше Крылова (род. 1768 г., 1 декабря). Онъ былъ родомъ изъ Симбирской губ., гдѣ отецъ его, Михаилъ Егоровичъ Карамзинъ, имѣлъ довольно порядочное помѣстье. Отъ перваго брака М. Е. Карамзина и родился Николай Михайловичъ [1]), котораго отецъ и мачиха выростили и воспитали вмѣстѣ съ его братомъ дома. Въ чемъ заключалось это первоначальное, домашнее воспитаніе — мы не знаемъ; но знаемъ, что къ этому воспитанію прилагалось и стараніе, и забота, потому что, какъ только минуло Карамзину Карамзинъ.

[1]) Мать Н. М. Карамзина скончалась въ первые годы его дѣтства.

14 лѣтъ, его отвезли въ Москву и опредѣлили въ лучшее учебное заведеніе того времени, въ пансіонъ Шадена, одного изъ весьма извѣстныхъ и наиболѣе талантливыхъ профессоровъ Московскаго университета. Одинъ изъ учениковъ его, быть-можетъ, товарищъ Карамзина, почтилъ его память слѣдующими стихами:

«Какъ риторъ ты владѣлъ учащихся сердцами,
Какъ философъ любить ты истину училъ,
И въ томъ примѣромъ самъ отличнѣйшимъ служилъ;
Ты былъ учености и мудрости ревнитель,
Ты вѣры былъ святой всю жизнь свою хранитель.
И друга, и отца учащимся являлъ,—
Ихъ пользу, счастье ихъ ты собственнымъ считалъ».

Годы ученія.

И Карамзинъ также съ благодарностью вспоминаетъ о томъ, какъ онъ былъ однимъ изъ восьми учениковъ у Шадена въ пансіонѣ, который существовалъ (и славился) въ Москвѣ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII столѣтія. Объ этомъ пансіонѣ мы знаемъ только, что въ немъ преподавалъ и Шаденъ, и посторонніе учителя; знаемъ также, что Карамзинъ, пребывая въ пансіонѣ Шадена, посѣщалъ и нѣкоторыя университетскія лекціи. Но все же образованіе, полученное Карамзинымъ даже и въ этомъ образцовомъ пансіонѣ, было не выше элементарнаго; онъ даже не ознакомился въ достаточной степени съ новѣйшими языками: Карамзину пришлось доучиваться имъ впослѣдствіи, особенно во время пребыванія за границею въ 1789 г.

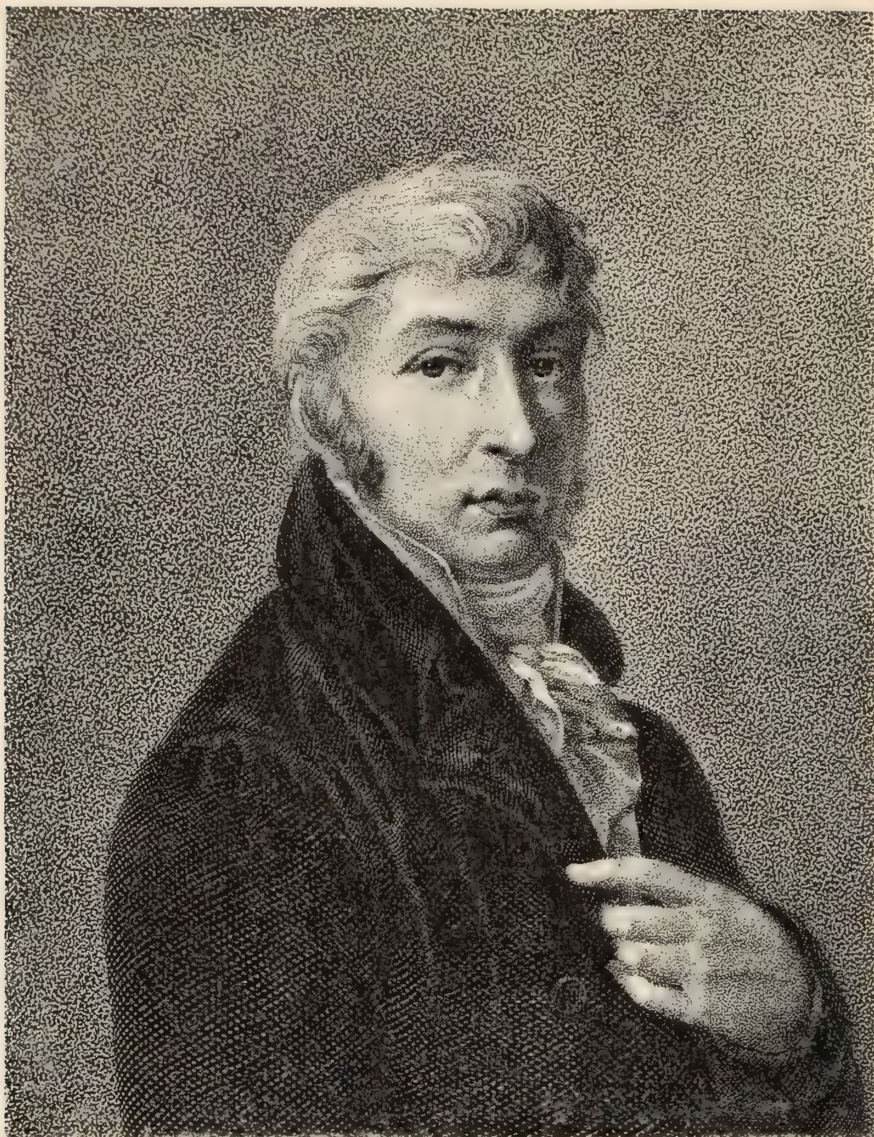
Покончивъ съ пансіономъ, юноша Карамзинъ пошелъ общею стезёю всей дворянской молодежи прошлаго столѣтія—т. е. поступилъ въ военную службу, въ Преображенскій полкъ. Но пробылъ тамъ очень недолго, такъ какъ въ концѣ 1783 г. или въ началѣ 1784 г. умеръ его отецъ и Карамзину пришлось покинуть Петербургъ и уѣхать на родину. Пребываніе въ военной службѣ осталось ему памятно только тѣмъ, что онъ здѣсь сошелся съ И. И. Дмитріевымъ, такимъ же преображенцемъ, какъ онъ самъ—впослѣдствіи закадычнымъ другомъ его до конца жизни. Изъ записокъ И. И. Дмитріева и узнаемъ мы, что Карамзинъ, по смерти отца, зажилъ въ провинціи тою же свѣтскою жизнью, которою около него жили всѣ, и что только счастливая случайность отвлекла его отъ этой пустоты и направила иною дорогою. Въ Симбирскѣ встрѣтился съ нимъ И. П. Тургеневъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ „Дружескаго Общества", и угадавъ въ юношѣ человѣка способнаго и умнаго, уговорилъ его ѣхать въ Москву и заняться дѣломъ. Карамзинъ поѣхалъ и, по пріѣздѣ въ Москву, введенъ былъ И. П. Тургеневымъ въ кружокъ Дружескаго Общества, гдѣ для него нашлись и нравственная под-

держка, и трудъ. А трудиться было необходимо, потому что Карамзинъ, очутившись въ кружкѣ молодежи, которая содержалась на счетъ „Дружескаго Общества“ и работала въ его изданіяхъ, увидѣлъ всю шаткость своихъ знаній, всю ограниченность своего образованія, всю недостаточность своего умѣнья, даже по отношенію къ знанію отечественнаго языка. Чтобы судить о томъ, какъ необычайно много успѣлъ пріобрѣсти Карамзинъ за время своего четырехлѣтняго (1785—1789 г.) пребыванія въ Дружескомъ Обществѣ, стоитъ только сравнить его прозу въ первомъ печатномъ его произведеніи [1]), съ тѣми оригинальными и переводными произведеніями, которыя были имъ помѣщены въ Новиковскомъ „Дѣтскомъ Чтеніи“; и мы сразу поймемъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ развился и выросъ литературный талантъ Карамзина. Здѣсь, подъ руководствомъ болѣе опытныхъ въ словесности товарищей своихъ, Карамзинъ занялся переводами съ иностранныхъ языковъ и вообще самообразованіемъ. Такъ были переведены: поэма Геснера „*О происхожденіи зла*“ (1786), переведенная по порученію Новикова, „*Бесѣды съ Богомъ или размышленія на каждый день года*“ (1787 г.), а также переведенъ и написанъ цѣлый рядъ статей для „Дѣтскаго Чтенія“. Товарищи-руководители, съ которыми Карамзинъ столкнулся въ кружкѣ Дружескаго Общества, были люди способные и основательно-образованные — воспитанники знаменитаго педагога и филантропа Шварца, котораго Карамзинъ уже не засталъ въ живыхъ. Выдающееся мѣсто между ними занимали А. А. Петровъ и А. М. Кутузовъ. О первомъ изъ нихъ И. И. Дмитріевъ, лично съ нимъ знакомый, говорилъ въ своихъ „запискахъ: „Петровъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, и одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ здравой критикѣ“. „Карамзинъ полюбилъ Петрова—говоритъ далѣе Дмитріевъ,—потому что оба питали равную страсть къ познаніямъ, изящному, имѣли одинаковую силу въ умѣ, одинаковую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи, подъ одною кровлею, у Меньшиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ „Дружескому Обществу“ [2]).

---

[1]) Произведеніе это переводъ геснеровой идилліи «*Деревянная нога*» (напечатанной въ С.-Петербургѣ 1783 г.). Въ немъ, по указанію Н. С. Тихонравова, встрѣчаются мѣста такого рода: «Потеряніе нѣкоторыхъ изъ васъ своихъ отцевъ, коихъ память должна еще быть незабвенна въ вашихъ сердцахъ, сдѣлало, что вы, вмѣсто, чтобъ ходили повѣся голову, страдая подъ игомъ рабства, взираете нынѣ съ радостью на восходящее солнце, и утѣшительныя пѣніи распространяются повсюду».

[2]) «Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками: въ одной стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, а другая освящалась Іисусомъ на крестѣ, подъ покровомъ чернаго крепа». Такъ описываетъ Дмитріевъ студенческую келью Карамзина.

Н. М. Карамзинъ—въ молодости.

Другимъ близкимъ къ Карамзину человѣкомъ, въ томъ же кружкѣ, былъ А. М. Кутузовъ, извѣстный переводчикъ „Мессіады“ Клопштока: онъ пользовался среди масоновъ большимъ значеніемъ. Впослѣдствіи онъ даже былъ отправленъ московскими масонами въ Берлинъ и игралъ выдающую роль въ сношеніяхъ русскихъ ложъ съ западно-европейскими. И Петровъ, и Кутузовъ были, повидимому, убѣжденными мистиками и масонами, и отчасти проявляли въ настроеніи своемъ тотъ сумракъ, который былъ неразлученъ съ увлеченіями мистицизмомъ. Карамзинъ зналъ Кутузова уже меланхоликомъ, постоянно занятымъ мыслію о смерти. Тяжелыя сомнѣнія и мрачныя думы постоянно владѣли его ду-

мою Петрова. Вопросы: „что я есмь, и что я буду?—всего меня занимаютъ (пишетъ Петровъ Карамзину) и бѣдную голову мою, праздностью разслабленную, кружатъ и въ большое неустройство приводятъ".

Вліяніе Дружескаго Общества.

Нельзя отрицать того, что пребываніе въ Дружескомъ Обществѣ значительно повліяло на литературное развитіе Карамзина; несомнѣнно и то, что увлеченный примѣромъ друзей своихъ, Кутузова и Петрова, Карамзинъ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1785—1789) усиленно работалъ надъ пополненіемъ своего образованія, много читалъ, многое изучалъ и обдумывалъ, многое обсуждалъ и усвоивалъ, и мало-по-малу пріобрѣлъ обширныя и солидныя свѣдѣнія въ современной ему европейской литературѣ. Но не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію и тотъ фактъ, что мистицизмъ пришелся Карамзину не по душѣ и что проникнуться ученіемъ мистиковъ онъ не могъ, хотя и вступилъ въ масонство и былъ несомнѣнно нѣкоторое время членомъ одной изъ масонскихъ ложъ [1]). Многія стороны дѣятельности масоновъ и ихъ убѣжденія—разумная религіозность, человѣколюбіе, братская любовь къ ближнему и патріотическое настроеніе—находили себѣ сочувствіе въ сердцѣ Карамзина и даже отразились во многихъ сторонахъ его послѣдующей литературной и общественной дѣятельности. Но и дѣятельность масоновъ, и ихъ убѣжденія представлялись живому и пылкому юношѣ Карамзину слишкомъ односторонними и однообразными: ему мало было этой морали и созерцаній, мало было одной филантропіи и сосредоточенія всѣхъ силъ души на самопознаніи. Онъ жаждалъ жизни, впечатлѣній, даже увлеченій, и строгія рамки, въ которыя мистики старались втиснуть всѣ потребности жизни и духа, представлялись ему тѣсными и узкими. Увлекательные парадоксы Руссо, бурный трагизмъ Шекспира и пламенная чувствительность Лессинга кружили ему голову и приводили его въ восторгъ, и склоняли его, мало-по-малу, къ сентиментализму, который тогда (въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка) начиналъ преобладать въ западныхъ литературахъ и уже проникать къ намъ.

Путешествіе за границу.

Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу и, посѣтивъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, провелъ за границею полтора года. Въ теченіе этого времени и были написаны знаменитыя въ свое время „Письма русскаго путешественника", доставившія автору заслуженную извѣстность. Но гораздо важнѣе этого произведенія было то общее настроеніе, которое являлось прямымъ выводомъ всѣхъ впечатлѣній, вынесенныхъ Карамзи-

---

[1]) Въ 1789 г. онъ даже и за границу уѣхалъ на счетъ Дружескаго Общества и по инструкціи С. И. Гамалѣи—ревностнаго масона.

нымъ изъ его путешествій за границу. Ему пришлось увидѣть тамъ писателей и журналистовъ въ такомъ почетномъ, завидномъ положеніи среди окружающаго ихъ общества, что мысль о возможности создать себѣ подобное же положеніе въ Россіи стала туманить его молодую голову. Понадѣявшись на свои силы, онъ, по возвращеніи изъ-за границы, рѣшился покинуть тотъ избитый торный путь, по которому около него шло все современное русское дворянство, и создать себѣ иное, новое положеніе; и дѣйствительно, онъ, несмотря на 24 года, не поступаетъ на службу, не поселяется и въ деревнѣ, но посвящаетъ себя всецѣло и исключительно литературной дѣятельности.

Московскій журналъ.

Надо сказать правду: эпоха, въ которую Карамзинъ рѣшился выступить на литературное поприще, можетъ быть названа наименѣе благопріятной для выполненія этого оригинальнаго замысла. И конецъ царствованія Екатерины, и кратковременное царствованіе Павла были временемъ суровымъ и тяжкимъ,—временемъ застоя и опасеній за каждое лишнее слово, высказанное печатно или устно. Но смѣлый юноша сумѣлъ примѣниться къ обстоятельствамъ, и очень скоро успѣлъ обратить на себя общее вниманіе новизною и яркостью своихъ увлекательныхъ произведеній: онъ сдѣлался положительно любимцемъ всей читающей публики. Мало того, двѣнадцатилѣтній періодъ времени, отъ 1791 по 1803 годъ, посвященный Карамзинымъ журналистикѣ и литературѣ, представляетъ собою самый блестящій періодъ въ его писательской дѣятельности. И дѣйствительно, все, что въ этомъ періодѣ выходило изъ-подъ пера Карамзина, было настолько жизненно, настолько ярко, ново и разнообразно, настолько соотвѣтствовало потребностямъ и вкусу большинства читателей, что успѣхи Карамзина не могутъ даже удивлять насъ.

Пробнымъ камнемъ литературнаго вкуса и умѣнья Карамзина явилось уже и первое его предпріятіе: *Московскій журналъ*, которому онъ сумѣлъ придать новую форму и въ эту форму внести такое содержаніе, какого до этого времени публика не встрѣчала еще ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Это литературное умѣнье, конечно, стояло въ большой зависимости отъ таланта Карамзина, но, вѣроятно, было также и результатомъ близкаго знакомства Карамзина съ тѣми условіями, въ которыя журнальное дѣло было поставлено за границей. Влагая душу въ свой журналъ, принимая въ немъ главное участіе, внося въ него львиную долю всего вмѣщаемаго имъ матеріала, Карамзинъ заботился и о томъ, чтобы блеснуть передъ публикой участіемъ лучшихъ силъ современной русской литературы: рядомъ съ нимъ видимъ въ журналѣ и произведенія Хераскова, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго, Николева, Ѳ. Львова, Дмитріева—

рядомъ съ „маститыми“ и молодыя силы. За отдѣломъ *стиховъ* и *беллетристической прозы* въ журналѣ Карамзина слѣдовала *смѣсь* и отдѣлъ критическій, въ которомъ, рядомъ съ рецензіями и отчетами о новыхъ книгахъ, помѣщались и довольно обширные разборы важнѣйшихъ произведеній иностранной и русской литературы. Просуществовавъ два года, „Московскій Журналъ“ вдругъ прекратился. Легко можетъ быть, что это прекращеніе до нѣкоторой степени стояло въ связи съ разгромомъ, постигнувшимъ „Дружеское Общество“ въ декабрѣ 1792 года. Въ заключеніи къ послѣдней книжкѣ журнала Карамзинъ заявилъ, что стѣсняется срочностью

Бывшій масонскій домъ въ переулкѣ, близъ Меньшиковой башни.

журнальной работы и предпочитаетъ форму періодическихъ сборниковъ, вѣроятно потому, что имъ менѣе могли вредить цензурныя затрудненія. Была, впрочемъ, и другая причина, выставленная на видъ Карамзинымъ. Говоря о томъ, что сборникъ „Аглая“ заступитъ мѣсто „Московскаго Журнала“, онъ прибавляетъ къ этому: „она („Аглая“) должна отличаться отъ „Московскаго Журнала“ строжайшимъ выборомъ піесъ и вообще чистѣйшимъ, т. е. болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ“.

Сборники Карамзина.

Но прежде „Аглаи“ явился въ свѣтъ сборникъ подъ заглавіемъ „Мои бездѣлки“, онъ заключалъ въ себѣ всѣ статьи Карамзина, помѣщенныя въ „Московскомъ Журналѣ“. Затѣмъ, въ 1794 г., явился сборникъ „Аглая“, въ двухъ отдѣльныхъ книж-

кахъ [1]). Но на этихъ двухъ сборникахъ не останавливается талантливый молодой писатель; онъ идетъ далѣе по тому же самому пути, продолжая неутомимо работать для русской литературы, придумывая новыя сопоставленія литературнаго матеріала, способныя привлечь вниманіе читающей публики, и распространяя въ массѣ ея много новыхъ свѣдѣній, изощряя и облагораживая вкусъ читающей публики. И въ этой дѣятельности Карамзина постоянно слышатся отголоски тѣхъ впечатлѣній, которыя вынесены имъ изъ заграничнаго путешествія. Такъ, въ 1796 году, онъ издаетъ въ свѣтъ первый русскій альманахъ, подъ названіемъ „*Аониды или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній*“ — нѣкоторое подобіе тому „Альманаху Музъ (Almanach der Musen)“, который ежегодно печатался въ Германіи и представлялъ собою сборникъ новыхъ, мелкихъ стихотвореній. Въ предисловіи къ сборнику, составитель его выражаетъ надежду на то, что „любителямъ поэзіи“ пріятно будетъ найти въ его сборникѣ „всѣхъ нашихъ извѣстныхъ стихотворцевъ“, а „подъ ихъ щитомъ“ и

Бесѣдка Карамзина, въ саду г-жи Селивановской, подъ Симоновымъ монастыремъ.

[1]) Въ первой книжкѣ Карамзинъ помѣстилъ слѣдующія свои статьи: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона»—воспоминаніе о Петровѣ, умершемъ въ концѣ 1793 года; «Что нужно автору?»—«Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи»;—«Островъ Борнгольмъ»;—«Письма изъ Лондона» и нѣсколько стихотвореній. Во второй книжкѣ «Аглаи» видимъ слѣдующія статьи Карамзина: «Сіерра Морена»;—«Аѳинская жизнь»;—«Переписка Филалета и Мелодора»;—«Дремучій лѣсъ»;—«Илья Муромецъ» и продолженіе «Писемъ русскаго путешественника».

произведенія „нѣкоторыхъ молодыхъ авторовъ, которыхъ зрѣющій талантъ достоинъ ея вниманія". И дѣйствительно, мы видимъ въ „Аонидахъ" [1]), рядомъ со стихами Державина и Хераскова, произведенія Львова и Капниста, и князя Горчакова, и В. Пушкина, и Измайлова, и Кострова, и даже Магницкаго — слѣдовательно „Аониды" могли дать достаточно полное понятіе о силахъ, дѣйствовавшихъ въ ту пору на литературномъ поприщѣ.

Въ 1798 году, вслѣдъ за „Аонидами", Карамзинъ задумываетъ изданіе „*Пантеона иностранной словесности*", о которомъ онъ самъ говоритъ, что это изданіе должно быть не что иное, какъ собраніе всякаго рода твореній—и важныхъ и неважныхъ... „и сказка, и отрывокъ, и арабскій анекдотъ—иное для слога, иное для любопытства, однимъ словомъ, родъ журнала, посвященнаго иностранной литературѣ".

Но времена для литературы были тугія, печальныя. Карамзинъ, въ сохранившихся отъ этой эпохи письмахъ къ друзьямъ, горько сѣтуетъ на цензуру, которая, „какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается. Я, кажется, и самъ могу знать, что позволено и что не должно позволять; досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное"... Въ другомъ письмѣ онъ, по тому же поводу, добавляетъ: „я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосѳена, которыя могли бы украсить „Пантеонъ"; но цензоры говорятъ: Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно — и Цицерона также, и Саллюстія также"... Цензоры свирѣпствовали не только надъ произведеніями классиковъ, пересаживаемыми на русскую почву, но и надъ новыми изданіями прежде выпущенныхъ въ свѣтъ сборниковъ и сочиненій Карамзина, вычеркивая изъ нихъ цѣлыми страницами и цѣлыми пьесами. „Черезъ годъ не останется въ продажѣ, можетъ-быть, ни одного изъ моихъ сочиненій" — восклицаетъ Карамзинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и въ отчаяніи выражаетъ даже готовность навсегда отказаться отъ литературы.

Эпоха Александра I.

Но царствованіе Павла I окончилось въ 1801 году и для Россіи, со вступленіемъ на престолъ Александра I, началась новая эпоха, болѣе благопріятная для развитія всѣхъ сторонъ ея общественной и умственной жизни. И въ жизни Карамзина эта эпоха обозначилась очень рѣзко новыми трудами и планами, новыми литературными предпріятіями, о которыхъ мы будемъ говорить въ послѣдующемъ періодѣ; а въ настоящую минуту ограничимся бѣглымъ обзоромъ того, что было сдѣлано Карамзинымъ въ литературѣ послѣ его возвращенія изъ заграничнаго путешествія,

[1]) Съ 1796 г. по 1799 г. вышло три книжки «Аонидъ».

при чемъ укажемъ и на то направленіе, которое преобладало во всѣхъ произведеніяхъ Карамзина въ эту раннюю эпоху литературной дѣятельности.

Стихи и проза Карамзина.

Дѣятельность эта была весьма разнообразна: съ первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ, Карамзинъ явился и поэтомъ, и журналистомъ, и критикомъ, и литераторомъ. Какъ поэтъ, Карамзинъ не блисталъ ни богатствомъ, ни глубиною содержанія своихъ стихотвореній, ни красотою ихъ внѣшней формы. Академикъ Гротъ справедливо замѣчаетъ, что въ поэзіи Карамзина чувствовался недостатокъ воображенія и образности, и при этомъ прибавляетъ: „стихотворенія Карамзина представляютъ намъ въ особенности историческій и біографическій интересъ, какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко-искренняго человѣка"... „Обыкновенныя тэмы поэзіи Карамзина—любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, кротость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинамъ и богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ"... Какъ журналистъ, Карамзинъ совершенно видоизмѣнилъ типъ журналовъ, существовавшій до него, и указалъ тотъ новый путь, по которому невольно пошли всѣ послѣдующіе журнальные дѣятели. Какъ критикъ, онъ выказалъ себя прекрасно подготовленнымъ и вполнѣ безпристрастнымъ судьею чужихъ произведеній, при разборѣ которыхъ проявлялъ тонкій вкусъ и замѣчательно-развитое чувство мѣры. Но всѣ эти достоинства Карамзина гораздо менѣе привлекали къ нему, гораздо менѣе цѣнились публикою, чѣмъ дѣятельность Карамзина, какъ беллетриста. Карамзинъ поэтъ, критикъ и журналистъ былъ далеко не всѣмъ извѣстенъ: Карамзина-беллетриста, Карамзина-автора „Бѣдной Лизы", „Натальи, боярской дочери" и „Писемъ русскаго путешественника"—знали всѣ, и эти произведенія его надолго стали кодексомъ „сентиментализма" для нѣсколькихъ послѣдующихъ поколѣній.

Сентиментализмъ на Западѣ.

„Сентиментализмъ" въ литературѣ явился на Западѣ такимъ же противовѣсомъ быстро распространявшемуся матеріализму энциклопедистовъ, какъ и мистицизмъ. Какъ масонство,—въ противоположность матеріализму, все старавшемуся разъяснить и доказать и со всего „совлечь покровы"—все облекало въ тайну и во всемъ искало вліянія и проявленія невидимыхъ силъ; такъ же точно и сентиментализмъ, въ противуположность ученію энциклопедистовъ, цѣнившихъ въ человѣкѣ только умъ и волю, отдавалъ предпочтеніе чувству передъ всѣми остальными сторонами человѣческой природы. Значеніе, придаваемое чувству сторонниками сентиментализма, было настолько велико, что и достоинство человѣка, и значеніе всѣхъ его дѣйствій измѣрялось только большею или меньшею степенью преобладанія въ немъ чувствитель-

ности. Важнымъ достоинствомъ сентиментализма было то, что онъ не питалъ ни малѣйшаго сочувствія къ героическому настроенію ложно-классической поэзіи, къ фальшивой постановкѣ и ходульности тѣхъ положеній, въ которыя ложно-классическая поэзія ставила своихъ героевъ—къ трескучимъ эффектамъ и громкимъ фразамъ, которые не имѣли ничего общаго съ дѣйствительностью. Другою привлекательною стороною сентиментализма, въ противоположность ложно-классическому направленію, было то, что приверженцы этого новаго литературнаго направленія придавали значеніе природѣ и высоко ставили тѣ впечатлѣнія, которыя она вызываетъ въ душѣ человѣка—тѣ чувства, какія она въ ней возбуждаетъ. То значеніе, которое сентименталисты придавали природѣ, сближало ихъ съ дѣйствительностью, побуждало къ наблюденію. Имъ не было надобности вдохновляться героическою древностью и преувеличенными проявленіями страстей, пороковъ и добродѣтелей, когда для ихъ вдохновенія достаточно было и тѣхъ впечатлѣній, и тѣхъ отношеній къ природѣ и дѣйствительности, которыя они испытывали каждый день, непрерывно и безпрестанно. Но очень важнымъ недостаткомъ сентиментализма было то пренебреженіе къ интересамъ ума и образованія, къ цивилизаціи и ея плодамъ, которое сентиментализмъ постоянно проповѣдывалъ и которое приводило его къ заблужденіямъ и вычурнымъ, и забавнымъ. Придавая цѣну только сердцу и ограничивая свои наблюденія только областью чувства, сентименталисты не придавали значенія дѣятельности ума и спокойнаго разсудка, и съ этой точки зрѣнія отвергали не только значеніе науки, но и пользу ея, и пригодность. Съ легкой руки Руссо, доказывавшаго вредъ цивилизаціи, поднявшаго голосъ въ пользу невѣдѣнія, преувеличившаго блага первобытнаго, дикаго состоянія человѣка, всѣ стали мечтать о томъ, что это первобытное состояніе было блаженнымъ, невиннымъ и наиболѣе близкимъ къ идеалу свободы, равенства и счастія, возможнаго на землѣ. Многимъ этотъ золотой вѣкъ представлялся тѣсно связаннымъ съ патріархальнымъ пастушескимъ бытомъ, и вотъ, одною изъ любимѣйшихъ тэмъ сентиментализма явилось прославленіе пастушескаго быта, которое создало цѣлый особый жанръ въ художествѣ, въ поэзіи, въ сценическомъ искусствѣ. Подрумяненныя, разряженныя по послѣдней модѣ пастушки и пастушкі, въ соломенныхъ шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами, съ щеголеватыми посошками въ рукахъ, съ бѣленькими овечками на цвѣтныхъ шелковыхъ шнурочкахъ—явились необходимыми аксессуарами современной живописи и скульптуры, необходимыми дѣйствующими лицами граціозныхъ „пасторалей“, которыя разыгрывались на сценѣ и на тысячи ладовъ передѣлывались и воспроизводились поэзіей. На-

слажденіе, доставляемое уединеніемъ среди природы, послужило поводомъ къ другой модѣ, весьма распространенной въ прошломъ столѣтіи; люди богатые, владѣвшіе огромными помѣстьями, дворцами и дачами, выстраивали себѣ въ глуши обширныхъ парковъ скромныя хижины, крытыя соломой, и въ эти „отшельничества" (hermitages) удалялись отъ шумной свѣтской жизни и суеты, твердо убѣжденные въ томъ, что жизнь образованныхъ высшихъ классовъ общества гораздо менѣе близка къ идеалу счастія, нежели существованіе „бѣдныхъ, но честныхъ поселянъ, въ тишинѣ наслаждающихся жизнью, близкою къ природѣ". Такая идеализація

Лизинъ прудъ подъ Симоновымъ монастыремъ.

дѣйствительности, доведенная до смѣшныхъ крайностей, отражалась и въ литературѣ, и создавала въ ней какой-то идеальный міръ, не имѣвшій ничего общаго съ дѣйствительностью—міръ, полный весьма граціозныхъ, заманчивыхъ и нѣжныхъ образовъ, которые, однакоже, были весьма далеки отъ правды, отъ суровой прозы жизни, „отъ грубой дѣйствительности".

Сентиментализмъ Карамзина.

Карамзинъ не былъ первымъ русскимъ писателемъ, поддавшимся соблазну ввести къ намъ это новое литературное направленіе: оно было уже извѣстно у насъ задолго до Карамзина, потому что явилось въ Западной Европѣ еще въ концѣ первой половины XVIII вѣка, а 30 лѣтъ спустя было уже перенесено въ нашу переводную литературу (въ концѣ 80-хъ годовъ). Родиною сентиментализма была Англія, гдѣ онъ былъ внесенъ въ литературу чувствительными романами Ричардсона [1]) и знамени-

[1]) Первымъ изъ этихъ романовъ была «Кларисса», вышедшая въ свѣтъ въ 1748 г.

тымъ въ свое время „Сентиментальнымъ путешествіемъ“ Стерна, въ которомъ, впервые, авторъ-путешественникъ занималъ своего читателя не описаніемъ природы, а только описаніемъ тѣхъ впечатлѣній, какія онъ выносилъ изъ ея созерцанія. Оба эти автора встрѣтили себѣ во Франціи высокоталантливыхъ подражателей въ лицѣ Жанъ-Жака-Руссо и Бернардена-де-С. Пьерра; первый изъ нихъ написалъ „Новую Элоизу“, а второй—„Павла и Виргинію“, и въ обоихъ этихъ произведеніяхъ въ высшей степени увлекательно была изображена идиллическая жизнь среди природы, искусственность и испорченность городской жизни и нѣжныя влеченія невинныхъ сердецъ. Затѣмъ уже сентиментализмъ распространился и на Германію. Въ Россіи первые переводы произведеній сентиментальнаго направленія явились въ концѣ 80-хъ годовъ, а въ началѣ 90-хъ—мы видимъ у насъ довольно уродливыя подражанія имъ [1]). Новое направленіе нравилось, начинало прививаться, начинало привлекать общее вниманіе и сочувствіе, даже и тогда, когда съ нимъ можно было знакомиться лишь въ посредственныхъ переводахъ; но открыто и явно стало оно господствовать въ нашей литературѣ съ той поры, когда Карамзинъ—убѣжденный и горячій сторонникъ сентиментализма — воплотилъ его въ своихъ талантливыхъ и привлекательныхъ произведеніяхъ: „*Бѣдной Лизѣ*“, „*Натальѣ, боярской дочери*“ и „*Письмахъ русскаго путешественника*“.

„Бѣдная Лиза“ Карамзина — это образецъ сентиментальной повѣсти. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является „прекрасная тѣломъ и душою поселянка“—„нѣжная и чувствительная Лиза“. Ихъ бѣдная хижина стояла „недалеко отъ Симонова монастыря (въ Москвѣ), подлѣ березовой рощи, среди зеленаго луга“. Лиза кормила старушку-мать своими трудами; она ткала холсты, вязала чулки, весною собирала цвѣты, а лѣтомъ ягоды, и ходила въ городъ продавать ихъ. Это послужило ей поводомъ къ знакомству съ Эрастомъ, который былъ „довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ“. Эрастъ влюбился въ Лизу, а Лиза въ Эраста. Идиллическая сельская обстановка, которою Карамзинъ окружаетъ свою „поселянку Лизу“, завлекаетъ Эраста къ мечтамъ, а „красота Лизы дѣлаетъ впечатлѣніе въ его сердцѣ“. Имѣя живое воображеніе, „онъ мысленно переселяется Бѣдная Лиза.

---

[1]) Романы Ричардсона явились въ Россіи, въ русскомъ переводѣ: «*Памела*» въ 1787 г., «*Кларисса*» въ 1791 г., «*Грандиссонъ*» въ 1793 г., «*Сентиментальное путешествіе*» Стерна — въ 1793. «*Новая Элоиза*» Руссо сначала явилась не въ полномъ видѣ, въ 1769 г., а потомъ въ полномъ—въ 1792. «*Павелъ и Виргинія*» Бернардена-де-С. Пьерра, въ 1793 г. Рабскимъ подражаніемъ Ричардсону явилась въ 1794 г. повѣсть Ѳ. Львова, подъ заглавіемъ: «*Россійская Памела или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки*».

въ тѣ времена, въ которыя всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами и въ счастливой праздности всѣ дни свои провождали". Эрасту казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, что̀ сердце его давно уже искало. „Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ, — думалъ онъ, —и рѣшился (по крайней мѣрѣ на время) оставить большой свѣтъ"... „Всѣ блестящія заботы большого свѣта представлялись ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми страстная дружба невинной души питала сердце Эраста". Эрастъ забываетъ даже о сословныхъ предразсудкахъ и увѣряетъ Лизу, что онъ можетъ быть ея мужемъ, что для него „важнѣе всего душа чувствительная, невинная душа, и Лиза будетъ всегда ближайшею къ его сердцу". Несмотря на всѣ эти увѣренія, онъ *невольно* обманываетъ Лизу, воспользовавшись ея невинностью въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда „мракъ вечера питалъ желанія, и никакой лучъ не могъ освѣтить заблужденія". Убѣдившись въ обманѣ, Лиза, покинутая Эрастомъ, нашла, что ей нельзя жить долѣе и бросилась въ прудъ, недалеко отъ тѣхъ древнихъ дубовъ, которые „за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ".

Наталья, боярская дочь.

„Наталья, боярская дочь" нѣсколько болѣе сложна по содержанію, заимствованному изъ древне-русской жизни, которую авторъ рисуетъ въ самыхъ идиллическихъ картинахъ. Онъ хочетъ воскресить передъ читателемъ тѣ времена, когда „Русскіе были русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т.-е. говорили, какъ думали". Въ эту идиллическую обстановку стараго боярскаго быта (авторъ не опредѣляетъ эпохи) вставлена фабула его повѣсти. Наталья, дочь боярина Матвѣя, дѣвушка дивной красоты, встрѣчаетъ въ церкви прекраснаго молодого человѣка, который показался ей олицетвореніемъ „любезнаго призрака, который ночью и днемъ прельщалъ ея воображеніе". По словамъ автора, Наталья влюбилась въ него „въ одну минуту, увидѣвъ его въ первый разъ и не слыхавъ отъ него ни одного слова"—и тутъ же спѣшитъ объяснить читателю такую странную любовь своей героини къ незнакомцу, слѣдующимъ образомъ:

„Милостивые государи, я разсказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвайтесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя. А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ пойди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру".

Познакомившись съ этимъ молодымъ человѣкомъ черезъ няню, которая ввела его въ теремъ Натальи, героиня повѣсти узнала, что онъ уже давно ее любитъ. При этомъ, не надѣясь получить согласіе отца-боярина на бракъ, онъ уговорилъ Наталью тайно уѣхать съ нимъ и повѣнчаться. Въ ту же ночь онъ увезъ ее съ няней, обвѣнчался на пути и ввелъ ее въ свой домъ, построенный въ дремучемъ лѣсу, среди страшной глуши. Только тутъ уже выясняется, что мужемъ Натальи былъ боярскій сынъ Алексѣй Любославскій, что отецъ его попалъ въ опалу по ложному подозрѣнію, вынужденъ былъ бѣжать и скрываться, и умеръ среди этихъ скитаній, въ которыхъ за нимъ всюду слѣдовалъ и его сынъ. И вотъ счастью молодого супружества, поселившагося въ тихомъ уединеніи, мѣшало лишь то, что Алексѣй тяготился своею незаслуженною опалою, а Наталья не могла забыть своего покинутаго отца, и молодые супруги изыскивали всѣ способы, чтобы заслужить милость государя и получить прощеніе отъ боярина Матвѣя. Случай вывелъ ихъ изъ затрудненія. На Московское государство напали Литовцы; Алексѣй рѣшился ѣхать на войну со своими людьми, и Наталья ни за что не хотѣла отстать отъ него—облеклась въ воинскіе доспѣхи и послѣдовала за мужемъ. На войнѣ они выказали столько мужества и такъ отличились своими подвигами, что главный воевода донесъ о нихъ царю и въ донесеніи этомъ высказалъ, что не находитъ словъ для восхваленія „того юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, который гналъ, разилъ непріятелей и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя". При этомъ онъ добавилъ, что „повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасный отрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ", и заканчивалъ словами: „юный воинъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ тебя, государь". Само собою разумѣется, что въ заключеніе повѣсти государь потребовалъ ихъ къ себѣ, узналъ кто они, и не только избавилъ Алексѣя отъ тяготѣвшей на немъ опалы, но и уговорилъ боярина Матвѣя простить дочь и дать ей благословеніе. „И потомъ они жили счастливо до глубокой старости"...

Всѣ современники этого періода дѣятельности Карамзина единогласно утверждаютъ, что успѣхъ его повѣстей и „Писемъ русскаго путешественника" былъ изумительный, небывалый. Ихъ не только читали—ихъ заучивали наизусть, переписывали въ тетрадки на память... Самое мѣсто дѣйствія „Бѣдной Лизы"—окрестности Симонова монастыря и тотъ прудъ, который до сихъ поръ сохранилъ названіе „Лизина"—обратились въ любимое мѣсто романическихъ прогулокъ и сентиментальныхъ мечтаній. Утверждаютъ даже, будто именно со времени появленія этихъ повѣстей любовь къ чтенію усилилась между русскими женщинами. По-

вѣсти Карамзина всѣмъ нравились, всѣмъ пришлись по вкусу, несмотря на то, что Карамзинъ, по справедливому замѣчанію академика Я. К. Грота, не обладалъ „даромъ художественнаго творчества, вслѣдствіе чего въ нихъ вымыселъ чрезвычайно простъ, даже бѣденъ, и нѣтъ въ нихъ ни характеровъ, ни національнаго колорита". Никто этого и не искалъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ Карамзина; русское общество было уже въ значительной степени подготовлено къ сентиментальному направленію переводною литературою, и всѣ ставили въ заслугу Карамзину его умѣнье придать нѣжному и многословному сентиментализму такую легкую, общедоступную и привлекательную форму, которая способствовала широкому распространенію этого направленія въ нашемъ обществѣ.

Письма русскаго путешественника.

Въ этомъ же направленіи написаны и „Письма русскаго путешественника", которыя надолго стали для всѣхъ образцомъ всякихъ описаній природы и впечатлѣній странствованія. Живо и образно описывая города Европы съ ихъ чудесами искусства, съ ихъ учеными учрежденіями и музеями, передавая впечатлѣнія встрѣчъ съ замѣчательными европейскими учеными и писателями, Карамзинъ, какъ страстный поклонникъ Руссо, всюду настойчиво проводитъ одну и ту же мысль: всѣ чудеса науки и искусства ничтожны передъ явленіями природы и никакія красоты не могутъ сравниться съ ея красотами. Этотъ взглядъ побуждаетъ Карамзина отдавать Швейцаріи предпочтеніе передъ всѣми странами Европы. Швейцарія—по словамъ Карамзина—„страна живописной Натуры, земля свободы и благополучія"; жители ея—„щастливые Швейцары", обязаны „всякій день, всякій часъ благодарить небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры; подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и служа единому Богу"... Онъ даже жалѣетъ о томъ, что не родился „въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями?.. Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями—тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ: болѣе наслаждались они любовью, болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами природы".

Лучшимъ образцомъ тѣхъ крайностей, до которыхъ способенъ доходить сентиментализмъ Карамзина, можетъ служить письмо изъ Дрездена, гдѣ онъ намъ передаетъ свои впечатлѣнія при видѣ Эльбы: „Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и—даже плакалъ, что̀ обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень,

очень весело... Вынулъ бумагу, карандашъ, написалъ: любезная природа!—и болѣе ни слова... Но едва-ли когда-нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва-ли когда-нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой Любви и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей. А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! Вы будете благословенны мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду вспоминать прошедшее“.

Но эти крайности не бросались въ глаза современникамъ, которые были увлечены тѣмъ же направленіемъ литературнымъ, и, по свидѣтельству „Записокъ“ И. И. Дмитріева, всѣ были поражены новизною и прелестью карамзинской рѣчи, которая всѣхъ очаровывала красотою и звучностью своихъ оборотовъ и кажущеюся близостью къ разговорному языку образованнаго общества; но объ этомъ намъ придется говорить въ послѣдующемъ періодѣ, въ которомъ Карамзинская рѣчь стала преобладать въ литературѣ...

По какой-то особенно странной игрѣ случая, рядомъ съ тонкимъ, изящнымъ, увлекающимся и нѣжнымъ Карамзинымъ, въ русской литературѣ прошлаго вѣка является другой высокоталантливый писатель, но до такой степени не похожій на своего блестящаго современника и сотоварища, что, сравнивая ихъ, можно только изумляться обилію и разнообразію талантовъ, проявившихся въ русской литературѣ конца прошлаго столѣтія. Писатель этотъ (съ самаго начала дѣятельности противникъ и порицатель Карамзина) былъ никто иной, какъ Крыловъ, этотъ удивительный самородокъ въ области русской словесности.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ только на два года моложе Карамзина (онъ родился въ 1768 г.). Родиною Крылова была Москва, но все дѣтство свое онъ, однакоже, провелъ на крайнемъ Востокѣ Россіи, въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ отецъ его, бѣдный и скудный армейскій офицеръ, находился на службѣ. Во время Пугачевщины, когда всѣ растерялись и не знали, что дѣлать и что предпринять, Андрей Прохоровичъ Крыловъ выказалъ себя человѣкомъ толковымъ, способнымъ и храбрымъ: только благодаря его находчивости и рѣшительности Яицкій городокъ не сдался самозванцу и тѣмъ избѣжалъ ужасовъ, грозившихъ ему при сдачѣ. Но заслуги Андрея Прохоровича никѣмъ не были оцѣнены; онъ не получилъ никакой награды и, оскорбленный такою несправедливостью, перешелъ въ гражданскую службу, въ Тверь, которая была его родиною. Здѣсь въ 1778 г. онъ и скончался, оставивъ своего десятилѣтняго сына на попеченіе матери, безъ

И. А. Крыловъ.

всякихъ средствъ къ жизни. Тяжела была доля этой матери, нѣжно любившей свое единственное дѣтище. По счастію, однакоже, Марья Андреевна Крылова была одною изъ тѣхъ прекрасныхъ русскихъ женщинъ, которыя способны на всякое самопожертвованіе: несмотря на то, что крайность вынуждала ее добывать себѣ пропитаніе чтеніемъ каноновъ по покойникамъ въ богатыхъ купеческихъ и дворянскихъ домахъ [1]), она все же нашла время и возможность передать сыну своему все, что сама знала и даже доставить ему средства для пополненія его образованія. Такъ, напр., извѣстно, что она ввела его въ домъ Николая Петровича Львова (дяди извѣстнаго уже намъ Николая Александровича Львова), который ознакомилъ юнаго Крылова съ французскимъ языкомъ. Но все же, кажется, талантливый юноша болѣе всего былъ обязанъ своимъ образованіемъ тому объемистому сундуку съ книгами, который остался ему единственнымъ наслѣдіемъ отъ покойнаго отца. Онъ быстро исчерпалъ этотъ книжный запасъ, быстро усвоилъ его содержаніе, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и необычайной памяти, и уже очень рано захотѣлъ подражать извѣстнымъ ему авторамъ и началъ сочинять въ стихахъ и прозѣ. Но бѣдность тѣснила и преслѣдовала, и не давала возможности думать ни о чемъ иномъ, кромѣ интересовъ насущнаго хлѣба. Прежде чѣмъ сдѣлаться писателемъ, Крылову пришлось вынести тяжелую школу службы писцомъ въ Калязинскомъ уѣздномъ судѣ и въ Тверскомъ магистратѣ, при 2 рубляхъ жалованья въ мѣсяцъ... Потомъ, когда мать Крылова, обнадеженная полученіемъ пенсіи, переѣхала въ Петербургъ, положеніе Крылова немного улучшилось; онъ перешелъ на службу, писцомъ же, въ Кабинетъ Ея Величества, но прослужилъ здѣсь недолго... Мать скончалась въ 1788 г., и двадцатилѣтній юноша тотчасъ покинулъ жалкую служебную карьеру, сознавая въ себѣ достаточный запасъ способностей и энергіи для того, чтобы выступить на иное—литературное поприще.

Призваніе къ литературѣ. Призваніе къ литературѣ Крыловъ ощутилъ въ себѣ рано. Еще будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже создалъ первый литературный опытъ: сочинилъ нѣкоторое подобіе, бывшихъ тогда въ модѣ, комическихъ оперъ подъ названіемъ „Кофейница“ [2]). Въ этомъ произведеніи, на нашъ взглядъ, гораздо болѣе самостоятельности и таланта, нежели въ ближайшихъ послѣдующихъ драматическихъ произведеніяхъ Крылова, чисто-подражательныхъ. Содержаніе этого юношескаго опыта заключается

[1]) Чтеніе каноновъ въ теченіе шести недѣль послѣ смерти одного изъ членовъ семейства было въ то время въ обычаѣ въ Твери, не только между купцами, но и между дворянами.

[2]) Кофейница—то же, что ворожея, гадающая на кофейной гущѣ.

въ томъ, что плутоватый приказчикъ, при помощи „кофейницы", старается обмануть свою госпожу-помѣщицу и отбить невѣсту у одного изъ ея крестьянъ, котораго онъ и обвиняетъ въ воровствѣ; но случай обличаетъ обманщика, и все кончается къ лучшему. Во всемъ произведеніи есть извѣстнаго рода цѣлость, есть связь между явленіями, есть и характеры (плута-приказчика и барыни-помѣщицы — Новомодовой), ловко задуманные и довольно удачно выполненные, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ талантѣ юнаго автора [1]). Но этому произведенію Крылова суждено было долго оставаться неизвѣстнымъ; а лѣтъ пять спустя въ печать попало другое, гораздо менѣе оригинальное произведеніе Ивана Андреевича—трагедія „*Филомела*", впрочемъ открывшая ему доступъ въ литературный кружокъ уже извѣстнаго намъ Княжнина и другихъ драматическихъ писателей. Крыловъ, поощряемый ими, написалъ-было и еще одну трагедію („Клеопатру"), но, по счастью, былъ отвлеченъ отъ этого скучнаго, ложно-классическаго рода другимъ увлеченіемъ—журнальною дѣятельностью.

И. А. Крыловъ. Молодой типъ.

Познакомившись и сблизившись съ капитаномъ Рахманино-

[1]) Преданіе гласитъ, что это первое произведеніе юноши-Крылова чуть-было не попало въ печать... По пріѣздѣ изъ Твери въ Петербургъ, онъ продалъ свою „Кофейницу" книгопродавцу Брейткопфу, который предложилъ за нее Крылову 60 р. ассигнаціями. Но Крыловъ, сильно нуждавшійся въ матерьяльныхъ средствахъ, не взялъ денегъ, а предпочелъ взять у книгопродавца на ту же сумму французскихъ книгъ (въ томъ числѣ сочиненія Расина, Мольера и Буало).

вымъ, издателемъ журнала „Утренніе часы“, Крыловъ сталъ сначала участвовать въ немъ, какъ сотрудникъ, а потомъ отъ роли сотрудника очень быстро перешелъ къ роли редактора самостоятельнаго журнала „Почта духовъ“. Изъ предыдущаго мы уже знакомы съ дѣятельностью Крылова, какъ журналиста, и съ тѣмъ кружкомъ, среди котораго онъ дѣйствовалъ. Не повторяя уже сказаннаго, мы замѣтимъ только, что и въ журнальной дѣятельности замѣчательный сатирическій талантъ и громадный природный умъ Крылова еще не выказались въ той силѣ, съ какою они проявились впослѣдствіи въ произведеніяхъ Крылова-баснописца. Крыловъ-юноша, въ своемъ литературномъ кружкѣ, былъ младшимъ членомъ и замѣтно подчинялся вліянію кружка, то подражая ложно-классическимъ формамъ поэзіи, то повторяя тѣ же тэмы, которыя уже давно были исчерпаны журнальной сатирой Новикова. Въ своихъ статьяхъ и стихотвореніяхъ, печатанныхъ въ журналахъ, Крыловъ, главнымъ образомъ, касался двухъ тэмъ—отношеній барства къ крестьянамъ и преувеличеннаго пристрастія русскихъ ко всему иностранному. Нападки на это пристрастіе, нѣсколько преувеличенныя и вычурныя, привели его даже къ огульному отрицанію европеизма, представителемъ котораго являлся Карамзинъ, блистательно выступившій на журнальное поприще и только-что напечатавшій свои „Письма русскаго путешественника“. И тонъ, и духъ, и самый слогъ этихъ писемъ, вычурно-сентиментальныхъ и проникнутыхъ изысканно-нѣжными чувствами, долженъ былъ показаться въ высшей степени противнымъ и мало понятнымъ русскому самородку, по самой натурѣ своей далекому отъ всякихъ нѣжностей и выспреннихъ стремленій, и постоянно тяготѣвшему къ землѣ. И вотъ, уже въ „*С.-Петербургскомъ Меркуріи*“, Крыловъ выступилъ литературнымъ противникомъ Карамзина, напечатавъ „*похвальную рѣчь Ермолафиду* [1]), *говоренную въ собраніи молодыхъ писателей*“. Здѣсь, подъ именемъ *Ермолафида*, онъ разумѣетъ, видимо, Карамзина и, выставляя его въ образецъ молодымъ авторамъ, осмѣиваетъ и слогъ, и языкъ, и воззрѣнія, и даже идеалы его.

Комедіи Крылова.

Въ томъ же „С.-Петербургскомъ Меркуріи“ встрѣчаемъ мы лирическія стихотворенія Крылова и его довольно слабыя комедіи: „*Бѣшеная семья*“, „*Проказники*“ и „*Сочинитель въ Прихожей*“. Лирическія стихотворенія имѣютъ по крайней мѣрѣ то несомнѣнное достоинство, что представляютъ нѣкоторый біографическій интересъ: они свидѣтельствуютъ о довольно тягостномъ нравственномъ настроеніи Крылова за это время, и даже это указаніе, при скудости матеріаловъ для біографіи Крылова, оказывается

[1]) «Ермолафія»—то же, что чепуха, галиматья.

важнымъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ видимъ жалобы на судьбу, на неудачи, видимъ и недовольство собою. Тутъ, конечно, играли роль и журнальныя невзгоды, и проказы молодости... Главною же невзгодою, вѣроятно, было закрытіе типографіи „*Крылова съ товарищи*", послѣдовавшее въ декабрѣ 1796 года, когда, по указу императора Павла I, упразднены были всѣ типографіи, за исключеніемъ казенныхъ и состоявшихъ въ вѣдѣніи присутственныхъ мѣстъ. Можетъ-быть, въ связи съ этимъ закрытіемъ типографіи находился и ничѣмъ необъяснимый отъѣздъ Крылова изъ С.-Петербурга въ провинцію. Здѣсь видимъ мы его въ семействѣ опальнаго князя С. О. Голицына, высланнаго Павломъ I изъ столицы на житье въ помѣстья. Крыловъ является въ домѣ князя, въ его помѣстьяхъ—Зубриловкѣ (Саратовской губ.) и Казацкомъ (Кіевской губ.) — въ довольно неопредѣленной роли, не то домашняго учителя, не то друга дома, принявшаго на себя обязанность увеселять княжескую семью. Онъ и молодыхъ княженъ учитъ, и домашніе концерты и спектакли устраиваетъ. По поводу одного изъ этихъ спектаклей и была написана Крыловымъ жестокая пародія на ложно-классическую трагедію, такъ-называемая „*шуто-трагедія Трумфъ*", въ которой Иванъ Андреевичъ исполнялъ даже роль главнаго дѣйствующаго лица. Что же касается до преподавательской дѣятельности Крылова, то одинъ изъ его учениковъ свидѣтельствуетъ, что „и въ этомъ дѣлѣ онъ показалъ себя мастеромъ" [1]).

Опала князя С. О. Голицына продолжалась недолго; вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ Александра I, князь былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, а Крыловъ, по его непремѣнному желанію, опредѣленъ къ нему въ секретари. Но, два года спустя, онъ вдругъ бросаетъ службу и уѣзжаетъ изъ Риги. Куда? — неизвѣстно... И цѣлыхъ два года въ его біографіи остаются совершенно темными для его біографовъ. Существуетъ только такое преданіе — впрочемъ, не основанное ни на какихъ фактическихъ данныхъ — будто бы, незадолго до своего отъѣзда изъ Риги, Крыловъ выигралъ въ карты большую сумму денегъ (около 30.000 р.) и пустился странствовать по Россіи: увлекаемый несчастною страстью къ азартной игрѣ, онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку. Бытьможетъ, въ этой тяжкой школѣ и закалился окончательно этотъ

Скитанія Крылова.

[1]) Этотъ ученикъ никто иной, какъ весьма извѣстный по своимъ воспоминаніямъ Ф. Ф. Вигель. «Уроки наши (говоритъ онъ) проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, и любилъ вопросы, и отвѣчалъ на нихъ такъ же толковито, такъ же легко, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ: онъ къ наставленіямъ своимъ примѣнивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ... Я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него понабрался...»

несокрушимо-сильный богатырь и довоспитался этотъ умъ глубокій, наблюдательный и своеобразный. Изъ своихъ темныхъ и никому невѣдомыхъ странствованій по Россіи онъ возвратился не ранѣе 1806 года—возвратился уже вполнѣ зрѣлымъ мужчиной и съ превосходными образцами басенъ въ рукахъ. Но этого Крылова-баснописца мы встрѣтимъ еще въ послѣдующемъ періодѣ, а теперь заключимъ галлерею писателей и журналистовъ Екатерининскаго времени еще однимъ литературнымъ дѣятелемъ, который до конца прошлаго столѣтія успѣлъ уже и прославиться, и совершить большую часть своей литературной карьеры.

И. И. Дмитріевъ.

И. И. Дмитріевъ, въ молодости.

Писатель этотъ былъ *Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ*. Онъ былъ землякъ Карамзина: родился въ 1760 г., въ Симбирской губерніи, въ селѣ Богородскомъ. Раннее дѣтство его протекло въ Казани, въ домѣ его богатаго дяди (со стороны матери) А. А. Бекетова, а потомъ въ помѣстьѣ отца и въ Москвѣ. Самъ И. И. Дмитріевъ оставилъ намъ послѣ себя весьма цѣнный біографическій матеріалъ, подъ названіемъ „Взглядъ на мою жизнь“. Эго любопытнѣйшій памятникъ времени, рѣдкій по безпристрастію и искренности, съ которыми авторъ говоритъ о себѣ, почти какъ о постороннемъ лицѣ. Изъ этихъ записокъ автора о далекомъ прошломъ [1]), мы узнаемъ нѣсколько драгоцѣнныхъ бытовыхъ подробностей и, сверхъ того, получаемъ доступъ въ тотъ міръ отвлеченныхъ мечтаній, среди котораго жили въ то „доброе старое время“ многіе изъ передовыхъ представителей нашей интеллигенціи, весьма мало озабоченные дѣйствительностью, которая какъ-то сама собою, словно по щучьему велѣнью, складывалась около нихъ, благодаря неусыпнымъ заботамъ, связямъ и хлопотамъ маменекъ, па-

[1]) И. И. Дмитріевъ разсказываетъ, что эти записки писаны имъ «на 66 году жизни, когда ноги отказываются служить и глаза тоже; когда старыя связи порываются, новыя заводить трудно и непрочно, и приходится искать занятія въ самомъ себѣ, и доживать воспоминаніями».

ненекъ, дядюшекъ и тетушекъ, богатыхъ родственниковъ и знатныхъ покровителей...

Прежде всего, Дмитріевъ признается, что онъ, несмотря на полную обезпеченность, даже богатство того помѣщичьяго быта, среди котораго онъ жилъ, не получилъ никакого образованія,

И. И. Дмитріевъ, въ старости.

ни воспитанія. Ему то нанимали учителя, то отдавали его въ пансіонъ, то опять возвращали къ домашнему, очень безтолковому воспитанію, при чемъ занимался съ нимъ его отецъ, ничего не смысливішій въ мудреной техникѣ преподаванія. Образованіе складывалось изъ какихъ-то лоскутковъ и обрывочковъ, изъ постороннихъ вліяній и собственныхъ усилій, при случайныхъ благопріятныхъ условіяхъ, и при такомъ назидательномъ чтеніи, какъ „Похожденія Клевеланда“ или „Приключенія Маркиза Г.“ Первымъ знакомствомъ съ русскою поэзіей Дмитріевъ былъ обязанъ своей матери, которая сама увлекалась произведеніями Ломоно-

сова и Сумарокова и любила ихъ декламировать маленькому сыну. Но, собственно говоря, къ чтенію русскихъ книгъ Дмитріевъ пристрастился только тогда, когда его отецъ, тѣснимый Пугачевщиною, переселился въ Москву. Тутъ у Дмитріева явился и разумный руководитель въ выборѣ русскихъ книгъ — личность въ своемъ родѣ типическая. То былъ крѣпостной дворовый одного богатаго заводчика, Дороѳей Серебряковъ, „обучавшійся, на иждивеніе господина своего, въ Славяно-греко-латинской Академіи латинской и русской словесности, а потомъ—у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искусству"... Какое удивительное сопоставленіе! И этотъ крѣпостной дворовый, болѣе образованный, нежели его молодые господа, былъ весь проникнутъ традиціями воспитавшей его школы, гдѣ ему выпало на долю быть ученикомъ извѣстнаго лирика В. П. Петрова, преподававшаго въ Академіи краснорѣчіе и поэзію. И Дороѳей благоговѣлъ предъ своимъ учителемъ. Часто принашивалъ онъ молодому Дмитріеву на листочкахъ оды и другіе случайные стихи своего бывшаго „учителя", и ужасно досадовалъ на барича, находившаго поэтическій языкъ Петрова тяжелымъ и неблагозвучнымъ. Это было отчасти понятно, потому что Дмитріевъ, въ это время, уже успѣлъ ознакомиться и съ московскимъ театромъ, и съ московскими писателями и поэтами, которые бывали въ домѣ его отца: съ Херасковымъ, В. Майковымъ и М. Н. Муравьевымъ, который тогда былъ еще въ скромномъ чинѣ каптенармуса лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, но уже успѣлъ издать въ свѣтъ „Собранія басенъ", „Похвальное слово Ломоносову" и стихотворный переводъ „Гражданской брани". Курсъ воспитанія и обученія И. И. Дмитріева, по его собственному признанію, закончился полковою школою, въ которой преподавались только элементарная математика, рисованье, священная исторія и географія на русскомъ языкѣ. Эта школа была закончена въ 1775 г., когда, по поводу разныхъ торжествъ, гвардія была направлена въ Москву, и Дмитріевъ, по ходатайству своего дяди П. А. Бекетова, былъ „черезъ чинъ" произведенъ въ фурьеры и отпущенъ въ годовой отпускъ къ родителямъ.

Поэтическія упражненія. Расположенія къ поэтическимъ упражненіямъ Дмитріевъ чувствовалъ уже давно, но въ 1777 году это расположеніе обратилось въ положительную страсть. О проявленіяхъ этой страсти Дмитріевъ разсказываетъ удивительно наивно. „Не видѣвъ еще ни одной книги о правилахъ стихосложенія, не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, о ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмами—это и были стихи мои" [1]).

[1]) Первымъ печатнымъ опытомъ Дмитріева была стихотворная надпись къ портрету Кантемира, помѣщ. въ «Ученыхъ Вѣдомостяхъ» Новикова (изд. въ СПБ. съ янв. по іюнь 1777 г.).

Позднѣе, одинъ изъ сослуживцевъ разъяснилъ ему правила стихотворства, какъ умѣлъ, и посовѣтовалъ взять въ образецъ Хераскова и Сумарокова. Съ его легкой руки, Дмитріевъ настолько освоился съ техникой стиха, что сталъ много писать и переводить стихами, впрочемъ тщательно скрывая свои упражненія отъ всѣхъ друзей своихъ и даже отъ брата. Но разумно относиться къ своему стихотворству Дмитріевъ сталъ только послѣ того, какъ въ концѣ 70-хъ годовъ сошелся съ Карамзинымъ, который былъ на пять лѣтъ моложе его, и съ Козлятевымъ, который былъ значительно старше Дмитріева. Козлятевъ былъ человѣкъ высоко-образованный и охотно занялся просвѣщеніемъ своего полуобразованнаго и наивнаго друга. Онъ ознакомилъ Дмитріева съ древними классиками во французскихъ переводахъ, и съ современной французской литературой, и даже съ общею теоріею словесности, указавъ ему на Квинтиліана, Буало и Батте. Онъ далъ Дмитріеву понятіе и о критикѣ, и поражалъ робкаго юношу своими строгими сужденіями о литературныхъ знаменитостяхъ. Лѣтомъ 1788 г. гвардія выступила въ походъ въ Финляндію, и будущій поэтъ (тогда уже произведенный въ офицеры) запасся въ изобиліи новыми впечатлѣніями сѣверной природы, представлявшейся ему „Оссіановскою"... Въ какой степени этотъ юный воинъ, пришедшій проливать кровь враговъ, былъ тогда еще не прихотливъ на эти впечатлѣнія,—объ этомъ можно судить по его же словамъ:

„Сердце, еще не развращенное," — говоритъ онъ, — „повсюду найдетъ для себя кроткія наслажденія... Гдѣ они рѣдки, тамъ болѣе дорожатъ ими. И какъ я былъ обрадованъ, увидя однажды голубой цвѣточекъ между голыхъ и огромныхъ камней! Съ какимъ удовольствіемъ проваживалъ я поздніе вечера и первые часы утра въ низменной хижинѣ подъ соломенной кровлей"...

По возвращеніи изъ этого поэтическаго похода въ Петербургъ, Дмитріевъ былъ введенъ въ обширный литературно-художественный кружокъ Державина и тутъ передъ нимъ, по его собственному выраженію, „какъ бы открылся путь къ Парнасу". Тутъ уже вскорѣ первые удачные опыты его стихотворства явились на страницахъ „Московскаго Журнала" въ 1791 г. Особенно понравились публикѣ — пѣснь Дмитріева „Голубокъ" и сказка „Модная жена". Объ этомъ успѣхѣ своемъ онъ сообщаетъ намъ, что „Любители музыки сдѣлали на его пѣсню нѣсколько голосовъ: она полюбилась прекрасному полу; а сказка — поэтамъ и молодежи". При этомъ онъ замѣчаетъ, однакоже, что „ничье одобреніе столько не льстило его самолюбію, какъ одинъ привѣтливый взглядъ Карамзина или Козлятева". Должно предполагать, что именно по совѣту Карамзина Дмитріевъ перевелъ въ томъ же

Первыя произведенія.

1791 году нѣсколько басенъ изъ Флоріана и Лафонтена, а вскорѣ послѣ того и положительно оставилъ „громкое риторическое одописаніе“, сосредоточивъ всю свою дѣятельность „на мелкой сентиментальной лирикѣ и на переводѣ басенъ“.

По отношенію къ этой дѣятельности особенно любопытнымъ кажется намъ тотъ отрывокъ записокъ И. И. Дмитріева, въ которомъ онъ описываетъ намъ „лучшій свой піитическій годъ“... Странно сказать, что такимъ годомъ былъ одинъ изъ самыхъ сумрачныхъ и непривлекательныхъ годовъ въ концѣ царствованія Екатерины, когда реакція сказывалась во всемъ и заставляла задумываться даже весьма мирныхъ и безпритязательныхъ дѣятелей литературы и науки...

1794 годъ. „Семьсотъ девяносто четвертый годъ былъ моимъ лучшимъ піитическимъ годомъ“ — говоритъ И. И. Дмитріевъ. „Я провелъ его посреди моего семейства, въ приволжскомъ городкѣ Сызрани или въ странствованіи по Низовому краю. Здоровъ, независимъ, обезпеченъ во всѣхъ моихъ неприхотливыхъ нуждахъ, я не скучалъ отсутствіемъ шумныхъ забавъ и докучливыхъ, холодныхъ посѣщеній“... „Въ ясное утро, съ первыми лучами солнца, я переѣзжалъ въ Сызрани р. Крымзу, прямо противъ монастыря, и, взобравшись на высокій берегъ, хаживалъ туда и сюда безъ всякой цѣли, но вездѣ наслаждался живописными видами, голубымъ небомъ, кроткимъ сіяніемъ солнца, внѣшнимъ и внутреннимъ спокойствіемъ“... „Вездѣ давалъ я волю своимъ мечтамъ, начиная мою прогулку всегда съ готовою въ головѣ работою. Потомъ спускался на Воложку или къ заливу Волги. Тамъ выбиралъ изъ любого садка лучшихъ стерлядей и привозилъ ихъ въ ведрѣ къ семейному обѣду. Потомъ клалъ на бумагу стихи, придуманные въ моей прогулкѣ“... „Здѣсь же, въ Сызрани, въ роскошную пору весны, въ тонкомъ сумракѣ тихаго вечера, мелькнули предо мною безмолвные призраки Ермака и двухъ шамановъ“... [1]) „Не могу я теперь вспомнить безъ удовольствія тѣхъ дней“, — восклицаетъ далѣе И. И. Дмитріевъ, — „которые провелъ я въ пловучемъ домѣ — особенно же каждое утро. Время было прекрасное: начало лѣта. По восходѣ солнца выходилъ я изъ тѣсной каюты на палубу съ Аріостомъ въ рукахъ (т. е. съ французскимъ переводомъ „Неистоваго Роланда“): за мною выносили серебряный приборъ для кофе — я самъ варилъ его. Судно наше тянулось плавно или неслось быстро на парусахъ въ полной безопасности отъ мелей и бури. Съ наступленіемъ вечера я спускался въ каюту и ожидалъ вдохновенія Музы. Въ этомъ-то уголкѣ написаны: „Ода къ Волгѣ“ и „Искатель Фортуны“.

[1]) Извѣстному стихотворенію Дмитріева «Ермакъ» придана форма разговора между двумя шаманами. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ о завоеваніи Сибири.

11

Воробей и Зяблица

Умолкъ Соловушка! конечно бѣдный боленъ,
Или подружкой не доволенъ,
А можетъ и нещастливъ въ ней!
Мнѣ жалокъ онъ! сказалъ печально Воробей;
„Онъ жалокъ? Зяблица въ словамъ его пристала:
Какъ мало въ сердцѣ ты читалъ!
Я лучше отгадала:
Любилъ онъ, таялъ и пѣлъ; сталъ щастливъ, замолчалъ.

Автографъ И. И. Дмитріева. Изъ коллекціи Императорской Публичной библіотеки.

Какъ немного нужно было, чтобы вдохновить музу сентиментальнаго поэта—можно видѣть изъ его же словъ:

„Никогда не забуду меланхолическаго, но какого-то пріятнаго впечатлѣнія, испытаннаго мною однажды въ положеніи путника. Съ наступленіемъ вечера въѣзжаю я въ околицу большого селенія и нагоняю толпу поселянъ обоего пола, возвращающуюся съ полевой работы. Долго слѣдовали они за мной и оглушали меня своими пѣснями. Достигаю до конца селенія и вижу поселянина, въ глубокой старости, сидящаго на завалинкѣ послѣдней хижины и держащаго младенца. Вѣроятно, это былъ внукъ его. Старикъ глядѣлъ спокойно; послѣдніе лучи солнца падали на обнаженное темя его. Путешествіе, младенецъ, въ противоположность со старцемъ, поющая молодость, закатъ солнца—все это представило мнѣ яркую картину жизни во всѣхъ возрастахъ—и конецъ ея".

Придавая такое важное значеніе даже и подобнымъ впечатлѣніямъ, Дмитріевъ, конечно, указываетъ на путешествіе, какъ на источникъ вдохновенія для поэтовъ. „Одна недѣля пути",—говоритъ онъ—„можетъ обогащать его запасомъ идей и картинъ, по крайней мѣрѣ, на полгода. Всегда подъ открытымъ небомъ, свидѣтель великолѣпнаго восхожденія солнца, вечернихъ сценъ, озлащенныхъ послѣдними его лучами; безмолвной, величественной ночи, усѣянной звѣздами или освѣщенной полною и кроткою луною—онъ вдыхаетъ въ себя большое благоговѣніе къ Непостижимому. Будучи одинокъ, никѣмъ не развлеченъ, наблюдатель и нравственнаго, и физическаго міра, онъ входитъ самъ въ себя и съ большею живостью принимаетъ всякое впечатлѣніе. Самое надъ нимъ пространство, недосягаемое и безпредѣльное, возвышаетъ въ немъ душу и расширяетъ сферу его воображенія".

Эти отрывки изъ „записокъ" Дмитріева особенно дороги намъ потому, что мы можемъ по нимъ прослѣдить весь процессъ его „стихотворныхъ занятій"; мы почти можемъ подмѣтить, какъ онъ, отдѣляя поэзію отъ жизни, на основаніи взглядовъ сентиментальной школы, „запасается впечатлѣніями", всегда измѣняя и преувеличивая значеніе происходящихъ около него явленій, и тщательно изыскивая около себя элементы жизни и природы, достойные поэтическаго творчества.

Въ результатѣ „благопріятнаго піитическаго года" Дмитріевымъ были написаны тѣ стихотворенія, которыя болѣе всего способствовали его прославленію: „*Гласъ Патріота*" (на взятіе Варшавы), „*Чужой толкъ*", „*Ермакъ*", сказки: „*Воздушныя башни*" и „*Причудница*" — и „*Посланіе къ Державину*". Вскорѣ послѣ того, когда другъ его, Карамзинъ, по прекращеніи „Московскаго Журнала" задумалъ собрать всѣ напечатанныя въ немъ свои произ-

веденія въ одинъ сборникъ, подъ заглавіемъ: „Мои бездѣлки“— Дмитріевъ послѣдовалъ этому примѣру и также издалъ въ свѣтъ сборникъ своихъ стихотвореній, подъ общимъ названіемъ: „*И мои бездѣлки*“.

Затѣмъ, удачно выступивъ на поприщѣ служебной дѣятельности, Дмитріевъ быстро пошелъ впередъ и достигъ впослѣдствіи высшихъ государственныхъ должностей. Само собою разумѣется, что ему при этомъ было уже не до поэзіи, и онъ могъ посвящать ей лишь весьма рѣдкіе досуги.

Въ сущности, сдѣлано было немногое: но то, что сдѣлано, было сдѣлано тщательно и отчетливо. Самъ И. И. Дмитріевъ совершенно искренно говоритъ о своемъ первомъ періодѣ стихотворства, какъ о такомъ времени, когда онъ заботился „только о томъ, чтобы стихи его были менѣе шероховаты, чѣмъ у многихъ“. „Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи. Но въ то время у насъ едва ли не также думали, не только читатели (И. И. Дмитріевъ хочетъ сказать: публика), но и самые первостепенные стихотворцы“ [1]. И въ этихъ немногихъ искреннихъ словахъ почтенный и чрезвычайно добродушный поэтъ произноситъ совершенно вѣрный и безпристрастный приговоръ всему предшествующему (и своему современному) періоду русской поэзіи. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ, огромное большинство нашихъ поэтовъ (за весьма малыми исключеніями) въ поэзіи видѣли только внѣшнюю форму для выраженія какихъ-то мыслей и побужденій высшаго порядка, которыя не могли, будто бы, находить себѣ выраженія на языкѣ обыкновенныхъ смертныхъ. Для этого нуженъ былъ „языкъ боговъ“—та поэтическая форма выраженія, которая, въ сущности, составляла безобразнѣйшую смѣсь какой-то славянщины съ выраженіями „высокаго штиля“, изуродованными произвольною перестановкою удареній и невозможными, обезсмысливающими краткими формами словъ, несвойственными русскому полногласію. Въ этомъ именно отношеніи, Дмитріевъ, послѣдуя примѣру своего друга Карамзина, принесъ несомнѣнную пользу русской поэзіи. Насколько Карамзинъ потрудился надъ разработкою литературнаго языка русской прозы, настолько же Дмитріевъ обратилъ вниманіе на заботливую выработку русскаго стиха и легкаго поэтическаго выраженія, которыя до него не отличались большимъ совершенствомъ. Вотъ почему оба имени — Карамзинъ и

Поэзія И. И. Дмитріева.

[1]) О своей собственной поэтической дѣятельности И. И. Дмитріевъ отзывается болѣе чѣмъ скромно и сдержанно. Говоря о томъ, что онъ былъ неусидчивъ въ творчествѣ, онъ приходитъ къ такому заключенію: «Отъ того и примѣчается, даже самимъ мною, въ стихахъ моихъ скудость въ идеяхъ, болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Отъ того же и въ лучшихъ моихъ стихотвореніяхъ нѣтъ обширной основы».

Дмитріевъ—такъ часто соединяются въ нашей исторіи словесности и, несмотря на все различіе ихъ значенія, связаны въ нашемъ сознаніи неразрывными узами. И странно сказать, но, въ отношеніи къ потомству, Дмитріеву даже болѣе посчастливилось, чѣмъ Карамзину: за исключеніемъ немногихъ чисто-риторическихъ произведеній, все, написанное И. И. Дмитріевымъ, не утратило и до сихъ поръ своего относительнаго литературнаго достоинства; многія басни его пріобрѣли даже значеніе классическое. А между тѣмъ, не только стихи, но и беллетристическая проза Карамзина, которая такъ восхищала современное поколѣніе, давно забыты всѣми и имѣютъ для насъ только историко-литературное значеніе. Вся литературная дѣятельность его юности померкла и стерлась въ прахъ передъ величіемъ того труда, которому онъ посвятилъ жизнь и которымъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу.

Виньетка Екатерининскихъ временъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Научное и просвѣтительное движеніе при Екатеринѣ. Широкіе просвѣтительные проекты; планы новыхъ университетовъ: русскіе и иноземные. Университетъ Московскій. Дѣятельность Академіи Наукъ.—Е. Р. Дашкова.—Учрежденіе Россійской Академіи. Первые годы существованія Россійской Академіи.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію то глубокое сочувствіе и уваженіе, которое Екатерина питала къ наукѣ во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ. Это сочувствіе и уваженіе не были въ ней такими же отвлеченными побужденіями, какъ во многихъ меценатахъ, для которыхъ наука представляла не болѣе, какъ пріятный поводъ для собственнаго возвеличенья. Нѣтъ, Екатерина сочувствовала наукѣ вполнѣ искренно, сочувствовала дѣятельно, готовая всѣми силами содѣйствовать ея возрастанію и развитію, ея широкому распространенію въ обществѣ. Она сама любила науку, сама охотно посвящала ей свои досуги и съ большимъ вниманіемъ слѣдила за поступательнымъ движеніемъ наукъ въ Европѣ. Поддерживая тѣ ученыя учрежденія, которыя существовали въ Россіи еще при ея предшественницѣ, она и сама порывалась сдѣлать многое на пользу просвѣщенія Россіи; но эти порывы ея, по отношенію къ высшимъ ученымъ учрежденіямъ, не осуществились на дѣлѣ по множеству причинъ, въ числѣ которыхъ главную роль игралъ не только хроническій недостатокъ финансовъ, истощаемыхъ постоянными войнами, но и постоянное отвлеченіе вниманія государыни массою другихъ заботъ, требовавшихъ ея наблюде-

О. П. Козодавлевъ.

31*

нія и участія. Въ сущности, къ ранѣе существовавшимъ ученымъ учрежденіямъ прибавилось еще только одно: „Россійская Академія“; но зато дѣятельность всѣхъ остальныхъ значительно расширилась не только приливомъ свѣжихъ силъ изъ-за границы, но и приростомъ собственныхъ силъ, воспитавшихся уже при лучшихъ условіяхъ, нежели предшествовавшее имъ поколѣніе ученыхъ. Впрочемъ, даже и тѣ широкіе планы и проекты, которые не пришлось осуществить, принесли, отчасти, свою долю пользы будущему просвѣщенію Россіи; изъ нихъ именно и выяснилось, что Россіи необходимъ русскій университетъ, тѣсно связанный съ русскою почвою, ея бытовыми условіями и потребностями, а не образцовое въ теоретическомъ смыслѣ высшее учебное заведеніе, составленное по послѣднему слову новѣйшей философской системы. Въ этомъ прежде всѣхъ убѣдилась и сама Екатерина, когда въ 1775 г. обратилась къ своему знаменитому другу Дидро съ просьбой составить планъ будущихъ университетовъ для Россіи. Дидро поспѣшилъ исполнить желаніе государыни и составилъ нѣчто весьма нескладное и притомъ несвязанное ни съ какою почвою, ни съ какими бытовыми и національными условіями жизни. Въ составъ общаго плана, въ видѣ отдѣльныхъ частей, входили планы: начальнаго училища, средняго учебнаго заведенія, въ родѣ гимназіи, особаго переходнаго къ университету курса и университета. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого плана, отмѣтимъ только, что Дидро былъ положительно противъ допущенія религіи въ кругъ предметовъ преподаванія и изученія ея въ среднемъ учебномъ заведеніи допускалъ „только изъ снисхожденія къ Императрицѣ“; затѣмъ всему преподаванію въ младшихъ классахъ средняго учебнаго заведенія (до VI класса) приданъ былъ исключительно-реальный характеръ, т. е. изучались исключительно математическія и естественныя науки, а русскій и славянскій языки допускались въ кругъ изученія уже только въ VII классѣ. Такой планъ преподаванія и подготовки къ университету, конечно, не могъ понравиться Екатеринѣ, и она оставила его подъ спудомъ. Въ 80-хъ годахъ, когда опять возродилось желаніе широко распространить по Россіи высшее, университетское образованіе и явилось предположеніе объ открытіи новыхъ университетовъ во Псковѣ, Черниговѣ, Пензѣ и даже въ Херсонѣ — предложенъ былъ новый проектъ университетовъ и университетскаго устава, который и былъ составленъ въ 1787 г. однимъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, О. П. Козодавлевымъ, который былъ однимъ изъ членовъ Комиссіи народныхъ училищъ. Планъ Козодавлева ничуть не походилъ на планъ Дидро, хотя и былъ широко задуманъ и основанъ на весьма гуманныхъ началахъ; составитель его

Планы университетовъ.

именно о томъ только и заботился, чтобы изъ иноземнаго заимствовать исключительно пригодное для Россіи. Затѣмъ, Козодавлевъ настаивалъ на необходимости „вести преподаваніе наукъ въ россійскихъ университетахъ на языкѣ народномъ, такъ какъ языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія". Проектъ въ сущности прекрасный и прекрасно-составленный не былъ утвержденъ и университеты не были открыты. Можетъ-быть, Екатеринѣ не понравилось одно изъ положеній плана, по которому университетъ признавался открытымъ для всѣхъ сословій и даже „несвободные люди" становились свободными подъ сѣнью науки.

Московскій университетъ, съ восшествіемъ Екатерины на престолъ, вступилъ во второе десятилѣтіе своего существованія. Онъ, видимо, болѣе и болѣе прививался къ той почвѣ, на которой былъ учрежденъ по мысли своего геніальнаго основателя. Древній центръ русской жизни, лишенный многихъ преимуществъ своего былого положенія, оцѣнилъ по достоинству дарованную ему милость и полюбилъ свой университетъ, который, мало-помалу, сталъ сродняться съ Москвою. Самымъ естественнымъ указаніемъ того роста и развитія, котораго въ короткое время достигъ Московскій университетъ, можетъ служить именно то обстоятельство, что уже съ первыхъ же лѣтъ существованія его, между преподавателями университета и воспитанниками его устанавливается тѣсная и живая связь. Коллегія профессорская начинаетъ, мало-по-малу, пополняться ученою молодежью, воспитавшеюся въ его же стѣнахъ, болѣе и болѣе стѣсняя кругъ преподавателей-иноземцевъ. Но, сверхъ того, замѣчается еще и такой утѣшительный фактъ: многіе изъ преподавателей-иноземцевъ въ такой степени освоиваются въ Москвѣ съ русской жизнью, такъ привязываются къ мѣсту своей службы и къ своей русской аудиторіи, что становятся вполнѣ солидарными не только съ университетомъ, но и съ Москвою, и съ Россіей. Московскій университетъ.

Считаемъ не излишнимъ сообщить здѣсь важнѣйшіе факты изъ исторіи университета въ царствованіе Екатерины. Со вступленіемъ Екатерины на престолъ, кураторство И. И. Шувалова окончилось и на мѣсто его вступилъ въ кураторы Адодуровъ (нѣкогда обучавшій Екатерину русскому языку [1]). Пользуясь выгодами своего выдающагося положенія, онъ сразу выступилъ съ проектомъ новаго устава и штатовъ университета, которые до того времени были ужъ черезчуръ скромными и ограниченными. Самый университетъ и его двѣ гимназіи -дворянская и разночинная—

[1]) Въ царствованіе Елисаветы—Адодуровъ даже пострадалъ за свое усердіе и преданность интересамъ молодого Двора. Онъ былъ сосланъ, но Екатериною возвращенъ, осыпанъ наградами и милостями и пользовался постоянно ея расположеніемъ.

ютились въ небольшомъ и тѣсномъ зданіи у Воскресенскихъ воротъ, гдѣ потомъ помѣстились Губернскія Присутственныя мѣста (а нынѣ возвышается громадное зданіе Городской Думы). Въ кураторство Адодурова, Екатерина, со свойственною ей прозорливостью, обратила вниманіе на одинъ весьма важный недостатокъ университетскаго преподаванія, которое, по исконному обычаю, происходило на латинскомъ языкѣ. Обычай этотъ, совершенно несвойственный Россіи, былъ заимствованъ нашими школами съ Запада и, какъ въ Академіи, такъ и въ Московскомъ университетѣ, поддерживался преобладаніемъ иноземцевъ въ средѣ преподавателей. Хотя многіе изъ иноземцевъ-преподавателей Московскаго университета—такіе, какъ Ѳ. Г. Баузе, І. Ѳ. Буле, І. М. Шаденъ и въ особенности И. Г. Шварцъ -оказали и университету, и даже русскому просвѣщенію, весьма серьезныя и почтенныя услуги, однакоже, большинство иноземныхъ преподавателей стояло далеко ниже уровня этихъ почтенныхъ дѣятелей, и весьма естественно было желаніе Екатерины поскорѣе увидѣть на ихъ мѣстѣ дѣятелей изъ природныхъ русскихъ и замѣнить латинское преподаваніе русскимъ. И вотъ уже въ одномъ изъ писемъ Хераскова къ Адодурову (за 1767 годъ) находимъ слѣдующее указаніе:

Преподаваніе на русскомъ языкѣ

„Ея Императорское Величество указать соизволила, что въ Университетѣ пристойнѣе-бы читать лекціи на Русскомъ языкѣ, а особливо юриспруденцію, что де неоднократно повторя, соизволила Всевысочайше повелѣть, дабы о томъ стараться“.

Желаніе императрицы не особенно трудно было исполнить, такъ какъ около этого времени многіе изъ воспитанниковъ Московскаго университета уже оканчивали полный курсъ ученія за границей: Третьяковъ и Десницкій—въ Глазговскомъ университетѣ (въ Шотландіи); Аѳонинъ и Карамышевъ—въ Упсальскомъ, подъ руководствомъ знаменитаго ботаника Линнея; Зыбелинъ и Веніаминовъ—въ Германскихъ университетахъ. Будущіе преподаватели чистой математики—Лобановъ, Аничковъ и Ѳеодоровъ—готовились къ каѳедрѣ въ Россіи. Всѣ они, къ концу 1767 года, уже успѣли сдать экзамены въ Россіи [1]) и вступить преподавателями въ стѣны воспитавшаго ихъ университета, и вслѣдъ за тѣмъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ началѣ 1768 года, было напечатано знаменательное объявленіе, имѣющее важное историческое значеніе: „съ сего года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, для лучшаго распространенія въ Россіи наукъ, начались лекціи во всѣхъ трехъ факультетахъ природными Рос-

[1]) Весьма любопытно то, что на экзаменахъ юристовъ-профессоровъ, Третьякова и Десницкаго, посланъ былъ присутствовать оберъ-секретарь 3-го Департамента Сената.

сійскими учеными на Россійскомъ языкѣ [1]). Любители наукъ могутъ въ тѣ дни и часы слушать, которые онымъ въ лекціонномъ каталогѣ назначены".

Университетъ и гимназія.

Нововведеніе было важнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ будущаго развитія и улучшенія университетскаго преподаванія, которое, впрочемъ, было еще весьма далеко отъ совершенства. Еще гораздо хуже преподаванія были установившіеся въ университетѣ и въ гимназіяхъ порядки. Воспитанниковъ въ гимназіяхъ и слушателей въ университетѣ было достаточно, но коли-

Зданіе бывшаго Благороднаго пансіона въ Москвѣ, на Тверской.

чество ихъ безпрестанно колебалось вслѣдствіе различныхъ условій современной общественной жизни. Очень многіе изъ гимназистовъ и студентовъ не кончали курса (изъ 300 человѣкъ иногда до конца курса доходили только двое): однихъ брали послѣ родители; другихъ призывало начальство на дѣйствительную службу, такъ какъ даже дворянъ—особенно знатныхъ и богатыхъ—записывали на службу еще въ колыбели и первые чины они получали еще на школьной скамьѣ; третьихъ, по крайней нуждѣ въ грамотныхъ и образованныхъ чиновникахъ, еще до окончанія курса прямо сажали на мѣста съ хорошимъ содержаніемъ. И начальство университетское горько жаловалось на эти невзгоды, которыя отнимали у него много способныхъ и видныхъ дѣятелей. Въ конференцію университета поступаютъ также съ разныхъ сторонъ

[1]) Терминологія допускалась попрежнему на латинскомъ языкѣ.

жалобы на жестокое обращеніе гимназическаго начальства съ воспитанниками, которыхъ преподаватели бьютъ линейками (ферулами) по головѣ. Конференція возстаетъ противъ этого обычая и поголовно полагаетъ его замѣнить другимъ наказаніемъ: *облеченіемъ воспитанниковъ въ крестьянское платье*. Кураторъ Адодуровъ заботится и весьма успѣшно — объ увеличеніи доходовъ университета при помощи принадлежащей ему (единственной въ Москвѣ) типографіи, и эта типографія проявляетъ довольно оживленную дѣятельность, причемъ заботливость куратора проявляется и въ томъ, что книги въ университетской типографіи печатаются съ выборомъ, съ прямымъ расчетомъ на успѣхъ, т. е. такія, которыхъ сбытъ заранѣе можно было считать обезпеченнымъ. Кромѣ журналовъ и газетъ, въ университетской типографіи печатаются: „Басни и Эпистолы", Хераскова; „Жизнь Сиѳа, Царя Египетскаго", въ переводѣ Фонвизина; „Краткое понятіе о наукахъ для употребленія малолѣтнихъ дѣтей" (на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ русскимъ переводомъ); Сказки „Тысяча и одна ночь" [1]), въ переводѣ Богдановича; „Исторія Татищева"; „4291 древнихъ Россійскихъ пословицъ" и т. д.

Послѣ Адодурова кураторомъ былъ Мелиссино, который особенно заботился объ улучшеніи преподаванія въ университетѣ иностранныхъ языковъ и любилъ вносить большую торжественность во всѣ проявленія жизни университета: собранія конференціи, акты, диспуты и т. п. При немъ открыто было, въ тѣсной связи съ университетомъ, „*Вольное Россійское Собраніе*", первое въ Москвѣ ученое общество, о которомъ намъ еще придется говорить далѣе съ бо̀льшею подробностью.

Благородный пансіонъ.

Гораздо болѣе плодотворнымъ во всѣхъ отношеніяхъ явилось кураторство Хераскова (съ 1778 г.). При немъ и по его мысли было открыто при университетѣ новое и весьма полезное учрежденіе — „*Вольный Благородный Пансіонъ*" — приготовительное заведеніе, въ которомъ ощущалась такая сильная потребность, что въ немъ, тотчасъ послѣ открытія (1779 г.), явилось уже 50 человѣкъ воспитанниковъ [2]). Университетское начальство задавалось, при учрежденіи Пансіона, тремя цѣлями: 1) научить дѣтей или

---

[1]) Самъ переводчикъ былъ, повидимому, не вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ своего перевода, и потому говоритъ въ предисловіи къ сборнику:

«Кому нескученъ Бова Королевичъ, тому и оныя ночи не наскучатъ. Но, какъ и сказки могутъ къ читанію произвесть привычку, то и оныя повѣсти, какъ забаву, такъ и нѣкоторую пользу въ себѣ заключаютъ». Оказалось, однакоже, что этотъ сборникъ арабскихъ сказокъ такъ понравился публикѣ, что уже въ слѣдующемъ году вызвалъ два подражанія, подъ заглавіемъ: «Тысяча и одинъ часъ» и «Тысяча и одна четверть часа».

[2]) Императрица Екатерина пожертвовала для помѣщенія Пансіона домъ межевой конторы по Тверской улицѣ; а вскорѣ послѣ того, для быстро возросшаго университета, купила и домъ Барятинскаго на Моховой и выдала 125.000 на постройку.

просвѣтить ихъ разумъ полезными знаніями; 2) вкоренить въ сердца ихъ благонравіе; 3) сохранить ихъ здоровье.

За учрежденіемъ Благороднаго Пансіона послѣдовалъ уже извѣстный намъ и весьма важный контрактъ съ Новиковымъ, по которому университетская типографія была ему сдана въ аренду на десять лѣтъ; а затѣмъ, 13 ноября 1779 года, профессоромъ Шварцемъ была открыта при университетѣ „Педагогическая Семинарія“, около которой, года три спустя, образовалось и сложилось Дружеское Общество, при матеріальной помощи со стороны П. А. Татищева, князя А. А. Черкасскаго, князя К. Н. Трубецкого и полковника В. В. Чулкова, къ которымъ позднѣе примкнули и другіе богатые доброжелатели. Въ самый годъ открытія Дружескаго Общества (1782 г.) въ университетѣ уже воспитывалось на его иждивеніи 20 человѣкъ студентовъ, и профессоръ Шварцъ, который былъ душою Дружескаго Общества, уже спѣшилъ образовать изъ нихъ особое „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, нѣчто въ родѣ переводческой Семинаріи, которая, дѣйствуя подъ его руководствомъ, должна была способствовать усиленію издательской дѣятельности Новикова [1]).

Во время кураторства Хераскова совершилось два важныхъ явленія въ жизни университета: 24 апрѣля 1780 года университетъ торжественно отпраздновалъ первое двадцатипятилѣтіе своего существованія, а вскорѣ послѣ того къ тремъ его факультетамъ (философскому, юридическому и математическому) присоединенъ былъ и четвертый, медицинскій. Поэтъ Костровъ—самъ воспитанникъ университета—привѣтствовалъ его праздникъ громкою одою, въ которой восклицалъ: Первое двадцатипятилѣтіе.

«Се двадесятъ пять лѣтъ свершилось
Какъ онъ воздвигнутъ въ градѣ семъ,
И какъ пространное открылось
Любезнымъ Музамъ мѣсто въ немъ.
О, сладкое воспоминанье,
И мыслямъ лестное мечтанье,
Когда представлю оный день
Въ который, во струяхъ Кастальскихъ,
Притекшихъ къ намъ изъ мѣстъ Өессальскихъ,
Москвы преобразилась тѣнь.»

Въ 1791 году университетъ получилъ право возводить въ доктора̀ медицины, а въ 1799 году и воспользовался имъ, выдавъ первый докторскій дипломъ.

---

[1]) О дѣятельности этого «Собранія университетскихъ питомцевъ» мы уже говорили выше; замѣтимъ здѣсь, что и въ средѣ питомцевъ Вольнаго Благороднаго Пансіона образовалось (около 1787 г.) нѣчто подобное такому же литературному кружку, который также заявилъ о своемъ существованіи, издавъ въ свѣтъ сборникъ своихъ сочиненій и переводовъ, подъ заглавіемъ: «Распускающійся цвѣтокъ».

Изъ остальныхъ явленій жизни университетской отмѣтимъ учрежденіе при немъ, въ 1789 году, новаго „Общества Любителей Учености", которое кураторъ Мелиссино открылъ торжественною рѣчью. Программа новаго Общества отличалась странною темнотою и неопредѣленностью. Въ газетномъ объявленіи объ открытіи его, цѣль Общества опредѣлялась такъ: „Споспѣшествовать распространенію въ Россіи такихъ особенно наукъ, которыя способствовать могутъ: 1) къ просвѣщенію разума въ соотечественникахъ, 2) къ исправленію сердца, 3) къ образованію хорошаго вкуса и 4) къ доставленію каждому вѣрнѣйшихъ способовъ къ счастью". Можетъ быть эта неопредѣленность программы и способствовала тому, что Общество просуществовало недолго и не заявило о себѣ никакими полезными трудами.

Первый уставъ. Любопытнымъ памятникомъ жизни Московскаго университета въ концѣ XVIII вѣка остается для насъ сохранившійся отъ того времени Уставъ, который всѣ студенты „подпискою" обязывались исполнять. Этотъ памятникъ вполнѣ заслуживаетъ нѣсколько болѣе подробнаго упоминанія, такъ какъ онъ живо рисуетъ намъ не только нравы и обычаи современнаго университета, но и знакомитъ насъ съ тѣмъ кругомъ свѣдѣній, который былъ необходимъ для поступленія въ число студентовъ. Изъ этого „Устава" узнаемъ, что доступъ къ университетскимъ лекціямъ можно было получить при трехъ условіяхъ: 1) знаніи курса свободныхъ наукъ и возможности по-латыни свободно и вразумительно изъясняться словомъ и письмомъ; 2) достовѣрное свидѣтельство въ правѣ на законную свободу и исключеніи изъ подушнаго оклада; 3) свидѣтельство о благонравіи. Все это слѣдовало доказать въ открытомъ засѣданіи конференціи при директорѣ университета. Вступивъ въ университетъ, студентъ обязывался сначала окончить курсъ словесныхъ наукъ, который состоялъ „особливо въ знаніи латинскаго, греческаго и Россійскаго языка (присовокупляя къ онымъ нѣмецкій или французскій), исторіи, географіи, древностей, миѳологіи, чистой математики, физики и логики". По окончаніи курса словесныхъ наукъ, студентъ долженъ былъ пробыть три года на избранномъ факультетѣ и не могъ перейти изъ него на другой, не окончивъ въ немъ полнаго курса наукъ [1]). „Уставъ", за подписью директора университета, выдавался студенту, который подъ нимъ подписывалъ свое обѣщаніе: „какъ христіанинъ и честный человѣкъ, во всемъ поступать по силѣ даннаго ему Устава".

Историкъ университета, заканчивая изложеніе этого періода его исторіи, сообщаетъ свѣдѣнія и о тѣхъ увеселеніяхъ, кото-

[1]) Исключеніе допускалось только для особенно даровитыхъ, и то съ дозволенія профессоровъ.

рымъ студенты предавались въ свободное отъ занятій время; главное мѣсто въ этихъ увеселеніяхъ занимали театральныя представленія, и въ нихъ не послѣднее мѣсто занимали пьесы главнаго любимца публики, Фонвизина, также бывшаго воспитанника университета [1]).

Характернымъ явленіемъ жизни XVIII вѣка была и та неравномѣрность въ возрастаніи числа учениковъ гимназій и студентовъ университета, которое замѣчается въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины: между тѣмъ какъ число гимназистовъ въ университетскихъ гимназіяхъ, къ концу 80-хъ годовъ, уже заходитъ далеко за 1.000 человѣкъ, число студентовъ едва достигаетъ и десятой доли этого числа; и къ концу столѣтія это отношеніе между тою и другою цифрою сохраняется неизмѣнно. По ней можно судить о томъ, что потребность въ среднемъ образованіи была уже развита довольно сильно, а потребность въ высшемъ образованіи развивалась туго и медленно [2]).

Ознакомившись съ внутреннею жизнью московскаго университета, мы должны взглянуть теперь на то, что, въ теченіе царствованія Екатерины, происходило въ Академіи Наукъ, гдѣ императрица вручила главное завѣдываніе ученою коллегіей княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ въ Европѣ и несомнѣнно замѣчательнѣйшей женщинѣ Екатерининскаго времени. Академія Наукъ.

Княгиня Е. Р. Дашкова (род. въ 1743 г., ум. 1810 г.) была дочь генералъ-аншефа, графа Р. Л. Воронцова, воспитывалась въ домѣ своего дяди, канцлера графа М. Л. Воронцова, и получила, по тому времени, блестящее свѣтское образованіе, т. е., вмѣстѣ съ дочерью канцлера, обучалась у лучшихъ преподавателей языкамъ, наукамъ и искусствамъ. Но это легковѣсное, внѣшнее образованіе не могло удовлетворить жаждѣ знанія, которую гордая и самолюбивая молодая дѣвушка ощущала въ себѣ отъ ранней юности. Эта жажда знанія почти равнялась въ ней съ другою страстью — къ политикѣ, о которой она говоритъ въ своихъ „Запискахъ", что „интересовалась ею съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ". Вѣроятно, на развитіе этой страсти вліяла та обстановка, среди которой она выростала въ домѣ дяди, постоянно вращаясь между дипломатами, русскими и иностранными, среди вѣстей и новостей Е. Р. Дашкова.

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что въ средѣ учениковъ университетской гимназіи нравы и въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія не отличались утонченностью, судя потому, что они любили сходиться на Неглинной и Никольской, въ промежуточные часы между утренними и вечерними занятіями, и здѣсь учиняли жестокія кулачныя побоища съ учениками семинаріи и академіи духовной.

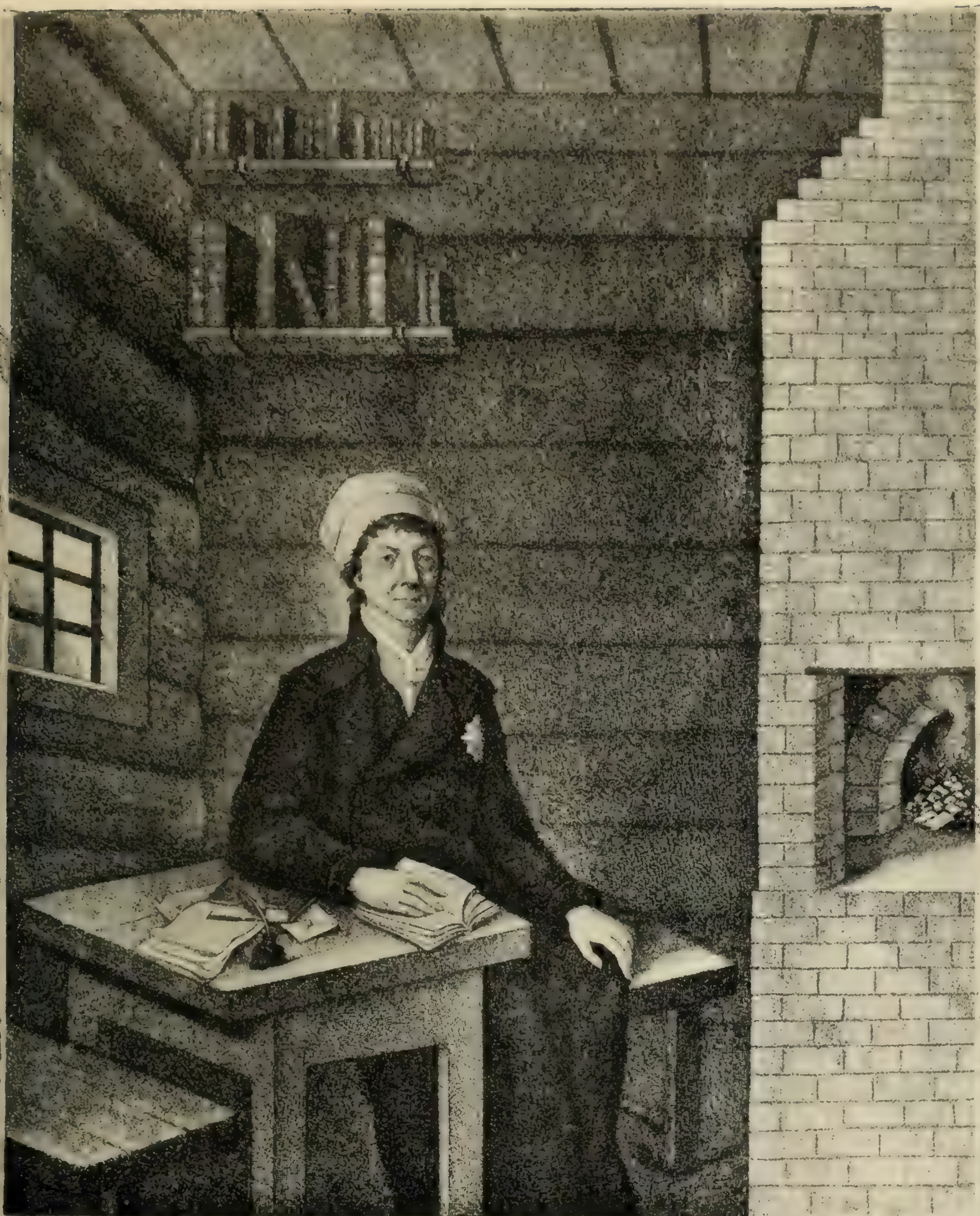
[2]) Въ 1786 г., въ подспорье университетскимъ гимназіямъ, открылось въ Москвѣ первое, по новому плану созданное, «Главное народное училище», впослѣдствіи оно и обратилось въ первую Московскую губернскую гимназію.

политической жизни внутренней и внѣшней. Связи канцлера при Дворѣ Елисаветы въ значительной степени способствовали тому, что его юная племянница рано проникла ко Двору и, такъ какъ канцлеръ принадлежалъ къ партіи Екатерины, то и Дашкова сблизилась съ нею еще въ то время, когда она была великою княгинею и находилась въ очень затруднительномъ положеніи среди различныхъ придворныхъ партій. Въ этомъ именно положеніи Екатерина Романовна—женщина, одаренная проницательнымъ умомъ и силою воли, и близко знакомая съ міромъ дворскихъ интригъ,—могла оказать серьезныя услуги Екатеринѣ, и, дѣйствительно, оказала ихъ при томъ переворотѣ, который закончился вступленіемъ Екатерины на престолъ. Но, щедро награжденная Екатериною за вѣрную службу и „къ отечеству отличныя заслуги", Екатерина Романовна увидѣла себя совсѣмъ не въ той роли, на которую она мѣтила. Екатерина, отлично понявъ характеръ гордой и тщеславной пособницы своей, благоразумно и осторожно отдалила ее отъ себя, тщательно оберегая независимость своихъ мнѣній и поступковъ. Это привело къ охлажденію между двумя, нѣкогда очень близкими женщинами, и Дашкова вскорѣ окончательно удалилась отъ Двора.

Годы странствованій.

Тогда-то и начался для Дашковой долгій періодъ странствованій по Европѣ, во время которыхъ она могла въ самыхъ широкихъ размѣрахъ удовлетворить другой своей страсти, которая была въ ней не менѣе сильна, чѣмъ страсть къ политической интригѣ. Мы разумѣемъ страсть къ литературѣ и наукѣ, которая была присуща княгини Дашковой отъ ранней юности. Чтенію предавалась она всегда съ величайшимъ наслажденіемъ и ничто не могло ее такъ порадовать, какъ пріобрѣтеніе хорошей, цѣнной книги. Изъ книгъ и почерпнула она свое обширное, превосходное образованіе и свои замѣчательныя научныя свѣдѣнія. Книгъ она вездѣ искала, всюду ихъ доставала и добивалась пріобрѣсти. И. И. Шуваловъ, изъ любезности предложившій Екатеринѣ Романовнѣ снабжать ее всѣми новинками, получаемыми изъ Франціи,—не зналъ, какъ и удовлетворить эту ненасытную жажду чтенія. Въ „Запискахъ" своихъ она разсказываетъ намъ, что уже въ первый годъ, по выходѣ замужъ за князя Дашкова, она обладала библіотекой въ 900 томовъ и на пополненіе ея тратила всѣ свои карманныя деньги [1]. „Бейль, Монтескье, Буало и Вольтеръ были всегда моими любимыми писателями",—восклицаетъ Дашкова въ своихъ „Запискахъ", и этимъ какъ бы указываетъ

[1]) Эти занятія науками и усиленное чтеніе княгини очень не нравились ея роднѣ, и ея дядя, канцлеръ, даже писалъ о ней брату, въ 1762 году: «она, сколько мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ свое время проводитъ».

Портретъ Е. Р. Дашковой, въ старости, во время ея ссылки на житье въ деревню.

намъ на то, что она раздѣляла вначалѣ литературные вкусы Екатерины. Но долгое пребываніе за границей, гдѣ она провела нѣсколько лѣтъ въ постоянномъ общеніи съ учеными и литературными знаменитостями (Дидро, Вольтеръ, Робертсонъ и Адамъ Смитъ) и въ нѣсколько-педантическихъ и вычурныхъ заботахъ о воспитаніи сына [1]), значительно измѣнило ея вкусы и взгляды. Ближе присматриваясь къ западно-европейской жизни, она стала гораздо осторожнѣе относиться къ увлеченіямъ ея идеалами, и все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ недовѣріемъ смотрѣть на попытки ихъ перенесенія на русскую почву. Она сознавала, какъ неудачны были многія изъ подобныхъ попытокъ Екатерины, и, недовольная настоящимъ положеніемъ Россіи, переносила это недовольство отчасти даже и на долю дѣлъ и замысловъ Великаго Преобразователя Россіи. И къ его реформамъ она относилась съ суровой критикой. А отъ подобныхъ воззрѣній былъ уже только одинъ шагъ до возможности искать идеалы въ до-петровской старинѣ, когда „русскіе еще не стыдились быть русскими", и недостатки ихъ проистекали отъ того, что они были невоспитаны, а не отъ того, чтобы они „были воспитаны дурно". Другими словами, Дашкова стала какъ разъ на ту сторону, къ которой въ русскомъ обществѣ принадлежали многіе изъ лучшихъ его представителей: Фонвизинъ, Новиковъ, Щербатовъ, Болтинъ — на сторону интеллигентной оппозиціи, которая съ начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, уже не стѣсняясь, высказывала свои взгляды. Когда она, послѣ чуть не 20-тилѣтняго промежутка времени, вернулась ко Двору, Екатерина, со свойственной ей находчивостью и умѣніемъ создавать должности по людямъ, назначила Дашкову директоромъ Академіи Наукъ, на мѣсто Домашнева (въ 1783 г.).

Е. Р. Дашкова, директоръ Академіи Наукъ.

24-го января послѣдовалъ именной указъ Сенату о томъ, что „дирекція надъ С.-Петербургскою Академіею Наукъ поручается статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой" — и этотъ новый, энергичный директоръ Академіи [2]) немедля вступилъ въ свою новую должность такъ ревностно и такъ дѣловито, что высшее въ Россіи ученое учрежденіе разомъ оживилось и чуть не удвоило свою дѣятельность. Съ чисто-женскою тонкостью чутья Дашкова угадала многое и указала несомнѣнно новые пути для примѣненія академическихъ научныхъ силъ. Такъ, напримѣръ, желая усилить просвѣтительное значеніе Академіи Наукъ въ русскомъ обществѣ, она предложила академикамъ открыть при Академіи публичные курсы наукъ въ теченіе 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ

---

[1]) Она-таки добилась того, что онъ получилъ въ эдинбургскомъ университетѣ дипломъ на доктора правъ, богословія и медицины.

[2]) Недаромъ Державинъ называлъ ее «мужикъ-баба», подразумѣвая ея мужественный и твердый характеръ.

этихъ публичныхъ курсахъ Котельниковъ читалъ алгебру, геометрію и механику; Озерецковскій—естественную исторію; Соколовъ и Захаровъ—химію; Севергинъ—минералогію; Кононовъ и Гурьевъ—физику. Курсы вызвали огромное сочувствіе въ публикѣ и посѣщались такимъ количествомъ слушателей, что академическое зало едва могло вмѣщать ихъ. Затѣмъ княгиня Дашкова обратилась къ издательской дѣятельности Академіи, усилила ее новыми учеными органами и новыми литературными предпріятіями, въ видѣ уже извѣстнаго намъ „Собесѣдника любителей россійскаго слова“ и „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій“ — и первое изъ этихъ предпріятій имѣло громадный успѣхъ [1]). Съ удивительнымъ умѣньемъ и настойчивостью Дашкова входила во всѣ мелочи, во всѣ подробности обширнаго и многосложнаго хозяйственнаго механизма Академіи и одновременно успѣвала не только заботиться о внѣшней, казовой дѣятельности ученаго учрежденія, но и о сокращеніи непроизводительныхъ расходовъ, и объ уплатѣ долговъ, и объ увеличеніи доходовъ Академіи. Въ короткое время она успѣла измѣнить къ лучшему порядки и систему преподаванія въ акаде-

Домашневъ. Директоръ Академіи Наукъ (до Дашковой).

[1]) Чрезвычайно любопытно, что Дашкова, повидимому, возлагала на «Собесѣдникъ» надежды совершенно особаго рода. Она предполагала, что при содѣйствіи «Собесѣдника» «русскій языкъ очистится, значеніе словъ опредѣлится и установится; разовьется любовь къ старинѣ и народности; откинутся несвойственные намъ чужеземные обычаи и нечувствительно умножится число читающихъ, въ ряду которыхъ появятся даже женщины». Существенною задачею журнала, по словамъ Дашковой, должно было явиться то, «чтобы россійское слово вычищалось и процвѣтало».

мической гимназіи, озаботиться объ отправленіи за границу наиболѣе талантливыхъ изъ числа академическихъ студентовъ (по ея личному выбору) и энергически поддержать выполненіе обширнаго плана академическихъ путешествій съ цѣлью изученія Россіи. Съ другой стороны, она обратила серьезное вниманіе на издавна уже существовавшій при Академіи институтъ переводчиковъ и, упорядочивъ его дѣятельность, учредила при Академіи особый „Переводческій департаментъ“, на обязанности котораго лежалъ переводъ классическихъ произведеній иностранныхъ литературъ. Въ то же время, Дашкова, какъ нельзя болѣе кстати, озаботилась сведеніемъ въ одинъ обширный многотомный сборникъ всѣхъ театральныхъ пьесъ русскаго сценическаго репертуара, изъ которыхъ однѣ были печатаны въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а другія существовали только въ рукописи. Всѣ онѣ были собраны въ отдѣльные томы, выходившіе въ свѣтъ періодически, и составили (нынѣ весьма рѣдкое и цѣнное) изданіе подъ общимъ заглавіемъ „*Россійскій Өеатръ или полное собраніе всѣхъ театральныхъ россійскихъ сочиненій*“.

Академія Россійская. Но всей этой дѣятельности какъ бы еще казалось недостаточно для неугомонной и неутомимой руководительницы высшаго русскаго ученаго учрежденія: она вошла съ докладомъ къ императрицѣ о необходимости основать при Академіи Наукъ особую „Россійскую Академію“, которая бы задалась, какъ исключительною цѣлью дѣятельности, „очищеніемъ и обогащеніемъ русскаго языка, а также прочнымъ установленіемъ правилъ словоупотребленія, витійства и стихотворства“. Для удовлетворенія этой потребности предполагалось составить: словарь, грамматику, риторику и піитику [1]). Екатерина вполнѣ одобрила эту новую ученую затѣю Дашковой и вскорѣ послѣ того назначила ее „предсѣдателемъ“ вновь основанной Россійской Академіи.

Создавая это новое ученое учрежденіе нѣсколько по образцу Французской Академіи, Дашкова задумала привлечь къ участію въ его дѣятельности не только присяжныхъ ученыхъ, не только прославленныхъ писателей и академиковъ, но и высшихъ представителей духовенства и многихъ лицъ высшаго петербургскаго и московскаго общества, хотя бы чѣмъ-либо заявившихъ свое сочувствіе къ наукѣ, литературѣ, или къ интересамъ просвѣщенія.

[1]) Для поощренія другихъ къ дѣятельности собственнымъ трудолюбіемъ, Е. Р. Дашкова приняла на себя обработку трехъ буквъ (ц, ш, щ) для словаря Россійской Академіи. Сверхъ того, она писала довольно много ученыхъ статей и разсужденій, которыя помѣщала въ «Опытахъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія» и въ «Другѣ Просвѣщенія»; писала и комедіи для Эрмитажнаго театра, и мелкія стихотворенія. Но всѣ эти произведенія Дашковой не имѣютъ значенія въ сравненіи съ ея дѣятельностью, какъ руководительницы ученаго учрежденія и покровительницы наукъ и просвѣщенія въ Россіи.

Дашкова занимала свое высокое положеніе въ русскомъ ученомъ мірѣ въ теченіе одиннадцати лѣтъ и своею полезною дѣятельностью заслужила почетную извѣстность между современниками и уваженіе въ потомствѣ. Въ 1795 году, вслѣдствіе извѣстнаго эпизода съ „Вадимомъ", княгиня Дашкова, оскорбленная несправедливымъ гнѣвомъ Екатерины, покинула службу при Академіи и жила вдали отъ Двора. Но тотчасъ по вступленіи на престолъ Павла I—Е. Р. Дашкову постигла опала, за ея участіе въ давно-забытомъ переворотѣ 1763 года: ей приказано было жить безвыѣздно въ ея деревнѣ. Впослѣдствіи, возвращенная Александромъ I изъ этой ссылки, она поселилась въ Москвѣ, и здѣсь въ деревенскомъ уединеніи и въ московскомъ своемъ домѣ, она написала „Записки о своей жизни", не слишкомъ искреннія и правдивыя, но все же любопытныя по многимъ подробностямъ о современныхъ лицахъ и событіяхъ и по многимъ очень вѣрнымъ характеристикамъ современниковъ [1].

Путешествія академиковъ.

Въ заключеніе того, что выше было сказано о научной дѣятельности Академіи въ управленіе ея Е. Р. Дашковой, скажемъ нѣсколько подробнѣе о путешествіяхъ академиковъ по Россіи. Положено было, чтобы ученые, отправленные Академіею Наукъ, прежде всего осмотрѣли и описали все достопримѣчательное въ наиболѣе отдаленныхъ губерніяхъ: Астраханской, Оренбургской и Казанской и въ мѣстностяхъ, лежащихъ по обѣ стороны Волги. Въ эти экспедиціи отправлены были: Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Гильденштедтъ и Фалькъ. Мало-по-малу, программа, предлагаемая Академіею ея членамъ, участвующимъ въ подобныхъ путешествіяхъ, все расширялась и расширялась, становилась все болѣе и болѣе разнообразною и тѣмъ самымъ придавала все бо́льшій и бо́льшій интересъ и значеніе трудамъ путешествовавшихъ по Россіи академиковъ. Сначала Академія направляла ихъ на изслѣдованіе Россіи только со стороны наукъ естественныхъ, но потомъ уже, при снаряженіи ученыхъ экспедицій, стала вмѣнять въ обязанность ученымъ, чтобы они всюду старались въ точности изслѣдовать: свойства почвы и воды въ различныхъ мѣстностяхъ; состояніе земледѣлія, скотоводства, пчеловодства, шелководства; рыбные и звѣровые промыслы; эпидемическія болѣзни у скота и людей, и средства, употребляемыя для ихъ излѣченія; искусства, ремёсла и другія отрасли промышленности; наконецъ — все, касающееся нравовъ, обычаевъ, древностей, язы-

[1] Записки эти были написаны сначала по-англійски, такъ какъ Дашкова писала ихъ для своей компаньонки, миссъ Вильмотъ, съ которою подружилась во время пребыванія за границею. Въ англійскомъ оригиналѣ записки были сначала напечатаны въ Лондонѣ, и въ 1859 году тамъ же напечатаны въ русскомъ переводѣ, причемъ долгое время относились къ числу книгъ строго запрещенныхъ. Только въ 1874 г. эти записки сдѣлались общимъ достояніемъ послѣ напечатанія новаго перевода въ «Русской Старинѣ».

ковъ, преданій,—все заслуживающее примѣчанія въ естественныхъ условіяхъ страны и въ бытѣ народномъ.

Путешествіе Лепехина.

Однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ образцовъ такого академическаго путешествія служатъ намъ „дневныя записки", веденныя Лепехинымъ [1]) во время путешествія, которое продолжалось около шести лѣтъ [2]). Лепехинъ былъ отправленъ Академіею Наукъ въ такъ-называемую *Оренбургскую экспедицію*, но это названіе, въ сущности, нимало не опредѣляетъ ни объема, ни предѣловъ путешествія, которое захватывало несравненно болѣе обширное пространство, между Бѣлымъ и Каспійскимъ морями, между Ураломъ и Волгою, отъ границъ Сибири и до Бѣлоруссіи, отъ Астрахани до Архангельска. Всюду исходя въ описаніи своего путешествія отъ наблюденій натуралиста, Лепехинъ, однакоже, постоянно имѣетъ въ виду изученіе Россіи подробное и многостороннее. Живость наблюденія и внимательность путешественника ко всему, что онъ встрѣчаетъ на пути, способны поразить насъ: сообщенія любопытнѣйшихъ археологическихъ свѣдѣній чередуются на страницахъ его труда съ описаніемъ быта инородцевъ, замѣтки о повѣрьяхъ и преданіяхъ — съ описаніемъ промысловъ и заводовъ; наблюденія надъ хитростями и уловками звѣрей, съ сообщеніемъ историческихъ преданій или народныхъ примѣтъ и повѣрій. При этомъ Лепехинъ обнаруживаетъ замѣчательный тактъ и широту воззрѣній человѣка образованнаго, которому „не чуждо ничто человѣческое". При изложеніи историческихъ свидѣтельствъ онъ указываетъ на несходство извѣстій болѣе древнихъ съ позднѣйшими; при описаніи волжскихъ судовъ, сравниваетъ ихъ съ рейнскими; при упоминаніи о нашихъ ремеслахъ и художествахъ, изумляется ихъ несовершенству по сравненію съ европейскими; при пересмотрѣ рукописей какой-нибудь библіотеки, вѣрно угадываетъ цѣну и достоинство наиболѣе важныхъ памятниковъ письменности. Но главное достоинство, главная заслуга Лепехина, какъ автора многотомнаго труда, — одного изъ первыхъ, посвященныхъ описанію Россіи,—заключается въ томъ, что этотъ трудъ представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ для знакомства съ народною терминологіею и потому вно-

[1]) Считаемъ не излишнимъ сообщить здѣсь вкратцѣ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ русскомъ дѣятелѣ. Иванъ Ивановичъ Лепехинъ родился въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ 1737 г.; указомъ Правительствующаго Сената опредѣленъ въ 1751 году «изъ недорослей» въ академическую гимназію; пройдя курсъ этой гимназіи и академическаго университета, въ 1762 г. отправленъ былъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ; обучался въ Страсбургскомъ университетѣ и здѣсь въ 1767 г. получилъ степень доктора медицины. Въ томъ же году возвратился въ Россію, произведенъ въ адъюнкты и отправленъ въ 1768 г. въ Оренбургскую экспедицію. Дальнѣйшая его дѣятельность по Академіи намъ извѣстна. Скончался въ 1802 году.

[2]) Три тома вышли при жизни автора; четвертый вышелъ по смерти Лепехина и былъ изданъ спутникомъ его, Озерецковскимъ (впослѣдствіи академикомъ).

сить въ нашъ литературно-научный языкъ массу новыхъ словъ, выраженій и оборотовъ. Какъ бы извиняясь въ этомъ передъ читателемъ, Лепехинъ говоритъ, что онъ описываетъ животныхъ „природными словами", и его подробныя описанія блещутъ красками и новизною языка, и поразительною свободою въ подборѣ словъ и терминовъ... Видно, что авторъ, изучая Россію, придавалъ наибольшее значеніе изученію народнаго языка и достигъ въ этомъ отношеніи поразительныхъ результатовъ. Недаромъ, впослѣдствіи, будучи избранъ въ члены Россійской Академіи, онъ явился однимъ изъ полезнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ составленіи Академическаго словаря.

Первые ученые кружки и общества явились въ Петербургѣ, во второй четверти XVIII вѣка, при Академіи Наукъ, а въ Москвѣ—при университетѣ. Цѣль этихъ кружковъ весьма естественно была чисто практическая: исправленіе и улучшеніе важнѣйшаго и наиболѣе всѣхъ необходимаго орудія мысли—общаго литературнаго языка, который тогда, при наплывѣ массы иностранныхъ словъ, понятій и новыхъ идей, представлялъ каждому автору и переводчику весьма значительныя, а часто и совершенно неодолимыя затрудненія. Затрудненія эти были тѣмъ болѣе прискорбны, что наиболѣе талантливые изъ литературныхъ дѣятелей нашихъ сознавали богатство, силу и выразительность родного языка, и, въ то же время, не видѣли ни малѣйшей возможности ими вполнѣ воспользоваться. Припомнимъ, что уже Тредіаковскій, при открытіи Академическаго Россійскаго Собранія, указывалъ на необходимость составленія „грамматики доброй", словаря и руководствъ по теоріи прозы и поэзіи. Но средства кружка академическаго оказались недостаточными, выполненіе правильно намѣченныхъ задачъ было ему не по силамъ, и вслѣдствіе этого энергія его вскорѣ ослабѣла и дѣятельность прекратилась. Но идея подобнаго кружка возродилась вновь, четверть вѣка спустя, при другой ученой коллегіи—при Московскомъ университетѣ. Ученыя общества.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1771 г. (іюнь) напечатано „Объявленіе любителямъ Россійскаго языка", въ которомъ говорится, что университетъ вознамѣрился для исправленія и обогащенія Россійскаго языка чрезъ изданіе полезныхъ и особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ „Вольное Россійское Собраніе".

Программа будущей дѣятельности „Вольнаго Россійскаго Собранія" была предъявлена живая и любопытная, хотя и нѣсколько расплывчатая и широкая, а именно: 1) изученіе Россіи съ ея народами и климатами, 2) обзоръ рукописныхъ и книж-

ныхъ сокровищъ въ общественныхъ и частныхъ хранилищахъ, 3) обзоръ судебныхъ архивовъ, какъ сокровищницы для изученія исторіи Русскаго законодательства. Но главными цѣлями „Собраній“ указаны: „исправленіе и совершеніе (т. е. совершенствованіе) Россійскаго языка и сочиненіе правильнаго Россійскаго Словаря по азбукѣ“.

Учредители новаго ученаго кружка постарались привлечь къ участію въ своихъ трудахъ лучшій цвѣтъ современной русской интеллигенціи, избирая членовъ и въ средѣ московскихъ, и въ средѣ петербургскихъ ученыхъ. Кромѣ обязательнаго приглашенія знатныхъ особъ изъ мѣстныхъ властей и аристократіи, кромѣ профессоровъ университета, членами Вольнаго Россійскаго Собранія были избраны: Дашковъ, Веревкинъ, Миллеръ, протоіерей Алексѣевъ, Рычковъ, Нартовъ, Новиковъ, Рубенъ, Навроцкій, Бакмейстеръ, Демидовъ П. Г., Потемкинъ Г. А., историкъ Щербатовъ, Потемкинъ П. С., Плещеевъ, Домашневъ, Херасковъ, Майковъ В. И., Фонвизинъ Д. И., Сумароковъ, Муравьевъ М. К. и многіе другіе.

Труды „Собранія“ были разнообразны и несомнѣнно полезны. Оно разсмотрѣло и издало „Церковный Словарь“ протоіерея Алексѣева (1773 г.), а три года спустя—и дополненіе къ нему; собирало съ разныхъ концовъ Россіи рѣдкія и малоупотребительныя слова; печатало географическій словарь и разсылало его для провѣрки въ провинціи — губернаторамъ и архіереямъ; составляло азбучный Словарь Россійскій общими трудами членовъ; наконецъ, съ 1774 по 1778 г., Собраніе издало четыре тома „Опыта Трудовъ“ своихъ, вмѣщающіе въ себѣ любопытныя историческія статьи, рѣчи профессоровъ, переводы съ французскаго и англійскаго, прозаическіе и стихотворные опыты М. Н. Муравьева... Но дѣятельность этого ученаго общества (какъ и многихъ другихъ русскихъ обществъ въ послѣдующую эпоху) проявилась плодовито и сильно только на первыхъ порахъ; послѣ изданія въ свѣтъ первыхъ четырехъ томовъ „Опытовъ“, наступилъ большой промежутокъ времени, въ который общество не проявило никакой дѣятельности. Затѣмъ, уже между 1780—1783 гг. изданы были слѣдующіе V и VI томы „Опытовъ“ и продолженіе „Церковнаго Словаря“ Алексѣева. Но засѣданія становились все болѣе и болѣе рѣдкими, все менѣе и менѣе возбуждали къ себѣ сочувствія и интереса въ обществѣ—и, наконецъ, послѣ шестнадцатилѣтняго существованія, „Вольное Россійское Собраніе“ перестало проявлять какіе бы то ни было признаки жизни. Современники указывали причину тому въ быстромъ возвышеніи „Дружескаго Общества“, которое будто бы отвлекало капиталы и силы къ инымъ цѣлямъ, и въ возникновеніи новаго ученаго об-

щества при Академіи Наукъ, которое дѣйствительно поспѣшило избрать лучшія силы „Вольнаго Россійскаго Собранія“ въ число своихъ членовъ.

Это новое ученое общество была знаменитая въ свое время „Россійская Академія“, учрежденная, съ соизволенія Екатерины, по мысли княгини Е. Р. Дашковой, при Академіи Наукъ. Не повторяя того, что уже намъ извѣстно о дѣятельности этой первой изъ русскихъ ученыхъ женщинъ и писательницъ, мы замѣтимъ только, что мысль объ особой „Россійской Академіи“, какъ одномъ изъ главныхъ органовъ Академіи Наукъ, не была оригинальнымъ измышленіемъ Дашковой. Образцомъ подобнаго учрежденія должна была служить Французская Академія (на что, впрочемъ, Дашкова и ссылается въ своемъ докладѣ Екатеринѣ); да притомъ-же мысль о подобномъ ученомъ учрежденіи, которое должно было посвятить всѣ свои силы на изученіе отечественнаго языка, давно уже была излюбленнымъ помысломъ и вожделѣніемъ огромнаго большинства русскихъ ученыхъ еще отъ временъ Тредіаковскаго и Ломоносова. Она находила себѣ выраженіе и въ быломъ Россійскомъ Собраніи при Академіи Наукъ, и въ „Вольномъ Россійскомъ Собраніи“ при Московскомъ университетѣ. Будучи однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ послѣдняго, Дашкова должна была близко присмотрѣться къ такимъ задачамъ, которыя оно полагало въ основу своей дѣятельности, и, внося тѣ же задачи въ кругъ дѣтельности Россійской Академіи, сумѣла лучше ихъ обставить силами и лучше привести въ исполненіе. Дѣйствительно, читая уставъ Россійской Академіи, невольно припоминаешь многое изъ программы, первоначально предъявленной „Вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ“. Въ уставѣ Россійской Академіи сказано, что она должна имѣть предметомъ своимъ очищеніе и обогащеніе русскаго языка, установленіе употребленія словъ,

Протоіерей Алексѣевъ.

свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этого предмета должно составить русскую грамматику, русскій словарь, риторику и правила стихотворства. Академикъ Озерецковскій, непремѣнный секретарь Академіи, постоянный и непремѣнный сотрудникъ Дашковой, еще точнѣе и ближе опредѣляетъ значеніе и цѣль Россійской Академіи, говоря, что „ей предлежало возвеличить россійское слово, собрать оное въ единый составъ, показать его пространство, обиліе и красоту, постановить ему непремѣнныя правила, явить краткость и знаменательность его изреченій и изыскать глубочайшую ихъ древность", Екатеринѣ очень понравилась мысль объ учрежденіи Россійской Академіи: ея пытливому уму казались заманчивыми и тѣ задачи, за разработку которыхъ новому ученому обществу предстояло приняться, и она поспѣшила исполнить ходатайство Дашковой. Докладъ о Россійской Академіи былъ представленъ въ августѣ 1783 г., а 30 сентября того же года послѣдовалъ уже указъ объ учрежденіи „Россійской Академіи".

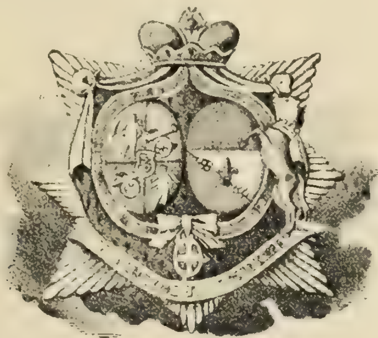
На первое время, по уставу, въ Академію Россійскую можно было принять только 60 членовъ; а для того, чтобы это ученое учрежденіе могло начать свою дѣятельность, надо было тотчасъ же выбрать не менѣе 35 членовъ [1]). Всѣ эти члены, по необходимости, должны были подлежать единоличному выбору Дашковой, и всѣ дѣлаютъ честь ея проницательности и умѣнью различать людей: все это цвѣтъ интеллигенціи и самые избранные представители русской науки и литературы [2]). Но главнымъ ядромъ въ составѣ Россійской Академіи были, несомнѣнно, академики. Историкъ этого учрежденія, академикъ Сухомлиновъ, говоритъ, что „они принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ и трудахъ новаго учрежденія, предлагали и матеріалъ, и ихъ оцѣнку, и объясненія, и обогатили русскую литературу нѣсколькими образцовыми для того времени переводами замѣчательныхъ произведеній древней и новой литературы..." И несмотря на то, „что по роду своихъ занятій, эти члены Россійской Академіи принадлежали къ натуралистамъ и математикамъ [3])—судьба русскаго языка и словесности привлекала сочувствіе этихъ ученыхъ, вносившихъ цѣнные вклады въ общій трудъ Россійской Академіи".

[1]) Между 1787 и 1794 гг. всѣхъ членовъ было 60; обыкновенно же число ихъ колебалось между 56—59. Въ теченіе всего перваго періода существованія Академіи Россійской (1783—1796) общее число членовъ восходило до 78. Изъ нихъ 24 умерли за это время.

[2]) Въ этомъ именно смыслѣ они заслуживаютъ здѣсь поименнаго перечисленія.

[3]) Въ составъ Россійской Академіи вошли слѣдующіе дѣйствительные члены Академіи: Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, Котельниковъ, Протасовъ, Н. П. Соколовъ, Иноходцевъ, Севергинъ, Захаровъ и Кононовъ. М. И. Сухомлиновъ замѣчаетъ: «самыми усердными посѣтителями собраній Россійской Академіи были члены Академіи Наукъ.»

Такимъ главнымъ общимъ трудомъ былъ весьма цѣнный, по тому времени, „Словарь Россійской Академіи по чину словопроизводному“, изданный между 1789 и 1796 гг., въ шести объемистыхъ томахъ. Къ составленію этого Словаря члены Россійской Академіи приступили почти тотчасъ вслѣдъ за открытіемъ, и принялись за него серьезно, толково. Сначала составленъ былъ планъ, который долго и внимательно обсуждался съ разныхъ сторонъ, и, между прочимъ, вызвалъ весьма любопытный споръ и обмѣнъ мнѣній между такими знатоками русскаго языка, какъ Фонвизинъ и Болтинъ. Затѣмъ, для болѣе удобнаго выполненія плана, принято было не только строгое распредѣленіе труда между членами, но и установленъ тройной контроль всѣхъ членовъ надъ каждымъ словомъ, вносимымъ въ словарь. Каждое такое слово разсматривалось сначала въ отдѣлѣ „Словопроизводномъ“, опредѣлявшемъ корни и происхожденіе словъ, потомъ поступало въ отдѣлъ „Объяснительный“, занимавшійся объясненіемъ смысла и значенія словъ; а слова изъ области наукъ, художествъ, промысловъ и ремеслъ поступали въ отдѣлъ „Техническій“, принявшій на себя подборъ названій и терминовъ. Такимъ образомъ, этотъ словарь явился, для своего времени, послѣднимъ словомъ науки, и былъ принятъ публикою чрезвычайно благосклонно [1]), потому что удовлетворялъ одной изъ насущнѣйшихъ потребностей современнаго русскаго общества. „Къ чести Академіи и трудившихся,—говоритъ академикъ Лепехинъ,—послужитъ и то, что сей трудъ совершенъ въ десять лѣтъ, когда другія подобныя сословія на таковой же трудъ употребляли почти вчетверо болѣе времени...“

Гербъ Е. Р. Дашковой

[1]) Несмотря на довольно высокую цѣну, онъ раскупался отлично, и, къ тому времени, когда вышелъ VI томъ, все изданіе было почти распродано.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Разработка историческаго матеріала въ Екатерининское время.—Труды Екатерины и другихъ ея современниковъ по общей обработкѣ Русской Исторіи.—Дѣятельность Мюллера, Новикова и Голикова.—Историческіе труды Щербатова и Болтина.—Мемуары и записки современниковъ въ вѣкъ Екатерины.

Намъ уже неоднократно приходилось указывать выше на тотъ сильно возбужденный интересъ къ изученію нашего историческаго прошлаго, который составляетъ одну изъ рѣзко-замѣтныхъ отличительныхъ чертъ Екатерининскаго времени. Великая государыня была глубоко проникнута убѣжденіемъ, что ради пользы и преуспѣянія народа, ради подъема его умственныхъ и нравственныхъ силъ, слѣдуетъ, прежде всего, пробудить въ немъ національную гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Въ этихъ именно видахъ она и обратилась къ занятіямъ Русскою Исторіей, и другихъ побуждала ею заниматься, и поощряла разработку сырого историческаго матеріала, и интересовалась всякою новою находкою, всякимъ новымъ открытіемъ въ этой области. Мало того, согласно съ господствующимъ направленіемъ и духомъ своего времени, она старалась воспользоваться историческими матеріалами для назиданія и поученія, съ одной стороны; для возвеличенія и оправданія русскаго прошлаго отъ всякихъ нареканій—съ другой стороны. Назиданіе и нравоученіе извлекала она для пользы возрастающаго учащагося поколѣнія; о возвеличеніи и оправданіи нашей отечественной старины она заботилась для того, чтобы заставить молчать тѣхъ западныхъ недоброжелателей и крикуновъ, которые особенно охотно укоряли Россію ея варварствомъ, невѣжествомъ, отсталостью, и, не зная Русской Исторіи, не придавали никакого значенія нашему прошлому.

Историческіе труды Екатерины. Кажется, первымъ побужденіемъ къ занятіямъ Русской Исторіей было то опроверженіе, которое Екатерина, еще будучи великой княгиней, написала на книгу аббата Шаппъ д'Отроша [1]), который, побывавъ въ Россіи и Сибири на самое короткое время и не успѣвъ ни во что вникнуть зрѣло и разумно, изобразилъ въ своихъ „Запискахъ" и нравы, и обычаи, и весь быть народный и государственный въ самомъ невѣрномъ и извращенномъ видѣ. Екатерина, возмущенная неправдою, написала рѣзкое опроверженіе на книгу легкомысленнаго аббата, подъ заглавіемъ: „*Антидотъ или разсмотрѣніе дурной книги, превосходно отпечатанной,*

[1]) Аббатъ Шаппъ д'Отрошъ, членъ Парижской Академіи, присоединился въ 1761 г. къ нашей академической экспедиціи, направлявшейся въ Сибирь для наблюденія за прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ. Ему были при этомъ оказаны возможныя услуги. Это не помѣшало ему, по возвращеніи домой, издать записки о путешествіи въ Сибирь, весьма не лестныя для Россіи и русскихъ.

подъ названіемъ: „Путешествіе въ Сибирь“ [1]). Основною мыслью всѣхъ ея опроверженій является такое положеніе: *„Россія не хуже другихъ странъ“* и *„Русскіе не хуже другихъ народовъ“*. Вѣроятно позднѣе ей захотѣлось подробнѣе развить ту же мысль и дать ей болѣе широкую, историческую основу, потому что она принялась прямо за изложеніе фактической Русской Исторіи, подъ общимъ заглавіемъ: *„Записки касательно Русской Исторіи“*. Она составила эти „Записки“ на основаніи выписокъ изъ лѣтописей, которыя, по ея порученію, подготовляли ей два профессора Московскаго университета: *Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ* (р. 1730, † 1791 г.) и *Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ* (р. 1746, † 1815 г.). „Записки эти доведены Екатериною до 1276 г. и представляютъ собою простой пересказъ событій, съ нѣкоторыми прикрасами и смягченіями [2]). Отчасти это выражается и въ томъ весьма любопытномъ взглядѣ на исторію, который Екатерина высказываетъ въ началѣ своей книги: „Собиратель сихъ Записокъ касательно Русской Исторіи не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухою [3]): онъ вѣкъ свой тщился выполнить долгъ благороднаго сердца. Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ похвалы, непохвальное—безъ опороченія; добраго же умалять доброту или порочнаго умножать дурноту и тѣмъ подобиться неискусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю—не есть дѣло его“.

И въ этихъ „Запискахъ“ Екатерина задается тою же мыслью о приравненіи русскаго народа къ народамъ европейскимъ, какъ въ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ; она вполнѣ справедливо говоритъ, что изъ сравненія событій „безпристрастный писатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ одинаковыя имѣетъ страсти, желанія, намѣренія, и къ достиженію употребляетъ нерѣдко одинаковые способы“... Съ этою цѣлью, очевидно, всюду прибавлены къ изложенію событій сравнительныя таблицы, въ которыхъ показаны современные русскимъ государямъ европейскіе государи [4]).

---

[1]) «Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé—Voyage en Sibérie».

[2]) «Записки» эти были первоначально напечатаны въ «Собесѣдникѣ любителей Россійскаго Слова», а затѣмъ отдѣльно (СПБ., 1787—95 г.; въ 6 томахъ) переизданы вновь въ 1801 году. Смягченія и прикрасы входили, видимо, въ планъ Екатерины, такъ какъ на замѣчанія (касавшіяся этихъ сторонъ), сдѣланныя современнымъ ученымъ, она, признавая его замѣчанія справедливыми, отвѣчала: «что написано, то написано; по крайней мѣрѣ, ни нація, ни государство въ моихъ запискахъ не унижены».

[3]) Прямой намекъ на то, что Россія—второе отечество Екатерины, и что этотъ историческій трудъ ея есть даръ признательности.

[4]) Рядомъ съ трудомъ Екатерины видимъ еще два неполныхъ историческихъ труда или, лучше сказать, два опыта изложенія историческаго матеріала. Одинъ изъ нихъ—«Опытъ повѣствованія о Россіи» И. П. Елагина, доведенный только до кончины Дмитрія Донского (изд. 1789 г.); другой—«Исторія Россійская» Ѳ. А. Эмина (одинъ первый періодъ, заканчивающійся 1213 г.). Оба эти «опыта» не удовлетворяютъ никакимъ научнымъ требованіямъ и должны быть названы вполнѣ неудавшимися попытками.

Екатерина и Г. Ф. Мюллеръ.

По поводу этой исторіи, какъ и по поводу многихъ другихъ вопросовъ историческихъ, которыми Екатерина интересовалась, она часто обращалась къ извѣстному уже намъ ученому академику и исторіографу Г. Ф. Мюллеру, этому неутомимому труженику на пользу русской исторіи и географіи. Въ бумагахъ и письмахъ Мюллера сохранились извѣстія о бесѣдахъ по ученымъ вопросамъ съ императрицею, которая иногда задерживала его у себя по нѣсколько часовъ. Екатерина доставила этому неутомимому ученому такое положеніе, въ которомъ онъ могъ наиболѣе принести пользы, поставила его начальникомъ богатѣйшаго въ Россіи Московскаго Архива иностранной коллегіи и постоянно обезпечивала его со стороны матеріальной, то при жизни пріобрѣтая его библіотеку и собраніе рукописей въ собственность архива (за 20.000 р.), то выдавая ему деньги на покупку дома, то щедро награждая его чинами и орденами за его долгую, самоотверженную, полувѣковую службу наукѣ и Россіи. При этомъ милостивомъ отношеніи къ знаменитому ученому Екатерина особенно цѣнила въ немъ то безкорыстіе, съ какимъ онъ дѣлился своими научными сокровищами съ каждымъ, кто въ нихъ нуждался; часто она и сама его къ этому побуждала. Такъ способствовалъ онъ пополненію матеріалами богатаго и широко задуманнаго Н. И. Новиковымъ изданія древнихъ памятниковъ, подъ общимъ названіемъ „Древней Россійской Вивліоѳики", въ которую вошли и лѣтописи, и акты, и договоры, и цѣльныя литературныя произведенія [1]).

И. И. Голиковъ.

И. И. Голиковъ.

Такъ же точно дѣлился онъ рукописными сокровищами и съ „Трудами Вольнаго Россійскаго Собранія" (существовавшаго при Московскомъ университетѣ съ 1771 г.), и потомъ съ *И. И. Голиковымъ* (род. 1735 ум., 1801 г.), посвятившимъ всю жизнь свою прославленію Петра Великаго. Этотъ Голиковъ былъ человѣкъ замѣчательный: богатый курскій купецъ, отъ ранняго дѣтства

[1]) „Древняя Россійская Вивліоѳика" издана была въ СПБ. въ 1773—1775 г., въ 10 частяхъ. Второе изданіе вышло въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1788—91 г. уже въ 20 частяхъ.

увлекавшійся дѣлами Петра Великаго; когда же ему случилось попасть подъ судъ и освободиться отъ суда, благодаря манифесту, изданному по случаю открытія памятника Петру Великому, Голиковъ увидалъ въ этомъ фактѣ какое-то особое указаніе судьбы, и рѣшился посвятить всю остальную жизнь труду по собиранію матеріаловъ для біографіи Петра Великаго. Много лѣтъ трудился онъ надъ выполненіемъ своей задачи, собирая матерьялы отовсюду, пользуясь для этого и устными преданіями. Работа его была тѣмъ

А. И. Мусинъ-Пушкинъ.

болѣе трудна, что доступъ въ архивы былъ для него закрытъ. Въ 1788 г. онъ издалъ въ свѣтъ „*Дѣянія Петра Великаго, мудраго Преобразователя Россіи*" (М. 1788—90 г.) въ 12 объемистыхъ томахъ. Екатерина, благоговѣвшая предъ памятью Петра, обратила вниманіе на изданіе Голикова и приказала открыть ему архивы, при чемъ Мюллеръ былъ ему очень полезенъ своими указаніями. Работа въ архивахъ доставила возможность Голикову издать еще 18 томовъ „Дополненій къ Дѣяніямъ" (М. 1790—1798 г.). И надо отдать справедливость самоотверженному и добросовѣстному

собирателю: матеріалъ собранъ и накопленъ имъ громадный; но, къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ не освѣщенъ никакой критикой и весь изложенъ въ томъ исключительно-панегирическомъ тонѣ, который мѣшаетъ въ немъ надлежащимъ образомъ разобраться.

Собираніе и изданіе памятниковъ.

Рядомъ съ этими собирателями историческаго матеріала—болѣе любителями историческаго изученія, нежели спеціальными учеными—видимъ и высоко-просвѣщенную личность *графа А. И. Мусина-Пушкина* (р. 1744, ум. 1818 г.), который относился къ исторіи съ разумнымъ пониманіемъ значенія ея памятниковъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ посвятилъ небольшія, но съ большимъ знаніемъ и умѣньемъ написанныя изслѣдованія [1]). Въ его прекрасной и драгоцѣнной библіотекѣ хранился отысканный имъ (единственный доселѣ) списокъ „Слово о Полку Игоревѣ", съ котораго онъ снялъ копію и поднесъ Екатеринѣ [2]), зная тотъ живой интересъ, который она постоянно питала къ изученію русской старины. По его же предложенію, Екатерина велѣла собрать списки лѣтописей изъ монастырскихъ библіотекъ. Надъ критическою обработкою текста этихъ лѣтописей первый трудился академикъ *Августъ Людвигъ Шлецеръ* (р. 1735 ум., 1809 г.), который, въ короткое время пребыванія въ Россіи, по примѣру Мюллера, выучился основательно по-русски и основательно изучилъ нашу первоначальную лѣтопись, сравнивая различные ея списки. Въ то же время, другой академикъ-нѣмецъ, *Іоганнъ-Готлибъ Штриттеръ* (р. 1740, ум. 1801 г.)—управлявшій архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ послѣ Мюллера,—трудился надъ собираніемъ извѣстій о славянахъ и сосѣднихъ съ ними народахъ, разсѣянныхъ по Византійскимъ хроникамъ, и составилъ полезный сборникъ въ этомъ направленіи. Тотъ же академикъ пытался-было написать еще и полную „Россійскую Исторію" (онъ довелъ ее до 1462 г.), но изъ этой попытки вышла только очень сухая и скучная компиляція, замѣчательная лишь тѣмъ, что она дала поводъ Екатеринѣ къ весьма любопытнымъ и остроумнымъ примѣчаніямъ.

Историки. Кн. Щербатовъ.

Гораздо болѣе плодотворными и важными явились историческіе труды двухъ другихъ современниковъ Екатерины: князя Щербатова и Болтина. Они оба могутъ служить прекрасными образцами того уровня научной образованности, который уже былъ достигнутъ передовыми русскими людьми въ концѣ XVIII вѣка. *Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ* (р. 1733, ум. 1790 г.) былъ человѣкомъ независимымъ по состоянію и положенію въ свѣтѣ и

[1]) «Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго Княжества». СПБ. 1794. «Холопій городокъ». СПБ. 1777. Сверхъ того, имъ изданы: «Духовная Мономаха», 1793; «Слово о Полку Игоревѣ», М. 1800.

[2]) Этотъ списокъ былъ отысканъ академикомъ П. П. Пекарскимъ въ бумагахъ императрицы Екатерины и изданъ въ свѣтъ отдѣльною брошюрою. СПБ. 1872.

уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ проявилъ чрезвычайную охоту къ изученію нашего историческаго прошлаго, и не жалѣлъ ни времени, ни силъ на собираніе историческаго матеріала. И ему также въ его занятіяхъ отечественною исторіей Екатерина пришла на помощь съ обычною своею готовностью и великодушнымъ вниманіемъ: въ 1768 году она поручила ему заняться разборомъ кабинетнаго архива Петра Великаго и въ то же время открыла ему входъ во всѣ государственные архивы, ради собиранія матеріала для будущей исторіи Россіи. Первый томъ этого сочиненія былъ напечатанъ въ 1770 г. подъ заглавіемъ: „*Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ, сочинена княземъ Михайломъ Щербатовымъ*. Томъ I. СПБ.“. Впослѣдствіи онъ издалъ еще пять объемистыхъ томовъ того же сочиненія, и все же довелъ его только до воцаренія Дома Романовыхъ. Трудъ этотъ оказался, однакоже, весьма далекимъ отъ того, чего бы можно было отъ него ожидать. Правда, авторъ очень добросовѣстно пользовался историческими матеріалами, извлеченными изъ архивовъ; многіе изъ актовъ, приводимыхъ имъ, даже только у него и сохранились (потому что самые архивы и библіотека потомъ погибли въ московскомъ пожарѣ 1812 года); но, при всей своей добросовѣстности, онъ очень неумѣло пользуется сырыми матеріалами. Щербатовъ старается все изложить въ послѣдовательности и связи, все, по возможности, выяснить и обосновать на разумныхъ причинахъ и началахъ; старается даже провести параллель между исторіей Русскою и западно-европейскихъ народовъ, съ которою онъ былъ знакомъ довольно основательно... Но у него, при его несомнѣнной образованности и весьма недурной научной подготовкѣ, не хватаетъ

Князь М. М. Щербатовъ.

таланта и тонкой, прозорливой наблюдательности настоящаго историка, вслѣдствіе чего онъ часто запутывается въ мелочахъ и приходитъ къ чрезвычайно курьезнымъ выводамъ. Болѣе всего онъ заботится о прогматизмѣ, т. е. о связности и послѣдовательности въ изложеніи событій, полагая въ этомъ главное достоинство историческаго повѣствованія, и, вслѣдствіе этого, иногда ищетъ связи тамъ, гдѣ ея, на самомъ дѣлѣ, не существуетъ и самую причину событій, по извѣстнымъ даннымъ, опредѣлить невозможно; а, съ другой стороны, совершенно упускаетъ изъ вида остальныя, не менѣе важныя стороны историческаго изложенія. Къ тому же, стараясь, во всѣхъ смыслахъ, отличиться отъ тѣхъ своихъ предшественниковъ на историческомъ поприщѣ, которые обращали свой разсказъ въ сплошной панегирикъ русскому народу и русскому прошлому, и заботились только о гладкости и цвѣтистости своего разсказа—князь Щербатовъ, въ противоположность имъ, очень мало прилагаетъ заботы къ своему слогу и языку, и, вслѣдствіе этого, его исторія написана тяжело, вяло, неясно, какимъ-то шероховатымъ слогомъ. Притомъ, многимъ изъ современниковъ Щербатова, привыкнувшимъ къ красивому и плавному изложенію историческаго матеріала, въ которомъ факты, собственно говоря, служили только канвою для краснорѣчія и назидательныхъ выводовъ—исторія Щербатова, простая и серьезная по изложенію, не могла нравиться: они не находили въ ней того, чего искали и что привыкли видѣть въ историческихъ сочиненіяхъ [1]).

Трудъ князя Щербатова былъ, однакоже, явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и заурядным. Людей серьезныхъ и мыслящихъ онъ долженъ былъ вызвать на обсужденіе различныхъ задачъ и вопросовъ нашей исторической жизни, и между ними оказался одинъ, болѣе другихъ смѣлый и убѣжденный критикъ, которому историческое сочиненіе Щербатова послужило канвою для весьма объемистаго критическаго разслѣдованія по Русской Исторіи, какъ съ точки зрѣнія общихъ взглядовъ на наше историческое прошлое, такъ и со стороны частныхъ историческихъ подробностей и отдѣльныхъ бытовыхъ чертъ. Этотъ первый критикъ въ области Русской Исторіи былъ никто иной, какъ извѣстный И. Н. Болтинъ.

[1]) Гораздо важнѣе и замѣчательнѣе «Россійской Исторіи» Щербатова были другія два сочиненія того же автора: «*О поврежденіи нравовъ въ Россіи*» и «*Письма къ вельможамъ, правителямъ государства*». Въ этихъ обоихъ сочиненіяхъ авторъ является очень строгимъ судьею своего времени и рисуетъ намъ картину царствованія Екатерины въ очень мрачныхъ краскахъ. Мы не касаемся, однакоже, ни того, ни другого изъ этихъ сочиненій, какъ потому, что они имѣютъ слишкомъ спеціальный характеръ, такъ еще болѣе потому, что, оставаясь въ рукописи, они никогда не могли имѣть значенія для современнаго общества.

Иванъ Никитичъ Болтинъ (род. 1735 г., ум. 1792 г.) происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, который, подобно многимъ другимъ русскимъ дворянскимъ родамъ, велъ свое начало отъ выходцевъ изъ Золотой Орды. Значительную часть лучшаго времени своей жизни онъ провелъ въ военной службѣ, а потомъ въ деревнѣ, и вообще имѣлъ полную возможность близко и коротко изучить простого русскаго человѣка—русскій народъ. Присматриваясь близко къ народу, вникая въ его характеръ, нравы, обычаи и воззрѣнія, Болтинъ, невольно и незамѣтно для самого себя, сталъ вникать въ изученіе его прошлаго, и, подъ вліяніемъ извѣстнаго знатока и собирателя русскихъ древностей А. И. Мусина-Пушкина, увлекся изученіемъ Русской исторіи въ ея первоисточникахъ. Пользуясь богатымъ рукописнымъ собраніемъ Мусина-Пушкина и побуждаемый имъ, Болтинъ издалъ „Русскую Правду“ по древнему списку, снабдивъ ее примѣчаніями; участвовалъ до нѣкоторой степени и въ обработкѣ памятниковъ, изданныхъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и, мало-по-малу, пріобрѣлъ извѣстность знатока русской исторіи. Извѣстность эта такъ была распространена, что сама императрица Екатерина обращалась къ Болтину въ затруднительныхъ случаяхъ за истолкованіемъ того, что ей было непонятно въ нашихъ древнихъ памятникахъ письменности и просила его указаній при обработкѣ историческихъ сюжетовъ для сцены.

Критикъ Щербатова

Иванъ Никитичъ Болтинъ.

Исторія Леклерка.

Но, собственно говоря, Болтину удалось выказать свои историческія знанія только тогда, когда въ свѣтъ вышла книга Леклерка по Русской исторіи, преисполненная всякими небылицами о Россіи и русскомъ народѣ. Авторъ ея, медикъ *Леклеркъ*, пріѣхалъ въ Россію изъ Франціи еще при Елисаветѣ, служилъ по многимъ вѣдомствамъ (въ томъ числѣ и при Дворѣ, лейбъ-меди-

комъ наслѣдника-цесаревича), но блестящей карьеры не составилъ и уѣхалъ изъ Россіи недовольный. Вернувшись во Францію и зная, какъ тамъ всѣ интересуются Россіей, онъ рѣшился написать о Россіи объемистую книгу, въ видахъ чисто-спекулятивныхъ. Но такъ какъ онъ не обладалъ никакимъ знаніемъ нашего отечества, то книга его вышла пустою и ничтожною компиляціей, въ которую онъ заносилъ все, что придетъ ему въ голову, нахватывая матерьялъ отовсюду и придавая такое же значеніе нелѣпому анекдоту, какъ и достовѣрнѣйшему документу. Своей книгѣ, которая расползлась на шесть томовъ, Леклеркъ не усомнился дать весьма заманчивое заглавіе: „*Физическая, нравственная, гражданская и политическая исторіи Россіи въ древнѣйшую и въ новѣйшую эпоху*". Матерьялъ въ книгѣ Леклерка распредѣленъ такимъ образомъ, что первые три тома содержатъ исторію древнѣйшей, а послѣдніе три тома — исторію новѣйшей эпохи. Все сочиненіе Леклерка, въ полномъ своемъ составѣ, вышло въ свѣтъ въ 1783—1785 гг., и, весьма естественно, должно было произвести въ Россіи очень непріятное впечатлѣніе. Многіе возмущались клеветами и ложью, автора, его вымыслами и грубыми ошибками, его преднамѣренными искаженіями фактовъ историческихъ и огульнымъ осужденіемъ русскаго народа. Существуетъ такое преданіе, будто бы именно Потемкинъ, — который былъ съ Болтинымъ знакомъ и уважалъ его знанія—побудилъ его написать серьезный разборъ книги Леклерка. Но это преданіе мало согласуется съ дѣйствительностью. Самъ Иванъ Никитичъ Болтинъ былъ человѣкомъ настолько самостоятельнымъ, что менѣе всего былъ способенъ подчиняться чьимъ бы то ни было внушеніямъ въ своихъ дѣйствіяхъ; притомъ онъ былъ въ такой степени кореннымъ русскимъ человѣкомъ и такъ преданъ своему отечеству и своему народу, что и безъ всякихъ сторонних ъ указаній не въ силахъ былъ оставить лживую и невѣжественную книгу о Россіи безъ отвѣта. И преданіе о Потемкинѣ можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ всѣ были очень довольны суровою отповѣдью Болтина на книгу Леклерка, и, зная о пріязни Потемкина къ Болтину, приписали трудъ Болтина вліянію Потемкина, какъ вообще иногда приписываютъ вліянію высшихъ представителей власти блестящія идеи и труды ихъ подчиненныхъ.

Критика Болтина.

„*Примѣчанія къ исторіи древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Болтинымъ*" вышли въ свѣтъ въ 1788 г. и составили два объемистыхъ тома, написанныхъ живо, умно и прекрасно изложенныхъ. Возражая лживому и легкомысленному иноземцу, Болтинъ не могъ оставить въ покоѣ и того русскаго историка — на котораго Леклеркъ ссылался во многихъ мѣстахъ

своей книги — князя Щербатова. Щербатовъ вступился за свой историческій трудъ и сталъ защищать его положенія, критикуемыя Болтинымъ; свой отвѣтъ онъ озаглавилъ „*Письмо къ пріятелю*“. Болтинъ не оставилъ „Письмо“ безъ отвѣта и тутъ же очень строго отнесся ко многимъ недостаткамъ сочиненія Щербатова. Ему, однакоже, эта критика большого труда показалась недостаточною, и онъ посвятилъ ей еще цѣлыхъ два тома „Критическихъ примѣчаній“, которыя дѣлаютъ честь его критической прозорливости и его глубокому пониманію исторической истины. Эту истину цѣнитъ онъ выше всего и правильно поставленной фактической сторонѣ исторіи придаетъ несравненно большее значеніе, нежели всѣмъ возможнымъ и даже самымъ остроумнымъ историческимъ гипотезамъ. Нашъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ высоко цѣнилъ критическій трудъ Болтина и его глубокое пониманіе характерныхъ особенностей русской исторіи, „непохожей ни на какія другія“; цѣнилъ въ Болтинѣ разумное и твердое умѣнье защитить отъ нападокъ иноземца всѣ тѣ стороны русской народной жизни и исторіи, которыя заслуживаютъ уваженія и одобренія и ускользаютъ отъ наблюденія иноземцевъ, благодаря тому, что наблюденія эти бываютъ чаще всего поверхностными, а знаніе русской жизни весьма ограниченнымъ. Взглядъ на прошлое у Болтина отличается замѣчательною правдивостью и правильностью; онъ умѣетъ безпристрастно отличить въ этомъ прошломъ хорошее отъ дурного, и безпристрастно относится даже къ такому трудному историческому моменту, какъ эпоха преобразованій Петра. Онъ признаетъ ея полезныя стороны и вредъ видитъ не въ самой реформѣ, а въ „поспѣшности и торопливости, съ которою она вводилась“, въ томъ рабскомъ преклоненіи передъ мнимыми преимуществами европейскаго Запада, которымъ русскіе люди заразились со временъ Петровской реформы. Порицая преувеличенія и крайности рабскаго подражанія иностранцамъ, Болтинъ, въ то же время, ничуть не враждебно относится къ Европѣ и европеизму, и смѣло говоритъ иноземцамъ, кричащимъ о варварствѣ русскихъ, „мы не обзываемъ васъ варварами. Не давайте же и намъ несвойственнаго намъ имени и не отрицайте той очевидной истины, что мы и вы—и русскій народъ, и его западные братья,—одинаково способны къ умственному и политическому развитію; и вы, и мы — европейцы по крови и по духу“. Чрезвычайно любопытно, что, признавая это наше единство съ Европою, Болтинъ, въ то же время, остается вполнѣ русскимъ человѣкомъ во всѣхъ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Подобно другому историку предшествующей эпохи, онъ очень твердъ и въ своихъ убѣжденіяхъ политическихъ: не допускаетъ никакихъ мечтаній о вольности и открыто высказываетъ, что

единственная форма правленія, пригодная для Россіи, есть самодержавіе. Съ Татищевымъ сходится Болтинъ и въ своихъ нѣсколько раціоналистическихъ воззрѣніяхъ на духовенство и обрядовую сторону религіи.

Воззрѣніе Болтина на русскую жизнь.

Съ тонкостью и прозорливостью настоящаго историческаго критика, Болтинъ уже многое угадываетъ въ тѣхъ историческихъ условіяхъ жизни и развитія народнаго характера, которыя последующими историками полагаются въ основу ихъ трудовъ. Такъ, напр., Болтинъ —первый изъ нашихъ историковъ— придаетъ серьезное значеніе климату, какъ важнѣйшему изъ бытовыхъ условій. Ставя бытъ народный и самое теченіе исторической жизни въ строго опредѣленныя рамки извѣстныхъ условій, присущихъ одному народу въ отличіе отъ другихъ, Болтинъ не вѣритъ въ возможность перенесенія бытовыхъ формъ жизни отъ одного народа къ другому или, по крайней мѣрѣ, требуетъ для этого предварительной и весьма продолжительной подготовки. Рѣзкія, быстрыя, поспѣшныя реформы глубоко его возмущаютъ: онъ считаетъ ихъ вредными и нежелательными; но при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду тотъ „случайный", тотъ „роковой" элементъ, который иногда устраняетъ всякія человѣческія умствованія и подчиняетъ дѣйствія людей закону неизбѣжной исторической необходимости. Съ этой именно стороны его требованія о постепенности и послѣдовательности въ нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ первѣйшей важности являются не болѣе, какъ безполезнымъ умствованіемъ, непримѣнимымъ къ дѣйствительности. Таковы, напр., разсужденія Болтина объ освобожденіи крестьянъ, въ которомъ Болтинъ также требуетъ благоразумной постепенности и переходовъ отъ одного фазиса въ развитіи свободы къ другому.

„При дачѣ рабамъ свободы — говоритъ онъ, — все благоразуміе въ томъ должно состоять, чтобы не прежде оную имъ даровать, какъ науча ихъ познавать ея цѣну, и какъ надлежитъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія, сдѣланъ имъ будетъ вредъ, зло или гибель... Бывшему долгое время въ темнотѣ, не вдругъ показать должно большой свѣтъ, а понемногу, въ противномъ случаѣ глаза его повредятся и не будутъ въ состояніи вѣчно наслаждаться зрѣніемъ вожделѣнныя свѣтлости"... Впрочемъ, этотъ жгучій вопросъ, какъ извѣстно, до такой степени пугалъ многихъ, даже и весьма гуманныхъ людей (напр.: княгиню Дашкову, Лопухина и др.) въ XVIII в., что даже и въ XIX в., наканунѣ осуществленія великой реформы, совершившейся въ царствованіе Александра II, теорія „постепенности" въ освобожденіи крестьянъ еще находила себѣ сторонниковъ.

Уважая ученыя заслуги Болтина и цѣня его критическія замѣчанія, Екатерина задумала дать ему работу, которая была ему и по силамъ, и по вкусу: она поручила ему составленіе обширнаго и разносторонняго описанія губерній и приведенія въ порядокъ огромнаго историко-географическаго матерьяла, который около этого времени уже собранъ былъ разными лицами. Болтинъ, страстно преданный изученію своего отечества, ревностно принялся за трудъ, порученный ему государыней; но смерть помѣшала ему привести его къ желанному концу. Съ драгоцѣннымъ матерьяломъ, надъ которымъ Болтинъ работалъ, приключилось великое бѣдствіе: императрица Екатерина пріобрѣла его отъ наслѣдниковъ Болтина и, въ видѣ ста большихъ связокъ, передала на храненіе въ обширную библіотеку А. И. Мусина-Пушкина, съ которымъ Болтинъ былъ связанъ при жизни тѣсною дружбою и сотрудничествомъ по изданію древнихъ памятниковъ. И вмѣстѣ съ драгоцѣнною библіотекою Мусина-Пушкина, въ московскомъ пожарѣ 1812 г., погибли и эти болтинскіе матерьялы... Порученіе Екатерины.

Живая, пестрая, богатая громкими событіями и крупными личностями эпоха Екатерины должна была, конечно, во многихъ возбудить желаніе передать потомству впечатлѣнія той дѣйствительности, среди которой протекала жизнь поколѣнія, видавшаго блескъ и славу многознаменательной эпохи. Сохранившіеся намъ мемуары второй половины XVIII в. удивительно разнообразны и по значенію, и по содержанію, и по характеру изложенія. Авторами этихъ мемуаровъ выступаютъ и люди, весьма близко стоявшіе къ государынѣ и ея Двору, и поэты, и простые, безхитростные, безпристрастные наблюдатели того, что происходило въ столичной и провинціальной жизни, и наконецъ—сама Екатерина. И вотъ, памятникомъ дѣятельности всѣхъ этихъ лицъ является рядъ любопытнѣйшихъ записокъ и мемуаровъ, изъ которыхъ однимъ придана вполнѣ законченная, почти литературная форма, другимъ — форма отрывочнаго и безсвязнаго дневника, третьимъ—видъ безпорядочныхъ, то слишкомъ сжатыхъ, то не въ мѣру пространныхъ воспоминаній, четвертымъ — характеръ правдиваго, плавнаго, эпически-спокойнаго разсказа о пережитомъ, видѣнномъ и слышанномъ въ теченіе долгой жизни, богатой встрѣчами, впечатлѣніями и житейскимъ опытомъ. Передъ нами, какъ въ живой и подвижной панорамѣ, вѣкъ Екатерины проходитъ въ ея собственныхъ запискахъ, въ запискахъ Дашковой, Державина, Лопухина, Храповицкаго, Грибовскаго, Порошина, Болотова и Добрынина. Записки и мемуары.

О Екатеринѣ, вообще любившей много писать и многое заносить на память, сохранилось такое преданіе, что она каждый Записки Екатерины.

день, въ теченіе своей жизни, записывала на небольшомъ листочкѣ свои впечатлѣнія и воспоминанія. Къ сожалѣнію, эти драгоцѣнныя *Записки* безслѣдно исчезли для потомства за исключеніемъ очень небольшой части, которая сохранилась въ видѣ уже обработаннаго цѣлаго, въ которомъ Екатерина разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ и воспитаніи, и о періодѣ своей жизни въ Россіи до замужества, и въ замужествѣ во время царствованія императрицы Елисаветы. Эти драгоцѣнные мемуары, собственно говоря, не принадлежатъ къ области русской словесности, такъ какъ они не были писаны по-русски и на русскій языкъ переведены лишь въ недавнее время (лѣтъ тридцать назадъ) съ рукописи, которая, вѣроятно, была не вполнѣ исправною копіею съ уничтоженнаго оригинала.

А. В. Храповицкій.

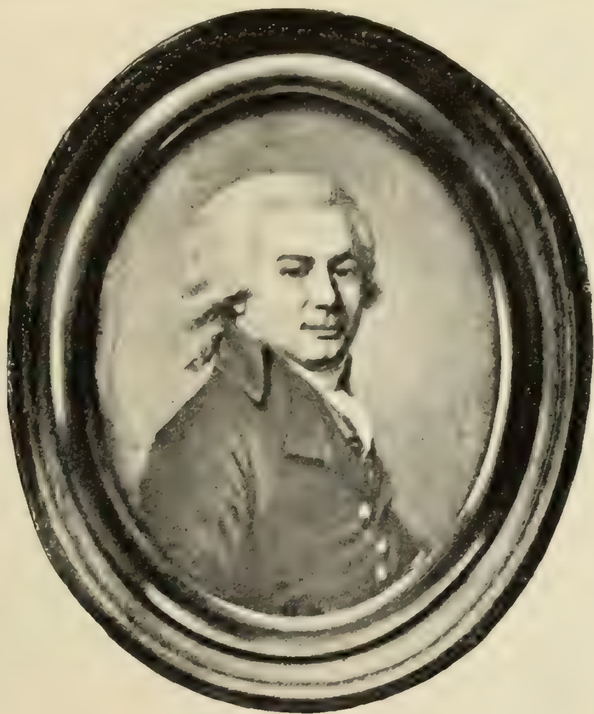
Записки Е. Р Дашковой.

О „*Запискахъ*" княгини Е. Р. Дашковой мы, мелькомъ, уже упоминали выше. Записки эти писаны были въ старости, по воспоминаніямъ, и притомъ съ опредѣленною цѣлью—указать на свое значеніе и важную роль въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ и оправдать свой способъ дѣйствій. Такая опредѣленная цѣль, сама по себѣ, уже отнимаетъ у „Записокъ" ту непосредственность, ту живость и свѣжесть впечатлѣній переживаемой минуты, которыя и составляютъ, собственно говоря, всю прелесть этого рода литературы. При такомъ характерѣ, „Записки" Е. Р. Дашковой, весьма любопытныя для ея личной характеристики и для ея личной исторіи, не всегда могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для ознакомленія съ той эпохой, которая положена въ основу ихъ.

Записки Державина.

Совершенною противоположностью имъ должны служить „Записки" Державина, писанныя поэтомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда онъ уже вышелъ въ отставку, и, по обычаю многихъ старцевъ, проживших бурную и разнообразную жизнь, любилъ обращаться въ воспоминаніяхъ къ отдаленному прошлому и представлять себя—еще молодымъ, дѣятельнымъ и подвижнымъ. „Записки" эти, по отношенію къ слогу, къ общему способу изложенія событій и характеристикѣ личностей—представляютъ собою замѣчательный хаосъ. Все въ нихъ недосказано, все несоразмѣрно, все отзывается тою суетливой торопливостью, которая

составляла одну изъ самыхъ непріятныхъ сторонъ личности Державина, какъ общественнаго дѣятеля; многое перепутано; есть событія и встрѣчи съ людьми, разсказанныя слишкомъ подробно; есть пропуски, непополнимые и ничѣмъ не объяснимые. Но все, что разсказано—разсказано съ полною искренностью и съ живѣйшимъ желаніемъ высказать сущую правду, что не мѣшаетъ автору быть очень пристрастнымъ въ характеристикѣ людей, ему непріятныхъ. Зато ужъ нигдѣ, на всемъ пространствѣ этихъ довольно объемистыхъ „Записокъ", нѣтъ ни малѣйшей попытки себя прикрасить или выставить въ какомъ-нибудь особенно выгодномъ освѣщеніи; напротивъ того, Державинъ нигдѣ не щадитъ себя, и часто съ величайшею наивностью выставляетъ себя въ томъ неловкомъ или смѣшномъ положеніи, въ которое онъ самъ себя ставилъ своею неосторожною поспѣшностью, излишнею довѣрчивостью или черезчуръ легкомысленнымъ отношеніемъ къ условіямъ современной придворной жизни. Такимъ образомъ, личность автора какъ бы выдѣляется изъ рамки описываемыхъ имъ событій и, какъ живая, представляется намъ со всѣми своими достоинствами, недостатками и слабостями. Особенно любопытны тѣ страницы „Записокъ", въ которыхъ Державинъ разсказываетъ о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ Екатериной и даетъ очень живую и рельефную характеристику этой замѣчательной государыни, удивительно терпѣливо сносившей его безтактныя выходки и докучную настойчивость въ дѣлахъ. Не менѣе искренно и живо переданы Державинымъ и событія той эпохи, когда юный Александръ вступилъ на престолъ послѣ мрачнаго и тягостнаго періода предшествовавшаго царствованія, окруженный молодыми и свѣжими дѣятелями, и Державинъ очутился между ними старымъ, отсталымъ, неподатливымъ на ту ломку и тѣ реформы, которыя готовило новое царствованіе.

А. М. Грибовскій.

Записки Храповицкаго и Грибовскаго.

Въ историческомъ отношеніи и притомъ съ чисто-фактической стороны важны „записки", составленныя двумя личными секретарями Екатерины, *А. В. Храповицкимъ* и *А. М. Грибовскимъ*. Они оба были поставлены въ такія условія, при которыхъ, въ значительной степени, могли быть свидѣтелями и наблюдателями всего, что происходило въ непосредственной близости къ государынѣ, въ ея домашней обстановкѣ. Оба наблюдали и записывали; но спѣшно, урывками, съ опасеніемъ того, что ихъ наблюденія будутъ замѣчены и навлекутъ на нихъ непріятную отвѣтственность, лишатъ ихъ милостей государыни — и этотъ характеръ поспѣшности, мимолетности придалъ любопытнымъ запискамъ обоихъ секретарей характеръ дневниковъ, очень сухихъ и скучныхъ съ перваго взгляда, въ которыхъ все только намѣчено, только вскользь, полунамекомъ упомянуто, только занесено въ видѣ слуха—и все драгоцѣнно для историка. *Александръ Васильевичъ Храповицкій* (род. 1749 г., ум. 1801 г.) былъ секретаремъ Екатерины въ періодъ 1782 — 1793 г. и, какъ человѣкъ талантливый и живой, пользовался особеннымъ вниманіемъ императрицы—даже редактировалъ ея переписку и ея сочиненія. Онъ и самъ занимался литературой и поддерживалъ оживленныя сношенія съ современными писателями. *Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій* (род. 1766 г., ум. 1833 г.) занималъ при Екатеринѣ болѣе офиціальное положеніе: былъ ея секретаремъ менѣе продолжительное время и никогда не пользовался ея довѣріемъ въ такой степени, какъ Храповицкій, почему и записки его гораздо менѣе любопытны и важны, чѣмъ дневникъ Храповицкаго.

Записки Порошина.

Весьма привлекательною представляется намъ личность еще одного придворнаго мемуариста той же эпохи—*Семена Андреевича Порошина* (род. 1741 г., ум. 1769 г.). Окончивъ курсъ ученія въ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, Порошинъ былъ назначенъ воспитателемъ къ великому князю Павлу Петровичу и преподавалъ ему математику. Живой и молодой воспитатель — человѣкъ вполнѣ русскій и горячо преданный отечеству—задался мыслію, что ему слѣдуетъ развить ту же преданность къ отечеству и въ своемъ воспитанникѣ. Отчасти изъ желанія отмѣчать все любопытное, что ему приходилось видѣть, отчасти изъ желанія самого себя провѣрять, Порошинъ велъ каждодневную запись всему, что видѣлъ и слышалъ при Дворѣ. Эти, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ писанныя „Записки" Порошина полны любопытнѣйшихъ данныхъ, какъ для характеристики его юнаго воспитанника—цесаревича, такъ и для опредѣленія въ высшей степени добросовѣстнаго отношенія Порошина къ тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ почиталъ задачею всей своей жизни. Особенно интересны тѣ мѣста „Записокъ" Порошина, въ которыхъ онъ разсказываетъ, какъ

ему иногда приходилось отстаивать передъ великимъ княземъ честь и достоинство прославленныхъ своими трудами общественныхъ дѣятелей, русскихъ литераторовъ и ученыхъ. Въ этомъ отношеніи весьма характернымъ является слѣдующій отрывокъ изъ „Записокъ“ Порошина, гдѣ онъ разсказываетъ объ одномъ изъ отзывовъ великаго князя Павла Петровича, касающихся Ломоносова [1]). „Пришло мнѣ не знаю какъ-то въ голову, — разсказываетъ Порошинъ, — изъ Ломоносова похвальнаго слова государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, то мѣсто, гдѣ написано: „Ты едина истинная наслѣдница, ты дщерь моего просвѣтителя“ (слова сіи говоритъ прибѣгнувшая Россія къ государынѣ). И какъ я это выговорилъ, то его высочество, смѣючись, изволилъ сказать: „это, конечно ужъ, изъ сочиненія дурака Ломоносова?“ Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однакоже, я говорилъ ему на то: „желательно, милостивый государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, неприлично такимъ образомъ о такомъ россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ. Вы—великій князь россійскій; надобно вамъ быть и покровителемъ музъ россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся россіянъ будетъ одобреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается?“ Само-собою разумѣется, что подобная искренность и прямота не могла нравиться въ придворныхъ сферахъ, и очень скоро пріобрѣла Порошину много враговъ. Подозрительность, съ которою Екатерина относилась вообще ко всѣмъ лицамъ, близко стоявшимъ къ цесаревичу, была возбуждена еще болѣе, когда она узнала, что его молодой воспитатель ведетъ какія-то „Записки“. Послѣ двухлѣтняго пребыванія при Дворѣ (1764—1765 гг.), онъ былъ удаленъ безъ объясненія причинъ, переведенъ въ военную службу, и умеръ во время первой Турецкой войны.

Инымъ характеромъ отличаются „Записки“ *Ивана Владиміровича Лопухина* (род. 1756 г., ум. 1816 г.), друга и постояннаго сотрудника Новикова и одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Дружескаго Общества, для процвѣтанія котораго Лопухинъ не щадилъ никакихъ матеріальныхъ пожертвованій. Записки Лопухина.

Вступивъ въ жизнь почти самоучкой и при самыхъ ограниченныхъ знаніяхъ [2]), Лопухинъ употребилъ многіе годы на осно-

[1]) Противъ Ломоносова великій князь Павелъ Петровичъ былъ предубѣжденъ лицами, принадлежавшими, въ царствованіе Елисаветы, къ той партіи, которая держала сторону такъ-называемаго «молодого» Двора, т. е. наслѣдника цесаревича Петра Θеодоровича и Екатерины.

[2]) Онъ самъ говорилъ о себѣ въ своихъ «Запискахъ»: «русской грамотѣ училъ меня домашній слуга...»

вательное самообразованіе и, при высокихъ качествахъ своей души, сумѣлъ воспитать въ себѣ въ высшей степени гуманнаго человѣка и гражданина. Подобно многимъ другимъ своимъ современникамъ, онъ въ юности увлекался идеями энциклопедистовъ и ихъ ученіемъ, но, подъ вліяніемъ различныхъ условій, перешелъ отъ этого матеріальнаго направленія къ отвлеченно-мистическому, сошелся съ Новиковымъ и масонами, и самъ обратился въ ревностнаго масона по убѣжденію. Ему захотѣлось доказать это на дѣлѣ, и онъ прекрасно воспользовался тѣмъ поприщемъ, которое ему открылось въ масонствѣ. Дѣла благотворительности, служеніе правдѣ и цѣлямъ человѣколюбія — вотъ чему посвятилъ себя Лопухинъ въ теченіе всей остальной своей жизни и не измѣнялъ этому назначенію своему ни въ какихъ общественныхъ положеніяхъ [1]). „Записки“ Лопухина въ высшей степени важны для ознакомленія съ исторіею развитія у насъ масонства, въ той первоначальной формѣ, которую оно приняло на русской почвѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, и онъ самъ является идеальнымъ олицетвореніемъ того высоко-нравственнаго типа, который русскіе масоны стремились провести въ жизнь, пренебрегая всѣми угнетеніями и преслѣдованіями, какимъ ихъ подвергали. О масонахъ, членахъ Новиковскаго кружка, самъ Лопухинъ съ величайшимъ уваженіемъ говоритъ, что „они упражнялись въ позна-

С. А. Порошинъ.

[1]) Въ 1782 г. онъ былъ совѣтникомъ Московской уголовной палаты, а потомъ ея предсѣдателемъ; въ 1785 г. былъ преданъ суду, какъ сотрудникъ Новикова, но избѣжалъ ссылки смѣлою прямотою объясненій дѣятельности Дружескаго Общества. Въ царствованіе Павла I и Александра I былъ статсъ-секретаремъ и сенаторомъ, причемъ былъ неоднократно посылаемъ для ревизованія губерній.

нія самого себя, творенія и Творца, по правиламъ, содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, — по правиламъ науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ". Въ масонствѣ Лопухинъ игралъ видную, выдающуюся роль, какъ великій мастеръ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ и какъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій, которыя почитались краеугольнымъ камнемъ масонства [1]).

И. В. Лопухинъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, русская словесность XVIII вѣка обладаетъ еще одними, поистинѣ драгоцѣнными мемуарами, которыми мы, русскіе, можемъ гордиться, какъ памятникомъ рѣдкимъ, почти единственнымъ въ своемъ родѣ. Этотъ памятникъ— „*Записки*" *Андрея Тимоѳеевича Болотова* (род. 1738 г., ум. 1833 г.) Въ этихъ „Запискахъ" съ изумительною полнотою и подробностью, въ цѣльной и связной картинѣ, передъ нами проходитъ вся русская жизнь прошлаго вѣка, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ и притомъ въ разсказѣ человѣка умнаго, живого, образованнаго, много видѣвшаго и много знающаго, который прожилъ свою жизнь не даромъ. Не излишнимъ считаемъ сообщить здѣсь нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Записки Болотова.

А. Т. Болотовъ родился въ Тульской губерніи, въ родовомъ сельцѣ Дворяниновѣ (Алексинскаго уѣзда). Родители были мѣстные дворяне и притомъ изъ очень небогатыхъ. Оставшись сиротою на 14-мъ году, Болотовъ, записанный съ десяти лѣтъ на службу каптенармусомъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ, вступаетъ на службу и уже начинаетъ пролагать себѣ дорогу вполнѣ самостоятельно. Девятнадцатилѣтнимъ юношей-офицеромъ онъ принимаетъ участіе въ кровавыхъ битвахъ семилѣтней войны, служитъ въъ канцеляріи русскаго губернатора, управляю-

[1]) «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ новыхъ правилъ, сочиненное Россіяниномъ» М. 1780 и 1787 гг.—«Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ», «Духовный рыцарь или ищущій премудрости» М. 1791 г. — «Нѣкоторыя черты о внутреннемъ уставѣ, о единомъ пути истины и разныхъ путяхъ заблужденія и гибели» 1798 г.

Жизнь
и
приключенія
Андрея
БОЛОТОВА
описанныя
самимъ имъ
для своихъ
потомковъ
часть
XVI.

ПИСЬМО 161

Двѣ странички изъ «Записокъ» Болотова.
Автографъ Андрея Тимоѳеевича. Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

щаго восточными провинціями Пруссіи; но, не чувствуя ни малѣйшаго влеченія къ военной службѣ, онъ одинъ изъ первыхъ спѣшитъ воспользоваться грамотою о вольности дворянства (18 февр. 1862 г.). Его влечетъ въ деревню, къ мирнымъ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ, литературою и искусствами, къ которымъ вкусъ развитъ у него съ самой ранней юности. И вотъ онъ покидаетъ довольно видное положеніе на службѣ, какъ разъ наканунѣ извѣстнаго переворота 1763 г., женится и поселяется въ своемъ родовомъ селѣ, и отчасти здѣсь, а отчасти и въ городѣ Богородицкѣ [1]) — проводитъ около 70 лѣтъ, мирно трудясь по хозяйству и посвящая свои досуги литературѣ и наукѣ. Какъ человѣкъ замѣчательно-живой и любознательный, онъ не переставалъ изъ своего „прекраснаго далека“ слѣдить за общимъ ходомъ русской государственной жизни и въ то же время заносилъ въ свои „Записки“ все то, что совершалось вокругъ него въ жизни провинціальной и въ городской средѣ. Поддерживая постоянныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ, усердно сотрудничая въ современныхъ журналахъ (главнымъ образомъ въ Новиковскихъ изданіяхъ), онъ, въ то же время, внимательно, добросовѣстно и умно наблюдалъ все, что происходило кругомъ его, и далъ намъ въ своихъ „Запискахъ“ рядъ такихъ бытовыхъ картинъ и типовъ, которые съ разныхъ сторонъ знакомятъ насъ съ XVIII вѣкомъ,

А. Т. Болотовъ.

Портретъ А. Т. Болотова, имъ самимъ рисованный и приложенный къ «Запискамъ».

---

[1]) Въ Богородицкѣ жилъ онъ въ качествѣ управляющаго имѣніями Бобринскаго.

во всѣхъ подробностяхъ и во всей обстановкѣ его оригинальнаго быта. „Записки“ эти Болотовъ сталъ писать съ 1789 г., слѣдовательно принялся за нихъ уже на 51-мъ году жизни, и съ поразительнымъ терпѣніемъ и постоянствомъ продолжалъ ихъ писать въ теченіе 30 лѣтъ (онъ умеръ на 96 г.). Среднимъ числомъ онъ писалъ въ годъ по небольшому томику въ 400 страничекъ, писанныхъ замѣчательно-мелкимъ и четкимъ почеркомъ, и всего написалъ 29 такихъ томиковъ, которые одинъ изъ издателей Болотова справедливо относитъ къ числу „главнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи русскаго общества въ XVIII столѣтіи“ [1]).

Прекрасная рукопись „Записокъ“, которымъ авторъ придалъ названіе „*Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ*“ — сначала и до конца не только переписана его рукою, но еще имъ же и иллюстрирована отъ руки небольшими виньетками, заставками, заглавными буквами и т. п. Мало того, въ началѣ „Записокъ“ А. Т. Болотовъ приложилъ даже картинку, изображающую его рабочій кабинетъ и его самого за работой.

Въ теченіе этой долгой и дѣятельной жизни, А. Т. Болотовъ входилъ въ сношенія со множествомъ людей, принадлежавшихъ къ различнымъ сословіямъ и слоямъ общества, отъ государственныхъ сановниковъ до русскихъ купцовъ, сельскихъ поповъ и крестьянъ. Онъ служилъ и въ военной службѣ, и прекрасно зналъ и понималъ русскаго солдата; знакомъ былъ и съ свѣтской жизнью столицы, и съ бытомъ заскорузлыхъ помѣщиковъ захолустныхъ уголковъ провинціи. И всѣ свои встрѣчи, столкновенія и приключенія онъ передалъ въ живомъ, плавномъ и занимательномъ разсказѣ, главнымъ украшеніемъ котораго является удивительная искренность и простодушіе. Читая „Записки“ Болотова, мы совершенно переносимся въ прошлый вѣкъ и какъ бы бесѣдуемъ съ однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ его представителей. Самый поводъ, побудившій его приняться за „Записки“, рисуетъ намъ въ немъ человѣка просвѣщеннаго и глубоко проникнутаго сознаніемъ важнаго значенія той исторической преемственности, которая связываетъ чередующіяся поколѣнія въ ихъ исторической послѣдовательности. „Не тщеславіе и не иныя какія намѣренія побудили меня написать сію исторію моей жизни“, говоритъ онъ, и самъ сознается, что въ жизни его „нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ, достопамятныхъ и важныхъ происшествій“... Побудило его то, что онъ досадовалъ постоянно на нерадѣніе своихъ предковъ, которые „не оставили по себѣ ни малѣйшихъ письменныхъ извѣстій“ и лишили потомковъ возможности знать,

---

[1]) М. М. Семевскій, въ предисловіи къ III-му изданію «Записокъ» Болотова.

„какъ они жили и что съ ними въ жизни ихъ случалось и происходило“... Не желая и самъ навлечь на себя подобные же укоры въ потомствѣ, А. Т. Болотовъ „разсудилъ употребить нѣкоторые праздные и отъ прочихъ дѣлъ остающіеся часы на описаніе всего того, что случалось съ нимъ въ жизни“...

Важнымъ дополненіемъ, въ смыслѣ бытовомъ, къ той картинѣ нравовъ XVIII в., которую мы находимъ въ „Запискахъ“ Болотова, служитъ „*Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина*, имъ самимъ написанная“. Авторъ этого повѣствованія—сынъ священника, былъ сначала пѣвчимъ, потомъ келейникомъ и секретаремъ Сѣвскихъ архіереевъ, а затѣмъ чиновникомъ въ Бѣлоруссіи, въ эпоху возвращенія этого края подъ власть русскаго правительства. Превосходно и во всѣхъ подробностяхъ знакомый съ бытомъ нашего духовенства, онъ рисуетъ его намъ во всей подробности и притомъ такъ художественно, съ такимъ юморомъ, что ему могли бы позавидовать многіе изъ нашихъ лучшихъ писателей. Записки его обнимаютъ тоже большое пространство времени, почти полвѣка, но онѣ писаны не съ такимъ неослабнымъ рвеніемъ и поразительною точностію, какъ записки Болотова. Добрынинъ раздѣляетъ ихъ на три части: первая обнимаетъ время отъ рожденія автора (въ 1752 г.) до 1777 г.; вторая—заканчивается 1810 годомъ и третья — доведена почти до 1827 года. Но болѣе всего любопытною и важною является именно первая часть, написанная Добрынинымъ въ 1787 году (т. е. въ періодъ полнаго расцвѣта его силъ, энергіи и дарованія) и рисующая намъ живую и полную драгоцѣнныхъ подробностей картину быта русскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ, во всѣхъ слояхъ его, отъ скромнаго причетника до архіерея. Авторъ говоритъ въ своемъ „Предувѣдомленіи“: „намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы писать сущую правду... Писать небылицы или выдумки было бы то же самое, что обманывать самого себя...“ И дѣйствительно, каждая страница его „Истиннаго повѣствованія“ дышитъ правдивостью и живо передаетъ дѣйствительность, хотя ко многимъ разсказамъ и описаніямъ Добрынина можно смѣло примѣнить извѣстный стихъ Грибоѣдова: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.

Записки Добрынина.

Любопытно то, что эти оба талантливые мемуаристы, равно усердные и добросовѣстные въ своемъ наблюденіи, были почти одинаково долговѣчны и потому самому служатъ какъ бы живымъ звеномъ, связующимъ два вѣка—„вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій“ — тѣни отходящаго въ даль блестящаго и громкаго славою прошлаго, и свѣтъ наступающей новой эры труда и славныхъ подвиговъ въ области мысли и просвѣщенія.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Духовная литература въ связи съ состояніемъ духовнаго образованія въ царствованіе Екатерины. Важнѣйшіе труды въ области духовной литературы, переводные и оригинальные. Участіе духовныхъ писателей въ литературѣ свѣтской. Духовное краснорѣчіе и его важнѣйшіе представители.

Великій Преобразователь Россіи, приступая къ своему историческому подвигу, прекрасно понималъ значеніе Церкви въ Государствѣ и старался найти въ ея высшихъ представителяхъ помощниковъ себѣ и истолкователей своимъ идеямъ, своимъ замысламъ и начинаніямъ. И онъ былъ настолько счастливъ, что дѣйствительно нашелъ себѣ твердую, надежную опору и усерднаго защитника своимъ преобразованіямъ въ одномъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ пастырей своего времени—въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, который до конца дней, до послѣдняго издыханія, не переставалъ служить вѣрную службу и Петру, и его великому дѣлу... Четверть вѣка спустя, Екатерина, вносившая такъ много новаго въ русскую жизнь, глубоко проникнутая уваженіемъ къ своему Великому Предшественнику, пыталась также привлечь на свою сторону образованнѣйшую часть духовенства и ревностно заботилась о томъ, чтобы всѣ ея начинанія могли найти себѣ сочувственные отзывы и отголоски съ церковной каѳедры. И ея царствованіе также было украшено цѣлымъ рядомъ умныхъ, просвѣщенныхъ и талантливыхъ пастырей Церкви и проповѣдниковъ, которые трудами и проповѣдями своими умѣли пріобрѣсти себѣ всеобщее уваженіе не только въ Россіи, но и во всей Европѣ.

Уровень образованія духовенства. Общій уровень образованія духовенства значительно повысился въ Екатерининское время не только путемъ расширенія курса въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но и тѣмъ, что многіе изъ преподавателей въ духовныхъ академіяхъ получили возможность побывать за границей и въ тамошнихъ университетахъ приготовились къ экзамену на ученую степень. Притомъ, къ чести высшихъ представителей духовенства надо сказать, что они, не сочувствуя новѣйшимъ философскимъ теоріямъ энциклопедистовъ и вооружаясь всѣми силами противъ атеизма, который распространялся въ высшихъ слояхъ русскаго общества, въ то же время, относились чрезвычайно благодушно ко всѣмъ тѣмъ нововведеніямъ и правительственнымъ мѣропріятіямъ, которыя должны были послужить на пользу обществу и на благо народу. Во всѣхъ лучшихъ начинаніяхъ Екатерины лучшіе представители духовенства ея времени шли съ нею рука объ руку и, не изъ желанія ей льстить или угождать, а изъ совершенно искренняго сочувствія къ ея дѣйствіямъ, брали на себя роль истолко-

вателей ея державной воли и ея благихъ намѣреній. Зная это и высоко цѣня такое расположеніе духовенства, Екатерина обращалась къ его помощи во всякихъ затруднительныхъ случахъ и нерѣдко передавала на разсмотрѣніе высшимъ его представителямъ важные государственные вопросы, новыя законоположенія и уставы. Отмѣтимъ еще одну важную и новую черту времени: ученые представители духовенства въ Екатерининское время весьма охотно являются дѣятельными членами свѣтскихъ ученыхъ обществъ и посвящаютъ свои труды не только вопросамъ духовнымъ и нравственно-религіознымъ, но и другимъ — литературнымъ и общественнымъ. Однимъ словомъ, мы смѣло можемъ сказать, что духовенство Екатерининскаго времени идетъ во всемъ наравнѣ съ вѣкомъ, вполнѣ сочувствуя просвѣтительнымъ и либеральнымъ стремленіямъ государыни, и, въ то же время, не отказывается отъ своего высокаго назначенія руководителей въ вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ.

Посылка семинаристовъ за границу.

Императрицѣ Екатеринѣ было очень хорошо извѣстно, что духовныя училища приносили громадную пользу просвѣщенію Россіи и что въ нихъ воспитались многіе изъ лучшихъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей ея времени; поэтому, уже въ самомъ началѣ царствованія, она высказала желаніе поднять уровень ученія въ духовныхъ школахъ и расширить въ нихъ кругъ преподаваемыхъ наукъ. Съ этою цѣлью, въ 1765 г. она повелѣла Св. Синоду избрать изъ учениковъ семинарій десять человѣкъ наиболѣе способныхъ, для отправленія въ Англію, Германію и Голландію. Тамъ, при Оксфордскомъ, Гёттингенскомъ и Лейденскомъ университетахъ они должны были: „обучаться греческому, еврейскому и французскому языкамъ, моральной философіи, исторіи, наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ“ и слушать лекціи по богословію и проповѣди мѣстныхъ проповѣдниковъ, ходить на диспуты и всякія ученыя собранія. При этихъ молодыхъ людяхъ должны были находиться два инспектора, которымъ поручалось не только слѣдить за ихъ занятіями, но и „остерегать студентовъ отъ всякихъ противныхъ нашей Церкви догматовъ“. Студенты, посланные за границу, занимались тамъ съ замѣчательнымъ усердіемъ, вернулись въ Россію съ большимъ запасомъ свѣдѣній и здѣсь были подвергнуты экзамену изо всѣхъ предметовъ въ особой духовной комиссіи, въ которой членами состояли: *Гавріилъ*, епископъ Тверской, *Иннокентій*—епископъ Псковскій и іеромонахъ *Платонъ* (Левшинъ)—впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Успѣхи и знанія молодыхъ людей, подвергавшихся экзамену въ этой комиссіи, оказались въ такой степени значительными, что комиссія, представляя императрицѣ отчетъ объ испытаніяхъ студентовъ, въ то же время во-

ила съ докладомъ о необходимости учрежденія въ Москвѣ особаго богословскаго факультета. Комиссія ссылалась въ своемъ докладѣ на примѣръ европейскихъ университетовъ, указывала на то, что, при учрежденіи Московскаго университета, богословскій факультетъ не могъ быть открытъ по недостатку въ основательно-подготовленныхъ преподавателяхъ изъ природныхъ русскихъ, а теперь, когда имѣются такъ хорошо подготовленные молодые ученые, которые могутъ занять каѳедры въ будущемъ богословскомъ факультетѣ, всѣ препятствія къ открытію его оказываются устраненными. Комиссія указывала даже мѣсто, въ которомъ, по ея мнѣнію, приличнѣе всего было бы учредить богословскій факультетъ: на Спасскій монастырь въ Москвѣ, гдѣ академія была заведена еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Докладъ комиссіи понравился Екатеринѣ, и она поручила ей подробнѣе разработать этотъ проектъ. Порученіе было исполнено: въ 1777 году императрицѣ, черезъ Св. Синодъ, были поданы уставъ и штаты будущаго богословскаго факультета... Но онъ открытъ не былъ и не осуществился, вѣроятно, по той же причинѣ, по которой и другіе планы открытія высшихъ учебныхъ заведеній не были осуществлены, т. е. по недостатку финансовъ.

Научные труды духовныхъ лицъ.

Проектъ учрежденія богословскаго факультета не былъ приведенъ въ исполненіе, но онъ несомнѣнно свидѣтельствовалъ о томъ, что потребность въ высшемъ богословскомъ образованіи была весьма ощутительна въ высшихъ слояхъ нашего духовенства и что оно нисколько не прочь было послѣдовать въ этомъ отношеніи образцу западно-европейскому. Точно также и въ другихъ отношеніяхъ духовенство не отстранялось ни отъ чего живого и полезнаго, и весьма охотно посвящало свои досуги не только свѣтской наукѣ, но даже и свѣтской литературѣ. Припомнимъ хотя бы ту помощь, которую епископы и другіе представители чернаго и бѣлаго духовенства оказывали постоянно ученымъ учрежденіямъ нашимъ (Академіи Наукъ и ученымъ обществамъ), отвѣчая на ихъ запросы, собирая и доставляя требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія и выполняя различныя ученыя порученія. Затѣмъ укажемъ на весьма видное участіе, которое члены изъ духовнаго сословія принимали постоянно въ занятіяхъ прочихъ ученыхъ обществъ (Вольнаго Россійскаго Собранія, Россійской Академіи и пр.) [1]). Наконецъ упомянемъ и о томъ, что, напримѣръ, нижегородскій архіепископъ *Дамаскинъ* (въ мірѣ Д. С. Рудневъ) занимался изданіемъ въ свѣтъ сочиненій Ломоносова; архіепископъ Амвросій Серебрянниковъ пользовался заслуженною извѣстностію, какъ переводчикъ „Потеряннаго рая“ Мильтона;

[1]) Въ числѣ членовъ Россійской Академіи, при учрежденіи ея, было 19 членовъ изъ духовенства: 2 изъ чернаго и 8 изъ бѣлаго.

архіепископъ Аполлосъ переводилъ стихотворенія иностранныхъ поэтовъ, писалъ аллегорическія повѣсти назидательнаго характера и составлялъ по иностраннымъ источникамъ книги педагогическаго содержанія, подъ заглавіемъ: „*Общій способъ ученія, для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный*"[1]; епископъ Бѣлорусскій, Георгій Конисскій, написалъ „*Исторію Малой Россіи*" и „*Историческое извѣстіе о Бѣлорусской епархіи*" и т. д.[2]).

Еще гораздо значительнѣе было то, что̀ сдѣлано было пастырями Церкви въ области учебныхъ и ученыхъ руководствъ и общихъ сочиненій по богословію. Не приводя здѣсь заглавія книгъ, важныхъ лишь при спеціальномъ изученіи духовной литературы, мы упомянемъ только, что авторами ихъ были такіе выдающіеся по своей учености пастыри, какъ митрополитъ московскій Платонъ и митрополиты петербургскіе: Гавріилъ и Амвросій (Подобѣдовъ); что въ числѣ этого рода сочиненій была книга епископа смоленскаго Пароенія (Сопковскаго) „*О должностяхъ* (т. е. объ обязанностяхъ) *приходскихъ священниковъ*", выдержавшая нѣсколько изданій и переведенная на англійскій языкъ, какъ классическое сочиненіе; были и прекрасныя сочиненія *Св. Тихона Воронежскаго* („*Объ истинномъ христіанствѣ*", „*Сокровище духовное, отъ міра собираемое*" и др.), изъ которыхъ Сνнодъ, въ 1789 году, повелѣлъ составить извлеченіе для всенароднаго чтенія по всѣмъ церквамъ[3]) Имперіи.

Переходя отъ этого общаго обзора учено-литературной дѣятельности духовенства въ вѣкъ Екатерины къ обзору духовнаго краснорѣчія той же эпохи, мы здѣсь должны указать также на весьма значительный успѣхъ въ смыслѣ упрощенія проповѣди и сближенія ея съ жизнью общественною и народною во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Трескучій риторизмъ громкихъ фразъ, запутанныя фигуры, вычурно-славянскія выраженія, сравненія и уподобленія, доведенныя до смѣшныхъ крайностей, преувеличенія неестественныя и напыщенныя — все это отпадаетъ и замѣняется болѣе простымъ языкомъ и стилемъ, и болѣе естественною постановкою вопросовъ въ рѣчи, произносимой съ церковной каѳедры. Знаменитѣйшій изъ проповѣдниковъ Екатерининскаго вѣка, московскій митрополитъ Платонъ, прекрасно оха- Духовное краснорѣчіе.

[1]) Образцомъ при этой работѣ ему служила книга маркиза Карачіоли, переведенная на русскій языкъ О. Полунинымъ (въ 1769 г.) подъ заглавіемъ: «*Истинный менторъ или воспитаніе дворянства*». Аполлосъ расширилъ педагогическую задачу во всей книгѣ.

[2]) Изъ духовныхъ лицъ, занимавшихся около этого времени переводами съ классическихъ и иностранныхъ языковъ, здѣсь сто̀итъ упомянуть: епископа *Моисея Гумилевскаго*, который переводилъ *Одиссею Гомера*; священника *Сидоровскаго* — переводчика сочиненій *Платона, Павсанія* и *Лукіана*; іеромонаха Іакова Блоницкаго, составившаго словари: греко-славянскій и славяно-греко-латинскій.

[3]) Подъ заглавіемъ „*Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ*".

рактеризовалъ это новое направленіе современной проповѣди въ предисловіи къ изданію своихъ проповѣдей, гдѣ онъ говоритъ: „Признаюсь, что о витійственномъ и напыщенномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый, словами играющій и надменный [1]) слогъ, можетъ-быть, для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная Истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ, разсуждая, что слово Божіе подобно есть сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почитать, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренной. Притомъ, церковный проповѣдникъ должен бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ".

Дамаскинъ (Рудневъ).

Но этой „простоты и общедоступности" въ церковной проповѣди не легко было достигнуть, когда образцами проповѣдей служили, попрежнему, значительно уже устарѣвшія произведенія ораторскаго искусства Ѳеофана Прокоповича, Стефана Яворскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго или переведенныя еще при Елисаветѣ поученія Ильи Миніата — греческаго проповѣдника конца XVII вѣка. Въ виду этого, и притомъ въ особенности дорожа живымъ проповѣднымъ словомъ, Екатерина, въ 1772 году, выразила Синоду желаніе, чтобы высшее духовенство озаботилось составленіемъ такого сборника поученій на всѣ воскресные и празднич-

[1]) Надменный—здѣсь въ смыслѣ надутый, неестественный.

ные дни въ теченіе года, изъ котораго священники могли бы прямо почерпать готовый матерьялъ для своихъ проповѣдей. Та же духовная комиссія, которой Екатерина поручала разсмотрѣніе „Наказа“ и рѣшеніе другихъ важныхъ вопросовъ, принялась за составленіе указаннаго сборника съ большою осторожностью, съ глубокимъ пониманіемъ благой цѣли, руководившей Екатериною, и съ весьма положительнымъ знаніемъ всего, что было лучшаго по церковной проповѣди въ современной западно-европейской литературѣ. Въ основу сборника положены были лучшія изъ поученій Іоанна Златоуста, митрополитовъ Платона и Гавріила, архіепископа Гедеона Криновскаго и Иліи Миніата; но въ число 104 поученій, вошедшихъ въ составъ сборника, внесена была нѣкоторая доля и изъ поученій французскихъ и нѣмецкихъ проповѣдниковъ — Массильона, Бурдалу, Моссгейма и Гослера. Въ концѣ сборника приложены образцы поученій на различные частные случаи, которые могли встрѣтиться въ практикѣ проповѣдника: напримѣръ, освященіе храма, различныя требы духовныя, различныя зловредныя для человѣка явленія природы и т. д. Въ заключеніе всего, къ сборнику былъ приложенъ, въ качествѣ догматическаго напоминанія, краткій катихизмъ. Исполнивъ эту трудную задачу, духовная комиссія пошла и далѣе по тому же пути— она составила еще другой сборникъ, подъ заглавіемъ „*Книга краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ Божіихъ*“, предназначенная ею уже не для церковнаго, а для домашняго чтенія, и не въ образецъ, не въ руководство проповѣдникамъ, а въ помощь каждому, кто бы пожелалъ имѣть болѣе ясное представленіе объ обязанностяхъ человѣка, христіанина и гражданина. Издавая въ свѣтъ подобный общедо-

Тихонъ (Соколовъ), епископъ Воронежскій.

ступный сборникъ, Сунодъ исполнялъ одну изъ завѣтныхъ мыслей Великаго Преобразователя Россіи, при немъ оставшуюся безъ исполненія [1]).

Лица, руководившія этими полезными изданіями, сами принадлежали къ числу отличнѣйшихъ проповѣдниковъ Екатерининскаго времени, въ особенности митрополиты: *Гавріилъ*—петербургскій и *Платонъ*—московскій. За ними стоятъ другіе, менѣе ихъ прославленные, но все же весьма талантливые проповѣдники: *Анастасій Братановскій, Георгій Конисскій* и *св. Тихонъ*, епископъ воронежскій.

Митрополитъ Гавріилъ.

Гавріилъ Петровъ (род. 1757 г., ум. 1801 г.) получилъ воспитаніе, подобно множеству другихъ духовныхъ лицъ, въ московской Академіи и, отличенный начальствомъ за свои блестящія способности, прошелъ довольно быстро обычныя духовныя степени до архіепископскаго сана. Онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ представителей Русской Церкви во времена Екатерины, которая это знала и цѣнила, и даже наглядно выказала свое уваженіе къ нему, посвятивъ ему свой переводъ Мармонтелева „Велизарія". Какъ человѣкъ, основательно знакомый съ новѣйшими философскими теоріями, вліявшими въ значительной степени и на перемѣну юридическихъ воззрѣній, митрополитъ Гавріилъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ комиссіи по составленію новаго Уложенія и однимъ изъ наиболѣе справедливыхъ и безпристрастныхъ критиковъ „Наказа". И самый характеръ его проповѣдей постоянно носилъ на себѣ отпечатокъ глубокой учености и пристрастія къ философскимъ выводамъ; эти стороны проповѣди Гавріиловой были уже отмѣчены и современной критикой. Болѣе всего прославился Гавріилъ двумя своими проповѣдями, имѣвшими несомнѣнно историческое значеніе. Первое изъ этихъ словъ сказано было въ день восшествія императрицы Екатерины на престолъ на тэму: *„нѣсть бо власть аще не отъ Бога"* —и Гавріилъ въ этомъ словѣ, съ очень прозрачными намеками на современныя событія, доказывалъ, что Промыслъ Божій вездѣ съ особенною силою и очевидностью проявляется именно въ избраніи владыкъ земныхъ, правящихъ царствомъ. Второе слово, также съ явными намеками на современность, было сказано на текстъ: *„злыхъ злѣ погубитъ и виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ"*. Чуткій ко всѣмъ новымъ общественнымъ

[1]) Объ этомъ заявлено въ предисловіи къ «Книгѣ краткихъ поученій» (М. 1781 г.) и къ этому добавлено, что Сунодъ, уже издавшій сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни, издаетъ теперь новый сборникъ въ дополненіе къ тому, чтобы всѣ православные «и въ прочіе дни поучаемы были», причемъ «посвящаетъ пользѣ общей книгу сію». Въ составъ этой, вполнѣ популярной, книги вошли поученія, заимствованныя только изъ св. Отцовъ Церкви.

вѣяніямъ. Гавріилъ внимательно слѣдилъ за преобладавшими въ обществѣ стремленіями и вожделѣніями и любилъ въ своихъ проповѣдяхъ разрабатывать тѣ именно вопросы, которые въ данную минуту занимали большинство его просвѣщенныхъ современниковъ. Выше мы уже упоминали о томъ дѣятельномъ участіи, которое этотъ почтенный и ученый пастырь принималъ въ трудахъ Россійской Академіи, внося и свою лепту въ общій трудъ всѣхъ ея членовъ надъ составленіемъ академическаго словаря, въ которомъ почти каждый изъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей того вѣка оставилъ свой слѣдъ.

Всѣ современники отдавали митрополиту Гавріилу должную дань уваженія, соразмѣрную его трудамъ и заслугамъ, его знаніямъ и способностямъ; но былъ другой современникъ его въ томъ же славномъ вѣкѣ, который привлекалъ къ себѣ всѣ сердца, передъ которымъ всѣ благоговѣли, котораго слушали съ замираніемъ сердца, съ умиленіемъ и восторгомъ. То былъ проповѣдникъ, одаренный необычайнымъ даромъ краснорѣчія и въ то же время обладавшій изумительно свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ, при большой силѣ воли и замѣчательной самостоятельности характера. Онъ принадлежалъ къ такимъ выдающимся дѣятелямъ вѣка, къ такимъ знаменитостямъ, которыя составляютъ не простое украшеніе извѣстнаго, громкаго своею славою, царствованія, но одну изъ основъ этой славы, неотъемлемую и незыблемую. И дѣйствительно, вѣкъ Екатерины такъ же трудно было бы себѣ представить безъ именъ Державина, Фонвизина и Новикова, какъ и безъ имени знаменитаго проповѣдника и пастыря церкви, московскаго митрополита *Платона*.

Митрополитъ Платонъ.

Платонъ Левшинъ (род. 1737 г., ум. 1812 г.), въ мірѣ Петръ Георгіевичъ, происходилъ изъ подмосковнаго села Чашниковъ, гдѣ его отецъ былъ священникомъ. Воспитаніе свое онъ получилъ, наравнѣ со всѣми духовными дѣятелями того времени, въ московской Духовной Академіи, гдѣ, по вступленіи въ богословскій классъ (1757 г.), былъ уже назначенъ и учителемъ, и катехизаторомъ. Уже и въ это время блестящій юноша, отличавшійся отъ всѣхъ своихъ сверстниковъ умомъ и талантомъ, и страстнымъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію разнообразныхъ научныхъ свѣдѣній, обратилъ на себя вниманіе И. И. Шувалова, который хотѣлъ его отправить за границу вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ профессорской каѳедрѣ: но извѣстный проповѣдникъ того времени, *Гедеонъ Криновскій* (онъ былъ тогда архимандритомъ Троице-Сергіевской лавры), весьма полюбившій замѣчательнаго юношу и постоянно оказывавшій ему покровительство — не допустилъ его до поѣздки за границу и воспрепятствовалъ его переходу на исклю-

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Александръ Шишковъ

Варлаамъ Ясинскій
Митрополитъ Кіевскій

Vôtre tres humble et tres obeiss. serviteur

Michel Prince de Scherbatow

Del'Isle
le 18 septembre 1744

М. Милоновъ

всепокорнѣйшій слуга
Михаила Херасковъ

Автографы подписей: А. С. Шишкова, академика Делиля, Варлаама Ясинскаго, митрополита кіевскаго, М. Милонова, князя М. М. Щербатова и Михаила Хераскова.

ПЛАТОНЪ МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ РОДИЛСЯ 1737 г.

чительно-ученую карьеру. Предугадывая въ юношѣ будущаго проповѣдника, Гедеонъ перевелъ его учителемъ въ лаврскую семинарію, и здѣсь, на 22-мъ году, онъ постригся въ монахи. Будучи возведенъ, нѣсколько времени спустя, въ префекты и ректоры Троицкой семинаріи, а потомъ и въ намѣстники Троице-Сергіевой лавры, юный Платонъ не терялъ здѣсь времени даромъ, и, пользуясь сокровищами богатѣйшей лаврской библіотеки, продолжалъ съ наслажденіемъ трудиться надъ изученіемъ классиковъ и твореній отцовъ Церкви; въ числѣ первыхъ любимымъ его авторомъ былъ Цицеронъ, въ числѣ послѣднихъ—Златоустъ, котораго Платонъ изучалъ со страстью, увлекаясь дивною силою его необычайно ясныхъ и краткихъ въ изложеніи бесѣдъ и поученій. По всѣмъ вѣроятіямъ, именно на изученіи Златоуста и развился его прекрасный природный ораторскій даръ, первымъ опытомъ котораго была привѣтственная рѣчь, обращенная къ императрицѣ Екатеринѣ, во время посѣщенія ею лавры въ 1762 году. Рѣчь молодого проповѣдника очень понравилась государынѣ, къ которой онъ обращался, какъ къ „матери отечества"... Еще болѣе поразила ее своимъ блескомъ вторая рѣчь Платона „*О пользѣ благочестія*", сказанная имъ въ слѣдующемъ 1763 г., по поводу вторичнаго посѣщенія лавры императрицею. Указывая въ этой прекрасной проповѣди на пользу душевную, приносимую благочестіемъ всѣмъ сословіямъ и состояніямъ людей, ораторъ съ особенною силою и яркостью выставилъ пользу благочестія въ положеніи правителей, поставленныхъ во главѣ государства... „Наипаче — восклицалъ онъ, — благочестіе и страхъ Божій превосходную силу и премногую пользу имѣетъ въ многотрудномъ и великомъ государственномъ правленіи, гдѣ надобно сто очей къ усмотрѣнію всякаго дѣла обстоятельствъ, сто ушей къ выслушанію всякой просьбы — гдѣ тысяща неудобоpѣшимыхъ узловъ, тьмы едва преодолѣемыхъ трудностей... Какъ же все сіе рѣшить? Кто всѣ оные труды безъ отягченія снести можетъ, безъ особенной Божіей помощи и ежели Онъ Самъ невидимо не подкрѣпляетъ и не умудряетъ?"... Эта проповѣдь такъ глубоко запала въ душу Екатерины, что она приказала отпечатать ее особымъ оттискомъ и старалась распространять ее между своими приближенными, а Платона пожелала приблизить къ себѣ, чтобы чаще слышать его дивныя рѣчи... Въ виду этого, она назначила Платона наставникомъ по Закону Божію при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, и придворнымъ проповѣдникомъ. Здѣсь, въ непосредственной близости ко Двору, умный и высоко-талантливый проповѣдникъ провелъ десять лѣтъ (съ 1763 по 1773 г.) и сумѣлъ пріобрѣсти такое нравственное вліяніе и значеніе, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ. Это, въ значительной степени,

происходило оттого, что Платонъ, какъ человѣкъ высоко-образованный и одаренный умомъ свѣтлымъ и проницательнымъ, обладалъ необычайнымъ умѣньемъ въ выборѣ темъ для своихъ проповѣдей. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми выдающимися явленіями современной жизни, за всѣми новыми направленіями въ наукѣ и литературѣ, и, касаясь животрепещущихъ вопросовъ общественности, съ большимъ тактомъ и положительностью давалъ на нихъ простѣйшіе отвѣты; если же онъ выступалъ въ своихъ проповѣдяхъ противъ общественныхъ язвъ и пороковъ, то громилъ и каралъ ихъ смѣло, твердо и неуклонно... При этомъ онъ тщательно избѣгалъ панегириковъ и ни въ одной изъ проповѣдей не старался угодить своимъ слушателямъ или польстить ихъ слабостямъ. Современныя свидѣтельства передаютъ намъ то поразительное впечатлѣніе, которое проповѣди Платона производили на всѣхъ. Сама Екатерина, какъ сообщаетъ намъ въ своихъ „Запискахъ" Порошинъ, говаривала о Платонѣ: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобы мы плакали—и мы плачемъ; хочетъ, чтобы мы смѣялись—и мы смѣемся".

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ при Дворѣ, Платонъ выучился французскому языку, ознакомился съ сочиненіями энциклопедистовъ и смѣло вступилъ въ борьбу съ безвѣріемъ, которое дѣлало быстрые успѣхи въ обществѣ Екатерининскаго времени. Особенно памятнымъ среди современниковъ осталось слово, сказанное Платономъ 21 апрѣля 1772 г., въ день рожденія императрицы, на тему: „*о согласіи Церкви и общества, закона Божія и закона гражданскаго—христіанина и гражданина*"... „Церковь и общество—доказываетъ онъ въ этомъ „Словѣ"—столь между собою суть соединены, что одно отъ другого раздѣляется не существомъ, но отношеніемъ. Общество гражданское есть собраніе людей едиными законами и единымъ образомъ правленія соединенное; но то же самое общество — поелику соединено и почтеніемъ единаго образа богопочитанія, и едиными и тѣми же связано священными обрядами — есть Церковь. Гражданинъ есть членъ того общества; но тотъ же гражданинъ—поелику есть вѣрнымъ богопочтенія хранителемъ—есть и именуется христіаниномъ. Одно безъ другого быть не можетъ: не можетъ быть общество, не утвержденное на основаніи богопочтенія; не можетъ быть гражданинъ, чтобъ не былъ вмѣстѣ вѣрнымъ хранителемъ дражайшаго залога благочестія... Не могутъ и общественныя дѣла имѣть своей силы и дѣйствія, не будучи подкрѣпляемы тѣмъ закономъ, который обязываетъ совѣсть и подвергаетъ во всѣхъ дѣлахъ отчетъ дать не человѣку токмо, но и Богу, испытующему сердца"...

Сочиненія Платона.

Особенно сильными и вразумительными являются доводы Платона противъ невѣрія и разныхъ сомнѣній, высказанныхъ

энциклопедистами относительно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ догматовъ и таинствъ. Доводы эти онъ совмѣстилъ въ „*Словѣ въ день Благовѣщенія*“, въ которомъ онъ доказываетъ, что вѣра и должна быть выше нашего пониманія, и должна заключать въ себѣ таинства, недоступныя нашему слабому разумѣнію. Онъ начинаетъ свои разсужденія въ этомъ „Словѣ“ съ обычнаго довода всѣхъ невѣрующихъ: „*Я-де не понимаю.* Подлинно такъ: если бы вѣра ума твоего сосудцемъ была измѣряема — величество ея было бы унижено. Она... составляетъ превосходнѣйшее дѣйствіе самыя премудрости Божія. Почему не только не удивительно, что ты ее совершенно не понимаешь, но еще тѣмъ болѣе она почтенна и священна... *Я-де не понимаю.* Но по крайней мѣрѣ понимаешь, что ни къ чему худому она не руководствуетъ: по крайней мѣрѣ, все вѣры ученіе внушаетъ тебѣ любовь къ Богу, къ ближнему и—хранитъ честность нравовъ. И нынѣ празднуемое воплощеніе Сына Божія есть непостижимо; но, по крайней мѣрѣ, то понятно, что доказываетъ оно любовь Божію къ намъ—что толико снисходитъ Онъ къ человѣческому роду, что толико печется о спасеніи нашемъ“.

Анастасій Братановскій.

Противуполагая новѣйшее и поверхностное образованіе истинному просвѣщенію и воспитанію, и выясненію всѣхъ внутреннихъ душевныхъ качествъ, митрополитъ Платонъ, въ одной изъ своихъ проповѣдей, говоритъ:

„Предки наши, можетъ-быть, не были учены, но были просвѣщенны. Можетъ-быть, не знали они измѣреній земли, теченія звѣздъ, выкладокъ математическихъ и прочаго подобнаго, но знали въ чемъ состоитъ благочестіе, какая есть жизнь богоугодная, что есть добродѣтель и честность и что есть порокъ и постыдность“.

Всѣ подобныя проповѣди Платона противъ безвѣрія и противъ излишнихъ философскихъ умствований въ дѣлѣ вѣры—были до такой степени своевременными и производили на всѣхъ такое сильное впечатлѣніе, что ихъ охотно стали переводить на иностранные языки, и слава Платона, какъ сильнаго, энергичнаго и талантливаго проповѣдника, широко разнеслась по всей Европѣ [1].

Какимъ значеніемъ пользовался Платонъ въ глазахъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, можно было видѣть изъ того, что когда императоръ австрійскій, Іосифъ II, инкогнито пріѣхавшій въ Россію, посѣтилъ Москву, то онъ, прежде всего, добился возможности познакомиться съ митрополитомъ Платономъ и нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ научныхъ и философскихъ вопросахъ. Когда онъ вернулся изъ Москвы въ Петербургъ, Екатерина обратилась къ нему съ вопросомъ: что нашелъ онъ достопримѣчательнаго въ Москвѣ?—„Я тамъ видѣлъ Платона",—отвѣчалъ императоръ.

Гедеонъ Криновскій.

Съ 1782 г. Платонъ безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ удаленіи отъ Двора и забвеніи. Его постоянно независимые взгляды и самостоятельный образъ дѣйствій вызвали охлажденіе къ нему Екатерины и поставили его въ положеніе опальнаго. Но это положеніе нисколько не измѣнило его постояннаго образа дѣйствій, и выше мы уже видѣли, какъ благородно и прекрасно поступилъ онъ съ Новиковымъ, когда ему повелѣно было разсмотрѣть новиковскія изданія и дать о нихъ отзывъ. Послѣдніе годы своей жизни Платонъ посвятилъ труду въ вые-

---

1) «Краткая Богословія», изданная Платономъ еще въ 1765 г., не только по всей Россіи распространилась, какъ отличный учебникъ, но была переведена на языки латинскій, греческій, армянскій, грузинскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій и французскій. Англійскіе богословы внесли даже это руководство почти цѣликомъ въ курсы студентовъ Кэмбриджскаго и Оксфордскаго университетовъ.

шей степени полезному—онъ написалъ: „*Краткую россійскую церковную исторію*" -первый и весьма замѣчательный опытъ изложенія исторіи русской церкви, долгое время служившій руководствомъ по преподаванію этого предмета. Историкъ нашъ С. М. Соловьевъ, -критически разобравшій всѣхъ нашихъ историковъ прошлаго вѣка, отъ Манкіева и до Платона, оцѣниваетъ этотъ трудъ знаменитаго проповѣдника по достоинству, ставя его выше многихъ другихъ и, въ то же время, изумляется необычайной скромности автора. Платонъ скончался 11 ноября 1812 г., въ своемъ любимомъ Спасо-Виѳанскомъ монастырѣ, построенномъ, по его указаніямъ, не вдалекѣ отъ лавры.

Рядомъ съ Платономъ не можетъ быть поставленъ ни одинъ проповѣдникъ его времени; но изъ числа многихъ заслуживаютъ упоминанія трое: *Георгій Конисскій*, *Анастасій Братановскій* и *св. Тихонъ Воронежскій*.

Георгій Конисскій.

Первый изъ нихъ, *Георгій Конисскій* (род. 1717, ум. 1795 г.) происходилъ изъ нѣжинскихъ дворянъ, а воспитаніе получилъ въ Кіевской академіи, которая и наложила на него тотъ особый, своеобразный отпечатокъ, какимъ отличались всѣ наши юго-западные проповѣдники. Среди своихъ современниковъ онъ прославился многими изъ своихъ рѣчей и проповѣдей, которыя теперь кажутся намъ то чрезвычайно напыщенными и натянутыми [1]), то, напротивъ, проникнутыми притязаніемъ говорить слишкомъ просто, поддѣлываясь подъ народный говоръ и прилаживаясь къ какому-то искусственно-придуманному низкому уровню понятій. Не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что,—будучи съ 1755 г. епископомъ могилевскимъ, а съ 1775 г. архіепископомъ Бѣлорусскимъ,—Георгій Конисскій оказалъ важную историческую услугу Россіи, поднявъ вопросъ о польскихъ диссидентахъ, и въ яркихъ, потрясающихъ чертахъ обнаружилъ, въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, то невыразимо-бѣдственное, приниженное и обезличенное положеніе, въ которомъ находилась несчастная Бѣлоруссія подъ гнетомъ польско-іезуитской пропаганды. Въ этомъ смыслѣ знаменитымъ является его „*Слово въ день рожденія Императрицы*", въ которомъ онъ рисуетъ яркими красками всѣ притѣсненія, какія приходилось православнымъ въ Бѣлоруссіи терпѣть отъ католиковъ.

Другимъ весьма извѣстнымъ въ Екатерининское время ду-

---

[1]) Такою именно представляется намъ знаменитая въ свое время рѣчь Георгія Конисскаго, сказанная въ Мстиславлѣ, по поводу прибытія Екатерины, и начинавшаяся извѣстнымъ возгласомъ: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ»... и т. д. Это сравненіе Екатерины съ солнцемъ напоминаетъ очень старые пріемы кіевской проповѣдницеской школы.

Анастасій Братановскій.

ховнымъ ораторомъ былъ преемникъ Георгія Конисскаго по могилевской каѳедрѣ *Анастасій Романенко-Братановскій* (род. 1761 г., ум. 1806 г.) Онъ былъ уроженецъ г. Полтавы и воспитаніе получилъ въ Переяславской семинаріи. Онъ шелъ обычнымъ путемъ учительства, но обратилъ на себя вниманіе митрополита Гавріила своими проповѣдями, былъ вызванъ въ Петербургъ, и здѣсь, часто проповѣдуя при Дворѣ, очень понравился своимъ проповѣдническимъ искусствомъ и умѣньемъ говорить просто и горячо. Притомъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, наступило время сильнѣйшаго разочарованія въ философіи энциклопедистовъ, ужасы революціи всѣхъ пугали и тревожили, и энергическія порицанія вольнодумства, составлявшія главную основу проповѣдей и рѣчей Анастасія, пришлись какъ нельзя болѣе кстати. Въ 1797 г. Анастасій былъ возведенъ въ санъ епископа Могилевскаго, на мѣсто Георгія Конисскаго, а незадолго до смерти былъ переведенъ въ Астрахань, гдѣ и скончался. Современники особенно восхищались въ его проповѣдяхъ двумя надгробными похвальными словами, которыя были имъ сказаны при погребеніи двухъ знаменитыхъ вельможъ Екатерининскаго времени:—И. И. Бецкаго и И. И. Шувалова.

Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются проповѣди третьяго изъ упомянутыхъ нами проповѣдниковъ—*св. Тихона*, епископа Воронежскаго. Св. Тихонъ (въ мірѣ Тимоѳей Соколовъ) былъ сынъ бѣднаго причетника и происходилъ изъ валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи (род. 1724, ум. 1783 г.). Обычнымъ и долгимъ путемъ иноческаго подвижничества на сороковомъ году возраста онъ возведенъ былъ въ санъ епископа Воронежскаго, и, пріѣхавъ въ свою епархію, изумленъ былъ чрезвычайнымъ множествомъ остатковъ языческой старины въ обычаяхъ, предразсудкахъ и повѣрьяхъ мѣстнаго населенія. Св. Тихонъ — кроткій инокъ и ревнитель чистоты въ вѣрованьяхъ и обрядовой сторонѣ православной Церкви—усердно принялся за искорененіе игрищъ, празднествъ и обычаевъ языческаго характера въ народѣ—училъ, проповѣдывалъ, увѣщевалъ и все вниманіе свое обратилъ на такое устройство Воронежской семинаріи, которое бы давало возможность будущимъ пастырямъ Церкви разумно и твердо искоренять въ паствѣ все, несогласное съ основными воззрѣніями православія. Чрезвычайно простыя проповѣди и поученія св. Тихона, и по общему характеру своему, и по всѣмъ подробностямъ изложенія, нимало не походили на риторически-правильныя, обдуманно и съ извѣстнымъ расчетомъ построенныя ораторскія произведенія; онѣ скорѣе напоминаютъ намъ наивныя и безпритязательныя поученія нашихъ первыхъ проповѣдниковъ XI—XII в., которые обращались къ паствѣ, едва только отвратившейся отъ язычества и

его обрядовъ. Въ проповѣдяхъ св. Тихона слышится намъ голосъ простеца, искренно скорбящаго при видѣ заблужденій порученной его попеченію паствы, къ которой онъ—самъ происходя изъ среды народа—проникнутъ нелицепріятною и вполнѣ искреннею христіанскою любовью.

И этотъ простой, кроткій и смиренный инокъ, на дальней окраинѣ русскаго царства борющійся съ остатками язычества, неуклонно слѣдующій своею скромною стезею пастыря и проповѣдника—этотъ инокъ представляется намъ страннымъ анахронизмомъ среди блестящаго, шумнаго и роскошнаго вѣка Екатерины, гремящаго славою побѣдъ русскаго оружія, гордаго успѣхами ума и просвѣщенія, избалованнаго „бряцаніемъ лиръ“ и громкими хвалебными гимнами Сѣверной Семирамидѣ.

Виньетка Екатерининскаго времени.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Новыя вѣянія въ изученіи языка и новыя эстетическія теоріи въ изученіи словесности. Зачатки сравнительнаго изученія языковъ. Первыя попытки введенія въ литературу памятниковъ народнаго творчества.—Своеобразныя воззрѣнія на значеніе народной поэзіи.—Первые шаги въ области народной литературы. Труды по библіографіи и исторіи словесности.

Литература и наука XVIII столѣтія тѣмъ именно и отличались отъ литературы и науки истекшаго вѣка, что болѣе занимались рѣшеніемъ вопросовъ общихъ, нежели частностями; болѣе вращались въ области идей, нежели въ области фактовъ. Такіе общіе вопросы, рѣшеніемъ которыхъ иногда занимались лучшіе и просвѣщеннѣйшіе умы во всѣхъ странахъ Европы, являлись отчасти слѣдствіемъ той энциклопедической разносторонности образованія, которую вносила въ жизнь современная школа; отчасти же и прямымъ послѣдствіемъ того, что въ основу образованія всюду полагалась философія, которую почитали необходимѣйшею изъ наукъ и въ которой искали „начала всѣхъ началъ". Выше уже видѣли мы, какъ, одно время, во всѣхъ литературахъ преобладала разработка вопросовъ религіозныхъ и религіозно-нравственныхъ, подъ вліяніемъ философскихъ воззрѣній энциклопедистовъ съ одной стороны и мистиковъ—съ другой стороны. Затѣмъ наступила очередь такой же общей разработки вопроса о пользѣ наукъ и просвѣщенія, вызванная парадоксальнымъ разсужденіемъ Руссо на тэму, заданную Дижонской академіей. Точно такъ же, во всѣхъ европейскихъ литературахъ, преобладало, въ теченіе нѣкотораго времени, введенное въ моду тѣмъ же Руссо, идиллическое и ложное воззрѣніе на бытъ дикаго человѣка, какъ на золотой вѣкъ невинности и простоты отношеній, выразившійся въ поэзіи пастушескими идилліями (пасторалями), а въ искусствѣ—модными идеализаціями пастушескаго быта. Отчасти подъ впечатлѣніемъ этой идеализаціи дикаго состоянія, которой въ значительной степени способствовали и сообщаемыя Библіей свѣдѣнія о первобытномъ состояніи человѣчества и бытѣ патріарховъ—въ европейской наукѣ возникъ вопросъ о языкѣ, на которомъ говорили первые представители рода человѣческаго. Этотъ вопросъ—въ сущности своей болѣе занимательный, нежели научный (и научнымъ путемъ неразрѣшимый),—послужилъ, однакоже, одною изъ первыхъ основъ новѣйшаго сравнительнаго языкознанія, науки, въ основу которой и русская наука внесла свою лепту.

Любознательная и чуткая ко всѣмъ новымъ явленіямъ и вѣяніямъ въ области науки и просвѣщенія, Екатерина, еще будучи великой княжной, заинтересовалась этимъ вопросомъ о первобытномъ языкѣ человѣчества, отъ котораго, конечно, былъ уже Труды Екатерины по языку.

только одинъ шагъ до сравненія языковъ между собою и до отысканія между ними, если не внутренняго соотношенія, то хотя бы внѣшняго сходства. Въ 1784 году вниманіе Екатерины было особенно привлечено трудами француза-филолога, Куръ-де-Жабелэна, который пытался доказать, что всѣ языки легко могутъ быть выведены изъ одного общаго корня, и вотъ она „предпріяла по собственному своему начертанію собрать словарь *всѣхъ извѣстныхъ языковъ*". Тогда же она извѣщала одного изъ своихъ постоянныхъ корреспондентовъ, что „составила списокъ отъ 200—300 коренныхъ русскихъ словъ и дала ихъ перевесть на столько языковъ, сколько могла отыскать (число ихъ и теперь уже переходитъ за вторую сотню)". Императрица трудилась надъ этимъ оригинальнымъ словаремъ весьма усердно (каждый день удѣляла ему извѣстное количество времени) и её, видимо, занимала при этомъ мысль, что въ „ея одномъ наипространнѣйшемъ владѣніи... говорятъ болѣе, нежели шестьюдесятью языками, изъ коихъ многіе, наипаче въ Кавказѣ и Сибири, ученымъ понынѣ еще вовсе неизвѣстны". Словарь предполагалось издать въ двухъ отдѣлахъ: первый отдѣлъ долженъ былъ заключать языки европейскіе, азіатскіе и острововъ Южнаго Океана; второй—языки африканскіе и американскіе. Въ помощь себѣ, при редактированіи и изданіи въ свѣтъ собраннаго словарнаго матеріала, Екатерина призвала академика Палласа; и хотя княгиня Дашкова исподтишка и посмѣивалась надъ этой новой затѣей своей державной соперницы по наукѣ, однакоже, словарь, между 1787 и 1789 гг., вышелъ въ свѣтъ [1]) и обратилъ на себя вниманіе европейской науки. Онъ былъ озаглавленъ такъ: „*Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы*". Второе отдѣленіе словаря (въ четырехъ частяхъ, въ С.-Петербургѣ, 1790—1791 г.), надъ которымъ ни Екатерина, ни Палласъ (нѣсколько охлажденные критикой) не захотѣли трудиться, было издано подъ редакціей Янковича-де-Миріево, столь извѣстнаго своими трудами по главному правленію училищъ.

Труды Академіи Россійской. Одновременно съ этимъ любопытнымъ трудомъ, значительно расширившимъ предѣлы области языкознанія, указавшимъ ему новые пути въ будущемъ, шли уже извѣстные намъ труды „*Вольнаго Россійскаго Собранія*", а затѣмъ и „*Россійской Академіи*", также направленные къ изученію законовъ русскаго языка и общаго строя русской рѣчи, прозаической и стихотворной. Отчасти это изученіе было вызвано постоянно возраставшимъ интересомъ къ изученію Россіи и всего русскаго, который составляетъ одну

---

[1]) Вышло въ свѣтъ, собственно говоря, только первое отдѣленіе труда, въ двухъ частяхъ: I ч. въ 1787 и II—въ 1789 г. Заглавіе и предисловіе, подписанное Палласомъ, припечатаны тутъ же и въ латинскомъ переводѣ.

изъ наиболѣе характерныхъ особенностей Екатерининскаго вѣка: но еще болѣе побуждала къ такому ревностному изученію языка быстро возраставшая потребность въ расширеніи литературнаго кругозора и въ улучшеніи литературнаго языка, который, для выраженія новыхъ идей, нуждался не только въ новыхъ словахъ и терминахъ, но и вообще въ улучшеніи всего механизма фразы. Недаромъ Россійская Академія, приступая къ осуществленію своей программы, въ число своихъ задачъ вводила, между прочимъ, и будущіе труды по риторикѣ и пiитикѣ; вводила, ясно сознавая, что теоріи ложно-классическія отживали свой вѣкъ и въ современной литературѣ нарождались новыя потребности, новые вкусы и новыя воззрѣнія на самую сущность творчества и на его выраженіе во внѣшнихъ формахъ. Баттё и Буало уже уступали мѣсто нѣмецкимъ теоретикамъ Мейнерсу и Зульцеру, которые уже не придавали слишкомъ большого значенія классическимъ образцамъ родовъ и видовъ поэзіи и проводили въ жизнь новыя эстетическія воззрѣнія, основанныя на принципѣ: *изящно только то, что нравственно;* вполнѣ художественнымъ можетъ быть признано только такое произведеніе, которое въ одинаковой степени сильно и благотворно дѣйствуетъ и на умъ, и на сердце. Мало того, новая эстетическая теорія, отдавая явное предпочтеніе *сердцу* передъ всѣми остальными сторонами человѣка, утверждала даже, что „главнымъ назначеніемъ изящныхъ искусствъ слѣдуетъ признать именно развитіе въ человѣкѣ такого высокаго нравственнаго чувства, которое бы вселяло въ сердце любовь къ добру и ненависть къ злу“. И наша литература, которая, съ конца 70-хъ годовъ, отчасти подъ вліяніемъ мистицизма, стала уклоняться въ сторону направленія назидательнаго и нравственно-поучительнаго (которое послужило легчайшимъ переходомъ къ сентиментализму) въ значительной степени удовлетворяла идеаламъ новѣйшей эстетической теоріи. И вотъ, именно въ средѣ той интеллигенціи, которая такъ усердно работала въ этомъ новомъ направленіи, и въ журналахъ, и въ научныхъ статьяхъ, и въ обширной переводной литературѣ конца XVIII вѣка, выработался мало-по-малу и новый языкъ, болѣе пригодный для передачи оттѣнковъ мысли и чувства, который многими ставился въ заслугу Карамзину, а въ сущности обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ той средѣ, которая и самого Карамзина воспитала и выдвинула на литературное поприще [1]. При этой незамѣтной, но постоянной и не-

[1]) Академикъ Тихонравовъ держится этого мнѣнія и приводитъ въ подтвержденіе свидѣтельство современника, П. Ѳ. Тимковскаго, который говоритъ: «Стоитъ составить по годамъ раціональный каталогъ всѣхъ изданныхъ Компаніею (Новиковскою-Типографическою) трудовъ, сочиненій, переводовъ, эфемеридъ, чтобы убѣдиться, какое обдуманное движеніе дано литературѣ, слогу и слову. Это настоящая эпоха преобразованія языка, невѣдущими относимая на одно лицо Карамзина».

ослабной работѣ лучшихъ литературныхъ силъ надъ языкомъ литературныхъ произведеній, всѣхъ тружениковъ на поприщѣ россійской словесности продолжали, видимо, занимать и различные вопросы по теоріи словесности, потому что наиболѣе талантливые и наиболѣе образованные изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей посвящаютъ свое время и силы на перенесеніе къ намъ иностранныхъ произведеній по теоріи слога и на самостоятельныя изслѣдованія и труды въ этой области. Такъ, княгиня Дашкова переводитъ „*Опытъ объ эпической поэзіи*" Вольтера: одновременно съ этимъ переводомъ является и другой, также съ французскаго, „*Опытъ о похвальныхъ словахъ*" Томаса: около того же времени Державинъ, въ своемъ литературномъ кружкѣ, приступаетъ къ своему „*Разсужденію о лирической поэзіи или объ одѣ*". Княжнинъ трудится надъ руководствомъ „*Реторики*", а два ученыхъ архіепископа—*Амвросій Серебряковъ* и *Аполлонъ Байбаковъ*—издаютъ въ свѣтъ свои руководства по ораторскому искусству и по піитикѣ.

Элементы народности.

Литературному языку конца XVIII вѣка еще не хватало одного важнаго элемента—живого элемента народности. Недостатокъ въ этомъ элементѣ очень многими уже сознавался и чувствовался; многихъ непріятно поражала искусственность нашего литературнаго языка, въ которомъ было уже очень много словъ, ловко придуманныхъ и буквально переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ, но не было ничего общаго, тѣсно связующаго книжную рѣчь съ тѣмъ разговорнымъ языкомъ, которымъ мы всѣ привыкли выражать свои мысли. Разговоръ—проявленіе жизни и живыхъ отношеній къ окружающимъ—почему-то еще считался низшею формою выраженія мысли въ словѣ, и литературная рѣчь, по современнымъ воззрѣніямъ, не должна была имѣть съ нимъ ничего общаго. Привычка къ употребленію латинской рѣчи въ наукѣ и напыщенной, высокомѣрной, уснащенной церковно-славянскими реченіями въ литературномъ изложеніи—всѣхъ спутывала и сбивала съ настоящаго пути; а надъ безыскусственною рѣчью народною еще тяготѣло названіе *подлой*, т. е. рѣчи *подлыхъ* людей—низшаго, неграмотнаго слоя народнаго, къ которому съ высокомѣріемъ относились болѣе образованные слои общества... Но языкъ народный—языкъ тѣхъ пѣсенъ и сказокъ, которыя каждый русскій человѣкъ слышитъ въ дѣтствѣ и который западаетъ ему невольно въ душу—мало-по-малу, и почти незамѣтно, „какъ ключъ воды живой", пробился изъ-подъ наноснаго слоя славянщины и иноземщины, изъ-подъ тяжкаго гнета „трехъ штилей", и проложилъ себѣ дорогу въ литературу.

Изданія пѣсенъ и сказокъ.

Пѣсни и сказки народныя, впервые, явились въ нашей печатной литературѣ только уже въ началѣ второй половины XVIII вѣка. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти произведенія народ-

наго творчества не собирались, не записывались разными любителями, не вносились бы въ тѣ рукописные сборники, которые и въ XVII, и въ XVIII вѣкахъ составлялись грамотными людьми для собственной забавы и замѣняли любителямъ чтенія печатную книгу въ то время, когда она была еще рѣдкой и дорогой диковинкой. Судя по тѣмъ немногимъ изъ этихъ сборниковъ, которые уцѣлѣли до нашего времени, въ нихъ былъ, вѣроятно, внесенъ большой запасъ пѣсенъ и сказокъ, но имъ все-же не скоро было суждено попасть въ печать, потому что литературный предразсудокъ не придавалъ никакого значенія этимъ произведеніямъ народной фантазіи и считалъ ихъ недостойными печатанія.

Первый смѣльчакъ, рѣшившійся внести народныя пѣсни въ нашу печатную литературу былъ *М. Д. Чулковъ* [1]), уже извѣстный намъ по своей журнальной дѣятельности и, повидимому, большой любитель русской старины и народности. Въ 1770 году онъ началъ, а въ 1774 году окончилъ изданіе сборника въ четырехъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „*Собраніе разныхъ пѣсенъ*". Въ этомъ изданіи, рядомъ съ пѣснями и романсами русскихъ стихотворцевъ, помѣщено много пѣсенъ народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; есть нѣсколько историческихъ пѣсенъ и былинъ—но ихъ немного. Этотъ матеріалъ, повидимому, извлеченъ изъ старинныхъ рукописныхъ сборниковъ и, вѣроятно, подправленъ издателемъ, который, какъ и всѣ его современники, считалъ подобныя подправки вполнѣ законными при изданіи въ свѣтъ произведеній народнаго творчества [2]). Сборникъ Чулкова понравился, и дожилъ вскорѣ до второго изданія. М. Д. Чулковъ.

Въ 1780 году тотъ же издатель началъ издавать „*Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣсти о славныхъ богатыряхъ*", и выпустилъ въ свѣтъ десять частей этого сборника. Сказки, очевидно, сочинены Чулковымъ на основаніи бывшаго въ его рукахъ сборника былинъ, который—по его собственному свидѣтельству—погибъ въ какомъ-то пожарѣ.

Близкій къ Чулкову человѣкъ и, повидимому, такой же, какъ онъ самъ, любитель народной поэзіи, *Михаилъ Поповъ* (ум. 1790 г.), былъ его помощникомъ при изданіи сборниковъ и самъ М. Поповъ.

[1]) *Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ* (ум. 1793 г.), воспитывался въ Московскомъ университетѣ, а затѣмъ служилъ въ Сенатѣ; въ періодъ наибольшаго расцвѣта журналистики, въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, онъ издавалъ журналы: «Парнасскій Щепетильникъ» и «И то и сё». Кромѣ помянутаго сборника пѣсенъ и сборника сказокъ о богатыряхъ, онъ издалъ еще въ 1782 г. «Словарь русскихъ суевѣрій», который затѣмъ вышелъ вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Абевега русскихъ суевѣрій». Всѣ эти изданія Чулкова составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

[2]) Какое значеніе придавалъ Чулковъ этимъ народнымъ пѣснямъ, видно изъ его предисловія къ I т., гдѣ говорится о сборникѣ, что «каждая часть его будетъ состоять изъ пѣсенъ разнаго сложенія, какъ и сіи первыя; въ томъ числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, и словомъ—*всякаго званія*».

кое-что издавалъ въ томъ же родѣ. Въ одномъ изъ составленныхъ имъ сборниковъ, изданномъ послѣ его смерти („*Россійская Эрата или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ*, С.-Петербургъ, 1792), этотъ сотрудникъ Чулкова, по поводу помѣщенныхъ въ сборникѣ народныхъ пѣсенъ, съ полною откровенностью говоритъ: „со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: по учиненіи онымъ изъ преогромныя стаи очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо разногласіе и мѣру въ стихахъ, но и переставлялъ оные въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать черезъ то главнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недоставало. Между тѣмъ, внесены мною и такія пѣсни, которыя оставилъ и совсѣмъ безъ поправки, потому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ они вниманія; ибо древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсенъ".

И въ этомъ наивномъ объясненіи слѣдуетъ видѣть не одинъ только его личный взглядъ, а твердо-установившееся воззрѣніе всѣхъ его современниковъ, которые въ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ видѣли не болѣе, какъ бредни и забавныя выдумки, а языкъ ихъ, въ которомъ мы признаемъ столько своебразной красоты, считали грубымъ и неизбѣжно-подлежащимъ выправкѣ и переработкѣ. Такъ смотрѣли на это дѣло выдающіеся поэты и писатели того времени: Державинъ, создававшій свои оперы на основаніи сюжетовъ, заимствованныхъ изъ былиннаго эпоса; Богдановичъ, передѣлывавшій русскія пословицы, и Екатерина, вносившая народный элементъ въ свои пьесы только ради того, чтобы сдѣлать ихъ забавными... Такъ смотрѣли даже ученые историки, осмысленно и глубоко ознакомившіеся съ документальными источниками исторіи и не придававшіе никакого значенія былинамъ и историческимъ пѣснямъ. Былины объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владиміра—по мнѣнію Болтина—„пѣсни подлыя, безъ всякаго складу и ладу. Подлинно, таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка; но *не народа, а черни*—людей безграмотныхъ и, можетъ-быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормятся, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни, подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ, ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого жъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя *стихами*, а сочинены подобными же авторами; слѣдовательно, вкусовъ и нравовъ народа изображать не могутъ" [1]). Но какъ бы

[1]) Историкъ нашъ С. М. Соловьевъ, какъ на странную непослѣдовательность со стороны Болтина, указываетъ на обвиненіе Леклерка въ томъ, за что надо было бы его благодарить—именно за лестный отзывъ его о нашихъ былинахъ.

то ни было и каковы бы ни были взгляды на достоинство и значеніе произведеній народной поэзіи, нельзя не отмѣтить тотъ фактъ, что со второй половины XVIII вѣка къ нимъ проявляется вкусъ, ими начинаютъ цѣнить, сначала какъ курьезами и диковинками, потомъ и какъ оригинальными проявленіями наивной народной фантазіи; къ нимъ, правда, еще долго относятся нѣсколько свысока, но все же начинаютъ разыскивать ихъ въ рукописи и даже собирать на мѣстѣ изъ устъ народа. Такъ мы знаемъ, что еще въ 60-хъ годахъ, извѣстный благотворитель Московскаго университета, богачъ и чудакъ, *Прокофій Акинфовичъ Демидовъ*, любившій похвастаться русскими чертами своего домашняго быта, приказалъ для себя собрать въ Сибири обширный сборникъ былинъ, впослѣдствіи изданный въ свѣтъ (въ началѣ XIX вѣка). Такъ, въ 1790 году напечатано было въ С.-Петербургѣ весьма замѣчательное „*Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ*". Тутъ находимъ пѣсни протяжныя и скорыя, плясовыя, свадебныя, хороводныя, святочныя и малороссійскія. Въ предисловіи, которое приписывается извѣстному намъ Н. А. Львову, высказывается уже правильное пониманіе значенія народной поэзіи и народной музыки. Въ первой половинѣ царствованія Екатерины, какъ мы уже видѣли выше, народное направленіе проникаетъ и въ литературу, и проявляется не только на публичной, но даже и на Эрмитажной сценѣ въ видѣ народныхъ оперъ, въ родѣ „*Анюты*" Михаила Попова, „*Мельника*" Аблесимова или „*Гостинаго Двора*" Михаила Матинскаго [1]). Современныя свидѣтельства и живучесть этихъ произведеній на сценѣ ясно указываютъ намъ на то, что они нравились публикѣ и пользовались весьма значительнымъ успѣхомъ. Явившись не только на сценѣ, но и въ печати съ полными правами на вниманіе читателя средней руки, народный языкъ незамѣтно сталъ прокладывать себѣ дорогу и въ литературу, по мѣрѣ того, какъ произведенія народной поэзіи болѣе и болѣе привлекали къ себѣ вниманія. Мало-по-малу, эти произведенія стали заноситься, какъ необходимая составная часть и въ книги, разсчитанныя на этого средняго читателя и принадлежавшія къ той области литературы, которую Новиковъ совершенно правильно называлъ „мѣщанскою", а мы въ настоящее время, въ болѣе обширномъ смыслѣ называемъ „народною". Чрезвычайно любопытнымъ въ этомъ смыслѣ явленіемъ представляется намъ учебное руководство по русскому

Первые сборники пѣсенъ

---

[1]) *М. Матинскій* былъ крѣпостнымъ человѣкомъ графа Ягужинскаго: онъ получилъ на средства своего помѣщика основательное образованіе въ Россіи, а потомъ доучивался въ Италіи. Его біографія неизвѣстна; извѣстно только, что онъ много писалъ и переводилъ; сочинялъ комедіи и оперы, и, вѣроятно, былъ человѣкомъ очень даровитымъ, потому что къ своимъ операмъ самъ писалъ и текстъ, и музыку.

Книги Н. Г. Курганова.

языку, которое *Н. Г. Кургановъ* [1]) издаетъ въ 1769 году подъ весьма замысловатымъ общимъ заглавіемъ: „*Россійская универсальная грамматика или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей*". Среди „полезно-забавныхъ" вещей, авторъ этого руководства счелъ пригоднымъ или нужнымъ—внести и нѣсколько народныхъ пѣсенъ. Въ „Универсальной грамматикѣ" народныя русскія пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ „разныхъ стиходѣйствъ" — среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ кантъ и „кіево-калѣкскихъ стиховъ". Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) „Краткія замысловатыя повѣсти" (въ родѣ польскихъ шуточныхъ), 2) „Древнія апоѳегмы" [2]), 3) „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ". Замѣчательно, что и пословицы, и пѣсни въ этомъ изданіи Курганова напечатаны безъ тѣхъ подправокъ и передѣлокъ, которымъ онѣ подвергались въ другихъ сборникахъ (напримѣръ, въ изданіи Богдановича или Михайлы Попова). Впослѣдствіи это изданіе Курганова было значительно расширено въ объемѣ и, подъ именемъ „*Письмовника*", заняло почетное мѣсто въ нашей „мѣщанской" литературѣ. По замѣчанію академика Тихонравова „этимъ книга Курганова обязана, конечно, и тому, что приняла въ свой составъ „апоѳегмы" и забавныя повѣсти, пользовавшіяся большимъ распространеніемъ съ XVII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ, въ нее внесеннымъ".

Академикъ Яковъ Штелинъ.

Такимъ образомъ, языкъ народный и произведенія народной

[1]) *Николай Гавриловичъ Кургановъ* (род. 1726 г., ум. 1796 г.), былъ преподавателемъ математики и навигаціи въ морскомъ корпусѣ: имъ составлены были и руководства по предметамъ его преподаванія.

[2]) Перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 г.

Н. А. Львовъ.

фантазіи, начинали болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе и становиться предметомъ наблюденія и изученія. Въ концѣ столѣтія, въ то время, когда Россійская Академія уже трудилась надъ составленіемъ своего этимологическаго словаря, между учеными

членами ея уже поднятъ былъ вопросъ о внесеніи въ него областныхъ словъ и народныхъ терминовъ изъ области ремеслъ и промысловъ, и рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ.

Въ заключеніе обзора этого, столь плодотворнаго періода исторіи русской словесности, неизлишнимъ почитаемъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, что въ теченіе его было сдѣлано по самой Исторіи Русской Словесности, и въ какой степени она была изучена, какъ самостоятельный предметъ научнаго вѣдѣнія.

Библіографія и Словесность.

Исторіи литературы, въ этомъ смыслѣ, у насъ еще не существовало; личность писателя, въ теченіе долгаго времени, не отдѣлялась отъ его произведенія, и потому исторія книгъ явилась значительно ранѣе какой-бы-то ни было исторіи литературы. Въ началѣ этой исторіи русскихъ книгъ, какъ намъ уже извѣстно, является *Сильвестръ Медвѣдевъ*, составившій „*Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ*“,—тотъ библіографическій списокъ извѣстныхъ ему книгъ, который доставилъ ему лестный титулъ „отца русской библіографіи“. Затѣмъ идутъ любознательные и трудолюбивые нѣмцы, которыхъ труды не принадлежатъ къ русской словесности, какъ написанные по-латыни и по-нѣмецки, но которые нельзя не вспомнить здѣсь съ признательностью. Первымъ изъ этихъ нѣмцевъ былъ академикъ *Іоаннъ-Петръ Коль* (ум. 1778 г.), вызванный въ Россію при самомъ учрежденіи Академіи Наукъ и пробывшій въ Петербургѣ не долѣе двухъ лѣтъ (1725—1727): однакоже, онъ успѣлъ заинтересоваться молодою страною и пробуждающимся народомъ, пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ и русской старинѣ и, по возвращеніи въ Германію, напечаталъ въ 1729 г. „*Введеніе въ исторію и литературу славянъ*“, на латинскомъ языкѣ. Послѣ Коля краткій обзоръ новѣйшей русской литературы былъ составленъ академикомъ *Штелинымъ*, и затѣмъ, за границей, въ одномъ Лейпцигскомъ журналѣ [1]), напечатано было, на нѣмецкомъ языкѣ „*Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ*“ уже извѣстнаго намъ Дмитревскаго. Семидесятые годы прошлаго столѣтія были почему-то особенно благопріятны русской исторіи литературы. Одинъ изъ мало-извѣстныхъ, но весьма ученыхъ и образованныхъ библіографовъ прошлаго вѣка, *Дмитрій Семеновичъ Рудневъ*, въ монашествѣ *Дамаскинъ* [2]) (род. 1735 г., ум.

[1]) Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste, 1778. Затѣмъ, та же статья перепечатана въ Ливорно, 1771 и 1774 гг., на французскомъ языкѣ.

[2]) Д. С. Рудневъ воспитывался въ Московской славяно-латинской академіи и былъ потомъ учителемъ исторіи и греческаго языка въ Крутицкой семинаріи. Въ 60-хъ годахъ нѣсколько молодыхъ людей отправлены были за границу для окончанія образованія и, при нихъ, инспекторомъ, поѣхалъ (по собственному желанію) Рудневъ. Тамъ провелъ онъ шесть лѣтъ въ Геттингенскомъ университетѣ (1776—1782). По возвращеніи въ Россію былъ назначенъ профессоромъ въ Славяно-латинскую академію, а по принятіи монашества—и ректоромъ ея. Впослѣдствіи былъ епископомъ Сѣвскимъ и Нижегородскимъ и однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ Россійской Академіи.

Автографъ Фонвизина. Письмо къ Я. И. Булгакову.

Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

[illegible] не один [illegible] свидание. [illegible] заключить [illegible] [illegible] письмо, что помните ли вы друзей. Будьте вы здоровы и помните нас. Не забудьте [illegible], который вас любит с почтением и преданностью пребывает вашим

[illegible]

[illegible]

Сказать, что [illegible] вашихъ [illegible], не [illegible] отвечать не [illegible] особенно [illegible] письмо: но прошу вас покорно засвидетельствовать ему от нас наше нижайшее почтение, равно [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible].

Действие 2 явление 1

Ванюшка и [illegible] Митка

Иванушка. Ну братъ Митка какъ
бея батюшка [illegible] афна какъ
[illegible]

Митка. Да зачто такъ [illegible]

Ивану. Какъ [illegible] нетакъ Митку
[illegible] афна [illegible]

Митка. [illegible]

Ивану. Да [illegible]
накисель афна [illegible]

Митка. [illegible] ты [illegible]
отъ [illegible] [illegible]
[illegible] однако что [illegible] да
то отвътъ было?

Иванушка. я [illegible]
[illegible]
[illegible]

Митка. [illegible]
[illegible]
[illegible]

Иванушка. [illegible] того
я [illegible] Посмотришка
какая у меня сила ([illegible]
ротъ Митку [illegible]) [illegible]
[illegible] самой папенько|

Митка. [illegible]
[illegible]
([illegible])
Иванушка [illegible]

Автографъ Фонвизина.
Двѣ странички изъ рукописи, представляющей собою одну изъ первыхъ и самыхъ раннихъ редакцій «Недоросля».
Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

[illegible]

Автографъ Фонвизина.

Двѣ странички изъ рукописи, представляющей собою одну изъ первыхъ и самыхъ раннихъ редакцій «Недоросля».

Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

1796 г.), около 1772 года, составилъ обширный трудъ по русской библіографіи, подъ заглавіемъ: „*Библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена*“. Въ трудѣ этомъ заключается обзоръ русскихъ книгъ, начиная отъ изданій Скорины, 1518 г., до 80-хъ годовъ XVIII вѣка. Въ началѣ „Библіотеки“ помѣстилъ авторъ „*Краткое описаніе россійской ученой исторіи*“, въ сущности, очеркъ „*Исторіи просвѣщенія въ Россіи*“, насколько оно выразилось въ рукописной и печатной литературѣ нашей. Трудъ Дамаскина, къ сожалѣнію, остался ненапечатаннымъ и потому не могъ послужить на пользу дальнѣйшимъ изслѣдователямъ въ той же области. Ближайшіе изслѣдователи, почти одновременно съ Дамаскинымъ трудившіеся надъ исторіей, явились, поэтому, ближайшими продолжителями Дмитревскаго.

Въ 1772 году, одновременно, хотя и независимо одинъ отъ другого, выступили на поприще русской исторіи литературы два замѣчательныхъ и весьма полезныхъ дѣятеля: одинъ, основательный ученый, иноземецъ, привязавшійся къ Россіи и ея изученію; другой, коренной русскій дѣятель, страстно преданный дѣлу русскаго просвѣщенія и народнаго образованія. Первый изъ нихъ, *Бакмейстеръ* (1730—1806 г.), предпринялъ въ 1772 году изданіе „*Русской библіотеки для познанія современнаго состоянія литературы въ Россіи*“ [1]; второй, хорошо извѣстный намъ *Николай Ивановичъ Новиковъ*, издалъ въ свѣтъ „*Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ*“, вышедшій почти одновременно съ первымъ выпускомъ „*Русской библіотеки*“ Бакмейстера. Бакмейстеръ и Новиковъ.

Выше мы уже упоминали о книгѣ Новикова, но мелькомъ, въ ряду другихъ его трудовъ: здѣсь же мы должны и о ней поговорить подробнѣе, какъ о первомъ опытѣ послѣдовательнаго и пространнаго обзора русскаго историко-литературнаго матеріала.

Авторъ „Опыта“ уже въ самомъ заглавіи своей книги указываетъ на ея источники: она составлена „по разнымъ печатнымъ книгамъ, по сообщеннымъ извѣстіямъ и по словеснымъ преданіямъ“. Цѣль своей книги Новиковъ весьма скромно и весьма искренно поясняетъ въ предисловіи къ „Опыту“...

„Не тщеславіе получить названіе сочинителя, но желаніе оказать услугу моему отечеству къ сочиненію сей книги меня побудило. Польза, отъ таковыхъ книгъ происходящая, всякому просвѣщенному читателю извѣстна; не можетъ также быть невидимо и то, что всѣ европейскіе народы прилагали стараніе о сохраненіи памяти своихъ писателей, а безъ того погибли бы имена всѣхъ, въ писаніяхъ прославившихся мужей. Одна Россія по сіе время

[1]) Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. 1772—1778 гг. Вышло 11 томовъ.

не имѣла такой книги, и, можетъ-быть, сіе самое было погибелью многихъ нашихъ писателей, о которыхъ никакого нынѣ не имѣется свѣдѣнія..."

Любопытна и самая цифра писателей, совмѣщенныхъ въ Словарѣ Новикова въ азбучномъ порядкѣ: здѣсь сообщены болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія и краткія упоминанія о 317 русскихъ писателяхъ. Особенно подробны статьи, посвященныя жизни и сочиненіямъ Ѳеофана Прокоповича, Волкова (перваго русскаго актера), Ломоносова, Кантемира, архіепископа Амвросія (убитаго въ Москвѣ въ 1771 году, во время чумы) и Тредіаковскаго. Академикъ Сухомлиновъ, въ отдѣльной и прекрасной статьѣ представившій разборъ „Словаря" Новикова съ различныхъ сторонъ, даетъ о немъ слѣдующій, вполнѣ безпристрастный отзывъ.

„Разсматривая словарь Новикова, помимо всѣхъ увлеченій современной ему литературной непріязни, легко замѣтить его недостатки. Въ немъ есть значительные пробѣлы, неизбѣжные, впрочемъ, для всякаго перваго опыта; о нѣкоторыхъ писателяхъ говорится въ самыхъ общихъ чертахъ и не называются ихъ сочиненія; въ иныхъ показаніяхъ, какъ о жизни, такъ и о сочиненіяхъ авторовъ, недостаетъ точности и необходимыхъ хронологическихъ данныхъ. Въ словарѣ не упоминается иногда и о такихъ авторахъ, сочиненія которыхъ выдержали нѣсколько изданій [1]); случается, что и самое имя автора передано невѣрно [2])... Но все это предвидѣлъ и сознавалъ самъ авторъ, назвавъ свой трудъ не болѣе какъ „*опытомъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ*". А не слѣдуетъ забывать, что въ то время „труды собирателя даже печатныхъ матеріаловъ усложнялись плохимъ состояніемъ книжной торговли. Не было не только каталоговъ, но и книжныхъ лавокъ: книги продавались или при типографіяхъ, въ которыхъ печатались, или у переплетчиковъ"... [3]) Вотъ почему, несмотря на все указанное выше, „современные намъ критики и библіографы признаютъ историческій словарь Новикова замѣчательнѣйшимъ явленіемъ при тогдашнемъ недостаткѣ матеріаловъ для разработки, и видятъ въ этомъ трудѣ неоспоримое доказательство того, какъ усердно занимался Новиковъ изученіемъ русской литературы".

Академикъ Сухомлиновъ указываетъ далѣе и на тѣ источники, которыми Новиковъ пользовался—печатныя и письменныя, и живыя изустныя свидѣтельства современниковъ. Изъ печатныхъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, опущенъ Волчковъ, извѣстный своими переводами, изъ которыхъ нѣкоторые выдерживали по два и по три изданія.

[2]) Такъ, напр., Софроній *Лихудъ* названъ Софроніемъ Лухутьевымъ.

[3]) О самомъ «Словарѣ» Новикова, по выходѣ его въ свѣтъ, было объявлено, что онъ продается у переплетчика Миллера.

онъ пользовался всѣмъ, что тогда наша ученая литература представляла лучшаго; напр., періодическими изданіями Академіи Наукъ, „Русскою историческою библіотекою", исторіею Щербатова и т. п. Но бо́льшую часть свѣдѣній приходилось почерпать изъ „словесныхъ преданій" и „сообщеній", какъ изъ первоисточника. Такъ довольно подробное жизнеописаніе Эмина составлено по изустному разсказу самого Эмина. Многія критическія замѣчанія о русскихъ писателяхъ и преимущественно о стихотворцахъ сообщены Новикову Сумароковымъ; большая часть статей объ историкахъ—Г. Ф. Миллеромъ, а о духовныхъ писателяхъ—Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, трудившимся (по словамъ Новикова) „въ разбираніи достопамятностей по россійской исторіи, подъ смотрѣніемъ Миллера". Вся статья объ архіепископѣ Амвросіи заимствована цѣликомъ изъ воспоминаній Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, который былъ племянникомъ архіепископа и невольнымъ свидѣтелемъ его гибели отъ руки убійцъ. Наконецъ, несомнѣннымъ и весьма немаловажнымъ источникомъ „Словаря" послужила и вышеупомянутая нами статья Дмитревскаго о русскихъ писателяхъ, помѣщенная въ Лейпцигскомъ журналѣ. О ней Новиковъ прямо говоритъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ составленію своего труда.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій.

„Въ 1766 году, нѣкто—россійскій путешественникъ—сообщилъ въ Лейпцигскій журналъ извѣстіе о нѣкоторыхъ россійскихъ писателяхъ, которое въ ономъ журналѣ на нѣмецкомъ языкѣ напечатано и принято съ великимъ удовольствіемъ. Но сіе

извѣстіе весьма кратко, а притомъ индѣ не весьма справедливо, а въ другихъ мѣстахъ пристрастно написано. *Сіе самое было мнѣ главнымъ поощреніемъ къ составленію сія книги.* Не въ порицаніе неизвѣстному писателю, сообщившему въ Лейпцигскій журналъ описаніе нашихъ авторовъ, упомянулъ я здѣсь о его извѣстіи, но только для того, чтобы показать сколь трудно въ первый разъ издавать такого рода сочиненія".

Эту трудность Новиковъ испыталъ на себѣ самомъ, но не побоялся ея и преодолѣлъ по мѣрѣ силъ и возможности, почерпая свѣдѣнія отовсюду, пользуясь всѣми, доступными въ то время матеріалами. Онъ и достигъ вполнѣ своей скромной цѣли: сохранилъ отъ забвенія многія имена русскихъ писателей, и несмотря на всѣ недостатки, недосмотры и неточности своего „Опыта" (надъ которыми такъ злобно и желчно трунили черезчуръ кичливые авторы, недовольные его отзывами о себѣ), добился того, что свѣдѣнія о многихъ труженикахъ пера, сообщаемыя имъ, явились въ своемъ родѣ единственными, и цѣликомъ перешли въ подобные же труды послѣдующаго поколѣнія ученыхъ изслѣдователей исторіи русской литературы.

Медаль въ память П. А. Демидова.

второму Соседу
1796 г.

Не пышность резныхъ Холмогоръ,
Не мраморъ Тивдіи и рфея,
не Невскія зеркала, фарфоръ
не шелкъ бахр и глазурова
не благовонныхъ паръ
всѣхъ что ни д... извѣстность,
но нѣги твердый духъ и честность,
а паче музъ дары.

Почто же мой вторый Соседъ
огромнымъ зданіемъ пышнымъ, что отличаясь
мнѣ солнца застилая свѣтъ
дворомъ безграничныхъ
отъ того дома заборъ?
имѣвъ поля, пруды и рѣки
тьмы къ плѣннымъ тобой истеченъ
твой не насытитъ взоръ?

Въ томъ мнѣ, какъ съ почвы до конька
и около прозрачнымъ взглядомъ
мнѣ сторонніе свѣчка
съ твоимъ обозрѣвая рядомъ,
ты въ гордости своей съ высотъ
на изумленны мои лишь провы
навесятъ тѣнистый садъ кедровый
и шумныхъ токи водъ,

Кто вѣсть, что рокъ готовитъ намъ?
быть можетъ, что сіи чертоги,
назначенные тобой царямъ,
свистки времени и строги
встанутъ [illegible] обратятъ?
За счастіе руки цвѣту;
и чтобъ твой гербъ, сіяющъ всему свѣту,
не бился о закладъ.

Автографъ Державина. Рукописный оригиналъ стихотворенія «Второму Сосѣду» (1796 г.). Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

О способахъ сочиненій

прозы

Риторика, логика и грамматика суть три необходимыя знанія [illegible] писателя, [illegible] на всегда неразлучными. Логика есть искуство порядочно хорошо мыслить, грамматика правильно говорить, риторика говорить праворѣчиво. Хорошо мыслить, значитъ располагать свои мысли съ точностію и ясностію, выводить свои заключенія справедливо и осторожно и разсуждать [illegible] связно и чисто.

Правильно говорить значитъ употреблять принятыя слова и словосложенія или словорасположеніе у законныхъ по правиламъ языка, то есть убѣгать барбаризмовъ въ словахъ и соллецизмовъ въ фразахъ. Говорить праворѣчиво значитъ заставлять себя слушать, и убѣждать слушателей или читателей. Сіи три средства суть общія всѣмъ родамъ сочиненій въ наукахъ и литературѣ и въ разсказахъ [illegible]

[illegible]

Автографъ Державина. Рукописный оригиналъ прозы. Хранится въ томъ же отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

НЕДОРОСЛЬ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Лица.

Простаковъ. - - Г. *Золинъ.*

Гж. Простакова, жена ево. Гж. *Михайлова.*

Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль. Г. *Черниковъ.*

Еремѣевна, мама Митрофанова. Г. *Шумскій.*

Правдинъ. - Г. *Плавильщиковъ.*

Стародумъ. - Г. *Дмитревскій.*

Софья, племянница Стародума. Гж. *Зорина.*

Милонъ. - - Г. *Марковъ.*

Г. Скотининъ, братъ Гж: Простаковой. Г. *Соколовъ.*

Кутейкинъ, семинаристъ. Г. *Петровъ.*

Цыфиркинъ, отставной сержантъ. Г. *Сусловъ.*

Вральманъ, учитель. Г. *Заводинъ.*

Тришка, портной. Г. *Замировъ.*

Слуга Простакова.

Камердинеръ Стародума.

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

Представлена въ первый разъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Сентября 24 дня 1782.

Снимокъ съ оригинальной афиши «Недоросль» Фонвизина, напечатанной для перваго представленія.

